

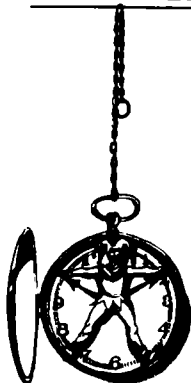
ГРИГОРИЙ ГОРИН

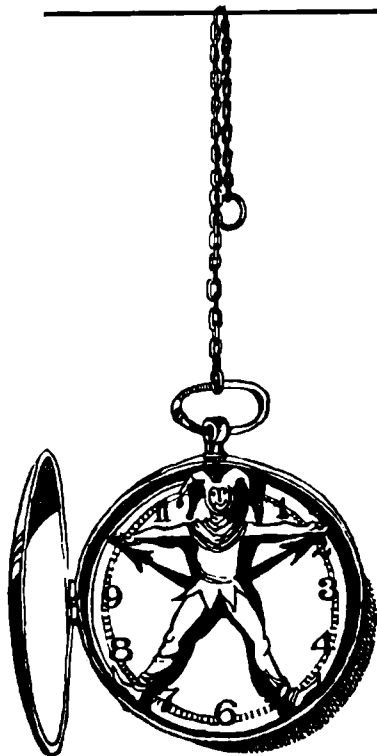
ПРИГОРОДИ
ГОРИН

*Калитская
фантазия*

ГРИГОРИЙ ГОРИН

Калигеская фантазия

ПЬЕСЫ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

ББК 84.Р7
Г 69

Художник Елена МУХАНОВА

Г $\frac{4702010200-212}{083(02)-86}$ 253-86

©Издательство «Советский писатель», 1986 г.

“ ...Забить
ГЕРОСТРАТА! ”

Трагикомедия в двух частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Человек театра.
Тиссаферн — повелитель Эфеса,
сатрап персидского царя.
Клементина — его жена.
Клеон — архонт-басилей Эфеса.
Герострат.
Крисипи — ростовщик.
Эрита — жрица храма Артемиды.
Тюремщик.
Первый горожанин.
Второй горожанин.
Третий горожанин.

Место действия — город Эфес.
Время действия — 356 год до нашей эры.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вначале — шум, крики, стоны, грохот падающих камней, а затем сразу наступает тишина. Зловещая тишина. Всего несколько секунд тишины, которые пугают людей, чтобы понять случившееся и предаться слезам и отчаянию...

На авансцене — Человек театра.

Человек театра. В четвертом веке до нашей эры в греческом городе Эфесе сожжен храм Артемиды. Сто двадцать лет строили его мастера. По преданию, сама богиня помогала зодчим. Храм был так великолепен, что его внесли в число семи чудес света. Толпы людей со всего мира стекались к его подножию, чтобы поклониться богине и поражаться величию дел человеческих. Храм простоял сто лет. Он мог бы простоять тысячелетия, а простоял всего сто лет. В роковую ночь триста пятьдесят шестого года житель Эфеса, базарный торговец по имени Герострат, сжег храм Артемиды.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Человек театра зажигает тусклый бронзовый светильник. Высвечивается тюремная камера.

Человек театра. Тюрьма города Эфеса. Каменный мешок. Мрачный подвал. Древние греки умели воздвигать прекрасные дворцы и храмы, но не тюрьмы. Тюрьмы во все времена строились примитивно... *(Ищет, куда бы сесть; не найдя, отходит к краю сцены.)*

За кулисами слышатся какая-то возня и брань. Открывается дверь; здоровенный Тюремщик втаскивает в камеру Герострата. У Герострата довольно погреланный вид: хитон разорван, на лице и руках — ссадины. Втащив Герострата в камеру, Тюремщик неожиданно дает ему сильную оплеуху, отчего тот летит на пол.

Герострат. Не смей бить меня!

Тюремщик. Молчи, мерзавец! Прибью! Зачем только воины отняли тебя у толпы?! Там, на площади, могли сразу и прикончить! Так нет, надо соблюдать закон, тащить в тюрьму, марать руки... Тьфу!

Герострат (*поднимаясь с пола*). И все-таки ты не имеешь права бить меня. Я — не раб, я — человек!

Тюремщик. Заткнись! Какой ты человек? Взбесившийся пес! Сжег храм! Это что же?! Как можно на такое решиться? Ну ничего... Завтра утром тебя привяжут ногами к колеснице и твоя башка запрыгает по камням. Уж я-то полюбуюсь этим зрелищем, будь уверен.

Герострат. Лайся, лайся, тюремщик. Сегодня я слышал слова и покрепче. (*Сонет.*) Ой, мое плечо! Они чуть не сломали мне руку... Ох, как болит. Дай воды!

Тюремщик. Еще чего!

Герострат. Дай воды. У меня пересохло в горле, и надо обмыть раны, иначе они начнут гноиться.

Тюремщик. Э-э, парень, ты и вправду безумец! Тебя завтра казнят, а ты волнуешься, чтоб не гноились раны...

Герострат (*кричит*). Дай воды! Ты обязан принести воду!

Тюремщик (*подходит к Герострату и вновь дает ему оплеуху*). Вот тебе вода, вино и все остальное! (*Собирается уходить.*)

Герострат. Пстой, у меня к тебе есть дело.

Тюремщик. Не желаю иметь с тобой никаких дел!

Герострат. Подожди! Смотри, что у меня есть. (*Достает серебряную монету.*) Афинская драхма! Если выполнишь мою просьбу, то получишь ее.

Тюремщик (*усмехаясь*). И так получу. (*Надвигается на Герострата.*)

Герострат (*отступая*). Так не получишь!

Тюремщик (*продолжая надвигаться*). Уж не думаешь ли бороться со мной, дохляк? Ну?! (*Протягивает руку.*) Дай сюда!

Герострат. Так не получишь! Так не получишь! (*Сует монету в рот; давясь, проглатывает ее.*) Теперь тебе придется подождать моей смерти.

Тюремщик (*опешив*). Ах, ты!.. (*Секунду смотрит на Герострата, раздумывая, нельзя ли каким-нибудь путем вытрясти из него монету, потом плюет с досады и поворачивается, чтобы уйти.*)

Герострат. Стой!

Т ю р е м щ и к. Чего еще?

Г е р о с т р а т. У меня еще монета. *(Достает новую монету.)*

Тюремщик тут же делает попытку подойти к Герострату.

Оставь! Клянусь, она ляжет в животе рядом с первой! Будешь слушать или нет? Ну? Не заставляй меня глотать столько серебра натошак.

Т ю р е м щ и к *(сдаваясь)*. Чего ты хочешь?

Г е р о с т р а т. Вот это уже разговор... Знаешь дом ростовщика Крисиппа?

Т ю р е м щ и к. Знаю.

Г е р о с т р а т. Пойдешь туда и скажешь Крисиппу, что я прошу его немедленно прийти ко мне.

Т ю р е м щ и к. Чего выдумал! Станет уважаемый гражданин бежать в тюрьму на свидание с мерзавцем!..

Г е р о с т р а т. Станет! Скажешь ему, что у меня для него есть дело. Выгодное дело! Слышишь? Скажи: очень выгодное дело. Оно пахнет целым состоянием, понял? А когда он придет, я дам тебе драхму... И вторую! *(Достает монету.)* Это настоящие серебряные драхмы, а не наши эфесские кружочки. Ну? Что ты задумался? Или тюремщикам повысили жалованье?

Т ю р е м щ и к. Ох мерзавец! В жизни не видел такого мерзавца. Ладно, схожу. Но если ты меня обманешь, то, клянусь богами, я распорю тебе живот и получу все, что мне причитается. *(Уходит.)*

Герострат, задумавшись, ходит по камере, потирая ушибленное плечо.
Человек театра наблюдает за ним.

Г е р о с т р а т. Зачем ты явился к нам, человек?

Ч е л о в е к т е а т р а. Хочу понять, что произошло более двух тысяч лет назад в городе Эфесе.

Г е р о с т р а т. Глупая затея. К чему ломать голову над тем, что было так давно? Разве у вас мало своих проблем?

Ч е л о в е к т е а т р а. Есть вечные проблемы, которые волнуют людей. Чтобы понять их, не грех вспомнить о том, что было вчера, недавно и совсем давно.

Г е р о с т р а т. И все-таки бестактно вмешиваться в события столь отдаленные.

Ч е л о в е к т е а т р а. К сожалению, я не могу вмешиваться. Я буду только следить за логикой их развития.

Г е р о с т р а т. Что ж тебя сейчас интересует?

Ч е л о в е к т е а т р а. Хочу понять: тебе страшно?

Г е р о с т р а т *(вызывающе)*. Нисколько!!

Человек театра. Это — реплика для историков.
А как на самом деле?

Герострат. Страшно. Только это не такой страх, какой был. Это — четвертый страх.

Человек театра. Почему четвертый?

Герострат. Я уже пережил три страха. Первый страх пришел, когда я задумал то, что теперь сделал. Это был страх перед дерзкой мыслью. Не очень страшный страх, и я поборол его мечтами о славе. Второй страх охватил меня там, в храме, когда я лил смолу на стены и разбрасывал паклю. Этот страх был посильнее первого. От него задрожали руки и так пересохло во рту, что язык прилип к нёбу. Но и это был не самый страшный страх, я подавил его вином. Десяток-другой глотков! От этого не пьянеешь, но страх проходит... Самым страшным был третий страх. Горел храм, уже валились перекрытия и рухнула одна из колонн, — она упала, как спиленный дуб, и ее мраморная капитель развалилась на куски. А со всех сторон бежали люди. Никогда ни на какой праздник не сбегалось столько зевак! Женщины, дети, рабы, метеки, персы... Всадники, колесницы, богатые и бедные граждане города — все бежали к моему костру. И орали, и плакали, и рвали на себе волосы, а я взбежал на возвышение и крикнул: «Люди! Этот храм сжег я. Мое имя Герострат!!!» Они услышали мой крик, потому что сразу стало тихо, только огонь шипел, доедая деревянные балки. Толпа двинулась на меня. Двинулась молча. Я и сейчас вижу их лица, их глаза, в которых светились отраженные языки пламени. Вот тогда пришел самый страшный страх. Это был страх перед людьми, и я ничем не мог его погасить... А сейчас четвертый страх — страх перед смертью... Но он слабее всех, потому что я не верю в смерть.

Человек театра. Не веришь? Неужели ты надеешься избежать расплаты?

Герострат. Пока, как видишь, я жив.

Человек театра. Но это «пока»...

Герострат. А зачем мне дана голова? Надо придумать, как растянуть это «пока» до бесконечности.

За стеной слышны шум, крики, звуки борьбы.

Человек театра. Боюсь, у тебя не осталось времени для раздумий, Герострат. Там, у входа, — толпа. Она ворвалась в тюрьму!.. Сюда идут...

Герострат (*в страхе*). Они не имеют права!.. Это самосуд! (*Кричит.*) Эй, стража! Воины! Помогите! (*Мечется по камере.*) Сделай что-нибудь, человек! Останови их!

Человек театра. Я не имею права вмешиваться.
Герострат. Но так нельзя! Надо соблюдать законы!

Человек театра. Странно слышать эти слова от тебя...

Распахивается дверь, в камеру врываются три горожанина.

Герострат. Кто вы? Что вам надо?..

Первый горожанин. Выходи!

Герострат. Вы будете за это отвечать!.. Подонки!
Безмозглые скоты! Не смейте ко мне прикасаться!

Третий горожанин. Он еще лает, подлец! Вяжи его!

Второй горожанин (*надвигаясь на Герострата*).
Выходи, Герострат. Сумей достойно встретить смерть.

Герострат. Кто дал вам право?! Идиоты!.. (*Почти плачет.*) Не трогайте меня... Прошу вас...

Второй горожанин (*кладет руку на плечо Герострату*). Пошли.

Быстро входит Клеон, высокий седовласый мужчина лет пятидесяти. На нем дорогой белый гиматий (что-то вроде плаща), отделанный красной каймой.

Клеон (*властно, горожанам*). Оставьте его!

Увидев Клеона, горожане послушно отпускают Герострата.

Кто вы?

Первый горожанин. Мы — граждане Эфеса.

Клеон. Ваши имена?

Второй горожанин. Зачем они тебе, Клеон?.. Мы ничем не знамениты... Я — каменщик, он — гончар, этот (*указывает на третьего*) — цирюльник.

Клеон. И все-таки почему вы не хотите назваться?

Второй горожанин. Мы говорим не от своего имени, архонт. Нас послал народ.

Клеон. Что хочет народ?

Первый горожанин. Народ хочет судить Герострата.

Клеон. Суд состоится завтра или послезавтра — в тот день, когда я назначу.

Первый горожанин. Народ взбешен. Он считает, что ни к чему откладывать...

Третий горожанин. У нас чешутся руки на этого подлеца!..

Клеон (*сердито перебивая*). Народ избрал меня своим архонтом! Или имя Клеона ничего не значит больше для

эфесцев?! Тогда переизберите меня! Но пока я верховный судья, в городе будут соблюдаться закон и порядок! Так и передайте толпе, которая вас прислала.

Первый горожанин. Мы передадим, но как она поступит — неизвестно.

Клеон. Самосуда не допущу! Все должно быть по закону. А закон гласит: каждый, кто убьет преступника до суда, сам достоин смерти! Это решение принято Народным собранием, и его никто не отменял. Герострат будет наказан, клянусь вам! Вы не верите моему слову?

Второй горожанин. Мы верим тебе, архонт... Ты никогда не обманывал нас.

Первый горожанин. Сдержи слово и на этот раз...

Третий горожанин (Герострату). Мы с тобой считаемся!

Горожане уходят. Клеон и Герострат некоторое время молча смотрят друг на друга: Клеон — спокойно и даже с некоторым любопытством. Герострат оправился от испуга и теперь глядит вызывающе дерзко.

Герострат. Хайре, Клеон!

Клеон молчит.

Хайре, Клеон! Ты считаешь недостойным приветствовать гражданина Эфеса?

Клеон молчит.

Что ж, будем молчать, хотя это глупо. Ведь ты пришел ко мне, а не наоборот.

Клеон. Будем говорить. Просто мне хотелось вдоволь насмотреться на тебя.

Герострат. Не ожидал увидеть человека? Думал, что у меня торчат клыки или растут рога?

Клеон. Нет, я тебя таким примерно и представлял. Но мне казалось, что у тебя должно быть прыщавое лицо.

Герострат. Почему?

Клеон. Так мне казалось...

Герострат. Нет, Клеон, у меня чистое лицо, белые зубы и здоровое тело.

Клеон. Ну что ж, тем хуже для тебя. Завтра это тело, очевидно, сбросят в пропасть. Ты ведь хотел этого, Герострат?

Герострат (зло). Меня зовут Геростратом! И ты напрасно делаешь вид, будто не помнишь моего имени...

Клеон. Твое имя будет забыто.

Герострат. Нет! Теперь оно останется в веках. Кстати, о тебе, Клеон, будут вспоминать только потому, что ты судил меня.

Клеон. Надеюсь, потомки посочувствуют мне за эту неприятную обязанность... Однако хватит болтать о вечности, Герострат. Впереди у тебя только одна ночь. Расскажи лучше о себе — суду надо знать, кто ты и откуда.

Герострат. С удовольствием! Я — Герострат, сын Стратона, уроженец Эфеса, свободный гражданин. Мне тридцать два года, по профессии я торговец. Продавал на базаре рыбу, зелень, шерсть. У меня были два раба и два быка. Рабы сбежали, быки подошли... Я рвзорился, плюнул на коммерцию и стал профессиональным поджигателем храмов.

Клеон. У тебя были сообщники?

Герострат. Я все сделал один!

Клеон. Только не вздумай лгать, Герострат, иначе правду придется говорить под пыткой!

Герострат. Клянусь, я был один. Посуди сам, какой смысл делиться славой?

Клеон. Как ты проник в храм?

Герострат. Обыкновенно, через вход. Я пришел туда вечером, спрятался в одном зале, а ночью, когда жрецы ушли, принялся за работу.

Клеон. Как тебе удалось так незаметно пронести в храм кувшин со смолой?

Герострат. Я не прятал его, а пронес у всех на виду. Жрецов интересуют только ценные дары, которые богатые люди приносят к алтарю богини. Мой треснутый кувшин не вызвал у них никакого интереса.

Клеон. Ты был пьян?

Герострат. Нет! Всего несколько глотков для смелости.

Клеон. Твой сосед-торговец сказал, что однажды на базаре ты упал в обморок.

Герострат. И не один раз, Клеон. Но это вовсе не значит, что я припадочный... *(Смеется.)* О, это очень забавная история! Видишь ли, когда мои торговые дела пошли совсем плохо и ростовщики отняли у меня все до последнего обола, я не стал гнущаться любой работой, лишь бы за нее хорошо платили. Ты знаешь, что по законам наших базаров нельзя поливать рыбу водой, дабы она не прыгала и не выглядела свежей, чем на самом деле. Надсмотрщики строго штрафуют торговцев, нарушающих это правило. Вот тогда я

и придумал обмороки... Гуляешь в рыбных рядах и вдруг — ах! — валишься на корзинки. Торговцы льют на меня воду и не-ча-ян-но брызгают на рыбку... Поди придерись: рыба получает влагу, я — деньги.

К л е о н. Хитро!

Г е р о с т р а т. Но все равно надсмотрщики поняли наконец, что их дурачат, и меня здорово отлупили.

К л е о н. Тебя, очевидно, часто лупили?

Г е р о с т р а т. Бывало. Люди не прощают тому, кто умнее их.

К л е о н. Люди не прощают тому, кто считает их дураками. Ты женат?

Г е р о с т р а т. Был, но развелся. Моя жена — Теофила, дочь ростовщика Крисиппа. Он дал за нее десять тысяч драм, а я клюнул на приданое и забыл, что вместе с деньгами придется брать в дом глупую и некрасивую женщину... Мало того, через четыре месяца после свадьбы она родила сына. Я понял, что меня надули, и подал в суд. Но мошенник Крисипп выиграл процесс, убедив всех, что я обольстил его «невинное» дитя задолго до свадьбы. Нас развели, и, по существующим законам, мне пришлось вернуть Крисиппу все приданое плюс восемнадцать процентов неустойки. Даже на собственной дочери этот мошенник заработал.

К л е о н. Я сразу понял, что ты неудачник.

Г е р о с т р а т. Да, это так. Мне не везло ни в спорах, ни в игре в кости, ни в петушиных боях.

К л е о н. И за все это решил отомстить людям?

Г е р о с т р а т. Я никому не мстил, Клеон. Просто мне вдруг надоело прозябать в безвестности... Я понял, что достоин лучшей судьбы. И вот сегодня мое имя знает каждый.

К л е о н. Несчастный! Сегодня весь город повторяет твое имя с проклятьями.

Г е р о с т р а т. Пускай!.. Сегодня проклинают, завтра будут относиться с интересом, через год полюбят, через пять — будут обожать. Шутка ли сказать, человек бросил вызов богам? Кто до меня на это решился? Разве что Прометей?

К л е о н (*сердито*). Не смей сравнивать, негодяй! Прометей взял у бога огонь, чтобы подарить его людям, а ты взял огонь, чтобы обворовать людей! Храм Артемиды был гордостью Эфеса. С детских лет мы любовались им, мы берегли его, потому что знали: в каждой мраморной колонне, в каждой фигуре барельефа лежит сто двадцать лет человеческого труда. Ты слышишь, Герострат? Сто двадцать лет! Менялись поколения, мастера строили и учили своему

искусству сыновей, чтобы те обучили внуков... Для чего они это делали? Неужели для того, чтоб однажды пришел мерзавец и все это обратил в пепел?! Нет, Герострат, ты плохо знаешь людей. Они забудут твое имя, как забывают страшные сны.

Герострат. Ну что ж, посмотрим.

Клеон. Ты не посмотришь! Завтра к вечеру тебя не будет.

Герострат (*вызывающе*). Посмотрим...

Клеон. Не понимаю, на что ты надеешься?

Герострат. На людей, Клеон!

Клеон. На каких людей?!

Герострат. Да хотя бы на тебя. Ведь только что ты спас меня от смерти.

Клеон подозрительно смотрит на Герострата, потом, недоуменно пожав плечами, уходит.

Человек театра. Ты действительно не теряешь надежды, Герострат?

Герострат. Конечно, нет. Есть мудрая поговорка на этот счет. Теряя деньги, говорит она, приобретаешь опыт; теряя жену, приобретаешь свободу; теряя здоровье, приобретаешь удовольствия... Но нельзя терять надежду; теряя надежду, теряешь все!

Человек театра. Тебя казнят! Логика событий...

Герострат (*перебивая*). Оставь свою логику, человек. Она плохой советчик. Почему меня не убили там, у храма, и сейчас, в тюрьме?

Человек театра. Люди гуманны...

Герострат. Если они гуманны, зачем завтра меня хотят казнить?

Человек театра. Ты причинил горе людям, оскорбил их достоинство и должен быть наказан.

Герострат. Чушь! Разве есть справедливость в том, что из-за украденной жены греки разрушили Трою и перебили всех троянцев? Какой логикой объяснишь ты эту жестокость? И вот, смотри, прошло время, а Гомер воспел их в «Илиаде». Нет, не логика нужна мне, а сила. Дай мне почувствовать силу, и я начну управлять событиями и людьми, а уж потом философы найдут оправдание всему, что произошло.

Человек театра. Возможно. Но потом все равно придут другие философы и восстановят истину.

Герострат (*нервно*). Мне некогда спорить с тобой!

У меня слишком мало времени. Где этот мошенник Крисипп? Приведи его, он заставляет себя ждать...

Человек театра. Я здесь не затем, чтобы тебе прислуживать. *(Отходит в сторону и продолжает наблюдать за действием.)*

Входит Крисипп, толстый старый человек в богатом пурпурном гиматии.

Герострат *(обрадованно)*. Наконец-то! Приветствую тебя, Крисипп!

Крисипп. Несмотря на свою занятость, не смог отказать в удовольствии плюнуть тебе в рожу.

Герострат. Плюй! Сейчас я стерплю и это.

Крисипп. Нет, серьезно! Ты ведь знаешь, сколько у меня дел! Сегодня прибыл товар с Крита, надо пойти проверить, надо зайти на базар, побывать у менялы, потом — в суде: сегодня судят двух моих должников, потом деловая встреча с персидским купцом... Но жена вцепилась в меня, кричит: «Крисипп, оставь все дела, пойд и плюнь в рожу Герострату!» Как я мог отказать в просьбе любимой женщины? *(Плюет в лицо Герострату.)* Это тебе от нее!

Герострат *(угираясь)*. Хорошо! Плюй еще от лица дочери, и перейдем к делу!

Крисипп. Дочь просила выцарапать тебе глаза и вырвать язык.

Герострат. Нет, это не годится. Я должен видеть тебя и говорить с тобой.

Крисипп. О чем нам говорить, ничтожнейший из людей?

Герострат. О деньгах, Крисипп. Разве это не тема для разговора? Я должен тебе сто драхм.

Крисипп. Конечно, должен, мерзавец. Но как я теперь их получу? Бесчестный человек! Ты и храм-то сжег, наверное, только для того, чтобы со мной не рассчитываться.

Герострат. Я хочу вернуть тебе долг.

Крисипп *(удивленно)*. Это благородно. У тебя, видно, завалился кусочек совести. *(Протягивает руку.)* Давай!

Герострат. У меня при себе только две драхмы, да и те я обещаю тюремщику.

Крисипп. Тогда я должен выполнить поручение дочери. Нам не о чем разговаривать.

Герострат. Не спеши! Я верну тебе долг, да еще с такими процентами, которые тебе и не снились. Я хочу подарить тебе это... *(Достаёт папирусный свиток.)*

К р и с и п п. Что в этом папирусе?

Г е р о с т р а т. Записки Герострата! Мемуары человека, поджегшего самый великий храм в мире. Здесь есть все: жизнеописание, стихи, философия.

К р и с и п п. И зачем мне нужна эта пачкотня?

Г е р о с т р а т. Глупец, я предлагаю тебе чистое золото! Ты отдашь это переписчикам и будешь продавать по триста драхм каждый свиток.

К р и с и п п. Оставь это золото себе. Кто сейчас делает деньги на сочинениях? Мы живем в беспокойное время. Люди стали много кушать и мало читать. Торговцы папирусами едва сводят концы с концами. Эсхила никто не берет. Аристофан идет по дешевке. Да что Аристофан?! Гомером завалены склады, великим Гомером! Кто же будет покупать произведения такого графомана, как ты?

Г е р о с т р а т. Ты дурак, Крисипп! Извини меня, но ты большой дурак! Не понимаю, как с твоей сообразительностью ты до сих пор не разорился? Что ты равняешь вино и молоко? Я предлагаю тебе не занудливые мифы, а «Записки поджигателя храма Артемиды Эфесской»! Да такой папирус у тебя с руками оторвут. Подумай, Крисипп! Разве не интересны мысли такого чудовища, как я? Обыватель будет смаковать каждую строчку! Я уже вижу, как он читает эту рукопись своей жене, а та повизгивает от страха и восторга.

К р и с и п п (*задумавшись*). Правители города запретят продажу твоего папируса.

Г е р о с т р а т. Тем лучше! Значит, цена повысится!

К р и с и п п. Ты не так глуп, как казалось... Ладно, давай!

Г е р о с т р а т. Что — давай? Что — давай?

К р и с и п п. Ты же собирался со мной рассчитываться? В уплату твоего долга я и возьму этот папирус.

Г е р о с т р а т (*возмущенно*). Что? Ты собираешься получить мое бессмертное творение за сто драхм? Имей совесть! Это — подлинник! Здесь моя подпись. Тысячу драхм, не меньше!

К р и с и п п. Как? Тысячу?! О боги! У этого человека действительно помутился разум! Тысячу драхм!

Г е р о с т р а т. Успокойся, не тысячу. Я тебе должен был сотню, значит, с тебя еще девятьсот. По рукам?

К р и с и п п. Никогда!! Такую сумму за сомнительный товар? Я перестану себя уважать.

Г е р о с т р а т. Какая твоя цена?

К р и с и п п. Моя?.. Моя... Слушай, а зачем тебе деньги? Тебя же завтра казнят!

Г е р о с т р а т. Не твое дело. Я продаю — ты покупаешь, плати!

К р и с и п п. Но покойнику не нужны наличные. Там — серебро не принимают.

Г е р о с т р а т. Тебя это не касается. Называй цену.

К р и с и п п. Ну, из доброго чувства. Просто из любопытства... Чтоб самому почитать на досуге... Сто пятьдесят драхм!

Г е р о с т р а т. Ступай, Крисипп! (*Убирает папирус.*) Иди, иди... Закупай финики и продавай фиги. Зарабатывай по одной драхме на процентах и не забудь вырвать себе волосы, когда поймешь, что потерял миллионы. Я немедленно позову к себе ростовщика Менаандра, и он, не раздумывая, выложит мне полторы тысячи...

К р и с и п п. А вот это нечестно! Ты ведь все-таки мой бывший родственник.

Г е р о с т р а т. Когда ты сдирал с меня деньги, то не очень думал о родственных чувствах. Ступай, Крисипп!

К р и с и п п. Двести!

Г е р о с т р а т. Несерьезно.

К р и с и п п. Двести пятьдесят!

Г е р о с т р а т. Не жмись, Крисипп! Предлагаю тебе гениальное произведение. (*Достаёт папирус.*) Ты только послушай. (*Читает.*)

Ночь опустилась меж тем над Эфесом уснувшим.

В храме богини стоял я один со смолою и паклей!

От этого — мороз по коже!

К р и с и п п. Триста!

Г е р о с т р а т.

«О Герострат! — обратился к себе я с призывом. — Будь непреклонен, будь смел и исполни все то, что задумал!»

К р и с и п п. Ты выбиваешься из гексаметра, — четыреста!

Г е р о с т р а т.

Факел в руке моей вспыхнул, как солнце на небе,

И осветил мне божественный лик Артемиды!

(*Крисиппу.*) Семьсот!

К р и с и п п. Четыреста пятьдесят, Герострат, больше не могу.

Г е р о с т р а т.

«Слушай, богиня! — тогда закричал я статуе, —

Слушай меня, трепещи и...»

(*Прерывая чтение.*) Ладно, давай пятьсот! Согласен?

К р и с и п п (*со вздохом*). Согласен... (*Передразнивает.*) «Статую»! Безграмотный писака.

Г е р о с т р а т. Сойдет и так! Давай деньги!

К р и с и п п. У меня нет при себе. Давай папирус, я схожу домой...

Г е р о с т р а т. Не хитри. Люди твоей профессии не выходят в город без кошелька.

К р и с и п п (*вздывая руки*). Клянусь, у меня нет при себе!

Г е р о с т р а т. Не тряси руками, ты звенишь!

К р и с и п п (*сдаваясь*). Хорошо! Подавись моими деньгами, разбойник! (*Отсчитывает Герострату монеты, забирает папирус.*) Ох, прогорю я с твоим сочинением...

Г е р о с т р а т. Не лги самому себе, Крисипп... Ты никогда не дашь драхмы, если не веришь, что она принесет за собой сто.

К р и с и п п (*пряча папирус*). Спасибо за комплимент. А у тебя неплохо скроены мозги, Герострат. Жаль, что раньше ты не дарил мне никаких идей.

Г е р о с т р а т. Раньше ты бы меня не стал слушать, Крисипп. Раньше я был всего лишь твой бедный зять, а теперь у меня за спиной — сожженный храм.

К р и с и п п. Нет, ты определенно не глуп... Определенно... (*Уходит.*)

Г е р о с т р а т (*кричит ему вслед*). Поторопись с перепиской, Крисипп! Сейчас каждая минута на счету... (*Позванивает деньгами.*) Ну вот! Первый шаг сделан... (*Кричит.*) Эй, тюремщик!

Появляется Т ю р е м щ и к.

Получи две драхмы! И вот три — за верную службу.

Т ю р е м щ и к (*забирая деньги*). Однако ты щедр, мерзавец.

Г е р о с т р а т. Ты получишь еще две драхмы, если перестанешь оскорблять меня.

Т ю р е м щ и к. Договорились.

Г е р о с т р а т. Но ты можешь заработать пятьдесят драхм, если выполнишь новое мое поручение.

Т ю р е м щ и к. Пятьдесят?

Г е р о с т р а т. Да, пятьдесят!

Т ю р е м щ и к. Говори, что надо сделать...

Г е р о с т р а т. Видишь этот кошелек? Он полон серебра. Отсчитаешь отсюда свои полсотни, остальные отнесешь в харчевню Дионисия.

Т ю р е м щ и к. Там собираются все пьяницы Эфеса.

Г е р о с т р а т. Отдашь им эти деньги на пропой.

Т ю р е м щ и к. Отдать такие деньги самым последним забулдыгам и подонкам? За что, Герострат?

Г е р о с т р а т. Не твое дело. Бросишь им все серебро и скажешь, что Герострат-поджигатель просит их выпить за его здоровье. Не вздумай обмануть меня, тюремщик, и прикарманить деньги! Клянусь, эти бандиты все равно узнают о моем пожертвовании, и тогда они отвинтят тебе голову! Понял?

Т ю р е м щ и к (*беря кошелек*). Что ты задумал, Герострат?

Г е р о с т р а т. Что я задумал, тюремщик? Я задумал доказать Клеону, что не так уж плохо знаю людей...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Зал во дворце повелителя Тиссаферна. Сам Т и с с а ф е р н в пурпурном царском одеянии возлежит на высоком деревянном ложе. Перед ним — маленький столик с фруктами и вином. Тиссаферн жадно уплетает виноград.

Ч е л о в е к т е а т р а. Повелитель Тиссаферн, ты взволнован?

Т и с с а ф е р н. Почему ты так решил?

Ч е л о в е к т е а т р а. Читал у историков. Описывая склонности твоего характера, они отмечали, что всякий раз, когда ты был взволнован, у тебя появлялся зверский аппетит.

Т и с с а ф е р н. Не замечал. (*Сует кисть винограда в рот, но, спохватившись, тут же выплевывает ее.*) Тьфу! Нельзя поесть спокойно! Эти историки и поэты так и шныряют по двору, так и смотрят, чего бы описать и запечатлеть. Сегодня утром зачесалась спина, подошел к колонне, прислонился, только хотел передернуть плечами, гляжу — уже какой-то летописец достал папирус и приготовился строчить. Ну, что скажешь? Мука, а не жизнь!

Ч е л о в е к т е а т р а. Сочувствую.

Т и с с а ф е р н. Давно бы выгнал их в шею, но это — прихоть Клементины. Она помешалась на великой миссии, которая выпала на нашу долю. Каждое утро Клементина будит меня со словами: «Вставай, Тиссаферн, история не хочет ждать!» История не хочет ждать, а я из-за нее не высыпаюсь.

Ч е л о в е к т е а т р а. Ты — повелитель Эфеса.

Т и с с а ф е р н. Что такое повелитель по сравнению с собственной женой? Да еще если ты стар, а она молода, если

ты перс, а она гречанка. Нет более властных женщин, чем гречанки. Не пойму, как грекам удастся на них жениться? Уж на что Сократ был мудрецом, а и то собственная жена измывалась над ним на потеху всему городу. (*Жадно ест виноград.*)

Человек театра. Ты очень взволнован...

Тиссаферн. Будешь взволнован, когда каждый день преподносит сюрприз. Не забывай, что я не царь, а всего лишь сатрап. Мне надо подчиняться персидскому царю, надо жить в мире со Спартою, поддерживать контакт с Афинами, следить за Фивами, опасаться Македонии и всех, вместе взятых. И вот в такой напряженный момент во вверенном мне городе сгорает храм Артемиды! Что это — происки, заговор?!

Человек театра. Этого я пока не знаю...

Тиссаферн (*печально*). Я устал от жизни, голубчик. В молодости был смел и бесстрашен, водил войска в бой, и греки дрожали при одном моем имени... Теперь я стар, врачи запретили мне волноваться и обжираться... (*Сует в рот кисть винограда.*)

Человек театра. К тебе пришел Клеон.

Тиссаферн (*радостно*). Наконец-то! Пусть войдет!

Человек театра делает попытку уйти.

Ты останься!

Человек театра. Зачем?

Тиссаферн. Посиди, прошу тебя. Ты не глупый человек... Поможешь мне советами или напомнишь изречения... мудрецов... Сейчас мне придется принимать важное решение.

Человек театра садится в углу сцены. Входит Клеон.

Клеон (*почтительно склонившись*). Хайре, Тиссаферн! Архонт-басилей Эфеса приветствует тебя.

Тиссаферн. Хайре, Клеон! Жду тебя с нетерпением. Ты был в тюрьме?

Клеон. Да.

Тиссаферн. Ну, рассказывай! Это заговор?

Клеон. Нет, Тиссаферн. Храм сжег один человек.

Тиссаферн. Хвала богам! Один человек — не так страшно. Кто этот безумец?

Клеон. Житель Эфеса — Герострат. Бывший торговец.

Тиссаферн. Грек?

Клеон. Да.

Тиссаферн. Я так и думал.

К л е о н (*несколько обиженно*). Что означают твои слова, Тиссаферн? Он мог оказаться персом, скифом, египтянином и вообще кем угодно.

Т и с с а ф е р н. Но он грек.

К л е о н. Я тоже грек! И большинство жителей Эфеса — греки. Однако весь народ не ответчик за одного негодяя.

Т и с с а ф е р н. Конечно, конечно, уважаемый Клеон. Не надо сердиться. Я и не думал оскорблять всех греков. Просто я был уверен, что поджигатель — грек. После того как Эфес стал владением Персии, надо было ожидать, что кто-нибудь из греческих патриотов выкинет что-нибудь подобное!

К л е о н. Меньше всего Герострат думал о патриотизме. Если б он был патриотом, он бы устроил пожар в казарме персидских воинов или попытался убить тебя.

Т и с с а ф е р н (*продолжая щипать виноград*). Пожалуй... Зачем же он это сделал?

К л е о н. Чтобы увековечить свое имя.

Т и с с а ф е р н. Забавно...

К л е о н. Не так забавно, как может показаться с первого взгляда. В этом поступке есть свой страшный умысел. Это вызов людям, Тиссаферн.

Т и с с а ф е р н. Все равно забавно. Никогда ни о чем подобном не слышал. Он догадывается, что его казнят?

К л е о н. Он в здравом рассудке.

Т и с с а ф е р н. И не боится смерти?

К л е о н. Этого я не понял. В разговоре со мной он держался независимо и дерзко. О своем злодеянии Герострат рассказывает с упоением творца.

Т и с с а ф е р н. Очень интересно. Ты разжигаешь мое любопытство, Клеон. (*Неожиданно поворачивается к одной из колонн, кричит.*) Клементина, хватит прятаться! Иди послушай, что рассказывает наш друг Клеон.

Из-за колонн выходит К л е м е н т и н а, она несколько смущена тем, что ее заметили.

К л е о н (*почтительно*). Приветствую повелительницу Эфеса.

К л е м е н т и н а. Хайре, Клеон! (*Тиссаферну.*) С чего ты взял, будто я прячусь? Я проходила через зал, и у меня случайно развязалась сандалия.

Т и с с а ф е р н. У тебя самые умные сандалии в мире, Клементина, они всегда развязываются, когда в этом зале говорят о чем-нибудь интересном.

К л е м е н т и н а. Ты упрекаешь меня в том, что я подслушиваю?

Т и с с а ф е р н. Не упрекаю, а благодарю. Зная, что мои слова всегда достигают твоих ушей, я стараюсь вложить в них больше мудрости... Ну так что ты скажешь о пожаре?

К л е м е н т и н а. Скажу, что это ужасно. Только мне кажется, что этот хитрец сжег храм вовсе не из тщеславия.

К л е о н. Он сам мне в этом признался.

К л е м е н т и н а. Вы — судья, Клеон, обвиняемый никогда с вами не будет искренен.

Т и с с а ф е р н. Ты считаешь, что была другая причина?

К л е м е н т и н а. Да! Уверена, что он сделал это из-за несчастной любви!

К л е о н. Не думаю. О своей бывшей жене Герострат говорил с презрением.

К л е м е н т и н а. При чем здесь жена? Из-за жен, уважаемый Клеон, никто не поджигает храмов. Нет, здесь другое... Здесь неразделенная любовь, которая довела человека до отчаяния. Об этом никогда не скажут на допросе, эту тайну уносят с собой в могилу. И где-то на земле сейчас плачет женщина, отвергнувшая этого несчастного Герострата. Она рвет на себе волосы и прокликает тот час, когда сказала ему «нет»! Но в глубине души она счастлива и горда собой... Я ей завидую.

Т и с с а ф е р н. Завидуешь?

К л е м е н т и н а. Конечно. Из-за меня никто не поджигал храмов.

Т и с с а ф е р н. Моя жена не должна никому завидовать! Послушай, Клементина, почему ты мне никогда не говорила о том, что любишь пожары? Я бы тебе это давно устроил.

К л е м е н т и н а. Нет, милый Тиссаферн. Ты бы сжег из-за меня пару-другую домов, но не пошел бы ради меня на смерть.

Т и с с а ф е р н. Конечно, нет! Нельзя любить женщину и стремиться сделать ее вдовой.

К л е о н. Мне кажется, что уважаемая повелительница Эфеса не права. Она слишком чиста и возвышенна, чтобы понять всю мерзость данного поступка. Ей бы хотелось видеть в Герострате благородного безумца, а он всего лишь самовлюбленный маньяк. Из-за сильной любви возводят храмы, а не уничтожают их.

Т и с с а ф е р н. Правильно! И поэтому злодей завтра же будет казнен! *(Поворачивается к Человеку театра.)* Вот тут мне нужно какое-нибудь изречение...

Ч е л о в е к т е а т р а. Софокл подойдет?

Т и с с а ф е р н. Что именно?

Человек театра. Из «Царя Эдипа»... «Есть справедливость в богами устроенном мире: и злодеянье ведет за собою отмщенье!»

Т и с с а ф е р н. Хорошо! (*Громко.*) «Есть справедливость в богами устроенном мире: и злодеянье ведет за собою отмщенье!»

К л е о н (*почтительно кланяясь*). Твоими устами говорит сама мудрость, повелитель.

К л е м е н т и н а. Надо позвать летописцев, пусть они занесут эту фразу в дворцовую книгу.

Т и с с а ф е р н. К сожалению, не я ее придумал, Клементина. Это — Софокл.

К л е м е н т и н а. Не скромничай, милый! Софокл просто угадал твои мысли...

Т и с с а ф е р н. Пожалуй...

Человек театра. Тиссаферн, к тебе пришла жрица храма Артемиды — Эрита.

Т и с с а ф е р н. Бедная погорелица!.. Пусть войдет!

К л е о н. Нам покинуть тебя, повелитель?

Т и с с а ф е р н. Ни в коем случае. Говорить один на один с этой старухой всегда мучительно. А теперь она начнет рвать на себе волосы, биться в истерике. Я ее боюсь, честное слово.

К л е м е н т и н а. Повелитель Эфеса не вправе никого бояться!

Т и с с а ф е р н. Знаю, но эта женщина стоит ближе к богам, чем мы все...

Входит Э р и т а. Она в черном траурном одеянии.

(*Встает с ложа и идет ей навстречу, что свидетельствует о большом уважении повелителя.*) Хайре, Эрита! Правитель Эфеса приветствует тебя и скорбит вместе с тобой!

К л е о н. Хайре, Эрита! Прими мои соболезнования.

К л е м е н т и н а. Твое горе — наше общее горе, Эрита!

Э р и т а (*говорит, обращаясь к небесам, но так, чтобы ее слышали окружающие*). Черный день настал для людей! Черный день! Я вижу, как боги собрались на Олимпе на Страшный суд... О люди, бойтесь их мщенья!..

К л е м е н т и н а. Мы будем молить их о пощаде, Эрита.

Э р и т а. Нет больше храма Артемиды! У богини лесов нет ее жилища! Горе мне, верной служанке богини, я не уберегла ее дом! Почему я не умерла?! Зачем огонь пощадил меня?! Зачем стены храма не рухнули на мою седую голову?!

Я должна выцарапать себе глаза, чтобы не видеть этого страшного пепелища!! (*В экстазе царапает себе лицо.*)

Т и с с а ф е р н. Ну! Успокойся, уважаемая Эрита! Зачем себя так истязать? Ты — наша заступница. Только из твоих уст богиня выслушивает мольбу о прощении...

Э р и т а. Я не смею обращаться к богине с мольбой. Я виновата перед ней — пропустила в ее дом разбойника.

Т и с с а ф е р н. Откуда ты могла знать, Эрита, что он разбойник? Ты, конечно, доверчиво полагала, что этот добрый человек пришел к алтарю.

Э р и т а (*в экстазе*). Будь проклято человеческое племя, породившее злодея! Пусть молнии Зевса обрушатся на него!

К л е о н. Зачем ты призываешь кары богов на все человечество, Эрита? Люди ни в чем не виноваты!

Т и с с а ф е р н. Нет, Клеон, люди виноваты и должны искупить свою вину. Я введу налог на всех жителей Эфеса в пользу пострадавшей богини и ее жрецов. А мерзавца мы завтра же казним на городской площади!

К л е о н. Да будет так!

Т и с с а ф е р н. Только надо придумать казнь пострашнее. Как ты думаешь, Клеон, что лучше: колесование или петля?

К л е о н. Завтра наш суд решит это, повелитель. Но мне не хотелось бы устраивать из казни зрелища. Честолюбию Герострата польстит большое скопление народа, он жаждет величественной смерти, но он ее недостоин. Его надо судить как обыкновенного жулика...

Т и с с а ф е р н. Ты прав. А еще я издал приказ: «Всем жителям Эфеса навсегда забыть Герострата!» Этот приказ высекут на мраморной доске и повесят на городской площади...

К л е о н. И тем самым увековечат имя преступника. Нет, Тиссаферн, не надо приказов. Люди сами вычеркнут его из своей памяти...

Т и с с а ф е р н (*смущенно*). Пожалуй, так... Я об этом не подумал. (*Повернувшись к Человеку театра.*) Этот Клеон меня все время поправляет и учит. Дай-ка мне мысль...

Ч е л о в е к т е а т р а. Из Еврипида: «На то и власть дана царям могучим, чтоб справедливость на земле царила!»

Т и с с а ф е р н. Не очень скромно, но... «На то и власть дана царям великим, чтоб на земле царила справедливость!» Так писал Еврипид, так поступаю и я. (*Значительным тоном.*) Архонт-басилей Клеон, повелеваю тебе завтра начать суд!

Эрита. Повелитель Эфеса, я пришла просить об отсрочке...

Тиссаферн. Что?!

Эрита. От имени всех служителей храма... *(Плачет.)* Бывшего храма... *(Решительно.)* От имени всех служителей храма богини прошу отложить суд над Геростратом.

Тиссаферн. Это еще почему?

Эрита. Когда охотник Актеон случайно увидел богиню Артемиду обнаженной, богиню охватил гнев, она обратила охотника в оленя, и того разорвали собственные собаки!

Тиссаферн. Я слышал эту легенду. Ну и что?

Эрита. Богиня сама накажет Герострата! Это будет такая кара, какую мы, слабые люди, придумать не сможем.

Клеон. Это невозможно. Народ требует немедленной казни Герострата.

Эрита. Народ — глуп, богиня — мудра!

Клеон. Но Герострат принес горе людям!

Эрита. Герострат прежде всего обидел богиню! У богини достаточно сил, чтобы отомстить обидчику.

Тиссаферн. Мы не сомневаемся в могуществе богини, Эрита, но пойми, существует закон...

Эрита. Законами правят цари, а царями правят боги. Не забывай об этом, Тиссаферн.

Клеон. Прости меня за дерзкие слова, Эрита, но не кажется ли тебе странным, что всемогущая богиня не помешала Герострату сжечь ее храм? Где был ее гнев, когда этот негодяй мазал стены смолой? Почему она не поразила его из своего священного лука? Или она была чем-то занята и проглядела преступника?

Эрита. Не богохульствуй, Клеон! Не дело смертных вникать в помыслы богов! Может быть, они испытывают нас?

Клеон. Тем более мы должны с честью пройти через это испытание. Создавая людей, боги вложили в них разум и совесть. И то и другое требуют суда над преступником!

Эрита. Я не прошу отменить суд, я прошу его отсрочить. Два часа назад один из служителей нашего храма отбыл к дельфийскому оракулу. Пусть оракул спросит богов о судьбе Герострата и передаст нам их волю.

Клеон. К дельфийскому оракулу?! До Дельф десятков суток пути. Десять туда, десять обратно, и то, если ветер будет гнать паруса. Значит, целый месяц мы не сможем назначить суд. *(Тиссаферну.)* Повелитель, от имени Народного

собрания Эфеса, от имени всех жителей города я требую немедленной казни злодея!

Эрита (*Тиссаферну*). Повелитель, от имени служителей культа я требую отсрочки!

Клеон. Не возмущай народ, Тиссаферн!

Эрита. Не оскорбляй богов, повелитель!

Клеон. Герострат — страшный человек, Тиссаферн. Он хитер и подл.

Эрита. Эфесцам нечего бояться, пока они находятся под покровительством Олимпа.

Тиссаферн. Тихо! Не наседайте на меня. (*Жадно ест виноград.*) Клементина, что же ты молчишь? Посоветуй!

Клементина. Ты уже принял решение, Тиссаферн. Надо быть верным своему слову.

Эрита (*зло*). Не дело повелителя спрашивать совета у женщины.

Клементина (*зло*). Не дело женщины вмешиваться, когда муж советуется с женой!

Тиссаферн. Прекратите! Я должен подумать. (*Задумчиво ест виноград.*)

Клементина (*тихо Человеку театра*). Ты видел Герострата?

Человек театра. Да.

Клементина. Он красив?

Человек театра. Скажем, хорош собой.

Клементина. Молод?

Человек театра. Да. А почему тебя это интересует?

Клементина. Обыкновенное женское любопытство...

Клеон (*Тиссаферну*). Что ты решил, повелитель?

Тиссаферн. Я решил это дело простым голосованием. За отсрочку — одна Эрита, за немедленную казнь — Клеон и Клементина.

Эрита. А ты?

Тиссаферн. Я воздержался. Итак, решено: казнь!

Клементина. Подожди, Тиссаферн. Я передумала! Может быть, действительно стоит повременить с судом?

Клеон. Что это значит, Клементина? Или каждая следующая минута приносит тебе новое решение?

Эрита. Боги образумили тебя, Клементина?

Клементина. Я думаю, надо назначить дополнительное расследование. Версия Клеона меня не убедила.

Клеон. Народ избрал меня архонтом! Ни разу я не запятнал этого звания...

Тиссаферн. Ну-ну, Клеон, моя жена не хотела тебя обидеть...

Клементина. Я высоко ценю заслуги нашего архонта, но и он может ошибаться. Считаю нужным еще допросить Герострата.

Тиссаферн. Положение изменилось: за немедленную казнь один голос, против — два! Решено — отсрочка!

Клеон. Повелитель! Не принимай скороспелых решений. Под угрозой законы Эфеса!

Человек театра. Постой, Тиссаферн! Выслушай, и я готов помочь тебе не цитатой, а советом. Герострата надо судить сейчас, откладывая опасно. Ненаказанное зло разрастается как снежный ком и может превратиться в лавину. Твой город может дорого поплатиться за нерешительность правителя...

За стенами дворца шум и крики.

Слышишь? Это шумит Эфес. Народ ждет твоего слова, Тиссаферн!

Тиссаферн (*сердито*). Хватит! Я устал, и весь виноград съеден... Вы меня запутали. Проведем последнее голосование.

Клеон. Казнь!

Эрита. Отсрочка!

Человек театра. Казнь!

Клементина. Отсрочка!

Все (*Тиссаферну*). Ты, повелитель?

Шум толпы за окнами дворца усиливается.

Тиссаферн (*морщась, точно от зубной боли*). Как они шумят.

Клеон. Народ требует твоего решения, повелитель.

Тиссаферн. Я принял решение: закройте окно! (*Берет под руку Клементину и вместе с ней медленно и значительно покидает дворцовый зал.*)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Та же обстановка тюремной камеры, что и в первой картине. В камере — Герострат.

Из-за сцены доносятся неясное бормотание и какая-то разухабистая пьяная песенка. Пошатываясь, входит Тюремщик.

Тюремщик (*напевает*). «...Я буду петь Диониса, сына славной Симелы. Как на мысе открытом однажды сидел он...»

Герострат. Явился наконец! Черепаха! За такие деньги можно было бегать побыстрее.

Тюремщик (*продолжает петь*). «...Юноша в самом расцвете сил молодых, и кудри чудные с синим отливом истрихивал он...»

Герострат. Э-э, да ты набрался, приятель!

Тюремщик. Да, Герострат, я выпил! Я выпил — и этого не скрываю... Когда приходится прислуживать такому человеку, как ты, стыдно быть трезвым... Приходится пить, чтобы не мучила совесть...

Герострат. Теперь не мучает?

Тюремщик. Мучает, но уже не так... Если бы не мое скудное жалованье, я бы в жизни не взял ни драхмы у такого... у такого...

Герострат. Я заплатил тебе, чтобы не слышать ругательств?

Тюремщик. Молчу... Молчу, Герострат, хотя мне ужасно хочется назвать тебя мерзавцем.

Герострат. Ты все исполнил?

Тюремщик. Все.

Герострат. Ну, расскажи, как это было.

Тюремщик. Когда я пришел в харчевню Дионисия, вся эфесская шантрапа была в сборе. Тут были люди двух сортов: одни хотели выпить, другие — опохмелиться. Но и у тех и у других не было за душой ни драхмы... И тут вошел я! Когда они увидели мой кошелек, то решили, что меня послал сам Дионис, и попытались меня зацеловать, но я им не дался... я назвал твое имя. Тут они возмутились и стали тебя поносить... Сказать, какими словами они тебя обзывали?

Герострат. Нет! Рассказывай дальше...

Тюремщик. Жаль! Там были удивительно сочные выражения... Потом они стали думать, что делать с деньгами... Одни хотели выкинуть их в нужник, другие предлагали их все-таки пропить. Других оказалось больше! Мы пили и говорили о тебе.

Герострат. Что же вы говорили?

Тюремщик. Мы решили, что ты, конечно, свинья и мерзавец, но в тебе что-то есть гуманное, раз ты в предсмертный час думаешь о страждущих и жаждущих...

Герострат. И неужели никто меня не назвал славным парнем?

Тюремщик. Мы недостаточно выпили для этого, Герострат.

Герострат. Ничего! Если судьба будет благосклонна

ко мне, вам еще представится случай выпить на дармовщину. Тогда, надеюсь, вы назовете меня славным парнем?

Т ю р е м щ и к. Вполне может быть. А у тебя будут деньги?

Г е р о с т р а т. Непременно!

Т ю р е м щ и к. Верю. Ты оборотистый малый, раз сумел вытрясти из Крисиппа целый кошелек серебра. Но главное, что и я смогу на тебе заработать. У тюремных ворот стоят несколько человек, готовых заплатить мне только за то, чтобы глянуть на тебя...

Г е р о с т р а т. Вот как? Ну что ж, не возражаю. Значит, интерес к моей персоне возрастает. Очень хорошо! Кто эти люди?

Т ю р е м щ и к. Несколько торговцев, один каменщик, один художник, его зовут Варнатий, он расписывает вазы, и какая-то женщина.

Г е р о с т р а т. Э-э, да там целая экскурсия!.. Начнем с женщины, тюремщик. Она симпатичная?

Т ю р е м щ и к. Трудно сказать — она закрыла лицо.

Г е р о с т р а т. Впусти ее первой!

Т ю р е м щ и к (*послушно*). Будет исполнено! (*Спохватившись*.) Ты уже приказываешь мне, мерзавец?

Г е р о с т р а т. Ну и что? Мои приказы неплохо оплачиваются.

Т ю р е м щ и к (*уходя*). О боги, почему вы не повелели повысить мне жалованье?.. Так неприятно продаваться... (*Выходит и вскоре возвращается, сопровождая Клементину, на которой черный гиматий, лицо закрыто шалью*.) Вот, женщина, тот злодей, которого ты желала увидеть.

К л е м е н т и н а. Благодарю тебя, тюремщик. (*Дает ему деньги*.) Ты позволишь мне побеседовать с ним наедине?

Т ю р е м щ и к (*пересчитывая деньги*). Побеседуй. Только не долго, там еще есть желающие... (*Уходит*.)

Г е р о с т р а т. Что привело тебя ко мне, женщина?

К л е м е н т и н а. Любопытство.

Г е р о с т р а т. Ну что ж, это неплохое качество. Если бы не было любопытных, жизнь казалась бы намного скучнее. Что ж тебя интересует во мне?

К л е м е н т и н а. Все.

Г е р о с т р а т. Всего узнать невозможно. Но я могу дать тебе совет: скоро в городе появятся мои записки, прочти их. Там есть много интересного для любопытных.

К л е м е н т и н а. Прочту. А сейчас дай посмотреть на тебя.

Герострат. Как ты меня находишь?

Клементина. Ты красив, и рост у тебя высокий.

Герострат. А почему я должен быть маленьким? Странные люди, вы почему-то уверены, что поджигатель храма должен быть уродцем. Клеон считал, что у меня прыщавое лицо, ты представляла меня карликом, да?

Клементина. Все в городе говорят, что ты сжег храм из тщеславия. Я не верю в это. Мне кажется, есть другая причина.

Герострат. Что может быть прекраснее славы, женщина? Слава сильнее силы богов, она может подарить бессмертие.

Клементина. Согласна. Но есть в мире одно чувство, которое ценится не меньше славы.

Герострат. Какое?

Клементина. Любовь.

Герострат. Любовь? Ты заблуждаешься... Любовь может унижить человека, слава — никогда.

Клементина. Даже если это слава злодея?

Герострат. Даже она. Кто построил храм Артемиды? Ну-ка? Не мучайся, ты наверняка забыла имя зодчего. Но ты будешь всегда помнить имя Герострата. Видишь, как слава в одну ночь делает человека бессмертным?

Клементина. И все-таки я надеялась, что не она причина твоего поступка. Я думала, что есть в Эфесе женщина, из-за любви к которой и вспыхнул этот костер.

Герострат (*усмехаясь*). Какая наивность! Да все женщины Эфеса не стоят того, чтоб из-за них поджигали даже курятник.

Клементина. Подойди ко мне.

Герострат. Зачем?

Клементина. Подойди!

Герострат подходит к Клементине, та дает ему звонкую пощечину.

Герострат. Ну, ты! Я могу дать сдачи! (*Надвигается на Клементину.*) Мне достаточно перепадало в жизни! Перед смертью я бы хотел обойтись без пощечин...

Клементина. Это тебе за всех женщин, ничтожество! (*Снимает шаль.*)

Герострат. Клементина? (*Нервно смеется.*) Ай да Герострат! Молодец! Сама повелительница Эфеса пришла к тебе на свидание!

Клементина (*зло*). Свидание окончено, Герострат! Уже не интересна беседа с тобой.

Герострат. Почему? Что разочаровало тебя во мне, Клементина?

Клементина. Можно быть рабом, но мыслить как царь! А ты — мелкий лавочник, Герострат, и мыслишь как мелкий лавочник...

Герострат. Не понимаю.

Клементина. И не поймешь! Скудные мозги вложили тебе в голову родители. Я не верю, что ты сознательно сжег храм Артемиды. Ты, наверное, спьяну случайно устроил пожар? Это было так, сознавайся?!

Герострат. Не понимаю, что ты хочешь?

Клементина (*нервно ходит по сцене*). Ничтожество! Я-то представляла его героем с отважным сердцем, с прекрасными помыслами, а он... червяк! Жил как червяк и умрешь как червяк! Клеон был прав: я слишком возвышенна, чтобы понять ничтожное...

Герострат. Погоди, погоди, Клементина. Я никак не пойму, о чем ты говоришь... Дай подумать!.. О, я все понял! Ну конечно! Ах, глупец! (*Смеется.*) Все ясно! (*Подходит к Клементине, прикладывает руку к сердцу.*) Я люблю тебя, Клементина!

Клементина. Ты лжешь, негодяй!

Герострат. Конечно, лгу, но ведь именно это ты хотела услышать? Во имя любви к тебе я сжег храм?

Клементина (*смутившись*). Не обязательно я, мне казалось, что есть женщина...

Герострат. Не надо хитрить, Клементина. Плевать тебе на других женщин! Все знают, что ты первая в Эфесе. Тебя рисуют художники, тебе слагают гимны поэты! Тысячи юношей плачут по почам, мечтая о тебе... И вдруг такое событие — сожжен храм Артемиды! Почему? Конечно, из-за несчастной любви. Из-за любви? К кому?! Сознайся, Клементина, ты испугалась соперницы. Неужели в Эфесе есть другая женщина, которую кто-то может любить больше, чем тебя? С этим вопросом ты пришла ко мне?

Клементина. Пусть так. Но теперь я вижу, что заблуждалась.

Герострат. И ты успокоилась? Не верю! Твое тщеславие не меньше, чем мое. Очень хочется остаться в истории женщиной, ради которой мужчины шли на смерть... (*Шепотом.*) Знаешь, Клементина, почему я сжег храм Артемиды? Потому что считаю тебя прекраснее самой богини!

Клементина (*испуганно*). Замолчи! Не навлекай на меня гнев богов!

Герострат. Не бойся, Клементина! Это я вызвал их гнев, и я буду отвечать. Тебе останется только слава... Кто такая Артемида? Жестокосердная богиня охоты. Она носится по лесам со свитой своих зверей, стреляет из лука и прячется от людского взора. Она и любить-то не умеет, несчастная! За что ей возводятся храмы? За что ей приносят жертвы? Да она мизинца твоего не стоит!

Клементина. Перестань! Мне страшно!

Герострат. Тебе приятно, Клементина. Я чувствую: кровь ударила тебе в лицо, закружилась голова. Подумай: пройдут годы, постареет твоя кожа, поседеют волосы, а люди будут смотреть на тебя и говорить: вот женщина, которая не уступала красотой богине. Ее любили так, как никого на свете!.. О тебе будут написаны поэмы, трагедии... Лучшие актрисы мира станут гримировать свое лицо под твое, и само имя — Клементина — станет символом красоты и величия. Завидная судьба!

Клементина. Что ты хочешь, Герострат?

Герострат. Завтра, когда меня будут казнить, я произнесу во всеуслышание имя Клементины! Я скажу, что, влюбившись и не рассчитывая на ответное чувство, я бросил вызов богам. Я скажу, что греки не смеют поклоняться какой-то Артемиде, когда среди нас живет такое чудо, как ты. Позволь мне сказать это?

Клементина (*взволнованно*). Позволяю.

Герострат (*деловым тоном*). Так! Договорились! Считай, что сделка состоялась. Какова твоя цена?

Клементина. Какая цена?

Герострат. За славу я плачу жизнью, а ты?

Клементина. Я дам тебе золото.

Герострат. Зачем мне оно? Приговоренные к казни перестают быть алчными.

Клементина. Чего же ты хочешь? Бежать?

Герострат. Если я сбегу, то кто же проложит тебе дорогу в бессмертие?

Клементина. Теперь я не понимаю, про что ты говоришь?

Герострат. Ты сказала: есть в мире чувство, которое ценится не меньше, чем слава. Любовь! Я всегда относился к ней недоверчиво, но, может быть, я заблуждался? (*Решительно*.) Я хочу твоей любви, Клементина!

Клементина (*испуганно*). Что?! У тебя помутился разум!

Герострат. Возможно. Но это — моя цена.

К л е м е н т и н а. Дурак! Перед тобой повелительница Эфеса, а ты говоришь с ней, как с продажной женщиной!

Г е р о с т р а т (*кривляясь*). Ах, извините, госпожа, я не думал оскорбить вашу особу. Вся жизнь я прожил среди грубого люда, откуда мне было набраться хороших манер? Ведь я бывший лавочник, госпожа, и, как вы справедливо заметили, у меня мысли лавочника. Я подумал: поскольку меня покупают, я могу назвать цену?

К л е м е н т и н а. Перестань кривляться! Будь благоразумен, Герострат. Не забывай, я жена Тиссаферна и имею на него влияние. Хочешь, я заставлю его надолго отсрочить твою казнь?

Г е р о с т р а т. Хочу! Но в придачу хочу твою любовь. Несколько лишних дней продлят мучения, зато твоя любовь скрасит мою муку.

К л е м е н т и н а. Что тебе моя любовь? Полчаса назад ты даже не думал обо мне.

Г е р о с т р а т. Я влюбился в тебя с первого взгляда.

К л е м е н т и н а. Лжешь! Ты что-то задумал и хитришь.

Г е р о с т р а т. Я не хитрю, Клементина, я просто вживаюсь в новую роль. Завтра весь город узнает, что я — сумасшедший влюбленный, дай мне тоже поверить в это. Полюби меня, Клементина.

К л е м е н т и н а. Тюремная камера — не место для любви.

Г е р о с т р а т. Чем я виноват, что преступникам не выделяют спальни с альковом?

Человек театра встает со своего места, подходит к Клементине.

Ч е л о в е к т е а т р а. Извини, Клементина, но я вынужден заговорить. Я вижу, ты начинаешь уступать Герострату. Будь тверда! Никто не знает, как он сумеет воспользоваться твоей благосклонностью.

Г е р о с т р а т (*зло*). Ты обещал не вмешиваться!

К л е м е н т и н а (*Человеку театра*). Но я хочу, чтоб он назвал мое имя перед казнью! Разве я недостойна этого?

Ч е л о в е к т е а т р а. Не мне об этом судить, Клементина. Твоя красота прославлена поэтами, зачем тебе нужен обман?

Г е р о с т р а т. Послушай, Клементина, я ведь могу назвать имя другой женщины.

К л е м е н т и н а (*испуганно*). Другой?

Г е р о с т р а т. Разве мало в Эфесе знатных особ, желающих прославиться?

К л е м е н т и н а. Ты не посмеешь это сделать!

Герострат. Взгляни на меня, Клементина. Есть ли для такого человека что-нибудь невозможное?

Человек театра. Клементина, не будь безрассудна! Ты — достойная женщина. Славу не покупают такой ценой...

Клементина. А если он мне нравится? Если я почти полюбила его?

Герострат. Молодец!

Человек театра. Полюбила? Полюбила Герострата?.. *(Печально.)* Тогда делай все, что хочешь...

Появляется Тюремщик.

Тюремщик. Хватит! Вы заболтались. Там ждут следующие... *(Узнав Клементину.)* О боги! Кого я вижу?!

Клементина. Ты ничего не видишь, тюремщик!

Тюремщик. Как же я ничего не вижу, когда вижу...

Клементина *(властно)*. Ты ничего не видишь, тюремщик! И если твой язык не будет сидеть за зубами, то за него поплатится голова. Понял?

Тюремщик *(испуганно)*. Все понял, повелительница.

Клементина. Тогда ступай прочь! *(Человеку театра.)* И ты ступай! Мне надоели твои нравоучения!

Тюремщик уходит.

Герострат *(обнимает Клементину, потом оборачивается к Человеку театра)*. Слышал приказ? Ну, что ты стоишь? Погаси светильник и ступай! *(Показывает рукой на зал.)* И они пусть уйдут!..

Человек театра *(гасит светильник, потом печально говорит в зал)*. Я вынужден объявить антракт!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На авансцене — Человек театра.

Человек театра. Как это просто, перелистывая страницы истории, расставить по местам все даты и события, объяснить, кто прав, кто виноват. Жизнь кажется предельно четкой и понятной. Но стоит на минуту сделаться современником этих дат и событий, как сразу понимаешь, насколько все было сложнее и запутанней.

Двадцать дней зияет пепелище в сердце Эфеса, двадцать лишних дней живет на свете человек по имени Герострат. Как это могло случиться?..

Высвечивается зал суда. В углу, за небольшой перегородкой, стоят деревянные скамьи для присяжных. В центре зала на возвышении сидит Клеон.

Сейчас мы в зале эфесского суда. В дни заседаний здесь собираются толпы людей, кипят страсти, истец и ответчик изощряются в красноречии, а беспристрастные гелиасты слушают их, чтобы потом бросить в вазу черный или белый камень. Где твой черный камень, Клеон?

Шум толпы. Распахивается дверь, двое горожан втаскивают в зал Третьего. Руки у него связаны, хитон разорван, на лице и на руках — ссадины.

Клеон. Что случилось, сограждане?

Первый горожанин (*указывает на Третьего*). Этот человек хотел поджечь городской театр.

Второй горожанин. Мы схватили его в тот момент, когда он мазал стены смолой...

Третий горожанин. Развяжите мне руки, болваны! Скоты! Вы еще об этом пожалеете! Придет час, и мы оторвем вам головы!

Клеон (*вглядываясь в Третьего*). Я тебя где-то видел. Не ты ли двадцать дней назад ворвался в тюрьму к Герострату?

Первый горожанин. Да, он был с нами.

Третий горожанин. Я был дураком! Герострат — сын богов! Скоро он выйдет к нам, и тогда мы встряхнем Эфес, как спальный мешок. Мы установим здесь новый порядок! Вы еще попляшете на сковородке, которую мы разожжем на городской площади!..

Клеон. Тебя завтра же казнят!

Третий горожанин. Оставь, Клеон. Это уже было обещано Герострату. Но что ты можешь, жалкий человек, против смелого божества? Да здравствует Герострат!

Клеон (*Первому горожанину*). Уведи его! Сдай в тюрьму под охрану воинов. Суд назначаю завтра утром!

Третий горожанин. Доживешь ли ты до утра, архонт?

Первый горожанин уводит Третьего.

Второй горожанин (*подходит к Клеону*). Послушай, Клеон...

Клеон (*перебывая*). Знаю, что ты хочешь сказать, каменщик. Я не сдержал своего слова, но в том не моя вина. Я — судья, но повелевает Тиссаферн. Суд состоится только тогда, когда вернется посланец из Дельф. Мы должны набраться терпения и ждать...

Второй горожанин. Все это известно, архонт. Я пришел с просьбой: прикажи пропустить меня в тюрьму к Герострату...

Клеон. Не дело ты задумал, каменщик. По законам Эфеса каждый, кто убьет преступника до суда, сам будет казнен.

Второй горожанин. Знаю это и все-таки прошу: прикажи пропустить!

Клеон. Нет!

Второй горожанин. Отвечать буду я один.

Клеон (*решительно*). Нет! Все должно быть по закону...

Второй горожанин. Разве Герострат уважает наши законы? Он действует, а мы все ждем. Когда спохватимся, боюсь, будет поздно.

Клеон. Герострат в тюрьме, под надежной охраной. Как он может действовать?

Второй горожанин. Каждый день все эфесские

проходимцы пьют в харчевне Дионисия на деньги Герострата...

К л е о н. Я прикажу разогнать их плетью!

В т о р о й г о р о ж а н и н. Они соберутся в другом месте! Их уже много, архонт. Они пьют и славят своего благодетеля. Вчера на базаре гадалка кричала, что Герострат — сын Зевса, и многие благоговейно внимали ее словам.

К л е о н. Я прикажу схватить гадалку...

В т о р о й г о р о ж а н и н. Все равно, архонт, ты заблуждаешься. Герострат действует! Действует своим примером!.. Прикажи меня пропустить в тюрьму!..

К л е о н. Нет! Не убеждай меня, каменщик. Я не изменю своего решения.

В т о р о й г о р о ж а н и н. Ну хорошо... Посоветуйся со своей совестью, архонт. Если передумаешь, клики меня. Я буду наготове... *(Уходит.)*

Ч е л о в е к т е а т р а. Не думал, что события в Эфесе будут так стремительно развиваться...

К л е о н. Прошло двадцать дней после поджога. Это немалый срок.

Ч е л о в е к т е а т р а. Кто они, сторонники Герострата?

К л е о н. Разве это сторонники? Жалкие, никчемные люди, которым нравится наглость злодея... Ты сейчас видел одного. Несчастный цирюльник! Прочитал сочинение Герострата и решил, что ему тоже все позволено...

Ч е л о в е к т е а т р а. Ты читал это сочинение?

К л е о н. Разумеется. Суду надо знать все о преступнике.

Ч е л о в е к т е а т р а. В нем есть какая-то программа?

К л е о н *(презрительно)*. Нет. Герострат — не философ. Полуграмотный недоучка, возомнивший себя сверхчеловеком. *(Цитирует.)* «Делай что хочешь, богов не боясь и с людьми не считаясь! Этим ты славу добудешь себе и покорность!» Вот и вся теория, до какой он сумел додуматься.

Ч е л о в е к т е а т р а *(задумчиво повторяет)*. «Делай что хочешь, богов не боясь и с людьми не считаясь...» Не спеши отмахиваться от этих слов, Клеон. В них есть притягательная сила. Поверь мне, я прожил на две с лишним тысячи лет больше тебя и знаю, как такие недоучки могут дурманить головы миллионам. Ты стоишь у истоков болезни, которая впоследствии принесла горе человечеству.

К л е о н. Не знаю. Я не историк и не провидец. Я обыкновенный человек и живу сейчас. Не мне отвечать за то, что будет через тысячу лет.

Ч е л о в е к т е а т р а. Не говори так, Клеон. Каждый че-

довек в ответе за все, что делается при нем и после него!

К л е о н. Зачем ты явился к нам, человек? Неужели там, в будущем, вы вспомните Эфес только в связи с этим злодеянием? Несправедливо! Эфес — красивый город, в нем живут мирные и добрые граждане, а этот мерзавец — исключение... Он случаен в нашей жизни, как снег летом, как засуха среди зимы... Я мучаюсь, думая о том, как стереть память о его существовании. Забыть, все забыть! Забыть час его рождения и день его гибели... Будь он проклят! Не было его!..

Ч е л о в е к т е а т р а. В этом твой главный просчет, Клеон. Он был, есть и, к сожалению, будет рождаться вновь... Знаешь, Клеон, в то далекое время, которому я современник, мир будет занимать много проблем. Но и тогда время от времени на земле будет появляться он, человек по имени Герострат. Он снова провозгласит: «Делай что хочешь, богов не боясь и с людьми не считаюсь!» И вспыхнут пожары, прольется кровь, погибнут невинные. И многие станут разводить руками: «Откуда эта напасть, откуда?..» А ей с лишним две тысячи лет! Начало ее здесь, в Эфесе. Вот почему я пришел к вам, архонт. Вот почему я говорю тебе: «Не старайся облегчить свою память забвением!»

К л е о н (*мрачно*). Я не создан для борьбы, человек. Я плохой воин, но честный судья. Я никогда никого не убивал, я служил закону, и потому мое имя так уважаемо в Эфесе... Но теперь я ношу с собой это... (*Достаёт нож.*) Если посланец из Дельф принесет с собой свободу Герострату, если боги простят злодеяние, я уйду из этой жизни...

Ч е л о в е к т е а т р а. Не дело ты задумал, архонт! Отдай мне нож. Твоя жизнь нужна людям.

К л е о н. Какой смысл в жизни судьи, если в его городе царит беззаконие?

Ч е л о в е к т е а т р а. И все-таки отдай нож.

К л е о н (*протягивает нож*). Возьми... Это только мысль в минуту отчаяния. Между мыслью и делом длинный путь, не каждый сможет пройти его... Все словно сговорились, чтобы мешать правосудию. (*Неожиданно зло и решительно.*) Но пока я жив, я — судья! (*Кричит.*) Тюремщик! Войди! (*Человеку театра.*) Клянусь, этот мошенник скажет мне наконец правду!

Входит Т ю р е м щ и к.

Т ю р е м щ и к. Ты снова вызвал меня, богоподобный архонт?

К л е о н. Да. Но знай, это наша последняя беседа. Если ты вздумаешь юлить передо мной, как в прошлый раз, то я прикажу заковать тебя в кандалы и подвергнуть пытке.

Т ю р е м щ и к. За что ты гневаешься на меня, Клеон?! Я не сказал тебе ни слова лжи. Смею ли я обманывать такого человека?

К л е о н. Замолчи! Отвечай на вопросы... Тебе доверено стеречь опасного преступника, честно ли ты исполняешь свою службу?

Т ю р е м щ и к. Глаз не свожу с этого мерзавца. День и ночь я слежу за каждым его движением...

К л е о н. А откуда же у него появились деньги? Как в город попал папирус, написанный им?

Т ю р е м щ и к. Не знаю, Клеон. Откуда маленькому тюремщику знать о таких вещах?

К л е о н. Кто приходил к Герострату?

Т ю р е м щ и к. Ты.

К л е о н. Не прикидывайся дураком! Кто еще приходил в тюрьму?

Т ю р е м щ и к. Никто, архонт, клянусь своими родными! Я бы и муху не пропустил в камеру...

К л е о н. Не хочешь говорить? Ладно. Тогда заговоришь на колесе.

Т ю р е м щ и к (*падая на колени*). Пожалей меня, Клеон!

К л е о н. Кто приходил к Герострату?

Т ю р е м щ и к. Ростовщик Крисипп.

К л е о н. Я так и думал. Кто еще?

Т ю р е м щ и к. Больше никто.

К л е о н. Не лги! Помни: у тебя последняя возможность избежать пыток.

Т ю р е м щ и к. Я не смею сказать даже тебе, Клеон.

К л е о н. Значит, ты решил умереть.

Т ю р е м щ и к (*в отчаянии*). Сжался, великодушный архонт! Если я не скажу, кто приходил к Герострату, меня ждет пытка, если скажу — меня ждет смерть! Что же делать несчастному тюремщику?

В зал входит К л е м е н т и н а, она слышала последнюю фразу тюремщика.

К л е м е н т и н а. Действительно, у этого человека сложное положение, Клеон. Можно ему посочувствовать...

К л е о н (*поднимаясь ей навстречу*). Большую честь эфесскому суду оказала повелительница, посетив его стены.

К л е м е н т и н а. Я проезжала мимо и решила узнать, как

идет следствие по делу Герострата. (*Указывая на Тюремщика.*) Кто этот человек?

К л е о н. Тюремщик, он охраняет Герострата. Но кажется, ему зря платят жалованье... В камере преступника уже сумело побывать несколько посторонних, и среди них какая-то значительная особа...

К л е м е н т и н а. Ты узнал имя этой особы!

К л е о н. Пока нет.

К л е м е н т и н а. Надеешься узнать?

К л е о н. Конечно! Под пыткой он скажет все...

Т ю р е м щ и к (*в испуге, Клементине*). Нет, повелительница! Нет! Я никогда не назову ее имя, даже если меня разорвут на части!!! Будь спокойна, Клементина!

К л е м е н т и н а (*огшатнувшись от него*). Дурак!!

Возникает неловкая пауза.

Можешь отпустить этого человека, Клеон. Ты узнал, что хотел.

К л е о н (*задумчиво глядя на Клементину*). Пожалуй, так. (*Тюремщику.*) Ступай прочь!

Тюремщик пытается уйти.

Впрочем, нет. Посиди у входа в маленькой комнате, ты мне, может быть, понадобишься.

Тюремщик уходит.

Итак, Клементина, зачем ты посетила Герострата?

К л е м е н т и н а. Это начался допрос?

К л е о н. Да.

К л е м е н т и н а. Ты уверен, что можешь допрашивать повелительницу Эфеса?

К л е о н. Повелительница Эфеса — гражданка Эфеса, она подчиняется всем законам города.

К л е м е н т и н а (*зло*). Смотри, Клеон, тебе не стоит наживать во мне врага! (*С улыбкой.*) Я привыкла, чтобы со мной говорили подобострастно.

К л е о н. Я постараюсь быть подобострастным, повелительница. Зачем, обожаемая, ты приходила к Герострату?

К л е м е н т и н а. Из любопытства.

К л е о н. Твой муж знал об этом?

К л е м е н т и н а. Не твое дело!

К л е о н. Мое дело — все, что касается преступника! Итак, Тиссаферн знал о твоём визите?

К л е м е н т и н а. Нет! Но я могла ему сказать.

К л е о н. Однако ты не сказала. Почему?

К л е м е н т и н а. Не представился случай.

К л е о н. За все эти дни вы ни разу не встретились?

К л е м е н т и н а. Мне не нравится твоя ирония, Клеон! Я вольна говорить с мужем когда угодно и о чем угодно.

К л е о н. И все же до сих пор ты ему об этом не сказала. Значит, у тебя были на это причины, Клементина?

К л е м е н т и н а. Послушай, Клеон, ты напрасно строишь догадки. Я сама явилась в суд, чтобы рассказать о своей беседе с Геростратом. Помнишь, тогда, во дворце, я не поверила твоим словам о том, что Герострат сжег храм из тщеславия. Я предполагала, что он это сделал из-за безответной любви к какой-то женщине. И вот, представь, я оказалась права... Этот несчастный действительно потерял голову из-за женщины...

К л е о н. Эта женщина — ты?

К л е м е н т и н а. Ты угадал.

К л е о н. Я угадал это еще там, во дворце. Ты слишком быстро изменила свое решение и поддержала Эриту. Ну, а когда Герострат узнал об этом?

К л е м е н т и н а. О чем?

К л е о н. О том, что он влюблен в тебя!

К л е м е н т и н а. Мне не нравится твоя ирония, Клеон! Ты не имеешь права не верить мне.

К л е о н. Я слишком хорошо знаю тебя и довольно неплохо изучил Герострата. Он сам не придумает такой легенды. Это ты подсадила ему мысль! Влюбленный юноша, потерявший разум, — неплохая версия для чувствительных присяжных. Женщина, из-за которой сжигают храм богини, — это же мировая слава. Красиво придумано, Клементина... Только Герострат не мог даром согласиться, он наверняка что-то потребовал взамен... Что именно?

К л е м е н т и н а. Не смей разговаривать со мной в таком тоне! Я — твоя госпожа, ты — мой слуга!

К л е о н. Я слуга своего города, Клементина, и у меня один господин — мой Эфес, ему я и буду служить верой и правдой. О чем ты договорилась с Геростратом? Чем ты собираешься отплатить мерзавцу за свою славу?

К л е м е н т и н а. Я не стану тебе отвечать!

К л е о н. Станешь, Клементина, клянусь богами! И тюремщик поведает мне об этом.

К л е м е н т и н а. Не желаю с тобой разговаривать! Я сейчас же иду к Тиссаферну, и он своей властью покарает тебя

за оскорбление, которое ты нанес его жене. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

К л е о н. Остановись, Клементина! Властью, данную мне эфесским народом, я запрещаю тебе выходить!

К л е м е н т и н а. Что?!

К л е о н. Ты будешь находиться в здании суда, пока я не выясню твою причастность к заговору Герострата. *(Кричит.)* Не выпускать Клементину!!!

Ч е л о в е к т е а т р а. Так, архонт, так!

К л е м е н т и н а. Ты горько пожалеешь об этом, Клеон. Горько пожалеешь... *(Уходит.)*

К л е о н. Так и только так! Теперь нельзя останавливаться. Будь что будет! Граждане Эфеса, вы можете верить слову своего судьи. Он не обманывал вас раньше, не обманет и теперь... *(Кричит.)* Войди, Крисипп, я жду тебя!

Входит К р и с и п п, почтительно кланяется.

К р и с и п п. Приветствую тебя, о мудрый и справедливый из архонтов, да будет мир в твоём доме, да обратят на тебя боги свою благосклонность...

К л е о н *(перебивая)*. Останови поток красноречия, мошенник!

К р и с и п п. Чем я прогневал тебя, Клеон?

К л е о н. Разве ты не понял, когда получил повестку в суд?

К р и с и п п. Что я мог понять из сухой повестки? Разве только, что произошло недоразумение... Обычно Крисипп вызывает в суд своих должников, но никто не вызывал в суд Крисиппа.

К л е о н. Ростовщик Крисипп, ты обвиняешься в том, что вступил в преступную связь с Геростратом и с целью наживы распространяешь по городу его сочинения.

К р и с и п п. И только-то! Но, уважаемый Клеон, это обыкновенная продажа папирусов. С каких пор в Эфесе коммерция считается преступлением?

К л е о н. С тех пор как Народное собрание Эфеса и повелитель Тиссаферн издали закон, запрещающий упоминать имя поджигателя Герострата, а также все иные действия, способствующие славе этого злодея.

К р и с и п п. Все правильно. Но ведь закон был объявлен только через неделю после поджога, а записки Герострата мои люди продавали уже на второй день... Когда же был издан запрет, я тотчас порвал все имевшиеся папирусы.

К л е о н. Ложь! Папирусы продают на базаре и по сей день. Причем цена на них подскочила.

Крисипп. Клянусь богами, я не имею к этому никакого отношения... Сам посуди, зачем мне рисковать? Я продаю кожу, рыбу, зерно, лес... Для чего мне размениваться на какие-то свитки и рисковать головой? Да и кто теперь их станет покупать? По закону, купивший папирус карается не меньше, чем продавший.

Клеон. Ты хорошо изучил закон, Крисипп, и все-таки нарушаешь его.

Крисипп. Какую клятву мне дать, чтобы ты поверил?

Клеон. Не надо клятв, дай ключи!

Крисипп. Какие ключи?

Клеон. Ключи от склада твоих товаров. Мы произведем обыск.

Крисипп (*поспешно доставая ключи*). Прошу тебя, Клеон. Ищи!

Клеон (*отстраняя ключи*). Значит, не там. Где же? Где спрятаны свитки? В лавке? В доме?

Крисипп. Клянусь тебе, архонт, ты заблуждаешься...

Клеон. Где они спрятаны, ростовщик? Я все равно их найду, и тогда твоя вина усугубится... Пожалей себя!..

Крисипп. Пожалей мою жену и дочь, архонт! (*Вскли-
пывает.*)

Клеон. Ах, понял! Ты прячешь их в гинекее. Там за них можно быть спокойным — ни один посторонний не переступит порог женской половины дома. Я угадал? Ну?! Молчишь?! Я ведь прикажу обыскать эти комнаты...

Крисипп. Ты хочешь опозорить старика, Клеон?

Клеон. Я хочу услышать хоть слово правды! (*Кричит.*) Эй, люди! Приказываю произвести обыск в доме ростовщика Крисиппа. Осмотрите его повнимательней, особенно женские комнаты!

Крисипп (*испуганно*). Остановись, Клеон! Я готов сделать чистосердечное признание... Надеюсь, сейчас это еще не поздно.

Клеон. Говори!

Крисипп. В гинекее моего дома действительно лежат папирусы Герострата. Пятнадцать штук.

Клеон. Вот как?

Крисипп. Их заказал один покупатель.

Клеон. Один покупатель — пятнадцать папирусов? Зачем ему столько?

Крисипп. Откуда мне знать? Он платит, мое дело доставать товар.

Клеон. Кто он?

К р и с и п п. Знатный человек, и я обещал сохранить его имя в тайне.

К л е о н. Кто бы он ни был, я должен знать его имя! По приказу Тиссаферна, купивший папирус карается не меньше, чем продавший!

К р и с и п п. Но я заслуживаю снисхождения, ведь я чистосердечно признался...

К л е о н. Суд учтет твоё раскаяние, ростовщик! Назови имя!

К р и с и п п. Бедный заказчик, что с ним будет?

К л е о н. Он будет арестован и заточен в тюрьму!

К р и с и п п. Даже так?! И ты не изменишь своё решение, Клеон?

К л е о н *(решительно)*. Никогда!

К р и с и п п. Слово архонта?

К л е о н. Клянусь!

В зал суда входил Тиссаферн.

К р и с и п п *(замечает его, с нескрываемым ехидством)*. Тебе повезло, Клеон. Заказчик сам явился в суд. Осталось только упрятать его в темницу. Обернись!

Клеон оборачивается, видит повелителя.

Пауза.

К л е о н *(растерян, почтительно склоняется)*. Я рад приветствовать повелителя Эфеса! *(Крисиппу)*. Ступай, мы ещё поговорим с тобой...

К р и с и п п *(улыбаясь)*. Непременно, архонт, непременно... Не забудь про свою клятву.

К л е о н *(зло)*. Ступай!

Почтительно поклонившись Тиссаферну, Крисипп уходит.

Т и с с а ф е р н. Ужасная жара стоит в городе, солнце печет немилосердно. Пока доехал к тебе, взмок... А ты работаешь?

К л е о н. Как видишь, повелитель. Служащий должен нести свою службу в любую погоду.

Т и с с а ф е р н. Это правильно, только не переусердствуй... Ты уже немолодой, Клеон, надо беречь здоровье...

К л е о н. Ценю заботу повелителя...

Т и с с а ф е р н. Мой долг заботиться о своих слугах.

К л е о н. Повелитель, позволь задать тебе вопрос: зачем ты покупаешь папирусы Герострата?

Т и с с а ф е р н. Кто покупает? Я покупаю?.. Ложь! (*Поймав пристальный взгляд Клеона, сразу сдается.*) Да-да, ты прав, покупаю!.. Это мошенник Крисипп наядбедничал? Вот я ему покажу!..

К л е о н. Зачем ты это делаешь, повелитель?

Т и с с а ф е р н. Да я так, из любопытства... Пусть, думаю, в моей библиотеке хранится экземпляр...

К л е о н. Ты заказал пятнадцать штук.

Т и с с а ф е р н. И это он сказал? (*Возмущенно.*) Ну люди! Ни на кого нельзя положиться!.. Понимаешь, Клеон, меня просил прислать записки Герострата царь Македонии. И еще повелитель Сиракуз... Ну, и еще несколько уважаемых людей. Интересно все-таки, что насочинял этот разбойник. Там есть любопытные мысли...

К л е о н. Ты нарушаешь закон!

Т и с с а ф е р н. Нарушаю! Но ведь я сам его издал. Значит, не закон командует мною, а я — законом! Впрочем, это ерунда, из-за которой не стоит огорчаться, мой любимый архонт...

К л е о н. Ты подаешь дурной пример!

Т и с с а ф е р н. Какой пример? Я все делаю втайне... Только твое недремлющее око могло это заметить. Впрочем, повторяю, это ерунда и пустые страхи... (*Человеку театра.*) Цитату для убедительности...

Ч е л о в е к т е а т р а. Из Софокла: «Кто пред пустыми страхами трепещет, заслуживает истинных!»

Т и с с а ф е р н. Вот именно! Софокл прав!.. (*Оглядывается.*) А где Клементина? Слуги сообщили, что она здесь.

К л е о н (*официально*). Повелитель, твоя жена арестована мною!!

Т и с с а ф е р н (*после паузы*). Ужасная жара стоит в городе, Клеон. Нельзя работать в такой духоте, у тебя расплавляются мозги...

К л е о н. Моя голова сохраняет ясность мысли, повелитель. Твоя жена арестована! Она обвиняется в том, что посетила Герострата и вошла с ним в тайный сговор.

Т и с с а ф е р н (*нервно*). Думай, Клеон, думай... Когда говоришь, что думаешь, думай, что говоришь!

К л е о н. Я отвечаю за каждое свое слово, Тиссаферн.

Т и с с а ф е р н (*нервно*). Не ошибись, Клеон, не ошибись! Такой ошибки я не прощу даже тебе. (*Человеку театра.*) Уйди! Ты не должен это слушать...

Человек театра уходит.

(Клеону.) У тебя есть доказательства, свидетели?

Клеон. Клементина не отрицает свое посещение Герострата. В суде находится тюремщик, он подтвердит это...

Тиссаферн. Позови Клементину!

Клеон. Слушаюсь.

Выходит и тут же возвращается, сопровождая Клементину.

Тиссаферн. Обожаемая Клементина, наш уважаемый архонт рассказывает какие-то странные истории.

Клементина. Он и со мной довольно странно разговаривал, если грубость можно считать странностью.

Тиссаферн (Клеону). Ты разговаривал с моей женой грубым тоном?

Клеон. Я разговаривал с ней тоном судьи.

Тиссаферн (Клементине). Ты была у Герострата?

Клементина. Нет!

Тиссаферн (Клеону). А ты утверждаешь, что она была там?

Клеон. Утверждаю!

Тиссаферн. Значит, один из вас лжет? Ложь должна быть наказана! Клянусь всеми богами греков и персов, лжец будет наказан!!!

Клеон (кричит за сцену). Приведите тюремщика!

Тиссаферн. Послушаем тюремщика. Если меня обманул мой друг, он мне не друг, если — жена, она мне не жена!!!

Клементина. Прекрасные слова, мы внесем их в дворянскую книгу...

Возвращается Человек театра.

Клеон (бросаясь ему навстречу). Ну?! Где тюремщик?!

Человек театра. Он убит.

Пауза. Тиссаферн подозрительно смотрит на Клементину и Клеона.

Клеон. Кто подослал убийцу? (Глядя на Клементину и Тиссаферна.) Ты или ты?

Клементина. А может быть, ты, архонт? (Берет Тиссаферна под руку.) Пойдем, милый! Он сошел с ума от подозрений...

Оба уходят.

Клеон (в отчаянии протягивает руку к Человеку театра). Верни мне нож, человек! Прошу тебя, верни мне нож...

КАРТИНА ПЯТАЯ

«Тюремщик! Тюремщик!» — этот крик Герострата звучит все время, пока разгораются светильники, высвечивая тюремную камеру. Камера уже приняла более благоустроенный вид, чем в первой и третьей картинах: появилось ложе, возле него — низенький столик для еды, на столике — пустые тарелки и килик для питья, в углу камеры — большая расписная ваза.

Герострат (*нервно ходит по камере*). Тюремщик! Тюремщик! Где же ты, порази тебя гром?! Мерзавец!.. Эй, придет ко мне кто-нибудь или нет?! Тюремщик!

Входит Клеон.

Клеон. Что ты кричишь?

Герострат (*зло*). Я кричу, потому что это не тюрьма, а свинарник! Второй день ко мне никто не приходит. Прикажи-ка хорошенько всыпать своим тюремщикам, архонт, они зря получают жалованье... Заключенных положено кормить, поить и убирать за ними урыльник, а этот бездельник отлынивает от своих обязанностей... (*Снова кричит.*) Эй, тюремщик!

Клеон. Не кричи, он не придет.

Герострат. Почему?

Клеон. Он убит.

Герострат. Убит?.. Вот так так... Кем?

Клеон. Пока неизвестно.

Герострат. Жаль, он был неплохим малым.

Клеон. Особенно для тебя.

Герострат. А хоть бы и для меня? Кому же любить тюремщиков, как не их подопечным... (*Задумчиво подходит к столику, хочет выпить, но килик пуст.*) Проклятье! Никто за два дня не принес глотка воды! Пора бы назначить нового тюремщика, архонт!

Клеон. Он назначен.

Герострат. Где же он?

Клеон. Перед тобой.

Герострат. Ты шутишь?

Клеон. С тобой шутить недостойно!

Герострат (*удивленно смотрит на Клеона*). Вот это да! Ай да Герострат, ай да фигура! Сам архонт-басилей приставлен к тебе тюремщиком... Вот не ожидал! Ха-ха, ну чудеса!

Клеон (*сердито*). Не понимаю, чему ты радуешься?

Герострат. Как — чему? Думал ли я когда-нибудь, что достопочтенный Клеон будет охранять меня и выносить за мной урыльник?

Клеон (*зло*). Урыльник будешь выносить сам, негодяй!
Герострат (*давясь от смеха*). Все равно, ты-то будешь идти рядом и нюхать... Ой, не могу, смешно!

Клеон. Замолчи!

Герострат (*продолжает смеяться*). Бедненький Клеон, за что ж тебя так понизили? Чем же ты прогневал народ Эфеса?

Клеон. Я сам попросил назначить меня твоим тюремщиком, Герострат.

Герострат (*перестав смеяться*). Сам?.. Странно. Ну да мне все равно. Раз ты тюремщик, будь добр, принеси мне еду и питье... Я голоден!

Клеон молча поворачивается и уходит.

(*Кричит ему вслед.*) Принеси за два дня, тюрьма мне задолжала! И поживей поворачивайся, новенький!! (*Смеется.*) Веселые дела творятся в Эфесе! (*Садится на ложе.*)

Появляется Человек театра, как всегда, садится в углу сцены.

(*Заметив его, мрачнеет.*) Зачем пришел?

Человек театра. Тебя волнует мое присутствие?

Герострат. Меня волнует, что ты суешь свой нос куда не надо.

Человек театра. Я ни во что не вмешиваюсь, я только слежу за логикой событий.

Герострат (*злбно*). Надоел ты со своей логикой! Оставь в покое меня и мое имя. Повелитель издал указ: забыть Герострата! Так забудьте!!

Человек театра. Вот как? Ты уже согласен на забвение? Нет, не получится... Забыть — значит простить!

Герострат. «Простить», «не простить»... О боги, сколько архонтов на мою бедную голову! Никогда не думал, что удастся отерочить суд на две тысячи лет...

Человек театра. Тем строже будет этот суд, Герострат.

Человек театра и Герострат некоторое время с неприязнью смотрят друг на друга.

Входит Клеон, вносит миску с едой и кувшин.

Герострат (*усмехаясь, Человеку театра*). Вот еще один мыслитель... Потомки, наверное, вдоволь насмеются, изучая эту персону... (*Клеону.*) Ну, что там настряпали повара?

Клеон (*сорвавшись на крик*). Встать! Встать немедленно! Заключенный должен стоять, когда входит надзиратель!!!

Ну?! (*Замазывается, чтобы выплеснуть на Герострата содержимое миски.*)

Герострат (*испуганно вскочив с ложа*). Но-но, Клеон! Что ты? Осторожно!!

Клеон. Молчать! Иначе я плесну все это в твою наглухую физиономию. Еды не получишь, пока не уберешь в камере! Чтоб через минуту здесь было чисто!

Герострат (*поспешно*). Понял, понял! Зачем так волноваться? (*Подбирает с полу мусор, корки, кожуру фруктов.*)

Клеон. Что это у тебя?

Герострат. Это? (*Показывает кожуру.*) Кожура! Это — апельсиновая, это — банановая!

Клеон. Неплохой десерт был у заключенного! Многие жители города могли бы тебе позавидовать. (*Осматривает килик.*) И вино тебе приносили?

Герострат (*с улыбкой*). Из сострадания, Клеон, только из сострадания. Разве так страшно, если в предсмертные минуты человек хорошо поест и попьет?!

Клеон. Твои предсмертные минуты слишком затянулись, Герострат! (*Замечает вазу.*) А это что?

Герострат. Ваза.

Клеон. Ваза с дорогой росписью в тюремной камере?! Да! Если б тюремщик сейчас ожил, я бы прибил его вторично!.. (*Разглядывает вазу.*) Кто здесь изображен?

Герострат. Не узнаешь?.. Странно...

Клеон (*переводя взгляд с вазы на Герострата*). Кто посмел писать твой портрет?

Герострат. Художник Варнатий. Он сказал, что у меня поразительные черты лица. Я с ним согласен. (*Оглядывая вазу.*) Не очень получились глаза, но это можно поправить. Работа еще не закончена...

Клеон. Варнатий дорого поплатится за свою дерзость. Как архонт Эфеса...

Герострат (*перебивая*). Бывший.

Клеон. Как гражданин Эфеса я вызову его в суд за прославление разбойника!!! Или пусть он ведет меня в суд за то, что я разбил его вазу!!! (*В бешенстве разбивает вазу.*)

Герострат (*печально*). За что ты так не любишь меня, Клеон?

Клеон. Я тебя ненавижу!

Герострат. Жаль! Значит, вдвоем нам будет тесно на этой земле...

Секунду они с ненавистью смотрят друг на друга, затем Герострат отводит взгляд, садится за столик, начинает есть похлебку.

Клеон (*властно*). После того как поешь, вымоешь миску и пол в камере! Беспорядка больше не допущу! За каждую соринку будешь наказан плетью!..

Герострат. Сорят посетители, а не я...

Клеон. Посетителей больше не будет! Понял? Здесь тюрьма, а не театр.

Появляется Тиссаферн.

Тиссаферн. Ты абсолютно прав, Клеон, но иногда все-таки придется делать исключение...

Увидев повелителя, Клеон и Герострат почтительно кланяются.

Клеон (*мрачно*). Повелитель Эфеса может посещать кого угодно и когда ему вздумается.

Тиссаферн. Вот и я так думаю. Должен же хозяин города знать, как содержатся опасные преступники? (*Подходит к Клеону.*) Я хотел поговорить с тобой... Послушай, Клеон, мне жаль, что все так получилось. Я думал лишь слегка наказать тебя, но не смещать с поста архонта.

Клеон. Народное собрание приняло решение — я подчинился.

Тиссаферн (*миролюбиво*). Не хитри, Клеон. Ты прекрасно понимаешь, что стоило тебе извиниться, и все было бы забыто... Друг мой, надо укрощать свою гордость, когда не прав!

Клеон. Мне не в чем извиняться, повелитель... Обстоятельства оказались сильнее меня...

Тиссаферн. Жаль! Жаль, что ты упорствуешь в своем заблуждении. Согласись, что человек, не верящий в своих повелителей, не может быть архонтом.

Клеон. Согласен! Поэтому и попросил отставку.

Тиссаферн. Это твое право. Но почему ты захотел стать простым тюремщиком?! Что это? Вызов? Каприз? Такая обидчивость достойна нервного юноши, а не тебя. Несolidно, друг мой, не-solidно!

Клеон. Меньше всего, повелитель, я думал о солидности. Мне важно было принести пользу своему народу. Сегодня Эфес в опасности, опасность исходит от этого человека (*жест в сторону Герострата*), значит, мое место здесь!

Тиссаферн. Ты преувеличиваешь опасность этого негодяя. Кто он? Комар, не более.

Клеон. Я тоже так думал, Тиссаферн, но теперь вижу, что ошибался...

Тиссаферн. Почему?

К л е о н. Повелители не приходят на свидание с комаром!
Т и с с а ф е р н (*смуглившись*). Ты считаешь, что я пришел к нему на свидание?.. Ерунда... (*Столкнувшись со взглядом Клеона, сразу сдается.*) Ну да, да! Я пришел побеседовать с Геростратом! Что из этого? Почему я должен оправдываться в своих поступках?!

К л е о н. Я не прошу тебя об этом, повелитель.

Т и с с а ф е р н. Еще бы! Еще бы ты просил!.. Вечный укор я вижу в твоих глазах, Клеон, мне это надоело... Всему есть предел. (*Зло.*) Ступай прочь!

К л е о н (*вспыхнув от обиды*). Ты никогда раньше не говорил так со мной, повелитель!

Т и с с а ф е р н. Раньше ты был архонтом, а теперь — тюремщик! Привыкай к своему новому положению... Ступай! Когда надо будет, я позову.

Клеон уходит.

Г е р о с т р а т (*весело*). Bravo, Тиссаферн, bravo! Так его! Пора поставить на место этого гордеца.

Т и с с а ф е р н (*мрачно*). Меньше всего мне нужна твоя похвала.

Г е р о с т р а т. Ну зачем же так начинать разговор? Столько дней я ждал твоего прихода, и вот первыми же словами ты хочешь меня обидеть?

Т и с с а ф е р н. Ты ждал моего прихода?

Г е р о с т р а т. Конечно! Все эти дни, все эти долгие часы заточения я ждал тебя, Тиссаферн. Я чувствовал, что тебе хочется встретиться со мной, и я молил богов, чтобы они укрепили тебя в этом желании. ~

Т и с с а ф е р н. Оставим богов, Герострат, у тебя с ними сложные взаимоотношения... Что касается меня, то мне действительно хотелось поболтать с тобой кое о чем...

Г е р о с т р а т. Это большая честь.

Т и с с а ф е р н. Конечно! Я и придворным своим не часто оказываю такую милость...

Г е р о с т р а т. Ценю, повелитель, ценю твою доброту.

Т и с с а ф е р н. Ну хорошо. Перейдем к делу. Весь город болтает о том, что ты влюблен в Клементину...

Г е р о с т р а т (*поспешно*). Не верь, повелитель!

Т и с с а ф е р н. Я не тороплю тебя с ответом. Речь идет о моей жене, но это вовсе не значит, что ты должен бояться сказать правду...

Г е р о с т р а т. Я говорю тебе правду, Тиссаферн! Я никогда не испытывал к Клементине ничего похожего на любовь.

Тиссаферн (*чуть обиженно*). Как же так? Все говорят...

Герострат. Мало ли чего болтают, повелитель? Людям скучно без сплетен...

Тиссаферн. В этом нет ничего удивительного... Клементина молода, умна, первая красавица в городе... В кого же влюбляться, как не в нее?

Герострат. Согласен с тобой, повелитель, но меня ее чары обошли стороной. Сам не знаю почему. Должно быть, я слишком груб для подлинного чувства...

Тиссаферн (*начинает нервничать*). Странно, странно... Я был уверен, что ты сжег храм из-за безответной любви, так сказать, в благородном помешательстве...

Герострат. Нет, Тиссаферн, ничего подобного! Я лишь собиравался обессмертить свое имя. Глупое тщеславие, не больше...

Тиссаферн (*задумавшись*). Жаль...

Герострат. Увы...

Тиссаферн. Печально...

Герострат. К сожалению...

Тиссаферн (*со вздохом*). Нет так нет! Значит, это действительно только сплетня?

Герострат. Конечно, повелитель. И я даже знаю, из-за чего она появилась... Дело в том, что Клементина влюблена в меня...

Возникла пауза. Человек театра от изумления раскрыл рот и пробормотал что-то вроде: «Ну, знаете ли, это уже черт-те что!»

Тиссаферн (*Герострату*). Как ты сказал? Повтори!

Герострат. Я сказал, что Клементина влюбилась в меня.

Тиссаферн. Ложь.

Герострат. Смею ли я лгать повелителю? Это так, Тиссаферн.

Тиссаферн. Какие у тебя доказательства?

Герострат. Какие доказательства могут быть у любви, кроме того, что она была?

Тиссаферн. Ты хочешь сказать, что Клементина приходила к тебе сюда?

Герострат. Ну, не я же ходил к ней во дворец...

Тиссаферн (*в бешенстве*). Замолчи!.. Отвечай прямо на вопрос.

Герострат. Я отвечаю, повелитель... Пришла Клементина, сказала о своих чувствах, бросилась мне на шею...

Тиссаферн. Замолчи!!

Герострат. Я не могу отвечать на вопросы молча, Тиссаферн... Если тебе неприятно это слушать, зачем ты спрашиваешь меня?.. Странно! Я был уверен, что ты все знаешь.

Тиссаферн. Откуда я мог это знать, идиот?!

Герострат. Но тогда зачем ты убил тюремщика?

Слова возникает пауза, и снова Человек театра изумленно бормочет что-то...

Тиссаферн (*тихо*). Откуда тебе известно?

Герострат. Я догадался. Когда мне сказали, что тюремщик убит, я прикинул, кому он мог мешать?

Тиссаферн. У тебя неплохо скроены мозги, Герострат. Да, это я приказал убить его... Я не хотел иметь свидетелей семейного позора. Но я не думал, что дело зашло так далеко...

Герострат. Ты правильно сделал, что убрал его.

Тиссаферн. Остался ты.

Герострат. Я не свидетель, я соучастник.

Тиссаферн. Все равно тебе придется исчезнуть. Ты умрешь сегодня же!

Герострат. погоди, Тиссаферн! Не спеши. Меня убить легче, чем тюремщика, но после смерти он молчит, а я заговорю... Любовное свидание с твоей женой уже описано в новом папирусе, и свиток спрятан в надежном месте, у друзей. Если я погибну, эфесцы завтра же прочтут о том, как Клементина ласкала Герострата...

Тиссаферн. Кто поверит твоим запискам? Мало ли что мог выдумать сумасшедший?

Герострат. Там есть такие пикантные подробности, которые не оставляют сомнений в правдивости автора... Родинка на левой груди, маленький шрам на правом бедре... Это нельзя придумать, это можно только увидеть...

Тиссаферн (*подавлен*). Да, ты не лжешь...

Герострат. Я порядочный человек, Тиссаферн. Не в моем характере хвастаться победами над женщинами. Что было, то было.

Тиссаферн. Ну что ж, значит, и ей придется умереть!

Герострат. Не слишком ли много смертей, повелитель? И чего ты добьешься? Сочувствия? Никогда! Обманутым мужьям не сочувствуют, над ними смеются. Рогоносец — повелитель Эфеса! Это не понравится ни эфесцам, ни самому персидскому царю. Подумай о своем авторитете, Тиссаферн!

Тиссаферн задумывается, подходит к ложу, садится, начинает молча есть похлебку.

Тиссаферн (*продолжая думать о чем-то*). Какой бурдой тебя здесь кормят!

Герострат. Это проделки Клеона. Раньше кормили лучше.

Тиссаферн. Когда я волнуюсь, я должен что-то съесть.

Герострат (*гостеприимно*). О чем разговор? Не стесняйся, ешь на здоровье.

Тиссаферн (*отодвигает миску*). Ну, что же ты мне советуешь делать?

Герострат. Ты нуждаешься в моем совете, повелитель?

Тиссаферн. Конечно. Раз ты так хорошо придумал всю эту аферу, значит, уже придумал и ее развязку. Слушаю тебя, Герострат.

Герострат. Я слишком маленький человек.

Тиссаферн (*недовольно*). Хватит ломаться! Будь ты Тиссаферном, что бы ты сделал?

Герострат. О, будь я Тиссаферном, я поступил бы хитро: я не стал бы казнить Герострата, но я бы его и не помиловал, я бы дал ему свободу, но такую, чтобы он зависел от меня!

Тиссаферн. Туманно. Слишком туманно. И потом, не я собирался казнить тебя, а твои сограждане. Сегодня-завтра вернется посланник из Дельфы и сообщит волю богов. Уверен, что боги хотят твоей смерти.

Герострат (*встал, прошелся по камере*). Послушай, Тиссаферн, хочешь, я расскажу тебе о том, как перестал верить в силу богов?.. Не пугайся, ничего кощунственного в моем рассказе не будет. Так вот, случилось это два года назад. Дела мои тогда шли плохо, я был разорен, но не терял надежды. Я мечтал о том, что добуду много денег — и сразу! Так мечтают только азартные игроки, а я всегда был им... Решил сорвать крупный куш на петушиных боях. Занял у ростовщика пятьсот драм и купил родосского бойцового петуха. Это был чудо-петух! Рыжий, с орлиным клювом и шпорами, которым мог позавидовать любой твой всадник. Целый месяц я готовил своего петуха к победным боям, тренировал и кормил чесноком. Наконец, когда увидел, что мой петух стал злым и могучим, как какой-нибудь скиф, я пошел на рынок к богачу Феодору, который держит в Эфесе лучших петухов, и ударился с ним об заклад, что мой рыжий победит любого его питомца. Он согласился и выставил против моего бойца черного петуха. А заклад мы поставили тысячу драм, я их тоже занял у ростовщика, потому что твердо верил в победу

своего рыжего... На этот бой собрался весь рынок. Мой рыжий был вдвое больше, чем его черный противник, и, когда Феодор это увидел, он побледнел и сказал: «Твой петух, Герострат, на вид значительно сильнее моего. Но позволь мне просить богов покровительствовать моему черному малышу?» Я засмеялся и сказал: «Проси! Это ему не поможет!..» Начался бой! Рыжий наскочил на черного так, что полетели перья... Они дрались минут пять, и черный стал сдавать, и я видел, что моему рыжему осталось немного — и он раздерет своего противника на части. Но тут Феодор оттащил своего петуха и сказал: «Позволь, Герострат, мне еще раз просить богов о покровительстве моему черненькому?» — «Валяй!» — сказал я. Мы вытерли нашим бойцам раны. Феодор пошептал что-то над своим черным и снова бросил его в бой. И что ты думаешь, Тиссаферн? Этот черный начал драться так, будто в него влили свежие силы, словно мой рыжий и не молотил его до этого своим клювом. Но рыжий мой не собирался сдаваться. Я же говорю, что это был чудо-петух, Геракл среди петухов! Он опять налетел на черного и, хотя сам потерял в бою глаз, все равно так наподдал черному, что тот закудахтал словно курица и стал валиться набок. И снова Феодор прервал бой и стал просить разрешения обратиться к богам за помощью. Я видел, что черному осталось до смертного часа немного, и потому великодушно согласился. Феодор снова помолился над своим петухом, и бой возобновился! О чудо! Черный петух опять словно воскрес! Откуда у него появилась сила? Он набросился на моего уставшего рыжего, повалил его, разорвал шпорами его грудь и клюнул в самое сердце... Мой рыжий испустил дух! Я швырнул Феодору тысячу драхм, выбежал на улицу, поднял руки к небу и закричал: «Простите, боги, что я не верил в вашу силу! Вы совершили чудо, я наказан!» Но тут подошел ко мне старый раб и, смеясь, сказал: «Глупец! При чем здесь боги? Ты слеп. Каждый раз, когда бой прерывался для молитвы, слуги Феодора незаметно подменяли одного черного петуха другим, свеженьким...» Я заплакал от обиды, а потом засмеялся. Потому что я открыл для себя великую истину: сильнее богов — наглость человеческая! Эта истина стоила мне тысячу драхм, Тиссаферн, а тебе я отдаю ее даром...

Т и с с а ф е р н (*задумчиво*). Занятно. Но я не понял, что ты советуешь мне?

Г е р о с т р а т. Подмени петуха, Тиссаферн! Посланец из Дельфы может сообщить волю богов, которая выгодна повелителю. А повелителю выгодно, чтобы я жил и служил ему.

Т и с с а ф е р н. Ты уверен?

Г е р о с т р а т. Конечно! В Эфесе беспорядки, греки не жалуют персов, они только делают вид, что покорны сатрапу, а сами ждут минуты, чтобы выбросить тебя из дворца. Поставь меня над ними надсмотрщиком! Сейчас у меня найдется добрая тысяча верных слуг, которые за умеренную плату пойдут за мной в огонь и в воду. Мы разгоним Народное собрание, распустим суды гелиастов. Порядок в Эфесе установишь ты, а следить за ним буду я! Герострата станут почитать и бояться, ведь сами боги ему простили дерзость. А может быть, Герострат сам из богов? А? Говорят, гадалка на базаре кричала, что я — сын Зевса?

Т и с с а ф е р н *(с усмешкой)*. Сколько ты заплатил ей?

Г е р о с т р а т. Я подменил петуха, Тиссаферн! И буду это делать до тех пор, пока рыжий не упадет замертво!

Т и с с а ф е р н. А что скажут жрецы?

Г е р о с т р а т. Жрецы будут молчать! Они и так опозорились. Где карающая молния Зевса? Где священная стрела Артемиды? Я жив, здоров!.. Одно из двух: либо богов нет вообще, либо я — божество!

Т и с с а ф е р н. Неглупо, совсем неглупо... А как решатся наши личные дела?

Г е р о с т р а т. Какие дела, Тиссаферн? Твоя жена верна тебе, а сплетникам я сам вырву языки на городской площади!.. Подумай, повелитель, над моим предложением. Ты чужой среди греков, и ты стар...

Т и с с а ф е р н. Но-но, не забывайся!

Г е р о с т р а т. Прости меня, Тиссаферн. Но годы есть годы. Ты уже не тот, что был тридцать лет назад. Сейчас тебе нужна твердая рука в городе, и лучше меня человека для этого не найти.

Т и с с а ф е р н. Надо подумать. *(Медленно ест похлебку, потом откладывает ложку, низко опускает голову.)*

Г е р о с т р а т. Что случилось, повелитель? У тебя на глазах слезы?

Т и с с а ф е р н. Похлебка... Они переложили луку и перца.

Г е р о с т р а т *(усмехнувшись)*. Не замечал.

Т и с с а ф е р н. Помолчи, Герострат! Тебе не понять, как печальна старость... Ты знаешь, я ведь не хотел быть повелителем, в душе я всего-навсего рыболов. Я люблю рыбу, и рыба любит меня. Мне бы сидеть с удочкой на берегу моря, а вместо этого приходится жить во дворце и править людьми, которые тебя ненавидят. Я очень люблю свою жену, Герострат, но я

стар и не имею прав просить ее о взаимности. Я ждал измены, но думал, что это будет только моя боль, а она превратилась в государственную проблему... Мне не надо быть правителем. Последние дни хочется жить для себя, а не для истории. Но кто спрашивает нас о наших желаниях? *(Решительно.)* Выпустить тебя не могу, Герострат. Это возмутит народ. Вот бы случилось так, что ты сам бежал из тюрьмы...

Герострат. Раньше это было возможно, но теперь, когда меня сторожит Клеон...

Тиссаферн. Вот я про это и говорю... С ним не сторуешься.

Герострат. Что же делать?

Тиссаферн. Я думаю, думаю... *(Ест похлебку.)* Чем ты режешь хлеб, Герострат?

Герострат. Я не режу его, повелитель, я ломаю его руками.

Тиссаферн. Ай-ай, руки ведь грязны... *(Достает кинжал.)* Вот возьми! Он острый и удобный...

Герострат *(пряча кинжал)*. Благодарю, повелитель! Ты мудр и великодушен...

Человек театра *(возмущенно)*. Что ты делаешь, Тиссаферн?

Тиссаферн *(недовольно)*. Я не спрашивал твоего мнения, человек! Оставь нас в покое и не мешай!

Человек театра молча садится в углу сцены.

Ну, мне пора! *(Кричит.)* Клеон!

Входит Клеон.

Я побеседовал с этим мошенником, беседа меня развлекала. Теперь не спускай с него глаз и в назначенный день доставь его в суд целым и невредимым.

Клеон. Повинуюсь, повелитель... Когда ты ожидаешь посланника из Дельф?

Тиссаферн. Он на обратном пути, и если ничего не случится...

Клеон *(подозрительно)*. Что может с ним случиться?

Тиссаферн. Мало ли... Море бурное... Корабли часто тонут...

Клеон. Что ты хочешь этим сказать, повелитель?

Тиссаферн. Все во власти богов, Клеон, все в их власти. *(Уходит.)*

Клеон *(Герострату)*. О чем вы сговорились с Тиссаферном? Отвечай!

Герострат. Сговорились? Он — повелитель, я — комар. Какой между нами может быть сговор?

Клеон. О чем вы беседовали?

Герострат. О погоде...

Клеон. Не время шутить, Герострат! Я чувствую, что в Эфесе готовится заговор! Отвечай, иначе...

Герострат. Не пугай меня! Я уже ничего не боюсь. И потом, кто ты такой, чтобы мне отвечать на твой вопрос? Тюремщик должен знать свое место и не спрашивать о том, что ему знать не положено.

Клеон. Послушай, Герострат, я обращаюсь к тебе в надежде, что твоя душа хранит остаток совести! Ты — грек, ты — эфесец! Молю тебя, не приноси в наш город новые разрушения и смерти! О чем ты шептался с Тиссаферном? От имени всех эфесцев молю тебя: не помогай его темным замыслам... Ну, хочешь, я стану на колени? Остановись, Герострат! Самый страшный преступник может рассчитывать на снисхождение, если...

Герострат (зло). Замолчи, бывший архонт! Ты уже понял, что властью со мной ничего не сделать, теперь надеешься разжалобить меня? Не выйдет! Ступай вон!

Клеон (Человеку театра). О чем они сговорились?

В это время Герострат вынимает кинжал и подходит сзади к Клеону.

Человек театра (вскочив с места). Клеон, обернись!

Клеон оборачивается. Герострат замирает с кинжалом в руках.

Герострат (в бешенстве, Человеку театра). Ты обещал не вмешиваться!!!

Человек театра. Извини, но это уже выше моих сил.

Герострат (Клеону). Сейчас я выйду из тюрьмы и, если ты не станешь мне мешать, подарю тебе жизнь.

Клеон. Я не выпущу тебя, Герострат!

Герострат. Тогда конец! (Надвигается на Клеона, тот отступает к краю сцены.)

Человек театра (протягивает Клеону нож). Твой нож, архонт.

Герострат (в исступлении). Ты не можешь вмешаться!

Человек театра (Клеону). Возьми нож, архонт! У тебя нет выбора. Живи я две тысячи лет назад, сделал бы это сам...

Клеон берет нож из рук Человека театра.

Герострат (*в испуге*). Ты не убьешь меня, Клеон!
Человек, убивший преступника до суда, сам будет казнен!

Клеон. Я знаю это, Герострат. (*Надвигается на него.*)

Гаснет свет в камере.

Слышны звуки борьбы, потом они стихают, и в тишине возникает глухой стук падающих камней, а потом начинает звучать песня. Ее поют мужские голоса, поют сначала тихо, а потом все громче и торжественней.

Свет разгорается вновь. Клеон с поникшей головой стоит над трупом Герострата.

(*Человеку театра.*) Впервые в жизни я убил человека...

Человек театра. Ты привел приговор в исполнение.

Клеон (*в отчаянии*). Я убил!..

Человек театра. Началась борьба!!!

Стук падающих камней и песня усиливаются.

Что это?

Клеон. Они восстанавливают храм Артемиды...

Человек театра. Кто?

Клеон. Они... Эфесцы...

Человек театра. Их имена? Назови хоть одно имя... Это так важно для нас... Ну?

Клеон (*беспомощно*). Не помню...

Человек театра. Вспомни, Клеон! Несправедливо, что они всегда остаются безымянными. Вспомни!..

Из глубины сцены доносятся удары падающих камней и песня.

К о н е ц

ТРИДЦАТЬ

Шутовская комедия в двух частях
по мотивам народных фламандских легенд
Стихи Ю.Михайлова

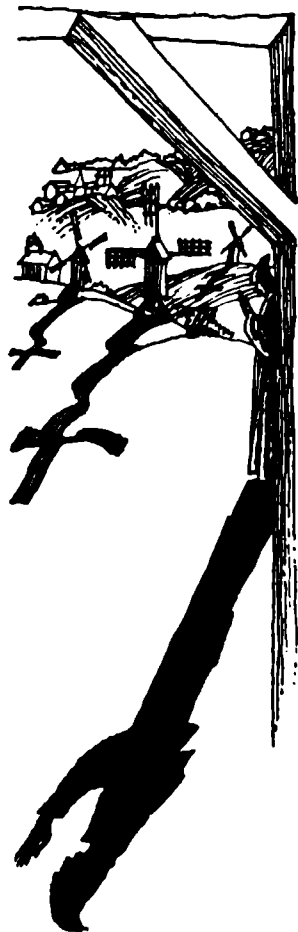

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клаас — угольник.
Сооткии — его жена.
Тиль Уленшпигель — их сын.
Неле — его невеста.
Блондинка Беткен } исполняет
Брюнетка Анна } одна актриса.
Катадина — мать Неле.
Рыбник Иост.
Ламме Гудзак.
Калликен — его жена.
Профос.
Палач.
Монах Корнелиус.
Король Филипп.
Мария — королева.
Инквизитор.
Принц Оранский.
Бригадир гезов.
Ризенкрафт.
Генерал Люмес.
Старуха Стивен.
Хозяин пивной.
Напарник рыбака.
Гезы, солдаты, девицы, горожане
и горожанки, духи.

Фландрия, XVI век.

ПРОЛОГ

Дом угольщика Клааса. Клаас и Рыбник пьют пиво и играют в кости. Посредине сцены — беременная Сооткин. Рядом на лавке Каталина рубит капусту.

Рыбник (*бросает кости*). Три — три...

Клаас. Нос подотри! (*Бросает кости*.) Пять и шесть!

Каталина (*задумчиво*). Я животных люблю... Коров, собак, птичек... Всем своим слабым сердцем люблю. Я скорей себе наврежу, чем им, беззащитным...

Рыбник (*бросает кости*). Три — три!..

Клаас. Нос подотри!

Рыбник. Ты уже говорил...

Клаас. А ты еще подотри...

Сооткин (*вздыхнула*). О-ох!

Рыбник (*обернувшись*). Началось?

Каталина. Нет. Он еще спит, наш мальчик. Ему еще рано выходить на дорогу жизни.

Клаас. Когда ж соберется с силами этот шалопаи? Сколько можно тянуть? Клянусь, если он сегодня не появится на свет, мне придется за ним слезить.

Рыбник. Не торопись. Сегодня, завтра — какая разница?

Клаас. Нет, нет — сегодня! Этот майский день тысяча пятьсот двадцать шестого года меня вполне устраивает... Мне нужен сын, а Фландрии нужен герой. У греков есть Геракл, у англичан — Робин Гуд, у испанцев — Дон Кихот, и только мы, фламандцы, за тысячи бессонных ночей не смогли сделать ни одного героя. Стыдно!

Рыбник. М-да, неловко как-то... А почему ты решил, что от тебя — и герой?!

Клаас. Время подошло... И Каталине было видение.

К а т а л и н а. Сперва призраки косили людей... На их трупах палач плясал. Камень девять месяцев кровоточил, потом распался... Потом увидела: два младенца родились, один в Испании, принц Филипп, другой во Фландрии, сын Клааса, прозвище ему — Уленшпигель. Филипп станет палачом, а из Уленшпигеля выйдет великий балагур и проказник, и странствовать ему по белу свету, славя все доброе и прекрасное и над глупостью хохоча до упаду... И весь свет он пройдет, и никогда не умрет, потому что он — дух Фландрии.

К л а а с. Во как! Слыхал? А я назову его Тилем, Тильбертом, что в переводе означает «живой» или «подвижный». И сегодня же начнутся его славные приключения, если, конечно, мамаша Сооткин поднатужится!

Входит П а л а ч с указом.

П а л а ч. Указ императора. Будете слушать?

К л а а с *(равнодушно)*. Можно. *(Дает кружку пива Палачу.)*

П а л а ч. Спасибо, а то совсем охрип... Ну, слушайте! «Отныне всем и каждому возбраняется печатать, читать, хранить и распространять писания, книги и учения Мартина Лютера, Ионна Виклиха, Яна Гуса, Марсилия Падуанского, Эколомпадия...»

К л а а с. Неужели и Эколомпадия тоже?

П а л а ч. Да. И Эколомпадия... «...а также Франциска Ламберта, Юста Ионаса и Иона Пупериса...»

К л а а с. И Иона Пупериса?.. Нет! Как же так — не читать Иона Пупериса? Да я без Пупериса как без рук! Что-то, брат, ты напутал с Пуперисом...

П а л а ч. Ничего я не напутал! На, читай сам!..

К л а а с. Чего — читай?! Я неграмотный...

П а л а ч. А неграмотный, на кой же тебе Пуперис?!

К л а а с. Имя хорошее...

П а л а ч. Не дури! Дальше — самое интересное: «Лица же, впавшие в ересь или же закосневшие в таковой, подлежат сожжению, а какому именно: на медленном или на быстром огне — это по усмотрению судьи. За прочие преступления дворяне подлежат сечению, крестьяне — повешению, а женщины — закапыванию в землю живьем... Доносчикам же его святейшее высочество выделяет треть всего принадлежавшего казенным...»

Р ы б н и к. Стоп, стоп! Это важный пункт... Что там насчет денег?

П а л а ч. Доносчик получает треть имущества...

Рыбник. Интересно... *(Встает, обходит дом, оглядывается.)* А как вот, смажем, стол делить... или лошадь?

Клаас. Эй, Иост, ты решил сделаться доносчиком?

Рыбник. Ну, что значит — решил?.. Такие вещи не решают, это приходит как-то само собой... по вдохновению.

Клаас. Подлый ты человек, рыбник...

Рыбник. Да не я! Время такое, Клаас. Господи, да родись я в какой-нибудь Ренессанс, я, может быть, музыку бы писал, мадонн разных. Но сейчас-то — инквизиция! Костры, плахи... Где ж тут талантливому человеку развернуться? Время такое...

Сооткин *(вдруг хватается за живот, кричит)*. О-ох! О-ох!

Все вскочили с мест.

Клаас *(радостно)*. Началось! Пришел час! Врешь, рыбник, время подлым не бывает, только — люди. А время у нас веселое. Время рождаться Тилю! *(Обнимает живот жены.)* Давай, мой мальчик, пробивай лбом дорожку. Заждались мы тебя, захирели ожидаючи... Давай. Свет! Музыка. Фландрия! Встречайте его... Все еще только начинается!..

Полный свет, музыка, песня.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОМ

КАТАЛИНА

Город Дамме. Площадь Большого Базара перед зданием суда. Монах Корнелиус продает индульгенции.

Монах (*заунывно*). Купите индульгенции. Христиане, купите отпущение грехов своих! Это — святая торговля. За несколько флоринов вы попадете в рай!

Неожиданно из здания суда доносится отчаянный женский крик: «Больно! Огонь! Дайте мне яду!.. Ой!..» Монах испуганно крестится. Крик стихает. Из здания суда выходят Палач, Профос и Рыбник.

Профос (*Палачу*). Все! Ее можно отпустить. Каталина — не колдунья!

Палач (*снимая маску и перчатки*). Ясное дело, господин профос. Кабы была колдунья, она б призналась... Огоньком я ее прижиг на совесть!

Рыбник (*задумчиво*). Ах, как это все-таки жестоко... Пожилую женщину — огнем...

Профос. Я и сам переживаю... Но надо же, в конце концов, установить: ведьма или не ведьма?

Рыбник. Конечно, конечно... Я не об этом. Я говорю: в городе Брюгге как-то гуманней это делается. Связывают женщину, бросают в реку: если тонет — значит, не ведьма!

Палач. Так у нас и реки нет.

Рыбник (*печально*). Да, да... Как это все не продумано!

М о н а х (*заунывно*). Купите индульгенции! Купите отпущение грехов!..

Появляется К л а а с. Все поспешно бросаются к нему.

П р о ф о с. Ну что?.. Как она себя чувствует?..

К л а а с. Жена повела ее домой... По-моему, Каталина лишилась рассудка.

Р ы б н и к. Бедная!.. Ах, как это все жестоко!..

П а л а ч (*отводит Клааса в сторону*). Клаас, я уж старался как мог... поаккуратней...

К л а а с (*задумчиво*). Да, да, молодец!

П а л а ч. Хитрость-то в чем: пакля сырая. Дыму много, а огонек не очень... Оно и не так больно!

К л а а с. Да, да, спасибо! (*Дает Палачу деньги.*)

М о н а х. Купите индульгенции. Купите отпущение грехов!

П р о ф о с (*достает кошелек*). Дай мне, монах! Пусть господь простит нам нашу суровость! (*Покупает индульгенцию.*)

К л а а с (*строго, Рыбнику*). А ты, Иост?

Р ы б н и к. А что я? Ты считаешь — грех на мне?.. Клаас, я ведь не настаивал на пытке!.. Я просто хотел ясности... Ты ведь сам видел: Каталина делала какие-то отвары из трав, все время что-то бормотала... У нее видения бывали!.. Я ведь с ней искренне, по-соседски: Каталина, говорю, не надо видений!.. А она не слушается!.. (*Вздыхнул.*) Слава богу, что оказалось, — не ведьма!.. Впрочем, грех откупить всегда полезно! (*Порылся в карманах.*) Клаас, не одолжишь флорин?

К л а а с (*протянул кошелек*). Бери!.. Больше бери!

Р ы б н и к (*заглянув в кошелек*). Откуда столько денег?!

К л а а с. Не волнуйся, деньги честные!.. Наследство от покойного брата.

Р ы б н и к. Как? Твой братец... того? Поздравляю, Клаас... Вернее, сочувствую... Ну, в общем, ты понимаешь?.. Везет же людям!.. Вот так живешь, живешь — и раз... брата нет! (*Покупает индульгенцию.*)

П р о ф о с (*подойдя к Клаасу*). Если увидишь Каталину, передай ей мое искреннее сочувствие... Надо ж, чтоб именно сегодня, в базарный день... такое... Ах! (*Покачал головой, ушел.*)

За ним ушли Р ы б н и к и П а л а ч. На сцене остались Клаас и Монах.

ЛАММЕ

Появляется Ламме. Он ведет за руку упирающуюся жену Калликен.

Калликен. Не надо, Ламме, милый! Пойдем домой...

Ламме. Нет, пусть нас рассудят!.. Если не веришь мне, послушай умного человека. Вот — Клаас! У него была большая жизнь, он — мудрее.

Калликен. Стыдно, Ламме!..

Ламме. Ничего стыдного... Дело житейское... Клаас, рассуди нас с женой!

Клаас. Здравствуй, Ламме! Здравствуй, Калликен!

Калликен. Здравствуйте, папаша Клаас... Образуйте его. *(Указала на мужа.)*

Ламме. Нет, погоди... Дай сказать мне!.. Клаас, ты знаешь, что я женился на этой женщине, потому что влюбился в нее. И каждый влюбится, если он не слепой. Стоит только взглянуть на эти румяные щеки, на эту лебединую шейку, на эти мраморные плечики, на эту нежную грудь, на этот упругий живот, на эти крутые бедра, на эти круглые колени...

Калликен *(жалобно)*. Ламме!

Ламме. Не перебивай! *(Клаасу)*. И вот, когда я на всем ЭТОМ женился, моя жена отказывает мне в законных супружеских наслаждениях, поскольку кто-то внушил ей, что это — грех!

Монах. Ты права, дочь моя. Это — тяжкий грех!

Ламме *(Монаху)*. Не вмешивайтесь, святой отец! *(Клаасу)*. Что за напасть? Как только монах или, прости господи, свпух, так обязательно лезёт с советами к новобрачным!.. Ну, слушай! Я ей говорю: дорогая жена, господь сотворил нас мужчиной и женщиной вовсе не для того, чтоб мы в постели вели философские беседы! Он создал нас для любви! А она...

Калликен. Безбрачие — путь к совершенству. Не думай о теле, Ламме, думай о душе!

Ламме. Милая, у меня большая душа, но тело гораздо больше. Как же о нем не думать?!

Клаас *(улыбнувшись)*. И давно у вас этот спор?

Ламме. С самой свадьбы.

Клаас. Бедный Ламме! *(Калликен)*. Дочка, кто научил тебя этой глупости?

Калликен. Святой проповедник.

Клаас *(зло)*. Старый козел! А он не подумал, что если б его матери внушили это, то его бы не было?.. Доченька, на свете ничего нет чище любовного греха... Ты ведь любишь Ламме?

К а л л и к е н (*робко*). Люблю.

К л а а с. Да и как не полюбить нашего Ламме? Стоит только взглянуть на его румяные щечки, на эту лебединую шею, на этот здоровый живот, на эти кривые ноги...

Калликен нежно смотрит на Ламме, Ламме протягивает к ней руки, Калликен делает ему шаг навстречу, но тут же отскакивает.

К а л л и к с н. Нет! Нет! Нельзя! Я поклялась святой мадонне.

Л а м м е (*в отчаянье*). Но сперва ты поклялась мне!.. Господи, ну кто же вразумит эту женщину?! Тиль! Где Тиль?!

К л а а с. Где-то шляется, чертов сын! Сейчас появится... Начинается базар...

БАЗАР

На площади с шумом появляются торговцы, ремесленники, горожане. Среди них вновь Рыбник и Палач. Шум, гомон, песни.

Хозяин пивной выкатывает бочку пива.

Х о з я и н. Пиво! Пиво! Кому пиво? Свежее пиво!

Несколько человек подходит с кружками. Дно бочки с треском открывается, из нее высккивает Тиль.

Ты?!

Т и л ь. Я.

Х о з я и н. А пиво?

Т и л ь (*погладив живот*). Во мне!.. Иначе б я захлебнулся!.. Если вы недовольны — могу вернуть!..

Х о з я и н. Убью! (*Гонится за Тилем, тот уворачивается.*)

К л а а с. Не сердись, хозяин, я заплачу. (*Дает Хозяину деньги. Сердито, Тиллю.*) Ты когда-нибудь угомонишься, чертов сын?!

Т и л ь. Не оскорбляйте моего отца, папа!

Л а м м е. Где ты был? Я тебя везде искал...

Т и л ь. И я был везде. Странно, что мы не встретились...

Р ы б н и к. И когда ты угомонишься, Тиль?

Т и л ь. Сразу после смерти!

П а л а ч. Тебе когда-нибудь вырвут язык.

Т и л ь. Прекрасно! Во рту станет больше места для пищи.

М о н а х. Купи индугенцию, сын мой! Купи прощенье грехов!

Т и л ь. Отличная мысль. А за будущие грехи можно откупиться?

М о н а х. Хоть на сто лет вперед.

Т и л ь. Столько я вряд ли проживу. (*Достал монету.*)
Отрежь на полчаса, святой отец!

Монах берет монету, протягивает Тилью индугенцию. Тиль тут же вытаскивает у него из кармана кошелек.

М о н а х. Стой! Что ты делаешь? Мой кошелек!

Т и л ь (*увертываясь от погони*). Этот грех мне прощен, монах. Я откупился! Господь свидетель!

Все смеются.

К а л л и к е н (*жалобно*). Не надо, Тиль! Не смейся над праведником! Нехорошо!

Т и л ь (*сразу посерьезнел*). Не смеяться?! А что ж нам еще остается, Калликен?! (*Презрительно швырнул Монаху кошелек.*) Эти толстопузые святоши заполонили Фландрию как саранча! По их милости на дорогах проросли виселицы и дым пахнет человечиною! Испанцы отбирают наши дома, король Филипп — кошельки, инквизиторы — души, а мы не имеем права даже смеяться?! Для чего ж тогда жить?!

Р ы б н и к (*выбежал вперед, взял Тилья за руку*). Тиль, умоляю, больше ни слова! Здесь люди! Свидетели!

Т и л ь. Разве я не прав?

Р ы б н и к. Позволь мне, как старшему, как другу дома, посоветовать: не надо, Тилюшка!.. Ведь за такие слова — сразу в тюрьму!.. Пожалей мать, отца, меня... Ведь я буду вынужден... Шутишь — и шути! А серьезно — не надо!

Т и л ь. Да, конечно, Иост! Ты, как всегда, прав!.. Будем шутить! (*Вытаскивает большую круглую раму.*) Посмотрите, какую штуку я придумал. Это — зеркало! Каждый может увидеть себя здесь со стороны! Всего за один флорин даю полное портретное сходство!.. (*Влезает в раму, поет.*)

Зовет зеркальное кольцо:

Остановись, прохожий!

Приди, подставь свое лицо —

В ответ увидишь рожу!

В с е (*поют*).

О-ля-ля! О-ля-ля! В ответ увидишь рожу!

К л а а с. Покажи меня, сынок!

Т и л ь. Пожалуйста. (*Поет, пародируя Клааса.*)

Всегда во всем примером был

Мой скромненький папаша.

Монахов очень не любил...
Зато любил монашек!

В с е.

О-ля-ля! О-ля-ля! Зато любил монашек!
Р ы б н и к (*смеясь*). Это остроумно. А меня?
Т и л ь (*поет, пародируя Рыбника*).

Я — честный рыбник. Вот — горой
Товар мой перед вами.
Торгую семгой и икрой
И изредка... друзьями!

В с е.

О-ля-ля! О-ля-ля! И изредка друзьями!
Р ы б н и к (*печально*). Остроумно... (*Уходит за кулисы.*)
Л а м м е. Тиль, покажи меня!
Т и л ь (*поет, изображая Ламме*).

Я — толстый Ламме. Целый день
Готов сидеть и лопать!
Не помещается в седло
Моя большая... шея!

В с е.

О-ля-ля! О-ля-ля! Моя большая шея!

Появляются Профос и Рыбник.

Р ы б н и к. Вот послушайте, господин профос. Хотите, он и вас покажет?..

П р о ф о с. Интересно... А ну-ка, Тиль, меня..

Т и л ь (*после некоторого колебания*). Ну, если просите... (*Поет.*)

Профос — начальник! О-ля-ля!
Его и трогать боязно.
Ведь он целует короля...
Да жаль, что ниже пояса!..

П р о ф о с (*мрачно*). Я что-то не понял. Что имеется в виду?

Р ы б н и к (*угодливо*). Он шутит... Юмор!

П р о ф о с. «Целует ниже пояса...» Вы считаете, это — смешно?!

Т и л ь. О, извините, господин профос, я не знал, что у вас это серьезно!

Р ы б н и к (*в отчаянье*). Тиль!

П р о ф о с (*мрачно*). Опять не понял шутки... Ну да, впрочем, и ни к чему... Палач!

Палач бросается к Тилю, Профос останавливает его рукой.

А это я пошутил!.. А серьезно будет вот что, Тиль Уленшпигель. Всякому терпению есть предел! Как профос города Дамме приговариваю тебя к изгнанию! Ты пойдешь в Рим и будешь молить прощения у папы! Вернешься, когда поумнеешь! Все!

К а л л и к е н. Простите его, господин профос. Не сердитесь...

П р о ф о с. Я и не сержусь, детка. Иначе б его казнили... *(Уходит.)*

Р ы б н и к. Тиль. Я ведь просил тебя, умолял... Зачем ты меня так мучаешь?! *(Опечаленный, уходит.)*

К л а а с *(мрачно)*. Доигрался, дурак? Я всегда говорил: не дразни гусей!

Т и л ь. Отец, я бы их с удовольствием не дразнил, а жарил!

Все расходятся. На сцене — Тиль. Появляется Неле.

ПРОЩАНИЕ

Н е л е. Тиль! *(Со слезами бросается ему на шею.)*

Т и л ь *(гладит ее по волосам)*. Не плачь, Неле, не надо! Они все равно не оценят этот самый красивый фонтан на городской площади.

Н е л е. Бесчувственный! Бросаешь меня на целый год, а может, и на два...

Т и л ь. Что поделаешь, милая? Лучше разлука на свободе, чем свидания в тюрьме.

Н е л е. А обо мне ты подумал?

Т и л ь. Подумал! Клянусь жизнью, подумал!.. Когда я стал петь этот куплет профосу в лицо, то подумал: «Неле! Тебя разлучат с Неле!» Но тут же подумал, что, если струшу и не спую, моя Неле разлюбит меня...

Н е л е. Господи, почему мне так не повезло? Все девушки влюбляются в тихих, работающих парней, заводят семью, детей и по воскресеньям любят на закат... И только мне в мужья достанется бродяга и шут.

Т и л ь *(ласково)*. Мужей не выбирают, Неле. Муж — это божий крест, который вам носить на себе всю жизнь.

Н е л е *(строгим тоном)*. Где ты был сегодня днем?

Т и л ь *(слегка смутившись)*. Не помню.

Н е л е. Тебя видели в лесу с какой-то итальянкой.

Т и л ь. А что мне с ней там делать? Я ни слова не знаю по-итальянски...

Неле (*в отчаянии*). Тиль, почему ты меня обманываешь?!

Тиль. Неле, душой я верен тебе!.. Ну, только не надо слез... Я тебе все объясню. Я искал тебя с самого утра. А потом встретил на улице эту итальянку, которая, кстати, очень похожа на тебя. Я даже подумал — это Неле! Потом, когда мы шли в рощу, я твердо понял, что это не Неле! Я даже подумал: «Как можно было этот мешок с соломой принять за Неле? Да она в подметки не годится моей Неле...»

Неле (*улыбаясь сквозь слезы*). Откуда ты знаешь, какая я?.. Ведь ты ни разу не водил меня в рощу...

Тиль. Мы пойдем туда, милая. А пока — дай мне насладиться ожиданием...

Неле (*со вздохом*). Ладно. Мне пора домой. (*Протягивает Тилью котомку.*) Я собрала тебе кое-что в дорогу... Прощай, Тиль. Ты будешь в пути вести себя благоразумно?

Тиль. Нет!

Неле. Ты не станешь задиаться и паясничать?

Тиль. Стану!

Неле. Ты не будешь кутить в каждой харчевне, которую встретишь?

Тиль. Буду!

Неле. Ну, слава богу, тогда я спокойна за тебя. Прощай! (*Повернулась и пошла.*)

Тиль провожает ее нежным взглядом.

Тиль. Неле!

Та обернулась.

Обещай мне, если я умру, ты не будешь плакать над моей могилой!

Неле (*сдерживая слезы*). И не подумаю...

Тиль. И сразу же выйдешь замуж.

Неле. За первого встречного!

Тиль. Спасибо!

Неле ушла. Появляются Сооткин и Клас. Подходят к Тилью.

Клас. Давай прощаться, сынок!

Сооткин (*обняв Тилью*). Береги себя, Тиль.

Тиль. Береги себя, мама!

Клас. Помолчим перед дорогой.

Тиль. Помолчим!

Все садятся, каждый думает о своем.

С о о т к и н (*думает*). Как он быстро стал взрослым, мой мальчик! Еще вчера я кормила его с ложечки и он спал у меня на руках, а сегодня он уходит... Господи, награди меня поскорее впуком, я так скучаю о маленьком Тиле...

К л а а с (*думает*). Чертенюк, как он похож на меня! Красив, как я, и уродлив, как я... Он — мое продолжение! Я — самый богатый человек, у меня две жизни...

Т и л ь (*думает*). Бедные старики. Почему мы думаем о них, только когда прощаемся?.. Они-то думают о нас все время. Если мы ушибаемся — им больно, если мы бодем — у них жар... Надо чаще прощаться с родными. Мы уходим от них редко, а они от нас — каждый день...

К л а а с (*встал*). Ну, все! До свиданья, сын! (*Обнял Тилья.*)

Т и л ь. Выше голову, отец! Не хныкать!.. Ты ведь остаешься в доме за старшего. (*Обнял мать.*) Не плачь, мама! У меня длинные ноги, я мигом сбегая в Рим!.. Идите домой, накрывайте, готовьтесь к встрече...

Клаас и Сооткин уходят. Появляется плачущий Л а м м е.

Что еще случилось?

Ламме, всхлипывая, развязал узелок, достал бутылку вина, колбасу, принял-ся за еду.

Ну что ты реवेशь? Или в пище не хватает соли?

Л а м м е. Она ушла от меня, Тиль! Она покинула меня... Господи, за что мне такое наказание? (*Выпил.*) Этот подлый монах увел ее! (*Вскочил.*) Дай мне нож, я распорю его жирное пузо!

Тиль протягивает Ламме нож, тот берет его, начинает резать колбасу.

Какая она была ласковая, легкая, нежная... Хочешь колбаски, Тиль?.. Она готовила мне самые вкусные обеды в мире!.. И еще она пела... Как жаворонок... Милая Калликен, где ты? (*Выпивает.*)

Т и л ь. Надо искать ее!

Л а м м е. Я и ищу.

Т и л ь. На дне стакана?

Л а м м е. А куда идти, я не знаю... Этот монах спрятал ее в монастыре или, не дай бог, в склепе... (*Вскочил.*) Дай мне топор, Тиль, я изрублю его на мелкие кусочки!

Т и л ь. Нет топора... И все кусочки ты доел!.. Пошли со мной!

Л а м м е. Зачем мне с тобой?! Я должен искать жену, а тебе — в Рим.

Т и л ь. Все дороги ведут в Рим, значит, нам по пути... И к тому же у меня полная котомка еды...

Л а м м е (обрадованно). Что ж ты молчал?.. Конечно, нам по пути. (Потянулся к котомке.)

Т и л ь. Нет! Потерпи!

Л а м м е. Время обеда.

Т и л ь. Обед надо заработать ногами... Пошли! (Перекинул котомку через плечо.)

Л а м м е (со вздохом). Пошли! Но должен заметить: пищу носить гораздо удобнее в животе, чем на плечах...

И они пошли по дороге, напевая песенку.

ДОРОЖНАЯ ПЕСЕНКА ТИЛЯ

А вот и где
мои слуги, моя свита, пажы, стражи, кони, герцогини?

А вот и нет,
ни графиней нет, ни коней: будто я святой Антоний во
пустыне.

А вот они,
моя свита, мои слуги, хамы и хапуги, мое сито-решето.

А вот они,
мои кони, оба-двое, берегут промеж собою кое-что.
Ой, Тили-тили Тиль — будем петь и веселиться!
Ой, Тили-тили Тиль — по ком-то плачет виселица...

А где тот край,
где бродяги, словно боги, знай живут себе в чертоге
на диване.

Сидят и жрут,
и подносят им католики вино, а пиво — лютеране.

А в том краю
Мартин Лютер с паной к девкам ходят тихой сапой.

Хочу и я
попасться на той же травке вместе с Мартином Лютером
и паной!

Ой, Тили-тили Тиль — будем петь и веселиться.

Ой, Тили-тили Тиль — по ком-то плачет виселица!

ФИЛИПП

Спальня короля Филиппа Второго. Справа — альков, в котором возлежит королева М а р и я.

Сам Ф и л и п п сидит в кресле, рядом с ним И н к в и з и т о р с панкой бумаг. Перед ними дворцовый Х у д о ж н и к демонстрирует картины.

Ф и л и п п (*всматриваясь в картину*). Вот эта — ничего... (*Пригляделся, отрицательно покачал головой.*) Нет. Не волнует... Убрать!

Художник сменяет картину.

М а р и я (*из алькова, томно*). Ваше величество, я изнемогаю.

Ф и л и п п (*недовольно*). Подождите, Мария. Я не готов. (*Инквизитору.*) Так что слышно?

И н к в и з и т о р. О чем, ваше величество?

Ф и л и п п. Обо мне.

И н к в и з и т о р. Слышно разное, ваше величество, и в основном — кощунственные домыслы, касающиеся вашей особы.

Ф и л и п п. Например?

И н к в и з и т о р. В Англии говорят, что вы отцеубийца и слуга сатаны, во Франции — что вы садист и палач, в Германии — тиран и кровопийца...

Ф и л и п п. Помедленней, помедленней, друг мой...

И н к в и з и т о р. В Ирландии сделали гравюру из меди, на коей вы изображены играющим на клавишине из кошек, которых вы держите за хвосты...

Ф и л и п п. Какая чушь! Это были детские шалости...

И н к в и з и т о р. Особо опасное положение во Фландрии. Здесь ересь гнездится в каждом доме. Над монахами издеваются, церквям не платят налог, в лесах появились гезы...

Ф и л и п п. Кто?

И н к в и з и т о р. Гезы! Нищие-разбойники, ваше величество! Они убивают испанских солдат, грабят монастыри, требуют отделения Фландрии. С ними часть дворянства во главе с принцем Оранским...

М а р и я (*томно*). Придите ко мне, ваше величество. Я сгораю... Я чувствую, что сегодня ночью мы подарим Испании наследника.

Ф и л и п п. Вы мне обещали это в прошлом месяце, Мария. Я вам поверил — и все зря!

М а р и я. Сегодня ваши старания будут не напрасны! Я это ощущаю всем телом.

Ф и л и п п. А я пока нет. (*Вгляделся в очередную картину.*) Нет, не интересно... Убрать! (*Инквизитору.*) Скучные картины, скучные новости, ваше преосвященство! Меня ненавидит весь мир, а мне скучно отвечать ему тем же... Что же делать?

И н к в и з и т о р. Служить верой церкви!

Ф и л и п п. Я более римский, чем сам папа, и более католический, чем Вселенский собор. Но что из этого? Разве реформаторов стало меньше?

И н к в и з и т о р. Необходимо послать во Фландрию больше солдат.

Ф и л и п п. Больше солдат — больше гезов. Сила рождает силу... Хитрость рождает хитрость... Сколько мы платим доносчикам?

И н к в и з и т о р. Треть имущества казенного...

Ф и л и п п. Надо давать половину!

И н к в и з и т о р. Половина доносчику, половина королю, что же останется церкви, ваше величество?

Ф и л и п п. Идея. Что может быть дороже идеи?.. Вы будете уничтожать еретиков бескорыстно, это произведет хорошее впечатление на умы...

И н к в и з и т о р. А король?

Ф и л и п п. Королю нельзя быть бескорыстным, у него слишком много долгов... И я устал от идей, я хочу только одного — порядка! Хочу, чтоб работник слушался хозяина, хозяин — профоса, профос — короля! Порядка я хочу! Ночью — сон, днем — работа, в воскресенье — месса... Никаких отклонений!.. Все остальное — от лукавого. *(Вскочил, нервно заходил по зале.)* Порядок. Непорядочных на костер! Бог поставил меня следить за порядком, и я выполняю свою миссию... *(Протянул руки к небу.)* Господи, укрепи мою душу и тело... Дай мне силу, господи, дай мне сил!.. *(Решительно направляется к алькову.)*

И н к в и з и т о р. Ваше величество...

Ф и л и п п. Нет, нет, сейчас меня не отвлекайте!.. *(Лезет в постель.)*

З а т е м н е н и е

АРЕСТ

Снова — дом угольщика Клааса. С о о т к и н, К а т а л и а, чуть поодаль —
Н е л е. Неле тихо напевает песенку.

ПЕСЕНКА НЕЛЕ

Молодой рыбак в море синее ушел
За удачей.
Ему ветер друг, ему холод нипочем:
Он горячий.

Прошумит волна, пролетит беда —
До свиданья.
Тяжелей беды, солоней волны
Ожиданье.

Молодой рыбак погуляет по морям,
Да устанет.
На глаза ему попадетя бережок —
Он пристанет.
Отдохнет чуть-чуть да и снова в путь
Соберется.

К а т а л и н а (*обхватив голову руками, бормочет*). Больно! Душа просится наружу!.. Ганс, мой миленький Ганс, приезжай скорей... Где ты, мой милый жених? Мой черный рыцарь?.. Трижды три — девять, священное число. У кого ночью глаза светятся, тот видит тайное...

С о о т к и н (*вздыхнув*). Господи, спаси умалишенную!.. Кого она зовет, Неле?..

Н е л е. Не знаю.

К а т а л и н а. Ганс — хороший. Неле — злая... Зачем ты умчал, ненаглядный Ганс?.. Руки холодные, ноги холодные, сердце горячее.

Н е л е. Я боюсь ее...

С о о т к и н. Не бойся, доченька, от безумных зла не бывает...

Входит К л а а с.

К л а а с. Женщины, я принес вам весточку от Тиль! (*Достал рваный башмак.*) Мне передал его паломник, который встретился с ним в Италии.

С о о т к и н (*рассматривая башмак*). Что значит это послание?

К л а а с. Это значит, что он прошел половину пути! Это значит, что он скоро вернется — одна нога здесь, другая там! Это значит, что надо накрывать на стол, поскольку ботинок просит каши!..

Н е л е. А на словах он ничего не передавал?

К л а а с. Как же! Он велел сказать, что любит Неле, что помнит о Неле, что тоскует о своей милой Неле...

Н е л е. Это был не Тиль!

К л а а с. Это был Тиль! Он сидел в пивной, и у него на коленях была пухлая блондинка!

Н е л е. Да, тогда это — он.

Сооткин (*мужу*). Зачем ты рассказываешь ей такие вещи?

Неле. Нет, нет, ничего... Я все равно буду его ждать и любить.

Сооткин. Молодец, дочка! Люби его... У него доброе сердце.

Неле (*зло*). Доброе для всех, кроме меня! Для меня у него хитрые глаза и длинные зубы, которые он скалит. Для меня у него лживые слова и запах толстых блондинок, которыми он провонял насквозь!.. Пусть только вернется! Пусть только подойдет на расстояние оплеухи!..

Клаас (*весело*). Так его, мерзавца!.. А я добавлю! Уж мы ему пересчитаем ребрышки!..

Неле. И плюну! Прямо в рожу его наглуую плюну!.. А потом уйду с первым же парнем, которого встречу на улице!

Сооткин (*ласково*). Как ты его страстно ненавидишь, дочка! Какой он счастливый, мой Тиль!

Открылась дверь, вошел Палач.

Палач. День добрый, хозяева!

Каталина (*вскочила, заметалась по комнате*). Огонь! Больно!.. Не надо!.. Ганс, милый Ганс, спаси меня!..

Клаас (*усаживая ее*). Ну, ну, что ты испугалась, глупая? Это ж палач!.. (*Усаживая.*) Проходи, садись. Сейчас время обеда...

Палач (*усаживаясь*). Обед не надо, хозяин, а вот винца бы...

Клаас. И то верно... (*Наливает вина себе и Палачу.*) Ну, как жизнь?

Палач. Да, слава богу, все по-старому...

Клаас. Устаешь, поди?

Палач. А то как же! Целый день на ногах... А иногда и ночью, если срочное дело... Вот!.. (*Замаялся.*) Хозяин, а я ведь и к тебе по делу...

Клаас. Говори! (*Налил кружку.*)

Палач. Легко сказать — говори... (*Отпил.*) Ну, в общем, Клаас, донос на тебя.

Клаас (*сохраняя спокойствие*). Во как! И что в доносе?

Палач. Да как обычно, мол, еретик ты!.. Над церковью глумишься, святые иконы поносишь... И все такое! Брат, мол, у тебя — протестант.

Клаас. Он умер.

П а л а ч. А наследство — тебе... Стало быть, одно к одному!.. Ну да я тонкостей-то не знаю. Профос велел тебя, стало быть, под арест...

К л а а с. Так.

П а л а ч. Он солдат хотел, а я говорю — ни к чему... Уж лучше я сам приведу. Столько лет знакомы, слава богу!.. Вот!..

К л а а с. Выпить-то еще раз время есть?

П а л а ч. Само собой. Обожду!

Клаас и Палач молча пьют. Сооткин, Неле с ужасом наблюдают за ними.

К л а а с. Ячмень в этом году вроде неплохой уродился, а?

П а л а ч. Должно, неплохой. Если только дожди в мае не зарядят...

К л а а с. Теплый май обещали...

П а л а ч. Апрель был холодный — значит, май теплый.

К л а а с (*задумчиво*). Теплый... (*Встает.*) Ну, пошли!

П а л а ч. Тут еще такое дело... Клаас, я ведь тебя должен связанного привести. (*Достал веревку.*)

К л а а с. Если должен, чего уж... (*Отводит руки за спину.*)

П а л а ч. Да нет, можно и спереди... Оно так удобней будет. (*Начинает связывать Клааса.*) Хитрость-то небольшая, а все рукам полегче. И веревку я взял невощеную, чтоб не врезалась...

С о о т к и н (*вдруг издает протяжный крик*). О-о-оой! За что?! (*Валится перед мужем, хватая его за ноги.*) За что?! Отпустите его!

П а л а ч (*смущенно*). Не надо, хозяйюшка, не надо. Все образуется!

К а т а л и н а (*вскочила, забегала по комнате*). Огонь! Огонь! Душа просится наружу! Прорубите голову!..

К л а а с. Встань, Сооткин! Встань!

Н е л е (*успокаивая*). Не надо, Сооткин. Встаньте. Все обойдется. Они не имеют права!

С о о т к и н (*обнимая мужа*). Не уходи!.. За что?.. Пусть возьмут и меня!

К л а а с. Меня отпустят, Сооткин, вот увидишь... (*Орет Палачу.*) Что встал? Веди скорей, дурак!

П а л а ч. Да я что? Во мне, что ль, дело? (*Оттаскивает Сооткин.*) Отойди, хозяйка! Ну что за люди? Хочешь как лучше, а оно — вон как! Пошли, пошли, хозяин!..

Выводит Клааса, за ним выбегают Сооткин и Неле.

К а т а л и н а (*бродит по комнате, бормочет*). Пить!..
Пить!.. Жарко!.. Огонь!..

Входит Рыбник, Каталина бросается к нему.

Ганс! Миленький Ганс мой!.. Наконец ты пришел!

Рыбник (*отстраняя ее*). Каталина, я же просил не называть меня так.

К а т а л и н а. Почему, милый?.. Ты разлюбил свою девочку?.. Не бросай меня, Ганс.

Рыбник. Я не бросаю, успокойся... (*Огляделся.*) А где все?.. Его уже увели?

К а т а л и н а. Какой ты белый, мой Ганс, какой красивый... А глаза черные, а шпоры острые... У меня в голове огонь, проруби мне дырочку...

Рыбник. Подожди! (*Посадил ее на лавку.*) Послушай, Каталина...

К а т а л и н а. Ты меня любишь?..

Рыбник. Люблю, люблю...

К а т а л и н а. Ты мой Ганс, мой черный рыцарь?

Рыбник. Да, да... Успокойся, Каталина, ты должна знать, где Клаас прячет деньги. Это очень важно... Деньги, которые ему оставил брат.

К а т а л и н а. Я не знаю, милый. Я поищу... А хочешь, я найду тебе клад?.. Где цветет орешник, там клад зарыт... Ганс, я знаю, где растет орешник... Подождем лета...

Рыбник (*нетерпеливо*). При чем здесь орешник?.. Это тут, в доме...

Открылась дверь. Неле ввела плачущую Сооткина.

Пауза.

Н е л е. Вон отсюда!

К а т а л и н а. Не надо! Ганс хороший, Неле — злая...

Рыбник. Сооткин, я знаю, как тебе тяжело, но пойми и меня... Все может еще обойтись, если Клаас чистосердечно признается и вы отдадите все деньги... Я пришел это сказать, потому что по-прежнему люблю вас всех...

Сооткин. Будь проклят!.. Пусть ни один священник не отпустит тебе грехи! Пусть исповедь для тебя будет мукой, причастие — ядом! Пусть сахар тебе покажется солью, говядина — дохлой собакой, хлеб — золою! Пусть солнце тебе будет льдиной, а снег — огнем адским! Пусть дети твои родятся уродами! Пусть у них будет обезьянье тело и свиное рыло! Будь трижды проклят, предатель! Пусть боль, слезы и

стенания будут твоим уделом как в этом мире, так и в ином!.. Пусть душу твою рвут бесы на части, а могила твоя пусть станет отхожим местом!.. И пусть навозные черви воздадут тебе по заслугам. Будь проклят! (*С рыданьями опускается на лавку.*)

Рыбник (*печально*). Как это все жестоко... Но я на тебя даже не сержусь... (*Ушел.*)

Каталина (*ходит по комнате, бормочет*). По лугу течет ручеек, прозрачный ключик... Вода в нем хорошая, холодная... Бог и ангелы сидят в раю, едят яблочки... Трижды три — девять, священное число...

Затмение

БЛОНДИНКА

С веселой песенкой на сцену выезжают Тиль и Ламме. Останавливаются возле забора дома.

Ламме. Тиль, я устал. Так тяжело носить пустой живот... Давай попросим здесь еду.

Тиль. Стыдно, мой друг! Еду можно купить, выменять, украсть, но не просить. Мы — не нищие, мы — несимущие!

Ламме (*подошел к забору, заглянул в щель*). Пахнет жареной бараниной... А подлива из томатов и чеснока... Надо бы еще добавить тертой корицы... Какое варварство — делать подливу и не класть корицу!.. (*Пригляделся.*) Там хозяйка... (*Кричит.*) Эй! Девушка! Эй!

Над забором появляется голова Блондинки.

Блондинка. Чего орешь? Какая я тебе девушка?

Тиль. Не обижайтесь на моего друга, сударыня. Он всегда что-нибудь ляпнет...

Блондинка. Вы — бродяги?

Тиль. Мы — паломники, сударыня. Мы ходили в Рим и встречались с папой.

Блондинка (*недоверчиво*). Врать-то!.. И чего вам сказал папа?

Тиль. Он сказал: «Дети мои, если вы встретите на пути аппетитную блондинку по имени...» Как вас зовут, сударыня?

Блондинка. Беткин.

Т и л ь. «...блондинку по имени Беткин, скажите ей, чтоб она накормила вас и уложила спать».

Б л о н д и н к а. Врать-то! Откуда папа знает про меня?

Т и л ь. Вы же знаете про папу, почему бы папе не знать про вас?

Б л о н д и н к а. Болтун. Деньги-то у вас есть?

Л а м м е. Дура. Если б у нас были деньги, стали б мы с тобой разговаривать...

Т и л ь (*в притворном негодовании*). Что?! Ты посмел?.. Ты оскорбил мою Беткин?! Сейчас прольется кровь! (*Бросается на Ламме.*)

Б л о н д и н к а (*выбежав из-за забора*). Э-э, перестаньте! (*Хватает Тиль за руку.*) Ты его убьешь!

Т и л ь. И не один раз! (*Ламме.*) Марш отсюда! Иди займись бараниной, мерзавец! И посмей только не положить в подливу корицу!..

Ламме поспешно скрывается за забором.

Б л о н д и н к а. Какой ты бурный!..

Т и л ь. Когда обижают близкую мне женщину...

Б л о н д и н к а (*перебивая*). Врать-то! «Близкую»... Ты меня первый раз видишь...

Т и л ь. А во сне?.. Сколько раз ты мне являлась во сне... И вот вчера, после обеда... Мы сидели с тобой близко-близко... (*Усаживает Блондинку, обнимает ее.*) Моя рука была на твоём плече, твоя нежная головка — на моем... И ты шептала...

Б л о н д и н к а (*млея*). Чего?

Т и л ь. Ты шептала: «Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...»

Б л о н д и н к а (*повторяет голосом Неле*). Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...

Т и л ь. «Мои глаза устали смотреть на дорогу...»

Б л о н д и н к а. Мои глаза устали смотреть на дорогу...

Т и л ь. «Мое сердце сжалось в комочек...»

Б л о н д и н к а. Мое сердце сжалось в комочек...

Т и л ь. «Когда ты придешь к своей Неле?..»

Б л о н д и н к а. Меня зовут Беткин.

Т и л ь. Не спорь, милая, я лучше знаю... (*Обнимает ее.*)

Появляются два испанских солдата. Один из них трогает Тиль за плечо.

С о л д а т. Тиль Уленшпигель!

Т и л ь (*недовольно*). Вы же видите, что человек занят!
С о л д а т. Встань, собака, когда с тобой говорит испанец!

Тиль нехотя встает.

Руки на голову! Повернись спиной! (*Обыскивает Ти-
ля.*)

Т и л ь. Только не щекочите, я очень смешливый...

С о л д а т. Сейчас тебе будет не до смеха! Пошли! (*Тол-
кает в спину.*)

Т и л ь. Может быть, скажете — куда?

С о л д а т. Увидишь! Застегнись...

Т и л ь (*приводя себя в порядок*). Пардон! (*Застегивается,
Блондинке.*) Нет, нет, сударыня, вы не одевайтесь, я скоро
вернусь...

С о л д а т (*с усмешкой*). В кандалах!

Т и л ь (*Блондинке*). Не бойся, голубка, всего не закуют...

Появляется Л а м м е.

Л а м м е. Жаркое готово! (*Увидев солдат.*) Ох, господи,
опять не поедим...

С о л д а т (*Тиллю*). Эта образина с тобой?

Т и л ь. Со мной.

С о л д а т (*Ламме*). Пошли тоже!

Б л о н д и н к а (*словно сообразив, что происходит, заго-
лосила*). Ой, пожалейте его... Он хороший... (*Вопит.*) Он
хороший!

Солдаты уводят Тиля и Ламме.

ПОРТРЕТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Зала во дворце короля Филиппа Второго. Король Ф и л и п п и королева
М а р и я играют в кости.

Ф и л и п п (*бросает кости*). Три — три...

М а р и я. Нос подотри... (*Бросает кости.*) Шесть —
шесть.

Ф и л и п п (*бросает кости*). Ах черт, опять не повезло.

М а р и я. Я выиграла, Филипп! (*Протягивает к нему
руки.*)

Ф и л и п п (*со вздохом*). Да, да. (*Обнимает Марию, равно-
душно целует, та обвивает его руками, Филипп вырывается.*)
Не надо.

М а р и я (с обидой). Почему вы так холодны ко мне, ваше величество? Для кого вы бережете свою страсть: для принцессы Эболи? Или для какой-нибудь придворной шлюхи!

Ф и л и п п. Фи, Мария, что за выражения?

М а р и я. Я люблю вас, Филипп!

Ф и л и п п. Вы так часто говорите об этом, что я начинаю сомневаться.

М а р и я. Я вам много раз доказывала свои чувства.

Ф и л и п п. Чувства — не теорема, они не требуют доказательства... Они видны. Или видно, что их нет...

М а р и я. Значит, вы не верите в любовь?

Ф и л и п п (поморщившись). Язычество? Все эти Афродиты, Медей — язычество. Примитивные идолы на пути к подлинному божеству...

М а р и я. Для чего вы женились на мне, Филипп?

Ф и л и п п. Для Испании. Для наследника. Для народа. Все для других, Мария, для себя мы только боеем и умираем...

Входит Солдат.

С о л д а т. Мы привели его, ваше величество.

Ф и л и п п. Хорошо. Пусть войдет.

Второй солдат вводит Тилья.

Твое имя?

Т и л ь. Тиль Уленшпигель.

Ф и л и п п. Уленшп... Трудно выговорить.

Т и л ь. Очень, ваше величество, поэтому зовите меня просто «Эй, ты»!..

Ф и л и п п. Ты шут?

Т и л ь. Немножко. Кроме того, я лекарь, музыкант и художник.

Ф и л и п п. Это ты нарисовал мой портрет на городской стене? С ослиными ушами...

Т и л ь. Я, ваше величество!

М а р и я. Наглец!

Ф и л и п п. Не вмешивайтесь, Мария. (Тилью.) Почему ты признался? Ты не боишься умереть?

Т и л ь. Боюсь, ваше величество. Но у меня есть подозрение, что рано или поздно это случится.

Ф и л и п п. Между прочим, портрет исполнен неплохо... Яркие краски, свободная линия. Чувствуется фламандская школа... Послушай, «Эй, ты», смог бы ты выполнить серьезный заказ?

Т и л ь. Для меня всякая работа — серьезна!

Ф и л и п п. Но это — заказ особый. И дорого оплачиваемый...

Т и л ь. О, меня охватывает вдохновение! Что я должен изобразить?

Ф и л и п п. Меня и моих приближенных...

Т и л ь. В натуральную величину?

Ф и л и п п (*поморщившись*). Попробуй секунду не остричь... Ты понимаешь, что при дворце достаточно знаменитых живописцев, но я хочу, чтоб меня нарисовал фламандец... Я дам эту картину в дар Фландрии. Пусть она увидит меня твоими глазами... Я понимаю, ты меня в душе ненавидишь, но, если ты подлинный художник, ты не должен идти против истины... А у меня нет ослиных ушей, и я не похож на дьявола... И я — добр, не казня тебя, а даю почетную работу... И говорю с тобой как с равным...

Т и л ь. Я это ценю, ваше величество.

Ф и л и п п. Врешь. Может быть, потом, когда-нибудь, оценишь, а пока не лги... Лучше скажи, как ты представляешь себе композицию будущей картины? Я хочу, чтоб она понравилась твоим соотечественникам.

Т и л ь. Кого из приближенных вы хотите там поместить?

Ф и л и п п. Королеву, великого инквизитора, герцога Альбу, несколько принцев, ну и... Кого ты подсказешь?

Т и л ь. Борзых!

Ф и л и п п. Что?

Т и л ь. Борзых собак, ваше величество... Несколько борзых собак очень украсят полотно. Во-первых, во Фландрии любят животных, во-вторых, борзые — самые верные ваши соратники, они не метят на ваше место... Извините!

Ф и л и п п. Продолжай!

Т и л ь. Королеву Марию я бы изобразил в профиль, она так прекрасна, что фламандцам незачем показывать ее всю, достаточно половины...

М а р и я. Филипп, он издевается!

Ф и л и п п (*Тиллю*). Продолжай.

Т и л ь. Великого инквизитора я бы изобразил со спины: для его же безопасности не надо, чтобы фламандцы запомнили его в лицо. Герцога Альбу, которого у нас в народе ласково называют «кровавым», я бы изобразил в условной манере — маленький холмик, крестик и надпись: «Альба»!

М а р и я. Да прекратит он когда-нибудь?

Ф и л и п п (*Тиллю*). А меня?

Т и л ь. Вас, ваше величество, я бы советовал рисовать маленьким ребенком с белокурыми волосиками и голубыми глазками. Таким образом мы убедим фламандцев, что вы тоже — человек, что вас когда-то рожала мать и пела вам колыбельные песенки...

Ф и л и п п (*решительно встал, подошел к Тиллю*). Зачем? Зачем ты так ведешь себя? У меня теперь нет выхода...

Т и л ь. Знаю, ваше величество, но ничего не могу с собой поделать.

Ф и л и п п (*зло*). Вошь! И вся ваша Фландрия — вошь на теле господнем! С вами нельзя договориться, вас надо выжигать, как чумные дома! (*Кричит.*) Солдат, на колени его!

Подбегает С о л д а т, ставит Тиля на колени.

Нож!

Солдат вынимает нож, приставляет к горлу Тиля.

Сейчас тебя прирежут здесь как курицу...

М а р и я (*в ужасе*). Филипп, разрешите мне удалиться!

Ф и л и п п. Оставайтесь, Мария! Вы — королева, имейте мужество! (*Тиллю.*) Проси! Проси пощады, сволочь!

Т и л ь. Вы все равно не выполните моей последней просьбы!

Ф и л и п п. Проси! Последнюю волю смертника я исполню.

Т и л ь. Это не в вашей власти!

Ф и л и п п. Ты не знаешь пределов моей власти, дурак! Проси!

Т и л ь. Слово короля?

Ф и л и п п. Слово короля.

Т и л ь. Ваше величество, поцелуйте меня в уста, которыми я не говорю по-фламандски!

М а р и я. Фу! (*Закрывает лицо руками.*)

Ф и л и п п (*после паузы*). Bravo! (*Аплодирует.*) Bravo! (*Солдату.*) Отпустить! (*Бросает Тиллю кошелек.*) Пошел вон, шут! Ты меня развлек. И я тебя перехитрил. Ты хотел умереть героем, а я тебя оставил паяцем!.. Иди и передай своим согражданам, что король Филипп Второй настолько могуч, что может не только казнить, но и прощать... Вон!

Солдат уводит Тиля.

М а р и я (*подошла к Филиппу, тронула его за руку*). Как вы великодушны, ваше величество...

Ф и л и п п (*заорал*). Ты замолчи! Дура! (*Грустно*). Обними меня, моя девочка, мне страшно...

З а т е м н е н и е

КАЗНЬ

Громко и тревожно звучит городской колокол. На площади перед зданием городского суда установлен помост, ведущий вверх и в глубь сцены, к месту казни.

Появляется Инквизитор. Профос, судьи рассаживаются перед помостом. Горожане окружают их толпой. Солдаты Палач вводят связанного Клааса, лицо и тело его в ранах и кровоподтеках после пыток.

К а т а л и н а (*выбежав вперед*). Солнышко! Белое солнышко! Сегодня праздник веселый. Трижды три — священное число! (*Садится*.)

П р о ф о с. Начинается последнее заседание по делу угольщика Клааса, уроженца Дамме, мужа Сооткин, урожденной Иостенс. В течение пяти дней суд в составе его пресвященства великого инквизитора, профоса и двух выбранных инквизицией судей разбирал преступления вышеупомянутого Клааса и установил.

Первое: угольщик Клаас уже давно втайне вышел из лона святой римской церкви, впал в ересь, произносил кощунственные речи о боге, о его наместнике — папе римском и о святых иконах, называя их «погаными идолами». (*Крестится*.)

Второе: угольщик Клаас поддерживал постоянную связь со своим братом, протестантом и еретиком, а после его смерти принял от него наследство, которое отказался передать во владение короля и церкви, как то следует по закону. Обо всем этом свидетельствовал доноситель, имя которого суд обязуется хранить в тайне, а в случае вынесения приговора передать ему половину имущества приговоренного.

К л а а с (*Рыбнику*). Рыбник, не радуйся! Тебе не найти моих денег!

Р ы б н и к. При чем здесь деньги, Клаас? Как ты плохо обо мне думаешь!..

И н к в и з и т о р. Угольщик, тебе запрещается разговаривать. Отвечай только на вопросы суда: признаешь ли ты себя виновным?

К л а а с. Меня это уже спрашивали под пыткой, ваше преосвященство.

И н к в и з и т о р. Отвечай сейчас. Считаешь ли ты католическую веру единственно правильной и святой?

К л а а с. Нет! Каждый вправе иметь свою веру.

И н к в и з и т о р. Считаешь ли ты папу римского наместником бога на земле?

К л а а с. Да! Но в той мере, в какой каждый человек есть наместник бога, не больше.

И н к в и з и т о р. Веришь ли ты в святую деву Марию, в Иисуса Христа — сына божьего?

К л а а с. Верю. Верю в Марию, жену плотника Иосифа, верю в их сына, нареченного Иисусом, такого же человека, как я и мой сын, верю в честность его и доброту, горжусь той стойкостью, с какой он принял свою смерть.

И н к в и з и т о р (*Профосу*). Я думаю, нет смысла продолжать допрос. Преступник использует его для проповеди своих заблуждений. Можно выносить приговор.

П р о ф о с. Еще минуту, ваше преосвященство... (*Обращаясь к Клаасу.*) Угольщик, мы знаем друг друга много лет, мне больно, что ты так глубоко погряз в ереси... Еще есть время, совсем немного времени для раскаяния.

К л а а с. Мне не надо времени для раскаяния, господин профос, у меня было много времени для раздумий...

П р о ф о с (*солдатам*). Приведите Сооткин!

К л а а с. Я протестую! Меня уже пытали много дней... В день казни вы не имеете права!

С о л д а т и Н е л е в в о д я т С о о т к и н а.

П р о ф о с. Женщина! Я обращаюсь к твоему сердцу, к твоей любви. Вот твой муж. Его сейчас сожгут, если он не раскается... Скажи ему!

С о о т к и н. Что?

П р о ф о с. Ты сама знаешь... Найди слова!

С о о т к и н. Мы прожили вместе двадцать пять лет, господин профос, за это время мы научились понимать друг друга молча...

К л а а с. Спасибо, Сооткин.

П р о ф о с. Ты не женщина. Вы не люди! У вас вместо сердца — булыжники!

К л а а с. Не верь ему, жена!.. Я знаю твое сердце, такого больше нет на земле... После смерти я поселюсь там, и мне будет хорошо...

С о о т к и н (*нежно, мужу*). Красивый мой... Мы скоро встретимся.

К л а а с. Мы не расстанемся, милая... У нас есть Тиль!

И н к в и з и т о р (*встает, зачитывает приговор*). «Суд святой инквизиции при участии магистрата города Дамме, рассмотрев дело о богоотступнике Клаассе, признает его виновным в ереси и связи с еретиками и приговаривает его к сожжению перед зданием ратуши на медленном огне!»

Толпа заволновалась.

Г о л о с а. Позор!

— Неправедливо!

— Нельзя мучить человека!..

П р о ф о с (*вскочил*). Ваше преосвященство, я протестую! Клаас преступник, но он честно жил и честно работал. Его любили и уважали в городе. Как представитель магистрата я требую сожжения на быстром огне! Церковь должна быть гуманна, ваше преосвященство!

Г о л о с а и з т о л п ы. Правильно!

— На быстром!

— Нельзя мучить человека!

И н к в и з и т о р. Если он не думает о душе своей, пусть страдает телом! Суд инквизиции требует медленного огня!

Г о л о с а и з т о л п ы. Живодеры!

— Да разве так можно?!

Из толпы выскакивает Х о з я и н п и в н о й.

Х о з я и н п и в н о й. Ваше преосвященство! Дозвольте сказать. Я — простой человек, и все мы тут — простые люди, но так нельзя, ваше преосвященство... Он — угольщик, всегда ко всем с уважением... Копейки лишней не брал... А мы что, звери, что ли?.. На быстром!..

П р о ф о с. Ваше преосвященство, я не ручаюсь за порядок в городе!

И н к в и з и т о р (*пошушукавшись с судьями*). Хорошо! Суд учитывает ходатайство горожан. Клаас будет сожжен на быстром огне!

Т о л п а. Вот это другое дело!

— А 'то — на медленном!..

— Ишь чего выдумали?

К л а а с. Благодарю вас, господи профос. (*Кланяется толпе.*) Спасибо вам, земляки! Спасибо, что в тяжкую минуту вы помогли своему угольщику... Теперь я легко улечу от вас,

словно искорка... А уголь мой еще не скоро кончится, и вы, сидя у камина, будете еще долго вспоминать папашу Клааса и греться его теплом... Одно вам скажу, братцы, жалко мне вас! Я-то уйду, а вам тут оставаться. Я помру сразу, а вам умирать каждый день от страха. Медленная смерть, медленней, чем на самом медленном огне!.. И долго вы еще будете стараться не заглядывать в глаза друг дружке, потому что пусто там, в глазах, ничего нет, кроме страха... И не понять вам, как легко, когда вытряхнешь этот страх изнутри... Я вот вытряхнул — и все, и теперь словно птица... И если правда есть на небе бог, то мы встретимся с ним на равных. Он — свободен, и я — свободен! И мы обнимемся с ним как братья и пойдем по облакам... И не будет у нас страха, который тянет вниз... Прощайте, братцы! Не взыщите, что говорю вам на прощанье горькие слова, от сладких тошнит перед смертью...

П а л а ч (*тронув Клааса за руку*). Пойдем, хозяин.

К л а а с. Пойдем, друг!.. Ну, не робей! Работа есть работа!

Палач и Клаас поднимаются вместе по помосту. Печально гремит колокол.
С веселой песенкой появляются Тиль и Ламме.

Т и л ь (*весело*). Ого! Сколько народу! Подтяни живот, Ламме, нам приготовили пышную встречу! Привет, сограждане!

Толпа расступается, Тиль видит отца.

Отец! (*Подбегает к отцу, тот обнимает его.*)

К л а а с. Успел все-таки, чертенок! А я думал — не протимся.

Т и л ь. За что они тебя, отец?

К л а а с. За все, сынок. За все сразу... А знаешь, я им тут сказал пару слов на прощанье... Пусть почешутся!.. Надоело как-то шутить. Сказал — и точка!.. Ну, ну, только без слез!.. Ты и маленький-то не плакал, а теперь вон какой верзила... Как это ты пел:

Всегда во всем примером был
Мой скромненький папаша!
Монахов очень не любил,
Зато любил монашек!..
О-ля-ля! О-ля-ля!..

Уходит за край помоста. Звонят колокола, и разгорается пламя костра.

РЫБНИК

Все упали на колени, молятся. Звон колоколов. Светится яркий огонь костра.

К а т а л и н а (*глядя на небо*). Колокольчики, колокольчики!.. Почему ты плачешь, боженька? Тебе грустно?..

На помосте появляется П а л а ч, идет к толпе.

П а л а ч (*крестясь*). Все!.. Отмаялся!

И н к в и з и т о р (*встал с колен, крестясь*). Прими, господь, заблудшую душу.

Р ы б н и к (*встав с колен, крестясь*). Прости нас, грешных! (*Подходит к Инквизитору.*) Ваше преосвященство, у меня к вам просьба...

И н к в и з и т о р. Не сейчас, друг мой. Потом! .

Р ы б н и к. Я хотел бы вам исповедаться! Только вам!..

И н к в и з и т о р. Вы считаете, что это для меня большая честь? Я очень занят, голубчик... (*Уходит.*)

Р ы б н и к (*подходит к Профосу*). Господин профос, чтобы избежать ненужных кривотолков, я отказываюсь от своей доли наследства Клааса!..

П р о ф о с. Это твое дело.

Р ы б н и к. Я передаю эти деньги городу Дамме. Могу сделать публичное заявление!

П р о ф о с (*поморщившись*). Хватит заявлений, Иост!.. Отдохни!.. (*Уходит.*)

Р ы б н и к (*направляясь к Палачу*). Послушай!..

П а л а ч (*зло*). Отвали, стерва!

Р ы б н и к (*обращаясь к толпе*). Монах, послушай... Эй, пивовар...

Все отшатываются от него.

П а л а ч (*подойдя к Сооткин*). Мамаша, я тут, стало быть, принес тебе... (*В его ладонях горсть пепла.*) Сердце его, стало быть... Пепел.

С о о т к и н (*ссытала пепел в ладанку, подошла к сыну*). Возьми, Тиль, оно еще теплое... (*Вешает ему ладанку на грудь.*) Вот так... Теперь оно стучит... (*Молча отходит.*)

П а л а ч. Эх, дела! Дружки мы с ним были...

Р ы б н и к (*подходит к Тилю*). Тилюшка, я бы хотел поговорить с тобой...

Тиль, не отвечая, вынул нож, шагнул навстречу.

Что ты?.. Меня?..

П а л а ч (*обращаясь ко всем*). Ну что, соседи, пойдем по домам?

Р ы б н и к (*пятясь от ножа*). Он убьет меня! Меня убивают!..

П а л а ч (*обращаясь к толпе*). По домам, братцы! Без вас тут разберутся...

Все расходятся. Площадь опустела, только Каталина с безумной улыбкой наблюдает за происходящим. Рыбник бросился к ней.

Р ы б н и к. Каталина, спаси меня!

К а т а л и н а. Ганс, мой хороший, какой ты сейчас красивый!.. Давай улетим, а?

Р ы б н и к (*отшатнулся от нее, пошел навстречу Тилью, упал на колени*). Тиль, пощади меня!

Т и л ь. Нет!

Р ы б н и к (*обреченно*). Ну что ж, убей! Убей старого человека... Я тоже устал жить. Мы не люди, мы хуже зверей!.. Мы не знаем милосердия... Мсти за отца, убей невинного! Теперь я готов к смерти... Только секунду погоди... Сейчас я тебе помогу! (*Достал темный платок, завязал себе глаза.*) Вот так... Теперь тебе легче... Я не вижу твоих глаз, и ты можешь со спокойной совестью перерезать мне горло... Я помню твои глаза, когда ты был ребенком... Я стоял у постели, когда рожала Сооткин, она кричала, а я гладил ее по голове и говорил: «Спокойней, милая, будет хороший мальчик»... Зарежь меня, Тиль!.. Это так просто — зарезать человека... Мы не хотим понимать других! Так удобно ножом решать все вопросы... Я захлебнусь кровью, а ты исполнишь долг чести... И соседи будут говорить: «Молодец, отомстил за отца!»

Т и л ь. Замолчи, Иуда!

Р ы б н и к. Да, я люблю Клааса, а Иуда любил Христа. Как никто, больше всех. Все другие отреклись и спрятались, а Иуда страдал. И еще неизвестно, кому было тяжелее: распятому или проклятому... Ну, что же ты медлишь?.. Я донес на твоего отца. Я не думал, что его казнят, но уж твердо знал, что со мной за это рассчитаются... Кругом злоба и месть!.. Мне страшно! Господи, почему я живу сейчас, в это время, а не раньше или потом?! Я совсем потерял сон, Тиль... Я думаю, думаю... Убей же меня!.. Я истерзался мыслями и хочу покоя!..

Т и л ь. Мразь! (*Толкнул Рыбника ногой, бросил нож.*)

Р ы б н и к (*снял повязку*). Как ты добр... Весь в отца. Он тоже не сердился на меня... За что я люблю вас всех и при-

зывают жить праведно... И я добьюсь своего, Тиль!.. Даже если мне придется донести на весь мир... (*Уходит.*)

К а т а л и н а (*задумчиво*). Ганс — хороший, Тиль — хороший. Все — хорошие... Сядь, отдохни... Хочешь, спою тебе песенку?

Появляется **Н е л е**.

Н е л е. Ты звал меня?

Т и л ь. Нет.

Н е л е. Я слышала, как ты кричал...

Т и л ь. Я никого не звал, Неле. Я хочу побыть один...

Н е л е. Хорошо, хорошо, поэтому я и пришла к тебе... (*Садится рядом.*) Не надо кричать, Тиль, не надо... Криком ничему не поможешь...

Т и л ь (*положил на ладанку руку*). Оно еще теплое, Неле. Обжигает кожу...

К а т а л и н а. Клаас счастливый... Он уже снял с себя тело, и ему легко...

Т и л ь. Замолчите все!

Н е л е. Ты разговариваешь с отцом?.. Прости нас... Мы не будем мешать... Вы так долго не виделись... (*Подойшла к Каталине.*) Мама, дай нам той воды...

К а т а л и н а (*протягивая кувшин*). Глупенькие!.. Как вы трудно любите друг друга... Все по-своему хотите, по-своему... А уж все давно продумано и установлено... Ты и он! Она и ты! И вам хорошо вдвоем. А боженьке плохо — он одинок...

Н е л е (*протягивая кувшин Тилю*). Выпей, Тиль. Тебе надо забыться...

К а т а л и н а. Выпей лесной водички. Я сама ее набрала. Это слезы камней, роса облаков... Выпей — придет дурман!

Тиль сделал глоток.

Слетятся духи... Споют песенку!.. Тиль — добрый, Неле — добрая, духи — добрые...

Меркнет свет. Начинается шабаш духов.

ШАБАШ

Словно сошедшие с офортов Гойи, на сцену в дикой пляске врываются духи, ведьмаки, чудища. Закружили Тиль и Неле в бесовском хороводе, оглушили своей несней.

Д у х и. Люди! Здесь люди!.. Добро пожаловать, черви земные! Вы еще не всех сожгли? Еще есть на растопку? Эй, кому нужны мальчишка с девочкой?!

Н е л е. Тиль, мне страшно!

Т и л ь. Не бойся, Неле... Я здесь... я спрошу их!

Д у х и. Спрашивай, мы ответим...

Т и л ь. Эй вы, бесплотные! Если вы вправду над нами, ответьте: зачем мне жить?

Пер в ы й д у х (*подскочил к Тиллю, взял его под руку*). Глупый вопрос, мой мальчик. В самом вопросе скрыт ответ. Зачем жить?.. А и не надо!.. Ты ведь не просился в жизнь, тебя вытолкнула природа головкой вперед. Но теперь-то ты взрослый и сам можешь распорядиться... Зачем жить, когда можно умереть?.. И тогда — конец всем вопросам. И боли нет, и тоски нет... Только пространство!.. Решись, мальчик, решишься... Ибо, как скажет Гёте: «Пока нет в тебе этой жажды гибели, этого — умри и обновись, ты только унылый гость на темной земле...»

Т и л ь. Да. Так! Умри и обновись! (*Достал нож.*)

Н е л е (*бросаясь к нему*). Тиль. А я?.. А дети наши, которых нет? А внуки наши, которых нет?.. Не верь ему!.. Надо жить, надо!

Т и л ь. Зачем?

Н е л е. Чтобы жить!

В т о р о й д у х (*подбежав к Тиллю*). Девушка абсолютно права. Жить, чтобы жить... В этом высший смысл! Есть, спать, размножаться... Это — естество! Почему мы стесняемся?.. Олень не стесняется, лев не стесняется, а человек — что ж он, глупее?.. Построить дом, растить потомство, ходить за пищей, мыться в реке... Счастье?

Т и л ь. Счастье!

В т о р о й д у х. И есть горячий суп. И запивать холодным пивом... И сидеть у теплого камина... И, помешивая пепел кочергой, вспоминать про папочку! (*С хохотом отбегаёт.*)

Т и л ь. Пошел прочь!

Т р е т ь и й д у х (*схватил Тилля за руку*). Кого ты слушаешь, безумец! Тебе ли, оскорбленному, искать покоя?.. Мстить — вот он смысл жизни! Мстить всем! Всегда!.. На пинок отвечать оплеухой, на удар — десятью. Кровь смывается кровью! Ты — один, против тебя — все! Мсти!

Т и л ь. Пепел Клааса стучит в мое сердце!

Т р е т ь и й д у х. Отомсти за него! Кругом предатели! И мой тебе совет: для начала убей мать!

Т и л ь (*отшатнувшись*). Что?

Т р е т ь и й д у х. Она предала отца: он — мертв, а она — жива! (*С хохотом отбегаёт.*)

Н е л е (*кричит*). Тиль, убежим отсюда!.. Дай мне руку!

Т и л ь. Я всех ненавижу!
Н е л е. И меня?
Т и л ь. И тебя!

Духи с ликованием окружили Неле.

Д у х и. Девочка! Хорошая девочка, пойдем с нами!..
(Срывают с нее одежды.) Поиграем! Поиграемся!.. Кто тебе из нас первым нравится?.. А?.. Мы — мальчики веселые!..

Н е л е. Тиль! Не бросай меня!.. (Вырывается из объятий духов.) Я боюсь... Куда ж я без тебя, любимый мой?.. Мне страшно... Я не хочу одна... Пожалей меня, пожалейста!

Т и л ь. Прости. (Обнял ее.) Сам не знаю, что говорю...

Н е л е (покрывая его лицо поцелуями). Хороший мой. Спасибо, господин мой... Ну, ну, не бойся! Я с тобой!.. Я сильная, Тиль, я за тебя глаза выцарапаю... Вот так! Успокойся, милый. Потерпи... Все обойдется. Обними меня крепче... А хочешь — поплачь! Не стыдись, я пойму... Садись со мной... Вот так, миленький, вот так... Сейчас будет хорошо... Не бойся, это дурман, это пройдет...

Духи молча отступают. Тиль и Неле лежат в объятиях друг друга. К а т а л и н а подходит к ним.

К а т а л и н а. Ты счастлив, Тиль?

Т и л ь. Да.

К а т а л и н а (вдруг став злой). Успокоился, стало быть?.. Насытился? Слизняк!.. Затих на теплой груди, заснул... Все вы одинаковы! Пыжат из себя героев, а сами сделаны из того же мяса, из которого делают кабанов!.. Ты не дух Фландрии, ты ее непристойный звук!.. Плюю на тебя! На все свои надежды плюю... Господи, спасибо тебе, что сделал меня безумной, так мне легче жить на этой земле!..

Каталина уходит. Тиль и Неле остаются одни.

Н е л е. Не сердись на нее, Тиль. Пожалей ее...

Т и л ь. Я ей завидую.

Н е л е. Все будет хорошо...

Т и л ь (задумчиво). К сожалению, да. (Тронул ладанку.) Оно уже остыло, Неле... Совсем холодное...

К о н е ц п е р в о й ч а с т и

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОДИНА

МОЛЧАНИЕ

Прошло сорок дней. Дом угольщика Клааса. Все готовятся к поминкам по угольщику: Сооткин хлопочет по хозяйству, Неле ей помогает, даже Тиль с безучастным видом рубит капусту, Каталина причесывается перед зеркалом.

Каталина. Неле, можно я надену твои красные бусы? Красные бусы, белые волосы — красиво!

Сооткин. Грех, Каталина! Грех старой женщине наряжаться словно девушке...

Каталина. Сегодня я венчаюсь. Ганс будет в черном камзоле, а я — в белом платье... И мы дадим клятву у алтаря!

Неле. Что ты придумываешь, мама? Какой алтарь? Нету никакого Ганса...

Каталина *(усмехнувшись)*. Глупенькая... *(Тиллю.)* Тиль, ты будешь у меня посаженным отцом на свадьбе?

Тиль молчит.

Неле *(Каталине)*. Не приставай к нему... *(Подошла к Тиллю, забрала у него нарубленную капусту, чмокнула его в щеку.)* Вот молодец! Теперь закуски хватит на всех гостей...

Тиль безучастно молчит.

Сооткин. Надо пойти у лавочника ветчины купить... *(Тиллю.)* Сынок, разрешишь мне взять еще немного из тех денег?..

Тиль молчит.

Все-таки поминки... Нехорошо, если стол бедный...

Тиль молчит.

Ну, спасибо.. *(Лезет в тайник, достает деньги.)*

Н е л е. Сооткин, надо бы перепрятать деньги... Положи в тот тайник, у колодца.

С о о т к и н. Да и здесь никто не найдет...

Т и л ь *(задумчиво)*. Буду, чего ж...

С о о т к и н. Ты про что, сынок?

Т и л ь. Буду посаженным отцом...

Сооткин, покачав головой, ушла. Появляется Л а м м е с гусем под мышкой.

Л а м м е *(бросая гуся на стол)*. Привет! Во чего раздобыл! Поджарить да набить тушеными яблочками — чудо! Верно, друг? *(Хлопает Тиль по плечу, тот безучастно молчит.)* Любишь гусятинку?..

Н е л е. Спасибо, Ламме.

Л а м м е. Не за что!.. А я этого гусака давно заметил... Плавает, мерзавец, в луже и гогочет... Я думаю: ну, давай, давай, гогочи! С вином-то лучше поплывешь... Верно, тетушка Каталмина? *(Оглядел Каталмину.)* Чего это она наряжается?..

Н е л е *(с усмешкой)*. Замуж собралась!

Л а м м е. Во как? Ну что ж, пора... *(Подсел к Тилью.)* Слушай, Тиль, дело тут одно намечается... В Амстердаме на той неделе ярмарка будет. Праздник! Ну, вот они, стало быть, просили, чтоб и ты приехал...

Н е л е. Это зачем же?

Л а м м е. Помнишь, у нас на базаре он песенку пел? «Я — толстый Ламме, целый день готов сидеть и лопать»... Смешная такая песенка... Вот просят исполнить! Обещали хорошо заплатить...

Н е л е. За нее уж раз платили ссылкой...

Л а м м е. Ну, что равнять нас и Амстердам? Столица, культурный город! Конечно, там слова надо поправить... Чтoб не зло, по-доброму... А шутить там можно. Шутить разрешается. Ты как, Тиль?

Тиль молчит.

Две сотни флоринов обещали... Деньги!.. У них там целое представление будет... Цыгане, медведи... Наш рыбник на мандолине играет...

Н е л е. Кто?

Л а м м е. Рыбник!.. *(Замялся.)* Сволочь, конечно, но на мандолине так научился бренькать!..

Н е л е. Ты в своем уме?.. Ты о чем говоришь?! Чтоб Тиль и рыбник — вместе?..

Л а м м е. Чего вместе? Каждый сам по себе... Да и потом, это ж работа. Мало ли что... Вон я в цирке видел: свинья с волком из одной миски жрали...

Т и л ь (*задумчиво*). С яблоками, говоришь?

Л а м м е. Кто?

Т и л ь. Гусь.

Л а м м е (*обрадованно*). С яблоками! С тушеными... А самого жарить! (*Пауза.*) Так чего сказать амстердамцам?

Тиль молчит.

Ну и правильно! Я сам их хотел послать куда подальше, да решил сперва с тобой посоветоваться... Вот! (*Замаялся.*) А может, пойдем выпьем, а?..

Н е л е. Куда ему такому?.. Видишь, человек не в себе...

Л а м м е. Так я потому и зову... Отвлечь хотел!..

К а т а л и н а. Ламме добрый...

Л а м м е. Добрый, тетушка... А только через эту доброту мне же хуже... Сегодня какой-то мальчишка прибегает, кричит: «Дяденька, помоги! Мой отец с соседом дерется!» Ну я влез в драку, кричу: «А кто твой отец?» А он орет: «Так из-за этого они и дерутся!..»

Т и л ь (*решительно встал*). Только много, ладно?

Л а м м е. Чего?

Т и л ь. Много выпьем, ладно?

Л а м м е (*обрадованно*). Конечно, много... Немного и дома можно... Пошли, друг!

Тиль и Ламме уходят. Раздается крик совы. Каталина вскочила, замсталась по комнате.

К а т а л и н а. Он летит ко мне, мой Ганс!.. Сейчас это совершится...

Н е л е (*испуганно*). Кого ты ждешь?

К а т а л и н а. Никого, никого... Иди к себе, дочка, я потом позову...

Неле хочет выйти на улицу, Каталина хватает ее за руку.

Нет, нет! Нельзя! Ганс рассердится... Иди ложись, Неле, спи... Я разбужу, когда все случится... (*Почти насильно утаскивает Неле в соседнюю комнату.*) Дочка, не печаль свою маму... У мамы сегодня счастье! Ступай...

Крик совы.

ВЕНЧАНИЕ

Появляется Рыбник с Напарником. На Рыбнике черный камзол, лицо вымазано мукой, глаза подведены. В руках — мандолина.

Рыбник. Вот мы и на месте. *(Оглядывается.)* Никто не увидит!

Напарник. Что-то мне боязно, Иост.

Рыбник. Я — Ганс! Зови меня правильно... И не дрожи! Мы не воры, мы — дьяволы!

Напарник *(крестясь)*. Не шути так! Грех!

Рыбник. Этот грех простится!.. Чтобы победить дьявола, я готов сам стать исчадьем ада... *(Достает зеркальце, подрисовывает себе глаза, приклеивает нос.)* Вот так!.. Страшно?! Ага!.. Как глупо устроены люди! Будь ты с ножом или топором, тебя не боятся, а сделай нос чуть подлиннее, выпучи глаза, оскаль зубы — и внушаешь ужас!..

Напарник. А вдруг кто придет?

Рыбник. Не бойся... Она обещала быть одна... Разве что Неле? Хочешь молоденькую, а?.. Хочешь, по глазам вижу... Только не робей!.. Я теперь понял: в этой жизни робость — худший из недостатков. Я жил смиренно, страдал за людей, и вот я ими же проклят!.. Но теперь они меня надолго запомнят. Хватит защищаться, пора нападать!.. *(Поет романс.)*

РОМАНС ЧЕРНОГО РЫЦАРЯ

Я — черный рыцарь Ганс —
Пою тебе романс,
Как юноша влюбленный, под балконом.
Не мучь меня! Не мучь!
Отдай от сердца ключ!
Прошу тебя, любимая, со стоном!

Припев:

Звенит мандолина.
О, выйди, Каталина!
Я тайну открою,
Как стать молодой!
Тебя я унесу,
Мы скроемся в лесу
И предадимся там безумной страсти!
Я дьявольски везуч!
Отдай от сердца ключ,
И счастье ты найдешь в своем несчастье!

Припев:

Звенит мандолина.
О, выйди, Каталина!
Я тайну открою,
Как стать молодою!

Появляется Каталина в белом подвенечном платье.

Каталина. Я здесь, мой Ганс!

Рыбник. О, этот чудный миг! Пусть звезды навсегда исчезнут с неба, пусть скроет безобразная луна свой белый лик в вуали облаков! Каталина здесь — и всем другим светилам постыдно появляться рядом с ней!..

Каталина. Как ты красив! Как голос твой прозрачен! Тебя, должно быть, ангел научил так говорить...

Рыбник. Да, ангел, но не тот, что в небесах, а тот, что под землей. Его зовут все дьяволом, а он такой же ангел, только черен цветом... Он проклял день, но он придумал ночь... И воздух весь закрасил черной краской, чтоб скрыть от глаз убийства и любовь... *(Протягивает к ней руки.)* Девочка, сегодня наша ночь... Сегодня наши судьбы соединятся...

Каталина. Как я счастлива, милый... Скажи только, что любишь меня.

Рыбник. Люблю.

Каталина. Не спеши отвечать... Посмотри на меня: я — старая.

Рыбник. Ложь! Ты самая юная из всех девушек мира!

Напарник хихикает.

Каталина *(увидев Напарника)*. Кто с тобой, Ганс?

Рыбник. Тот, кто узаконит наш союз... Дай твою руку, жена моя... *(Встает с Каталиной на колени перед Напарником.)* Святой отец, соедини нас! Благослови на любовь, на жизнь и на смерть!

Напарник *(простер над ними руки)*. Раб божий Ганс, с чистым ли сердцем берешь ты в жены Каталину?

Рыбник. Да.

Напарник. Раба божья Каталина, с любовью берешь ли ты в мужья Ганса?

Каталина. Да!

Напарник. Готовы ли вы внести выкуп дьяволу за свой союз?

Рыбник. Да! Все, что у меня есть, — ему! *(Высыпает из кармана деньги.)*

Напарник (*Каталине*). Ты, дочь моя?

Каталина. У меня ничего нет.

Рыбник (*обнимая ее*). Отдай ему все, Каталина! Отдай...

Каталина. У меня правда нет, милый...

Рыбник. А в доме?

Каталина. В доме спрятали деньги Клааса... Но их нельзя трогать... Это — тайна!..

Рыбник (*встал с колен*). Прощай! (*Напарнику*.) Прости меня, святой отец! Прости, что я подбил тебя на постыдное дело... Я думал взять в подруги любящую душу, а пригрел змею...

Каталина. Не уходи, любимый...

Рыбник. Прочь, лживое отродье!.. Чужая тайна для тебя дороже своей!.. Клаас совершил тяжкий грех, утаив наследство; его выкормыш усугубляет этот грех, а ты им по-творствуешь... Прощай!

Каталина. Милый мой Гансик... Не бросай свою девочку...

Рыбник. Взгляни в зеркало, старуха!.. Щупай сама свою дряблую кожу, гладь сама свои редкие волосенки... Только бесовская сила на миг возвращает тебе молодость, а ты не хочешь за это даже платить?!

Каталина. Я боюсь... Тиль убьет меня!.. Клаас умер, не сказав... Я не знаю, где тайник...

Рыбник (*обнял ее*). Поищи, милая... Твоя любовь укажет... Это дьявол посылает тебе испытание... Надо выдержать его... Ступай, ступай!..

Каталина (*сдаваясь*). Неле услышит!

Рыбник (*Напарнику*). Пойди займись девочкой!

Каталина (*испуганно*). Не надо!

Рыбник. Не бойся, не бойся... Он ее отвлечет!

Напарник проскальзывает в дом.

Пошли и мы... (*Вводит в дом Каталину*.) Ищи, ищи, голубка... Это где-то здесь спрятано... А я буду тебе пока говорить слова любви... «Нет ничего на этом белом свете сильнее и ярче жаркого огня, что в сердце загорается моем, когда тебя я вижу...» Вот тут смотри, милая. Может, это спрятано в стене?.. Или там, за бочкой?.. «Какое счастье взять и утонуть на дне твоих зрачков лучистых, на самом дне твоих глубоких глаз...» Вон в углу что-то сверкнуло?.. Не то?.. Вспоминай, голубка, куда они это прятали, а?.. «В час радости и в смертную минуту я буду повторять любимой имя!..»

За стеной слышны звуки борьбы, крик.

Не дрожи, милая... Все будет хорошо... Твой Ганс с тобой!..
«Моя любовь, мой стон, мое дыханье — все для тебя, все только для тебя...»

К а т а л и н а (*достает из тайника деньги*). Вот! Возьми, любимый! (*Падает без чувств.*)

Вбегает окровавленный Н а п а р н и к.

Н а п а р н и к (*всхлипывая*). Она меня ножом... Сука!

Р ы б н и к (*склонился над Каталлиной*). Прости меня, голубка!.. Прости!.. (*С ненавистью оглянулся.*) Святое семейство! Сколько зла от их добродетели!..

Н а п а р н и к. Бежим отсюда... Кто-то идет!.. Да плюнь ты на эту старуху!

Р ы б н и к. Молчи, мерзавец! Я прощаюсь с женой... (*Целует Каталлину, убегает вместе с Напарником.*)

Вбегает Н е л е, платье на ней порвано, лицо исцарапано. Склоняется над Каталлиной. За сценой крики: «Стойте! Держите их!..» Врываются возбужденные Т и л ь и Л а м м е.

ЗЛАЯ ПЕСНЯ

К а т а л и н а (*приходя в себя*). Ганс, любимый!.. Где ты?

Т и л ь (*свирепо*). Кто здесь был? Я спрашиваю...

Н е л е. Не знаю.

Т и л ь. Не знаешь?

Н е л е. Не знаю... Двое в черном... Один ворвался ко мне в спальню...

Т и л ь. Не знаешь! (*Подходит, дает ей пощечину.*) Прикрой груди, невеста!

К а т а л и н а. Не бей ее! Это я отдала деньги Гансу!

Тиль бросается к тайнику.

Ганс заплатил выкуп дьяволу, и я буду молодой...

Т и л ь (*отрешенно*). Нас обокрали, отец! (*Надвигается на Каталлину.*)

Ламме преграждает ему путь.

Л а м м е. погоди! Надо разобраться!

Т и л ь. Отец сгорел — и не сказал... Мать пытали! И вот эта старая шлюха со своей дочкой...

Н е л е (*подошла к Тиллю, отвесила ему пощечину*). Давай, Тиль! Ори! Бей! Воюй! С бабами у тебя это хорошо получается!..

Л а м м е. Успокойся, друг... Так нельзя!

Т и л ь (*Ламме*). Ты молчи! Твое дело жрать гусей и растить брюхо! Где жена твоя?.. Уже не тоскуешь? Успокоился? Еще бы!.. Она, поди, вышла за эскадрон испанских кавалеристов. Пусть возьмет Неле в подружки, вдвоем веселее!..

Л а м м е. Вот ты каким стал?

Т и л ь. Не стал. Сделали!.. Сорок дней я тащу этот дом на себе как улитка... Сорок дней меня бьют по башке словами... Вон, поминки уже устраиваем. Пирогов напекли!.. «Приходите, добрые люди, выпьем-закусим за упокой души угольщика! А сынок вам песенку споет!.. Шутку шутит! Он теперь хозяин. Как медведь сидит в берлоге, зиму перезимовывает!» Черта с два! Все равно собаки по запаху нашли!.. Пусто в доме! Молодец, Каталина, прокутила денежки... Урок мне дала!.. Так мне и надо!.. Если бог создал тебя овцой, нечего обижаться, что стригут... Только я еще подожду бляеть. У меня хватит сил взять мир за глотку и тряхнуть, чтоб легче дышалось... Пепел Клааса снова стучит в мое сердце! Он горячий, обжигает кожу!.. Время сейчас горячее, как пепел отца!.. И не будет мне покоя, пока дымятся костры, и не будет у нас счастья, пока в садах на каждой яблоне, на каждой ветке не вырастет по испанцу... В путь, Ламме! Нас ждут...

Л а м м е. Пошли, друг!

Т и л ь. Прощай, Неле!.. Не поминай лихом!.. Господь сделал меня мужчиной, но не мужем, а женщинам дал юбки не для того, чтоб нам там прятаться!..

Л а м м е. Верно, Тиль! Стыдно нам с бабами воевать...

Т и л ь (*вдруг грустно*). Дурак! С бабами-то труднее всего... С испанцами легче...

•ЗЛАЯ ПЕСНЯ. ТИЛЯ

Что за сладостный край, где всего через край,
Где полно и жратвы, и питья!
Так что, черт побери, знай, живи, пей да жри.
И да здравствует Фландрия!

На зеленых дубах, на дубовых столбах
Круглый год в этом щедром краю
Вырастают плоды с языком до пула,
Даровая жратва воронью.

И хоть в этой стране древесина в цене,
Всюду весело пышет огонь!

Жжем живьем вместо дров и сироток, и вдов —
И тепло, и приятная вонь.

И тепло, и приятно, и весело знать,
Что всегда можно руки погреть.
Волоки на костер хоть родимую мать —
Ты получишь законную треть.

И не бойся потом перед божьим судом,
Отыщи и представь короля:
«О господь! Это он меня сделал скотом,
Это он виноват, а не я!»
И да здравствует Фландрия!

ГЕЗЫ

С громкой солдатской песней маршируют по сцене гезы — лесные разбойники, армия принца Оранского. К ним пристроились Тильс Ламме; у Тилья вместо шпаги — метла. Командует отрядом Бригадир. Здесь же — немецкий офицер-наемник Ризенкрафт.

Бригадир. Отряд, смирно! (*Подходит к Ризенкрафту.*)
Господин Ризенкрафт, отряд гезов на учение построен.

Ризенкрафт (*презрительно оглядев гезов*). Это не есть отряд, это есть толпа! (*Идет вдоль строя.*) Швах! Зер швах! (*Останавливается возле Ламме.*) Это что есть?

Бригадир. Новобранец, господин Ризенкрафт. Сегодня утром пришли!

Ризенкрафт (*Ламме*). О майн готт, какой пузо!.. На войне нельзя такой пузо!

Ламме. Извиняюсь, господин офицер, оно у меня еще с мирного времени!

Ризенкрафт. Молчать. Ложись!

Ламме. Зачем?

Ризенкрафт. Лечь!

Ламме ложится.

Встать! Ауфштейн!

Ламме. Вы же велели лечь?

Ризенкрафт. Встать!

Ламме встает.

Лечь!

Встать!

Л а м м е (*задыхаясь*). Нет, так не пойдет, господин офицер! Вы уж выберите что-то одно: либо лежать, либо стоять...

Р и з е н к р а ф т. Молчать, болван! (*Всем.*) Вы — свиньи! Грязные, вонючие фламандцы!

Т и л ь. А ну полегче, господин офицер! А то мы и вас понохаем.

Р и з е н к р а ф т. Что такой? (*Указывает на метлу.*) Что это есть?!

Т и л ь. Моя шпага!

Р и з е н к р а ф т. Шпага?! Ты есть смеяться?! (*Выхватывает свою шпагу.*) Тогда защищайся!.. Я тебе сделаю дырка!

Т и л ь (*отступая*). Это ни к чему, господин офицер. У меня их хватает!

Ризенкрафт бросается на Тиль, тот отбивается метлой.

Л а м м е. Что же это, братцы?.. Он же его убьет! Так нельзя... (*Бросается к дерущимся.*)

Гезы удерживают его.

Б р и г а д и р. Не лезь! Твой дружок сам виноват...

Л а м м е. Да я за офицера беспокоюсь.

Тиль сбивает с ног Ризенкрафта, тычет ему метлу в нос.

Т и л ь. Не угодно ли пообедать свежим веником, господин Ризенкрафт?!

Появляется принц Оранский.

О р а н с к и й. Прекратить! Что здесь происходит?!

Т и л ь (*отпустив Ризенкрафта*). Извините, ваше высочество. У нас тактические занятия...

Р и з е н к р а ф т (*поднимаясь*). Я отказывайся командовать эта банда!

О р а н с к и й. Вы за это получаете деньги, Ризенкрафт!

Р и з е н к р а ф т. Я отказывайся деньги... Я не могу управлять стадо. Я не пастух, я — германский офицер! (*Уходит.*)

О р а н с к и й (*Тиллю*). Твое имя?

Т и л ь. Тиль Уленшпигель, ваше высочество!

О р а н с к и й. Шут?

Т и л ь. Так точно!..

О р а н с к и й. Надо знать место шуткам! Ты совершил

тяжкое преступление и будешь наказан по военным законам.
(*Бригадиру.*) Расстрелять!

Тиль. Ваше высочество, он первым начал... Он сказал: «воюющие фламандцы»...

Оранский (*не слушая его*). На прицел, солдаты!

Солдаты поднимают ружья.

Тиль. Он сказал: «Грязные, воюющие фламандцы»...

Оранский (*Тилью*). Ты обязан был стерпеть!

Тиль. Я бы стерпел, ваше высочество, но я подумал: а вдруг он имеет в виду вас?!

Оранский. Солдаты! Пли!!

Солдаты щелкают курками.

В чем дело?

Бригадир. У нас кончились патроны... Еще вчера во время боя...

Оранский. Взять в арсенале!

Бригадир. Арсенал закрыт.

Оранский. Где комендант?

Бригадир. Убит, ваше высочество!

Оранский. Назначить нового!

Бригадир. Новый назначен!

Оранский. Где же он?

Бригадир. Ушел хоронить старого!..

Оранский. Привести немедленно!

Бригадир. Теперь уж только «принести», ваше высочество. Он на поминках выпил!

Оранский (*в бешенстве*). Взломать арсенал!!!

Бригадир. Слушаюсь! (*Гезам.*) Отряд, направо, шагом марш! (*Уводит гезов.*)

Тиль остается.

Оранский. Позор! Это не армия! Сборище бестолковых деревенских мужиков!.. Против нас регулярные войска. Обученные, хорошо оснащенные. А у нас — одно ружье на троих, да и то не заряжено!.. Я вынужден приглашать наемников, вынужден платить им золотом, а вы, вместо того чтобы научиться у них военному искусству, бьете их вениками по лицу! Позор!

Тиль. Я готов принести ему свои извинения!

Оранский. Молчать! Через пять минут тебя расстреляют.

Тиль. Тогда я не должен молчать. У меня важное сооб-

щение, ваше высочество: в эту среду испанцы начнут наступление.

Оранский. Откуда тебе это известно?

Тиль. Я пробирался к вам две недели по территории, занятой неприятелем... Филипп стянул сюда, к реке Маас, много войск, а обозы с провиантом застряли в тылу возле Брюгге... Чтобы отвлечь солдат от голода, король начнет наступление в среду.

Оранский. Но почему именно в среду?

Тиль. По четвергам офицерам платят жалованье. Филипп скуп! Он пошлет их в бой в среду, чтобы сэкономить на погибших.

Оранский. Тогда почему не в понедельник или не во вторник?

Тиль. Испанцы — набожные люди, ваше высочество. Они не любят воевать в праздники. А в понедельник — день святого Антония, во вторник — святого Марка, в четверг — святого Луки!.. Свободной остается только среда...

Оранский. Резонно!.. А сколько примерно солдат у Филиппа?

Тиль. Шесть тысяч двести сорок шесть человек, ваше высочество!

Оранский. Ты их считал?

Тиль. Никак нет! Вычислил... В расположение испанских войск прибыло несколько притонов с девицами. Я пересчитал девиц, помножил на норму, сделал поправку на темперамент и получил искомое число!..

Оранский. Молодец!.. Может, ты знаешь и количество пушек?

Тиль. Так точно — тридцать три! Причем пять орудий было неисправных, но я их починил.

Оранский. Зачем?

Тиль. Теперь они будут стрелять в другую сторону!..

Оранский. Bravo!.. Ты отличный воин, Тиль... Но ты плохой солдат! Ты нарушил дисциплину и, к сожалению, должен быть наказан...

Тиль. Я готов умереть, ваше высочество! Тем более что испанцы назначили за мою голову двести флоринов, вы сможете их получить и заплатить жалованье Ризенкрафту!..

Оранский. Наглец! Ты забываешься!.. *(Спокойно.)* Я все понял, Уленшпигель, ты — опасный человек! Где бы ты ни находился, ты несешь с собой смуту и разрушение, поэтому для нас лучше, когда ты в армии врага!

Появляются гезы и Бригадир.

Б р и г а д и р. Ружья заряжены!

О р а н с к и й. Отлично. Солдаты, Уленшпигель нарушил дисциплину и должен быть наказан, но он совершил подвиг и должен быть награжден. Объединив все это, я пришел к решению назначить Уленшпигеля комендантом города Бриля!

Т и л ь. Ваше высочество, но там сейчас испанцы?!

О р а н с к и й. Это меня не касается... Приступай к исполнению своих обязанностей!

Т и л ь. Снова в тыл?.. Нет. На кой черт я пробивался к вам две недели, чтобы тут же тащиться обратно?..

О р а н с к и й. Опять неповиновение?! Солдаты! Поднять ружья!

Т и л ь. Хорошо. Согласен.

О р а н с к и й. Выше ружья... Еще выше! Салют в честь коменданта Бриля! Пли!..

КРЕПОСТЬ ГЕНЕРАЛА

Город Бриль.

Замок командующего береговой охраной генерала де Люмеса. В зале жена генерала А н н а, миловидная брюнетка. Вбегает Г е н е р а л, он в халате, ночном колпаке, очень взволнован.

А н н а. Что случилось, генерал?

Г е н е р а л. Король! Его величество... *(Бегает по зале.)*
Черт побери, где мой мундир?

А н н а. Я отдала его слугам вычистить!

Г е н е р а л. Пусть принесут немедленно! Король! Сам король объезжает гавань Бриля! Сейчас он направляется к нам!.. Господи, где же шпага?.. *(Взглянув в окно.)* Он идет. А я в таком виде... Анна! Что будет?! Мерзавцы! Меня же никто не предупредил...

А н н а. Возьмите себя в руки! Я сейчас пришлю слугу... *(Уходит.)*

Открывается дверь, быстро входит Ф и л и п п. Он явно рассержен.

Г е н е р а л. Ваше величество... *(Склоняется в почтительном поклоне.)*

Ф и л и п п. Вы кто?!

Г е н е р а л. Начальник береговой охраны генерал де Люмес.

Ф и л и п п. Генерал?! А я думал — ключник!.. Или провизор.

Г е н е р а л. Ваше величество мне не сообщили... Я был не готов...

Ф и л и п п. А гезы вам тоже будут сообщать о нападении?! Позор! Идет война! Против нас хорошо оснащенная армия, а командующий спит после обеда!..

Появляется С л у г а с мундиром.

Оденьтесь. На вас стыдно смотреть!..

Генерал поспешно одевается. Его мундир увешан орденами и крестами.

Много железа на груди, генерал! Придется половину снять, чтоб было легче стоять перед королем!.. Старый осел! Во что вы превратили береговую охрану?! Я проплыл всю гавань — и ни одной пушки, ни одной мортиры!.. Ни одной крепости на горизонте!

Г е н е р а л. Я счастлив, ваше величество!

Ф и л и п п. Что?!

Г е н е р а л. Счастлив, ваше величество! Если даже ваш зоркий глаз не заметил береговых орудий, значит, они надежно укрыты... Соболаговолите подойти к карте, ваше величество... (*Расстилает карту.*) Вот секретная схема береговой охраны... Практически простреливается каждый дюйм гавани... Даже здесь, на каждом островке, стоят пушки, но все тщательно укрыто... Если Оранский пошлет шпионов, они ничего не увидят, кроме камней и прибрежного песка...

Ф и л и п п (*смягчившись*). Ну что ж, это меняет дело...

Г е н е р а л. Эти укрытия мы строили целый год, ваше величество. Гавань превращена в западню. Когда корабли гезов посмеют приблизиться к Брилю, мы их подпустим к самому берегу, а потом расстреляем с четырех сторон!

Ф и л и п п. Недурно!.. И все-таки, генерал, вы должны понять мой гнев: когда король инспектирует войска, командующий должен встречать его как положено!

Г е н е р а л. Абсолютно верно, ваше величество!.. Но если я сумел неплохо скрыть пушки, то вы, еще более умело, засекретили свой приезд!..

Ф и л и п п. Хорошо! Будем считать, что мы обменялись комплиментами... Прикажите подать вина!.. Я устал!

Г е н е р а л. Слушаюсь. (*Хлопает в ладоши.*)

Появляются с л у г и с подносами. Вместе с ними входит А н н а; она в элегантном военном костюме, при шпаге, на груди — боевой крест.

А н н а (*отвесив поклон*). Я счастлива видеть вас, ваше величество!

Ф и л и п п. Боже, какая прелесть! (*Генералу.*) Ваша дочь?

Г е н е р а л. Супруга, ваше величество!

Ф и л и п п. Жаль!.. Все равно прелестная амазонка!.. (*Указывает на крест.*) Это украшение?

А н н а. Это боевой крест, ваше величество!

Г е н е р а л. Она его заслужила... Два месяца назад на нашу карету напали гезы, и Анна собственноручно пристрелила двоих!

Ф и л и п п. Bravo. Поздравляю вас, сударыня! (*Кладет руку на крест.*) Носите его с гордостью! Вы его заслужили!.. Женщины, служащие королю, — те же солдаты!

А н н а. Так точно, ваше величество!

Ф и л и п п (*не убирая руки с ее груди*). Желаю вам новых подвигов! Пусть здесь... здесь... засверкают новые награды! (*Генералу.*) Прелестная дочь у вас, генерал!

Г е н е р а л. Супруга, ваше величество!

Ф и л и п п (*нехотя убирая руку*). Я помню... Налейте вина!

Слуги наливают бокалы.

За вас, генерал, за вас, сударыня, за королевство!

Все выпивают. Появляется С о л д а т, подходит к Генералу, что-то шепчет ему на ухо.

Г е н е р а л (*Солдату*). Потом займусь!

Ф и л и п п. В чем дело?

Г е н е р а л. Привели перебежчика из армии гезов, ваше величество.

Ф и л и п п. Надо срочно допросить! Ступайте, генерал!

Г е н е р а л. Могу ли я менять общество вашей особы...

Ф и л и п п (*перебивая*). Дело прежде всего. Ступайте, генерал, а я пока поболтаю здесь с вашей очаровательной дочерью.

Г е н е р а л (*жалобно*). Супругой...

Ф и л и п п. Ну, ну, не будем спорить... Ступайте!

Генерал уходит, Филипп пододвигает к себе второе кресло.

Садитесь!

А н н а. Считаю за честь стоять перед своим королем!

Ф и л и п п. Ну, будет, будет... А то вы вправду заставите меня поверить, что вы солдат... Садитесь! (*Усаживает ее, кладет руку на плечо.*) Господи, что с нами со всеми делает

эта война! Даже хорошенькие женщины должны жертвовать собой, совершать ратные подвиги...

А н н а. Ну, это выглядело все не так героически, ваше величество.

Ф и л и п п. Да я не про то... Я про ваше замужество! Выйти за такого облезлого старика... Вот подвиг! У него же, наверно, руки трясутся... *(Обнимает ее.)*

А н н а *(отстраняется)*. Не надо, ваше величество!

Ф и л и п п *(раздосадованно)*. Ну вот... «Не надо»!.. Чуть что — сразу «не надо»!.. *(Снова обнимает.)* Ну что ты боишься, глупенькая?.. Ведь ты же смелая... Расскажи, как ты пристрелила двух разбойников, а?

А н н а. У меня не было выхода, ваше величество, они пытались меня обнять!

Ф и л и п п *(отпрянув)*. Дерзкая. Ты перечишь королю!

А н н а. Простите меня, ваше величество, я верная слуга, я люблю своего короля...

Ф и л и п п. Так в чем же дело?

А н н а. ...и королеву Марию!

Ф и л и п п *(зло)*. Чудовище! Я ее ненавижу!.. Холодная жаба!.. *(Жалобно.)* Я несчастен в супружеской жизни, Анна... У меня нет к ней чувств. Ну, пожалей же меня... Я приказываю! *(Снова обнял ее.)* Ты обязана выполнять желания короля! Ты — солдат! Смирно!!

Вбежал Г е н е р а л.

Г е н е р а л. Ваше величество!

Ф и л и п п *(сердито)*. Зачем вы вбежали?

Г е н е р а л. Перебежчик сообщил очень важные сведения! Я подумал...

Ф и л и п п *(недовольно)*. Не вовремя подумали, генерал! *(Успокоившись.)* Ладно! Ведите перебежчика... *(Садится в кресло.)*

С о л д а т ы в в о д я т Р ы б н и к а.

Р ы б н и к *(поклонившись королю)*. Ваше высочество...

Г е н е р а л *(поправляя)*. ...Ваше величество... Перед тобой король Испании.

Р ы б н и к *(упав на колени)*. Простите, ваше величество... Не узнал. Я видел ваше лицо только на деньгах, и то в профиль...

Ф и л и п п. Кто ты?

Р ы б н и к. Торговец. Рыбник Иост Грейпстюнер из города Дамме.

Ф и л и п п. Фламандец?

Рыбник. К сожалению.

Филипп. Нехорошо стыдиться своей нации...

Рыбник. Моя нация погрязла в ереси и братоубийственных войнах... Мы плодим разбойников и бродяг. Могу ли я после этого гордиться своим происхождением?

Филипп. Ну, ну... Не буду настаивать. Так с какими известиями ты пришел к нам, рыбник?

Рыбник. Я пришел из расположения войск Оранского. Три дня назад корабли гезов подняли паруса и двинулись в устье Мааса, Шельды и Зейдер-Зее. Они идут в море, ваше величество. Через несколько дней будут штурмовать Бриль.

Филипп. Этого надо было ожидать... Что еще?

Рыбник. Второе известие может показаться незначительным, но, уверяю вас, оно не менее важно, чем первое: в Бриль послан некий Тиль Уленшпигель...

Филипп. Шут?

Рыбник. Это очень опасный человек, ваше величество...

Филипп. Я и говорю: шут!!

Рыбник. Не исключено, что Оранский поручил ему подготовить встречу кораблей.

Филипп (*Генералу*). Уленшпигеля поймать и казнить!

Рыбник. Ваше величество, прошу поручить это мне.

Филипп (*недовольно*). Откуда такое рвение?

Рыбник. Он хитер и неуловим. Я же знаю его в лицо... Кроме того, у меня с ним свои счеты...

Филипп. А почему я должен тебе верить?! Может, ты вообще с ним заодно? Где доказательства?

Рыбник. Я убежденный католик, ваше величество. Это может подтвердить его преосвященство, инквизитор. Я донес на отца Тиля, и того сожгли. Это подтвердит любой человек в Дамме. Семья Тиля скрыла деньги во время обыска, но я проник в дом и забрал их... (*Лезет за пазуху, достает набитый кошелек.*) Эта половина принадлежит королю, я принес ее вам! Меня пытались убить, я изгнан и проклят!.. Все! Других доказательств у меня нет.

Филипп. Этого достаточно... Хорошо! Поручаю тебе организовать арест Уленшпигеля!.. Возьми солдат, шпионов, осведомителей... Ну, ты лучше знаешь! Иди!

Рыбник. Благодарю вас, ваше величество.

Филипп (*отшвырнул ногой кошелек*). Деньги возьми себе.

Рыбник. Нет, нет, ваше величество... Это — ваша часть!

Филипп (*вдруг сорвался на крик*). Прекратить торг!.. Здесь не базар! Пошел вон!!!

Рыбник поднимает кошелек, уходит.

Черт знает с кем приходится якшаться в этой войне!.. Враги — оборванцы, друзья — подонки!.. Что за нация? Действительно, их надо всех выжечь... Всех! Как это ни жестоко, но всех! Даже детей! Ибо если во Фландрии останется хоть один мальчик и одна девочка, то все начнется сначала... (Анна.) Не так ли, сударыня?!

Анна. Мне трудно судить, ваше величество, я — фламандка!

Филипп. Ах, так?.. Вот откуда в вас эта нордическая жестокость, эта северная неприступность?.. Поздравляю вас, генерал! У вас засекречены не только пушки, но и супруга.

Генерал. Анна истинная католичка, ваше величество! Душой она принадлежит Испании!

Филипп. Душой — Испании, а телом — вам... (Хохотнул, но сразу осекся.) Шутки у меня, однако... Совсем осолдафонился в этих походах... Прощайте! (Уходит, сопровождаемый Генералом.)

Оставшись одна, Анна выхватывает шпагу и несколько раз с ненавистью рубит воздух, потом неожиданно всхлипывает и садится на скамью. Все это наблюдает Тиль, появившийся в окне.

Тиль. Bravo, сударыня! Так их...

Анна. Кто вы?

Тиль. Прохожий.

Анна. Что вам надо?

Тиль. Я ишу противоположную сторону улицы... Не скажете, где это?

Анна (показывает). Там.

Тиль. Странно. Я был там, мне сказали, что здесь... (Влезает в окно.)

Анна (выхватив пистолет). Ни с места!

Тиль. Осторожней, сударыня! Вы можете попасть в сердце, а оно принадлежит вам!

Анна. Считаю до трех: если вы не скажете, кто вы...

Тиль (перебивая). Влюбленный! Обыкновенный влюбленный, неужели это сразу не понятно? Вторую неделю я хожу за вами по городу, бегу за вашей каретой, брожу под вашим балконом. Почему вы не замечаете меня? Почему не отвечаете на мои письма?

Анна. Я не получала никаких писем!

Тиль. Неужели они не дошли? Странно... Я указал на конверте адрес: «Самой красивой женщине Бриля»... Навер-

ное, это ошибка. Надо было писать: «Самой прекрасной женщине Фландрии»...

А н н а. Не думайте, что я поддамся этой грубой лести!

Т и л ь. А вы попробуйте, сударыня. Это так приятно. Мы стали недоверчивы к словам друг друга и забываем, что некоторые из них — правда!.. Разве вы не допускаете, что из-за вас кто-то может потерять голову?.. Разве вы недостойны истинной любви?

А н и а. Я этого не говорила. Но чем вы докажете, что вы тот, за кого себя выдаете?

Т и л ь. Да чем угодно! (*Шагнул к ней.*)

А н н а. Ни с места! Доказывайте без рук!..

Т и л ь. Хорошо... Попробуем, хотя вы меня лишаете очень веского аргумента... Я влюбился в вас с первого взгляда. Увидел на улице и остолбенел...

А н н а. С вами это часто бывает?

Т и л ь. Часто, сударыня. Но это не значит, что я ветреная натура. Правильней сказать: ищущая!.. Человек должен влюбляться много раз, чтоб полюбить всего одну женщину...

А н н а (*с иронией*). И эта женщина — я?.. Господи, почему я слушаю весь этот бред? Почему не пристрелю вас или не выгоню?

Т и л ь. Потому что вам этого не хочется... Вам хочется, чтоб я остался и говорил... Можно бороться с этим желанием, но глупо... Мы проводим всю жизнь в борьбе... Боремся с врагами, боремся со стихией, — надо хоть с собой жить в мире...

А н н а. Что вы хотите от меня?

Т и л ь. Что может хотеть влюбленный от любимой?.. Ничего. Только быть рядом, только видеть лицо, слышать голос... (*Садится рядом.*) Вот так... Говори, милая, говори...

А н н а. Что?

Т и л ь. Ты забыла?.. Не может быть!.. Каждую ночь ты повторяешь эти слова... «Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...»

А н н а (*голосом Неле*). Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...

Т и л ь. «Мои глаза устали смотреть на дорогу...»

А н н а. Мои глаза устали смотреть на дорогу...

Т и л ь. «Мое сердце сжалось в комочек...»

А н н а. Мое сердце сжалось в комочек...

Т и л ь. «Когда ты придешь к своей Неле?»

А н н а. Меня зовут Анной.

Т и л ь. Не спорь, милая, я лучше знаю...

Пауза.

А н н а. Уже уходишь?

Т и л ь. Да. Мне пора. Светает...

А н н а. Побудь еще немного...

Т и л ь. Не могу...

А н н а. Ты вернешься?

Т и л ь. Нет. Не сердись.

А н н а. Я это знала. Все равно я буду тебя ждать...

Т и л ь. Прощай...

А н н а. Возьми карту. Ты ведь за ней приходил, Уленшпигель?

Т и л ь. Да... Наверное... Теперь уже не знаю. (*Берет карту.*) Все равно, все, что я говорил, — правда!

А н н а. Конечно, милый... Иди!

Тиль уходит. Анна, задумавшись, сидит в кресле.

Вбегает Рыбник.

Рыбник. Это — Тиль. Я видел, как он перескочил через ограду. Он был здесь? (*Анне.*) Сударыня, я вас спрашиваю: он был здесь или нет?

А н н а. Это и я хотела бы знать... (*Уходит.*)

Рыбник (*выйдя на авансцену*).

Итак, беглец бежал! Преследователь следом помчаться должен по его следам, чтобы догнать!

А может, лишь затем, чтоб просто поменяться с ним ролями и самому стать беглецом...

(*Поморщился.*) Плохие стихи, Иост! «Преследователь следом... по следам»... Чушь какая-то! Бог не дал тебе поэтического дара... (*Поднял глаза к небу.*) Ты вообще не щедр ко мне, господь. Ты обделил меня талантом. И наделил разумом: я все понимаю и ничего не умею. Это несправедливо. Я служу тебе верой и правдой, предаю огню твоих врагов, а ты равнодушен к моим стараниям... (*Вдруг сорвался на крик.*) Я устал, боже! Не позволяй меня оскорблять! Никому! Даже королю! Я отдал тебе все: дом, родину, друзей!.. Я прошу что-то взамен!.. Хоть одну улыбку... Иначе я не выдержу! Силы мои на исходе, и, если ты проклял меня, я отвечу тебе проклятьем! Будь проклят, боже! (*Упал на колени.*) Прости меня, боже, прости... Я сам не понимаю, что говорю... Не оставляй меня, боже, прости... Не оставляй меня! Одиночества я не перенесу... (*Тихо молится.*)

Затмение

ФОРТ

Один из фортов гавани города Бриля. На сцене — несколько испанских солдат и Капрал. Быстро входит офицер-наемник Ризенкрафт.

Капрал. Отряд, смирно! *(Подходит к Ризенкрафту.)* Господин Ризенкрафт, караульный отряд форпоста испанских войск на учение построен!

Ризенкрафт *(недовольно оглядев строй)*. Швах! Зершвах! Это не есть отряд, это есть толпа...

Капрал. Так точно, господин офицер!

Появляется Тиль, он одет в форму испанской армии.

Тиль. Господин капрал, разрешите встать в строй?!

Ризенкрафт *(увидев Тилья)*. Это кто есть?

Капрал. Новенький, господин офицер! Сегодня утром назначен к нам в караул...

Ризенкрафт. Новенький... О майи готт! Это же... это...

Тиль *(перебивая)*. Господин капрал, разрешите обратиться к господину офицеру?

Ризенкрафт. Я хочу им сказать, что ты служил гезам!

Тиль. И вы служили гезам, не так ли?

Ризенкрафт *(испуганно)*. Это была ошибка. Я изменят гезам...

Тиль. И я изменят гезам...

Ризенкрафт. Я теперь служу Испании...

Тиль. И я...

Ризенкрафт. Ты врешь!

Тиль. И ты — врешь! *(Зло.)* Кончим этот базар, господин Ризенкрафт! Для нас обоих лучше помолчать... Иначе расстреляют, причем вас раньше!.. Гут?

Ризенкрафт. Гут! Встать в строй...

Тиль встает в строй.

Отряд, начинайт учение! На месте шагом марш! Раз-два, раз-два...

Тиль. Господин капрал, разрешите обратиться к господину офицеру?

Капрал. Обращайтесь!

Тиль. Господин офицер, можно вас еще на минуточку? *(Берет Ризенкрафта под руку, отводит в сторону.)* Господин Ризенкрафт, меня это топтание на месте не устраивает.

Ризенкрафт. Что такой?!

Тиль. Нужно, чтоб вы увели солдат куда-нибудь по-

дальше. Мне необходимо остаться здесь одному... Срочно!

Р и з е н к р а ф т *(возмущенно)*. Ты мне приказывай?!
Т и л ь. Да! Если вам дорога ваша жизнь... Раз уж служи-

те и нашим и вашим, то по крайней мере отработывайте свои деньги... *(Крикнул.)* Выполнять!

Р и з е н к р а ф т *(щелкнул каблуками)*. Яволь! *(Солдатам.)* Отряд, направо! Бегом шагом марш!

К а п р а л. Господин офицер, мы не имеем права оставлять форт.

Р и з е н к р а ф т. Не рассуждайт...

К а п р а л. Господин офицер, это — рубеж береговой охраны. Здесь...

Р и з е н к р а ф т *(перебивая)*. Молчать! Вы — грязные вонючие испанцы... *(Тиллю.)* Ты будешь охранять форпост! *(Солдатам.)* Вперед!

Отряд уходит.

О, это не есть война, это есть сумасшедший дом! *(Уходит.)*

Тиль встает на посту. Быстро входит Генерал до Люмес.

Г е н е р а л. Часовой!

Т и л ь. Я!

Г е н е р а л. Почему стоишь как пень? Почему не спрашиваешь пароль?

Т и л ь. Я вас и так узнал, ваше высочество!

Г е н е р а л. Все равно, ты обязан у каждого спрашивать пароль.

Т и л ь. Слушаюсь! *(Поднял ружье.)* Пароль?

Г е н е р а л *(замешкался)*. Ну вот... Теперь я его забыл... Ладно, опусти ружье! Здесь не было посторонних?

Т и л ь. Кроме вас — никого!

Г е н е р а л. Я не посторонний, болван!

Т и л ь. Так точно. Вы — свой!

Г е н е р а л. Без тебя знаю... Где отряд?

Т и л ь. Ушел на строевые занятия.

Г е н е р а л. Ушел?.. Да они в своем уме?!

Т и л ь. Не могу знать! Господин Ризенкрафт увел их маршем вдоль берега.

Г е н е р а л. В такое время?.. Идиоты!.. Здесь передовая линия обороны, здесь подступ к Брилю... Черт знает что!.. Деревенские мужики!.. Я вынужден приглашать наемников, вынужден платить им золотом, а они занимаются муштрой в самый напряженный момент!.. Каждую минуту может начаться наступление... *(Взгляделся в даль.)* Что это там?

Т и л ь. Не могу знать!

Г е н е р а л. Там мелькнули тени... Это может быть авангард гезов!

Т и л ь. Сейчас проверим! *(Кричит.)* Эй, гезы! Это вы?.. Отзовись! Ау!

Г е н е р а л. Что ты орешь, идиот!.. Ну вот... Они скрылись.

Т и л ь. Стало быть, не гезы, ваше высочество. Иначе б они отозвались.

Г е н е р а л. Дурак! Откуда только в моей армии такие солдаты? Я тебя спрашиваю: ты откуда, кретин?

Т и л ь. Из Барселоны.

Г е н е р а л *(вдруг подобрел)*. Ох черт, и я из Барселоны! Давно оттуда?

Т и л ь. Всего неделю, ваше высочество!

Г е н е р а л. Ну что там? Как?

Т и л ь. Там сейчас весна!

Г е н е р а л. Без тебя знаю! Раз здесь весна, значит, и там весна.

Т и л ь. Никак нет! Там другая весна!.. Каштаны цветут... Клубника первая пошла...

Г е н е р а л. Клубника?.. *(Печально вздохнул.)* Ах, Барселона, Барселона... Сколько лет я уж там не был, господи!.. Ну, расскажи, парень, что там?.. Как идет жизнь?

Т и л ь *(несколько растерян)*. Да так, ваше высочество, все по-старому... Барселонцы гуляют... с барселонками... Дети бегают... барселончики...

Г е н е р а л *(мечтательно)*. Да, да!.. А над памятником святого Франциска летают голуби...

Т и л ь. Летают, ваше высочество!.. А иногда даже садятся...

Г е н е р а л. Так, так... *(Вздохнул.)* А здесь все война, война... И нет ей конца. Какого черта нас занесло в эту северную страну, солдат?

Т и л ь. Не могу знать!

Г е н е р а л *(печально)*. И я... *(Стал сразу строгим.)* Отставить разговоры! Ты охраняешь самый передовой рубеж нашей обороны! Здесь вход в гавань. Будь начеку!

Т и л ь. Так точно! Буду!

Г е н е р а л *(грустно)*. Так говоришь, клубника уже пошла?

Т и л ь. Полным ходом, ваше высочество!

Г е н е р а л. Ну, ну... Береги себя, дурачок! *(Уходит.)*

Тиль задумчиво смотрит ему вслед. Появляются несколько гезов. Один из них подкрадывается к Тиллю, замахивается дубинкой.

Тиль (*не оборачиваясь*). Осторожней, друг! Проломишь голову, а потом будешь отвечать!

Гез. Тиль! Ребята, это Тиль!.. (*Кричит.*) Ваше высочество, здесь Уленшпигель!

Быстро входит Оранский.

Тиль. Ваше высочество, комендант Бриля встречает вас на подступах к городу!

Оранский. Я представляю тебя к награде!

Тиль. Спасибо! Несколько бочек вина мне не повредят... (*Достает карту.*) Это — карта береговой охраны, ваше высочество. Она поможет вам провести корабли в гавань...

Оранский. Ты их поведешь!

Тиль. Нет. Я вынужден вернуться в город... Мне надо найти Ламме!

Оранский. Черт с ним, с Ламме!

Тиль. Он — мой друг!

Оранский. Глупо рисковать собой накануне победы...

Тиль. Глупо!.. Но он — мой друг!

Один из гезов. Где ты его будешь искать ночью?.. Он, поди, пьет сейчас в каком-нибудь притоне...

Тиль. Ради друга я готов пойти даже туда...

Затмение

ПРИТОН

«Заведенис» старухи Стивен. Несколько девушек с серебряными кружками на левом рукаве — знак их недостойного «ремесла» — поют песенку.

ПЕСНЯ ДЕВИЦ

Ах, для чего на рассвете
Есть на цветочках роса?
Ах, для чего нежной деве
Слезы туманят глаза?

Припев

Стынет напрасно жаркая кровь,
Ах, для чего есть на свете любовь?
Пчелка росу собирает,
Милый целует в уста,

МЖ

ЭТ

МЖ

Пчелка к цветочку вернется,
Милый ко мне — никогда!

Припев

Стынет напрасно жаркая кровь,
Ах, для чего есть на свете любовь?

Входят Рыбник и Стивен.

Рыбник. Приветствую вас, дочери Евы, служанки Амура, искусительницы рода человеческого!

Стивен (*обращаясь к девицам и как бы переводя слова Рыбника на понятный им язык*). Господин говорит: «Здорово, девочки!»

Рыбник. Король и святая инквизиция поручают вам важное и ответственное задание...

Стивен. «...будет работа»...

Рыбник. В городе появился опасный преступник, гез Тиль Уленшпигель.

Стивен. «Клиент»!

Рыбник. Он высок ростом...

Стивен. «Фитиль».

Рыбник. Черноволос и привлекателен внешне.

Стивен. «Брюнет-симпампончик»...

Рыбник. Его необходимо найти...

Стивен. «Надыбать»...

Рыбник. Обольстить...

Стивен. «Приклеить»...

Рыбник. Заманить сюда!

Стивен. «Прищемить»...

Рыбник. Остальное доделают мои люди...

Стивен. «Коты»...

Рыбник. Все ясно?

Одна из девиц. Какой навар?

Стивен (*Рыбнику*). Девочки интересуются наградой.

Рыбник. Триста флоринов!

Стивен (*девицам*). Сто монет!

Рыбник. Я же сказал — триста!

Стивен. А я поделила: сто — им, сто — мне, сто — вам.

Рыбник (*печально*). Вот я и сутенер. (*Вновь обратился к небу*.) Где предел, боже?.. (*Девицам*.) Итак, за дело! Тащите всех подозрительных... Лучше поймать сто Уленшпигелей, чем пропустить одного! Вперед, дочери сатаны! Бог вам в помощь!..

Девицы расходятся. Рыбник уходит. Появляется монах Корнелиус, он ведет за руку Калликен.

К а л л и к е н. Отпустите меня, святой отец. Лучше умереть...

К о р н е л и у с. Это всегда успеешь, дочь моя... Не бойся! (Стивен.) Хозяйка, я привел к вам заблудшую овечку.

С т и в е н. Вижу! (Критически оглядывает Калликена.) Что-то последнее время у вас совсем никудышный товар.

К а л л и к е н. Я боюсь... Отпустите меня.

К о р н е л и у с. Чтобы попасть в рай, дочь моя, надо пройти все тяготы мира... Эта последняя... (Стивен.) Почему никудышный? Очень даже кудышный...

С т и в е н. Худа!

К о р н е л и у с. На любителя...

С т и в е н. Сейчас любят полненьких...

К о р н е л и у с. Мода так переменчива...

С т и в е н. Ладно. Сто флоринов дам.

К о р н е л и у с. Побойся бога! Пятьсот!

С т и в е н. Бога в наши дела путать нечего... Сто двадцать пять!

К о р н е л и у с. Грех! Это цена корове, а не человеку... Четыреста...

С т и в е н. С коровой меньше хлопот: ни одевать, ни обувать, ни причесывать... Сто пятьдесят!

К о р н е л и у с. Да ты посмотри на нее... У нее улыбка мадонны. (Калликен.) Улыбнись, дочь моя...

К а л л и к е н (плача). Святой отец, я этого не вынесу...

К о р н е л и у с. А голос? Нежный такой голос...

С т и в е н. Двести — точка!

К о р н е л и у с. Ну, накинь хоть полсотни!.. Она же латынь знает!

С т и в е н. Это нам без надобности... Двести! Или ведите ее в монастырь...

К о р н е л и у с (со вздохом). Ладно. Договорились! (Калликен.) Дочь моя, теперь эта женщина — твоя госпожа. Служи ей верно, пройди путь Магдалины и станешь святой... (Стивен.) Ты не обижай это дитя, Стивен.

С т и в е н. Хорошо. (Калликен, резко.) А ну, утри слезы, дура! Марш наверх. Переоденься, подмажься... Сейчас гости придут!

Калликен уходит.

Буду любить ее как родную дочь, святой отец!

К о р н е л и у с. Вот и спасибо. Теперь моя душа спокойна... (Уходит.)

Открывается дверь, одна из девиц втаскивает упирающегося Л а м м е.

Девница. Ну пойдём, красавчик! Хоть на часок...

Ламме. Оставь меня, пожалуйста! Мне совсем это не нужно...

Девница. Здесь хорошо, здесь всё село... (Стивен.) Хозяйка, уговори гостя остаться!

Стивен (тихо, Девнице). На кой черт ты его привела? Сказано ж было: длинный, тощий брюнет. А у этого все наоборот!

Девница (тихо). Похоже, что он из гезов... Он знает Тилля...

Стивен (тихо). Ладно, разберёмся. (Ламме.) Не обижай нас, господин. Остаётся, повеселись...

Ламме. Не нужно мне это. Я женат!

Стивен. И на здоровье. Я тебя не венчаться зову... Мои девочки семей не разбивают, это для нас святыня... Семью разбивают честные женщины — они в душу лезут и денег берут больше...

Ламме. Не нужны мне твои девочки! Я люблю только свою жену, и никого больше.

Стивен. Да что ж она за птица — жена твоя?

Ламме. Моя жена чудная... Нежная, стройная, белокурая... Такой второй нет на свете.

Стивен. Подберём!

Ламме. Замолчи, старая блудница!.. Не смей касаться святых вещей!

Стивен. Ну, хоть поесть-то ты у нас можешь?

Ламме. Поужинать можно... Пива выпью... Но больше ничего!

Стивен. И на том спасибо. Проходи, пожалуйста... (Ведет его за ширму, усаживает за стол.) Вот тут уютно, никто не помешает... А девушку я тебе все-таки пришлю...

Ламме. Я сказал: не надо!

Стивен. Она входит в оплату ужина... Пришлю в твоём вкусе: стройную, белокурую...

Ламме. Мне всё равно. Я её и пальцем не трону!

Стивен. Это как знаешь! У каждого гостя — свои причуды...

Стивен вышла из-за ширмы, навстречу ей — Калликен. Она уже одета, как все девицы заведения.

Новенькая, ступай к гостю! (Тихо.) Постарайся расколоть...

Калликен. Что?

Стивен. Разговори его, поняла? Узнай — кто он, откуда... Не из гезов ли?

Калликен. Я не сумею.

С т и в е н. Сумеешь!.. Да не дрожи как лист... Гости этого не любят! (*Вталкивает ее за ширму.*)

Л а м м е (*увидев Калликен*). Ты?! (*Бросается к ней, осыпает ее поцелуями.*)

Калликен беззвучно плачет. Стивен прислушивается, любопытно заглядывает за ширму, видит Ламме и Калликен в объятиях друг друга.

С т и в е н (*усмехнувшись*). Ну вот... А говорил: пальцем не трону!.. Все они одинаковы... Поначалу ворчат, а потом не выгонишь...

Вбегает Тиль.

Т и л ь (*подошел к Ламме, тронул его за плечо*). Послушай, друг!

Л а м м е (*обрадованно*). Ты! Как я рад, что ты пришел!

Т и л ь. Тихо! Мы в западне!

Л а м м е. Тиль, я встретил Калликен... Она здесь, жена моя в этом доме!..

Т и л ь. Нашел чему радоваться!.. Бежим!

Л а м м е. Она чиста, как прежде... Не смей думать о ней плохо!

Т и л ь. Я не думаю о ней плохо, я думаю, как не оставить ее вдовой. Очнись наконец!.. Этот притон — ловушка! Забирай Калликен, и бежим отсюда...

К а л л и к е н. Они нас не выпустят, Тиль! У выхода стоят солдаты...

Появляется Стивен, подходит к Тялю.

С т и в е н. Садитесь, господин. Сейчас вам принесут вина. Вам понравилась эта или позвать другую девушку?

Т и л ь. Другую. Вернее, других... Зови всех, старуха!

С т и в е н. Всех? Не надорвешься ли? Я боюсь за твою жизнь!

Т и л ь. Ничего. Из всех способов самоубийства этот самый приятный. Зови!

С т и в е н. Как знаешь... (*Кричит.*) Девушки! Идите к гостю. (*Тихо. Калликен.*) Это — Уленшпигель! Не спускай с него глаз. Я приведу рыбника... (*Уходит.*)

Появляются девушки, обступают Тяля, скептически оглядывают его, хихикают.

Т и л ь. Женщины! Поговорим о возвышенных вещах...

Д е в у ш к и. Фу! Болтун!.. Да это проповедник... А говорил — будет любовь...

Т и л ь. Любовь будет, но в свое время... Поговорим о душе... У вас есть заветная мечта?

О д н а и з д е в и ц. Есть.

Т и л ь. Какая?

Д е в у ш к а. Выспаться.

Т и л ь. Это — несбыточная мечта! Поговорим о мечтах доступных... Вы бы хотели выйти замуж?

Д е в у ш к а. Кто нас возьмет? Мы даром никому не нужны, только за деньги...

Т и л ь. Неправда! Несколько тысяч женихов пробиваются к вам с боями через всю Фландрию. Это — гезы! Молодые, лихие, холостые... Они послали меня, чтобы предложить вам руку и сердце...

О д н а и з д е в и ц. Не верьте ему, это — шпион.

Т и л ь. Глупенькая, я — сват! Я пришел устроить вашу судьбу... Хватит работать на хозяйку! Поживем для себя!

О д н а и з д е в и ц. Врет он все... Пусть докажет!

Т и л ь. Эх, женщины, вы совсем одичали в своем заведении и разучились верить людям... Ладно, сейчас вам докажу! (*Указывает на Ламме.*) Вот один из наших ликих парней! Он пришел к вам в заведение, ему приглянулась девушка и... Ламме, ты готов взять ее в жены!

Л а м м е. Да!

Т и л ь (*Калликен*). Девочка, ты пойдешь замуж за этого красавца?

К а л л и к е н. Да!

Т и л ь. Одна судьба устроена... Кто следующий?

Д е в у ш к и. Я!.. Я!.. Я!..

Т и л ь. Не ссорьтесь. Каждой подберем по вкусу... Непьющих, работающих, блондинов и брюнетов... Только есть еще одно дело. На рассвете ваши женихи пойдут в бой! Мы будем штурмовать Бриль!.. Многие могут сложить головы, если вы не поможете! Девушки, обидно одловеть до свадьбы!

Д е в у ш к а. Что нам делать? Говори!

Т и л ь. Если б каждая из вас заманила на ночь по одному испанскому офицеру из береговой охраны, кораблям гезов было б легче дойти до цели!

О д н а и з д е в и ц. А что скажут нам наши мужья?

Т и л ь. Они простят этот последний грех! И потом, любовь с врагом — это не любовь! Это — месть!

Д е в у ш к и. Согласны!

Т и л ь. Тогда вперед, новобранцы!

Распахиваются двери, вбегают солдаты, Стивен, Рыбник.

Рыбник. Остановись, Тиль! Ты окружен!

Тиль. Опять ты? Эх, жаль, я тогда тебя не прибил, рыбак... *(Выхватил шпагу.)*

Одна из девиц. Тиль, беги к окну! Там есть потайной ход!..

Тиль валит лавки, столы, отбивается от солдат. Девушки помогают ему. Тиль вскакивает на подоконник. В этот момент Рыбник подбегает к Калликен, приставляет ей нож к горлу.

Рыбник. Тиль! Смотри!

Все замерли.

Еще одно движение — и я перережу этой девке горло... Клянусь, я это сделаю! Тиль, хватит спасать себя, спаси чужую душу...

Калликен. Беги, Тиль! Не надо жалеть меня...

Ламме. Не трогайте ее! *(Бросается к Калликен; его хватают солдаты.)*

Рыбник. Я воткну нож, Тиль!

Тиль. Твои условия?

Рыбник. Ты останешься, она уходит.

Тиль. Нет! Я остаюсь, они все свободны!

Рыбник. Согласен!

Ламме. Ни за что! Лучше всем умереть!

Тиль. Всем умирать глупо, Ламме... Десять жизней — столько за меня еще никогда не давали!.. Уходите!.. *(Закричал.)* Уходите, черт бы вас побрал!

Все расходятся. Тиль бросает шпагу.

В атаку, солдаты!

Солдаты хватают его, связывают.

Рыбник. Все, мальчик! Теперь это действительно конец!

Тиль. Тогда почему ты так дрожишь, рыбак?

Затемнение

НОЧЬ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Тюремная камера, в которую заточен Тиль. Решетка. Полумрак. Тишина.

Тиль *(прошелся по камере, попробовал прутья решетки на прочность, крикнул кому-то в темноту).* Эй! Отзовись! Эй, солдат!

Голос из-за кулис: «Со смертниками запрещено разговаривать».

Почему?.. Эй!.. (Прислушался.) Молчишь? Зря! Потом захочешь поболтать со мной, а н будет поздно... Ну, не хочешь — не надо... (Тихо запел.) «Ой, Тили-тили Тиль — будем петь и веселиться, ой, Тили-тили Тиль...»

Голос из-за кулис: «Петь запрещено!»

Что за черт, все запрещено... А думать можно? Эй, солдат, думать можно?

Голос из-за кулис: «Не знаю».

Ну, сходи у начальства выясни!.. (Сел, задумался. В его воображении возникает К л а а с.) Здравствуй, отец!

К л а а с. Я пришел проводить тебя.

Т и л ь. Ты хочешь сказать — встретить?

К л а а с. Я говорю то, что говорю... Я пришел проститься...

Т и л ь. Не валяй дурака! Мы скоро свидимся... Иди приготовь мне на небе облачко помягче...

К л а а с. Тиль, у меня для тебя плохие новости: т а м ничего нет!.. Ни рая, ни ада... Ничего! Одно пространство и тишина.

Т и л ь. Не дури!.. Что-то должно же быть... Ты, поди, не разглядел спяну-то?

К л а а с. Я не шучу... Оказывается, сынок, живем только тут, на земле. И при жизни, и после смерти... И я жил только в твоей памяти. Не станет тебя — не станет и меня... Поэтому давай прощаться!

Т и л ь. К чему ты клонишь?.. Ты пришел меня проверить: не начну ли я цепляться за жизнь?.. Думал, стану кататься по полу и выть по-собачьи?..

К л а а с. Только попробуй!

Т и л ь. Ах, старый плут!.. Неужели ты во мне сомневался? Да я без тебя знаю, что т а м ничего нет. Если б на том свете было лучше, чем на этом, здесь никого бы не осталось!.. Так что зря волнуешься: я знаю, на что иду!

К л а а с. Послушай, Тиль, я пришел не за тем, чтоб сломать твою волю, но... Как тебе это объяснить? Ерунда получается: я сгорел, думал, у тебя жизнь по-иному сложится... А у тебя — то же самое! И конца этому не видно... И мы все умираем, умираем... А умирать-то самое последнее дело...

В воображении Тили возникает король Ф и л и п п.

Ф и л и п п. Старик прав!

Т и л ь. Я не звал вас, ваше величество...

Ф и л и п п. Но ты подумал обо мне?

Т и л ь. В такие минуты в голову всегда лезет всякая ерунда!..

Ф и л и п п. Да послушай, Тиль, послушай... Не спеши перебивать! Ты идешь на плаху без тени сомнения и наивно полагаешь, что в этом есть какой-то смысл... А вдруг смысл только в твоей дальнейшей жизни?.. Ты — художник, ты мог бы написать удивительные полотна, которые, возможно, прославили б тебя на века... Сопоставь! Взвесь!.. Что ценнее для человечества: художник Уленшпигель или безвестный шут, казненный в эпоху Филиппа Второго?..

Т и л ь (*нетерпеливо*). Ваше величество...

Ф и л и п п. Погоди! Дослушай до конца... Ты мстишь мне за убитых соотечественников, за сожженные дома... Но подумай: а вдруг это все естество? Ты же не испытываешь ненависти к землетрясению или к извергающейся лаве вулкана? При этом тоже гибнут люди... Ну и что? Природа, уничтожая, обновляется... Короли тоже порождение природы... За что ж ты ненавидишь меня? И вообще, что ты знаешь обо мне?.. О моих мыслях? О моих бессонных ночах? О моих страданиях?.. Почему нам не попытаться понять друг друга?

Т и л ь. Потому что это невозможно!

Ф и л и п п. Но почему?!

Т и л ь. Потому что на сто ваших вопросов я задам сто своих!.. Что нам делать с пеплом отца, ваше величество? Что нам делать с десятью тысячами гугенотов, убитых в Варфоломеевскую ночь? Что нам делать с тем ребенком, который родился в ту ночь и не был еще ни католиком, ни гугенотом, но которого сожгли за компанию?! Пqка вы не ответите на мои вопросы, я не стану думать над вашими! И плевать мне, что вы — порождение природы. Я и природу ненавижу, когда она сеет смерть... Когда-нибудь я и с вулканами рассчитаюсь, пока просто руки не доходят!.. Так что не ищите во мне сочувствия, ваше величество!.. Ступайте отсюда! Бог подаст!..

Филипп уходит.

К л а а с. Здорово ты ему вмазал!

Т и л ь. Нет, отец, плохо... Я не сказал и трети того, что должен... Слова! Не могу отыскать слова...

К л а а с. Нет, лихо... Я-то вообще так не могу... Я, бывало, чуть что: раз — в морду! И весь спор!

Т и л ь. Сейчас другое время, отец. Сейчас надо бить не в морду, а в мозги! А для этого нужны слова...

К л а а с. Ну, тогда скажи что-нибудь и мне на прощанье...

Т и л ь. Хорошо... (Пауза.) Помолчим.

К л а а с. Помолчим... Ты не беспокойся обо мне, сынок. Меня уж нет.

Клаас уходит. Его место в воображении Тиль занимает Неле. Впрочем, это пока не Неле, это — Б л о н д и н к а, с которой Тиль встречался когда-то.

Т и л ь. Здравствуй, Неле!

Неле — Б л о н д и н к а. Чего ж ты наврал-то? Сказал: скоро вернусь, а сам не вернулся. А я как дура жду, жду...

Т и л ь. Я шел к тебе, милая, но на дорогах столько войны.

Неле — Б л о н д и н к а. А я жду, жду... Говорил, будто апа про меня рассказывал, говорил, будто снюсь я тебе...

Т и л ь. Все правда.

Неле — Б л о н д и н к а. Сватать меня приходили. Я думала — это ты, а как согласилась, вижу — что нет... И вот все жду, жду...

Блондинка исчезает. Ее место занимает А н н а.

Неле — А н н а. Тиль, ты нашел противоположную сторону улицы?

Т и л ь. Нет. Все ищущ...

Неле — А н н а. И я ищущ... Я убежала из дома, Тиль... Обегала весь город, все противоположные стороны улиц, всю Фландрию.

Анна исчезает. Теперь Неле — это Неле.

Т и л ь. Ну наконец мы встретились, Неле!

Неле (зло). Наконец!.. Всегда так!.. Даже в твоих мыслях я занимаю последнее место!

Т и л ь. Неправда, Неле! Ты всегда на первом месте, просто моя голова поставлена задом наперед!.. Слушай, Неле, мне надо сказать тебе одну очень важную вещь: я очень люблю тебя!.. Сто раз я говорил тебе эти слова, но оказалось, что так оно и есть на самом деле... Вот ведь какая интересная штука!.. Ты мне веришь?

Неле. Верю. Но только у нас все нескладно получается... То я тебя все жду-жду, то бегаю за тобой по всей Фландрии...

Т и л ь. Конечно, нескладно. Но почему у нас должно быть все складно? Чем мы хуже других?..

Неле. Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя... Мои глаза устали смотреть на дорогу... Мое сердце сжалось в комочек... Пойдем домой, Тиль!

Т и л ь. Да. Да. Сейчас!

Неле. Опять ты обманываешь?

Слышен ляг открываемых дверей.

Тиль. Нет. Правда! Сейчас только... тут у меня одно небольшое дело... Но это недолго!.. Прощай!

Неле исчезает. В камеру входит Палач.

Палач. Я пришел за тобой.

Тиль. Догадываюсь.

Палач. Молись, парень.

Тиль. Ни к чему! Господь бог не понимает по-фламандски.

Палач. Ну, как знаешь...

Тиль. Что решил трибунал: плаха или петля?

Палач. Костер!

Тиль. Ну что ж... Эта дорожка протоптана для меня отцом. Пошли!

Палач *(достал повязку)*. Дай завяжу тебе глаза.

Тиль. Это несправедливо. Я тоже хочу посмотреть на свою казнь!

Палач. Не положено! *(Подходит к Тиллю, вглядывается ему в лицо.)* Черт возьми, да это ж сын Клааса!.. Здорово, Тиль! Я тебя в темноте и не признал... *(Снял с себя маску.)* Узнаешь? Это ж я — палач из Дамме!

Тиль. Да узнал я, узнал. Не ори!

Палач *(радостно)*. Вот так встреча!.. А меня сегодня вызывают, говорят: будешь казнить геза. Ну, мне что: геза так геза!.. А это — наш Тиль. Во дела!.. Здорово, друг, очень рад встрече!

Тиль. Я тоже!

Палач. А я слышу в темноте, голос знакомый... Чей? — думаю? А это — ты! Вот!.. *(Задумался.)*

Тиль. Давно ты здесь служишь?

Палач. Нет. Всего третий день... Знаешь, Тиль, как я отца твоего проводил, у меня вся жизнь поломалась... Ушел я из Дамме. Всю семью забрал и пошел... Чувствую, не могу больше людей губить... На сенокосе работал, грузчиком занимался... пастухом... Только на это как сейчас проживешь?.. У меня ж трое детей, Тиль!.. Старшему семь лет... Выпьем, Тиль, а? *(Достал флягу.)* За твою удачу! *(Отхлебнул.)*

Тиль. Спасибо! Чтоб и тебе так повезло!

Палач *(продолжая рассказ)*. Ну вот. Помыкался я, помыкался — и не удержался... Прихожу в Бриль, узнаю: испанцам экзекутор требуется... Я и знать-то не знал, что это есть «экзекутор»... Думал, по столярной части... А это опять,

стало быть, палач... Ну, черт с вами, думаю, подработаю малость, подкоплю деньжонок, и все! Уйду на волю!..

Т и л ь. Сколько ж за меня дадут?

П а л а ч. Две сотни!

Т и л ь. Нормально! По сегодняшним ценам даже хорошо... Шубу жене справишь...

П а л а ч *(отхлебнул из фляги)*. Перебьется. Я, Тиль, решил дом строить. Чтоб настоящий сруб и крыша из черепицы.

Т и л ь. На дом меня не хватит. Надо еще человек десять: черепица нынче дорогая...

П а л а ч. Дорогая!.. *(Отхлебнул, задумался.)* «Экзекутор»! Вишь, слово какое сволочи придумали... Эх, Тиль, мне особó тошно, что я испанцам служу... Когда на своих работал — еще ничего, но на испанцев — это уж совсем паскудно получается... *(Потянулся к фляге.)*

Т и л ь *(остинавливая)*. Хватит! Уж и так нализался... Не доведешь меня до места.

П а л а ч. Ничего... Я теперь трезвым на эшафот не выхожу.

Т и л ь. Ну, как знаешь... Пошли! На рассвете гезы ворвутся в город... Не успеешь на черепицу заработать.

П а л а ч. Издеваешься?

Т и л ь. А что ж, плакать над тобой, что ли?..

П а л а ч. Знаешь, Тиль, я бы сам к гезам подался, но боюсь: не поймут и повесят...

Т и л ь. Вполне может быть!

П а л а ч. Не то обидно, что повесят, а то, что не выслушают! А я, может, вам сочувствующий?.. Вот вы испанцев разбили, они грустят, а мне весело... Я вообще иногда веселый бываю... Такие шутки отчубучу — ты ахнешь!.. Вот тут как-то нарядился испанкой... серьгу надел... и одному солдату говорю: иди сюда! Иди!.. Он подошел, а я его кастаньетами по носу! *(Хочовет.)* Вот я какой бываю!.. Слушай, а хочешь, мы их всех надуем?.. *(Срывает с себя одежду палача.)* Сейчас ты помрешь со смеху, чего я придумал... Дай мне твой колпак... Дай, не бойся... *(Надевает шутовской колпак Тиль.)* Во!.. Теперь я вроде — ты! *(Смеется.)* А ты оденься в мое... И пойдем!.. Они-то подумают, что тебя казнят, а на самом деле — не тебя... Вот смеху-то!..

Шум. В глубине сцены появляется Рыбник. В его руках пистолет.

Рыбник. Гезы в городе! Тиль, тебе опять повезло!.. Радуйся! *(Стреляет Палачу в спину.)* Все! Я привел приговор в исполнение!

П а л а ч (Тилью). Во, один дурак уже перепутал! (Пада-
ет.) За что я люблю тебя, Тиль,— с тобой всегда весело!
(Умирает.)

Р ы б н и к (подбежал к Палачу). Я выполнил божью
волю: Тиль Уленшпигель мертв!

Т и л ь. Тиль Уленшпигель жив!

Р ы б н и к (в отчаянье). Этого не может быть!

Т и л ь. Во Фландрии все может быть!

Рыбник в упор стреляет в Тилья. Тиль, невредимый, идет к выходу.

Ну вот... Ты опять мне не веришь...

Рыбник снова стреляет в Тилья. Тиль невредим.

Ой, как тебе не везет, рыбник... Ты бездарный человек. Даже
на убийство у тебя нет таланта. (Уходит.)

Р ы б н и к. Ты опять посмеялся надо мной, боже?! Мне
подложили холостые патроны... (Стреляет в себя.) Нет! На-
стоящие... Извини... (Умирает.)

К о н е ц в т о р о й ч а с т и

ЭПИЛОГ

На пустой сцене сидят Тиль и Ламме, задумчиво смотрят в зал.

Ламме. Тиль, не молчи... Говори про что-нибудь, а?..

Тиль. Про что?

Ламме. Про что хочешь!.. Слова какие-нибудь говори...
А то, когда ты молчишь, мне не по себе... Ерунда всякая в голову лезет.

Тиль. Живой я, Ламме, живой! Сколько повторять?

Ламме. Так я понимаю, а все-таки... Ведь ты лежал.
Когда мы ворвались в тюрьму, ты лежал...

Тиль. Ну, лежал...

Ламме. Зачем?

Тиль. Стреляли кругом... Чего стоять-то?

Ламме. Я к тебе нагнулся, а ты не дышишь!

Тиль. Это я пошутил.

Ламме. Шутки у тебя, Тиль, какие-то безвкусные!..
Раньше, бывало, на осла задом-наперед сядешь или, помнишь,
на базаре пел: «Не помещается в седле его большая шея!»...
Это да! Это всем на радость. А тут вдруг лежишь... Над то-
бой знамена. Оранский речь говорит, а ты и не шлох-
нешься...

Тиль. Заслушался. Ведь так красиво говорил: «Тиль —
дух Фландрии. Великий гез Уленшпигель!»...

Ламме. Это конечно... Такое про себя послушать каждо-
му приятно... Ну а потом?..

Тиль. Что потом?

Ламме. Зачем потом тебя плащом накрыли?

Тиль. Холодно было...

Ламме. Ну, а на похороны ты зачем согласился?

Тиль. Ребята упросили... Поминки все-таки... Оранский
есть бочек вина выставил... Не пропадать же добру?

Л а м м е. Это конечно... Погуляли хорошо... *(Сердито.)* И все-таки зря! Теперь расхлебывай!.. Ведь многие и вправду думают, что тебя нет. Памятник, говорят, тебе решили ставить... Только не знаю где. Одни говорят — в Амстердаме, другие — в Бриле, а третьи — вот тут, на дороге... Очевидцы все спорят, где ты почил... Ты сам-то кому отдаешь предпочтение?

Т и л ь. Я лично — за Амстердам.

Л а м м е. И я... Уж соглашаться — так на столицу... *(Сердито.)* Кончай дурить, Тиль! Давай объявись!.. В магистрат, что ль, сходим или просто на площадь. Выйди, крикни: «Вот он — я!» Должны ж поверить, не слепые ведь...

Т и л ь. Оно конечно... Но тоже, с другой стороны, зачем людей беспокоить? Все уже свыклись с мыслью, что меня нет... Не время сейчас, Ламме!

Л а м м е. Вот упрямый! Ну, как хочешь... Только со мной не молчи! Говори про что-нибудь!..

Т и л ь. Хватит говорить. Скоро люди соберутся, а у нас ничего не готово... Давай дело делать!..

Вдвоем они поднимают большой деревянный крест, устанавливают посреди сцены.

Л а м м е. Вот так... Ничего!.. Эх, табличку бы надо... «Здесь покоится прах духа Фландрии...» Нет! «Дух праха...» Фу, запутался!

Т и л ь. Да ну их, таблички... *(Вешает на крест свой шутовской колпак.)* Так понятней будет!

Одни за другим появляются друзья, соратники, родные Тиль, печально рассаживаются вокруг креста, склоняют головы.

Л а м м е. Тиль. А может, пора объявиться?! Ведь все собрались... Самое время!

Т и л ь. Еще не время, Ламме. Мое время придет... Знаешь, Ламме, когда мир и покой, когда все хорошо, я, может, и не очень нужен. А вот случись в доме беда, когда опасность... тут я объявлюсь! Тут я уж точно объявлюсь!.. *(Тихо запел.)* «А вот и где мои слуги, моя свита, пажы, стражи, кони, герцогини?» Ты не бойся: люди услышат! Не глухие же!.. *(Громко запел.)*

Ой, Тили-тили Тиль — будем петь и веселиться!

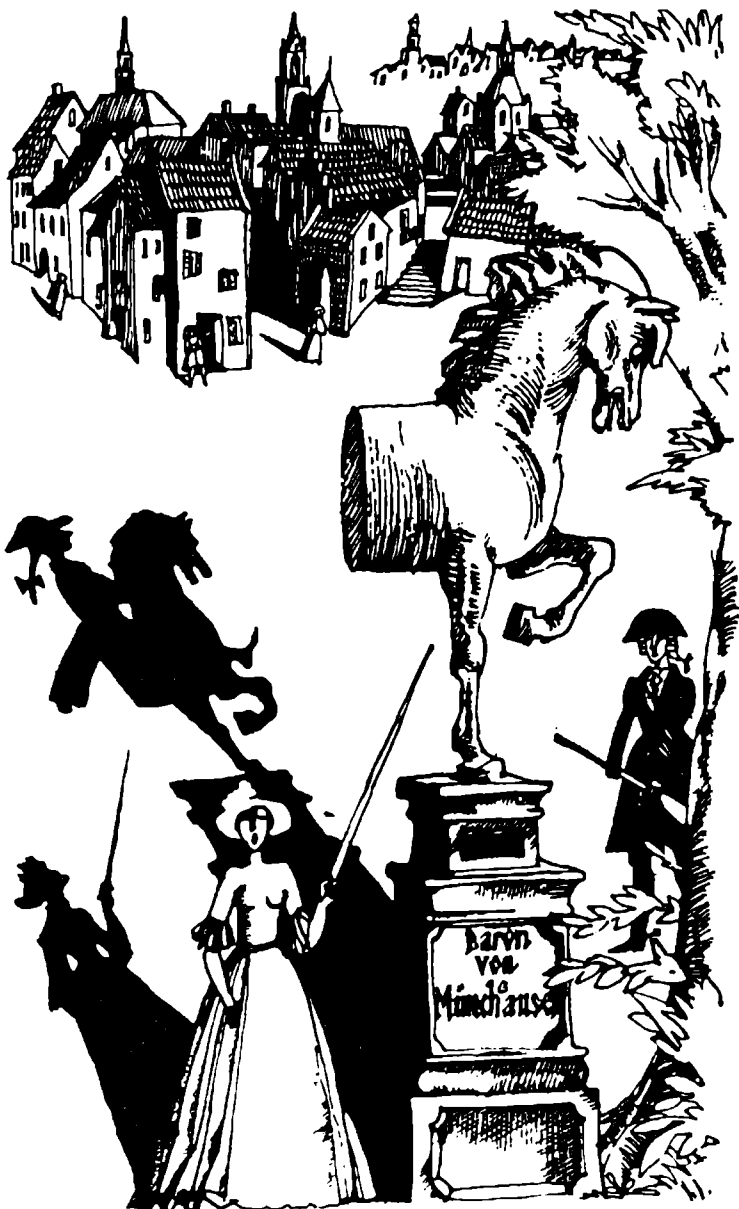
Ой, Тили-тили Тиль — по ком плачет виселица!..

З а н а в е с

Тот самый Мюнхгаузен...

Комическая фантазия в двух частях
о жизни и смерти знаменитого барона
Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена,
ставшего героем многих веселых книг и преданий

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен — барон.

Марта — его жена.

Якобина фон Мюнхгаузен — его супруга, баронесса.

Феofil фон Мюнхгаузен — его сын.

Томас — слуга.

Бургомистр.

Рамкопф — адвокат.

Судья.

Пастор.

Фельдфебель.

Музыкант.

Горожане.

Действие происходит в одном из многочисленных германских княжеств XVIII века.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Просторная гостиная в доме барона Мюнхгаузена. Стены украшены многочисленными картинами, изображающими барона во время его знаменитых путешествий и подвигов. Здесь же развешаны головы и рога подстреленных бароном зверей.

В центре гостиной — большой камин. Рядом — книжные шкафы, заполненные книгами в дорогих переплетах. В правом углу гостиной — клавиш. В глубине — лестница, ведущая в кабинет барона. Возле лестницы — огромные часы с маятником.

Слуга Томас вводит Пастора.

Томас. Прошу вас, господин пастор. Господин барон сейчас спустится.

Пастор. Хорошо, я подожду.

Томас делает попытку уйти, Пастор останавливает его.

Послушай, твой хозяин и есть тот самый барон Мюнхгаузен?

Томас. Да, господин пастор. Тот самый.

Пастор (указывая на рога и чучела). А это, стало быть, его охотничьи трофеи?

Томас. Так точно.

Пастор. И этот медведь? (Указывает на чучело.)

Томас. Да, господин пастор. Господин барон поймал его прошлой зимой.

Пастор. Поймал?

Томас. Так точно! Господин барон пошел в лес на охоту и там встретился с этим медведем. Медведь бросился на него, а поскольку господин барон был без ружья...

Пастор. Почему без ружья?

Томас. Я же говорю: он шел на охоту...

Пастор (растерянно). А? Ну, ну... Дальше.

Томас. И когда медведь бросился на него, господин барон схватил его за передние лапы, сжал их и держал так, пока тот не умер.

Пастор. От чего ж он умер?

Томас. От голода... Медведь, как известно, питается зимой тем, что сосет лапу, а поскольку господин барон лишил его такой возможности...

Пастор (*с усмешкой*). И ты в это веришь?

Томас. Конечно, господин пастор. (*Указывая на медведя.*) Да вы сами посмотрите, какой он худой.

Пастор. Ладно, ступай...

Томас уходит. Пастор с любопытством оглядывает гостиную, пристально рассматривает книги. Стенные часы вдруг издают негромкое шипение, затем бьют три раза. Тут же наверху в кабинете раздаются два pistolетных выстрела. Пастор вздрагивает, испуганно прижимается к стене. Быстро входят
Томас и Марта.

Томас. Фрау Марта, я не расслышал, который час?

Марта. Часы пробили три, барон — два... Стало быть, всего пять.

Томас. Тогда я ставлю жарить утку?

Марта. Да, пора.

Из своего кабинета по лестнице сбегает Мюнхгаузен. Ему лет пятьдесят, но он бодр и энергичен: лихие усы, белый парик с косичкой, за поясом — pistolет.

Мюнхгаузен. Так, дорогие мои, — шесть часов! Пора ужинать!

Марта. Не путай нас, Карл. Ты выстрелил два раза.

Мюнхгаузен (*смотрит на часы*). А сколько на этой черепахе? Ах, черт, я думал, они уже доползли до четырех... Ладно, добавим часок... (*Достает из-за пояса pistolет.*)

Марта (*хватает его за руку*). Карл, не надо. Пусть будет пять! У Томаса еще не готов ужин.

Мюнхгаузен. Но я голоден! (*Стреляет, pistolет дает осечку.*) Вот, черт возьми, получилось — полшестого... Ладно! (*Томасу.*) Потсрапливайся, у тебя в запасе полчаса!

Томас уходит. Дрожащий Пастор выходит из-за укрытия.

Марта (*заметив Пастора*). У нас гости, Карл.

Мюнхгаузен. А, дорогой пастор! Рад видеть вас в своем доме.

Пастор (*все еще напуган*). Я тоже... рад вас видеть, барон. Я приехал, потому что получил от вас письмо, в котором...

М ю н х г а у з е н. Знаю, знаю, ведь я сам его написал. И так, вы получили письмо и приехали. Очень мило с вашей стороны. Как добрались?

П а с т о р. Спасибо, хорошо.

М ю н х г а у з е н. Вы ведь из Ганновера, не так ли?

П а с т о р. Совершенно верно.

М ю н х г а у з е н. Вас не захватил в дороге дождь?

П а с т о р. Нет. Тучи начали собираться, но потом...

М ю н х г а у з е н. Да, да, я их разогнал... Да вы садитесь!

Пастор садится.

Впрочем, нет, сначала я хочу вас познакомить с женой.

Пастор встает.

Это — Марта!

П а с т о р. Очень приятно, баронесса.

М ю н х г а у з е н. К сожалению, она — не баронесса. Она просто — моя жена.

П а с т о р. Извините...

М ю н х г а у з е н. Мы не обвенчаны. Именно поэтому я и просил вас приехать. Вы бы не согласились свершить над нами этот святой обряд?

П а с т о р. О, это большая честь для меня... Но...

М ю н х г а у з е н. Что?

П а с т о р. Я хотел спросить... Я хотел поинтересоваться, почему вы выбрали именно меня? Разве у вас в городе нет своего священника?

М ю н х г а у з е н. Есть, но он отказывается нас венчать!

П а с т о р. Почему?

М ю н х г а у з е н. Потому что — дурак!

М а р т а (*перебивая*). Карл, ну зачем ты так сразу?! (*Пастору.*) Мы вам все объясним, но позже... Сначала — ужин!

М ю н х г а у з е н. Да, да, конечно! (*Смотрит на часы.*) Не правда ли, пастор,— поразительно медленная машина? Как она умудряется отсчитывать столетия, просто не понимаю... Где же Томас?

М а р т а. Он только что поставил жарить утку.

М ю н х г а у з е н. Милая, сходи поторопи огонь. Передай ему — у нас гости!

М а р т а. Хорошо, милый! (*Уходит.*)

М ю н х г а у з е н. Хотите осмотреть мою библиотеку, пастор?

П а с т о р. С удовольствием! Я уже обратил на нее внимание. У вас редкие книги.

М ю н х г а у з е н. Да! И многие с автографами...

П а с т о р. Как приятно.

М ю н х г а у з е н (*доставая с полки фолиант*). Вот, например, Софокл.

П а с т о р. Кто?!

М ю н х г а у з е н. Софокл. Это лучшая его трагедия — «Царь Эдип». С дарственной надписью.

П а с т о р. Кому?!

М ю н х г а у з е н. Ну, мне, разумеется...

П а с т о р (*решительно*). Извините меня, барон... Я много слышан о ваших... о ваших, так сказать, чудачествах... Но позвольте вам все-таки сказать, что этого не может быть!

М ю н х г а у з е н (*протягивая книгу*). Да вот же... «Дорогому Карлу Мюнхгаузену от любящего его...» Вы читаете по-древнегречески? Смотрите!..

П а с т о р. И смотреть не стану!

М ю н х г а у з е н. Но почему?

П а с т о р. Потому что этого не может быть! Он не мог вам писать!

М ю н х г а у з е н. Да почему, черт подери?! Вы его путаете с Гомером. Гомер действительно был незрячим, а Софокл прекрасно видел и писал.

П а с т о р. Он не мог вам написать, потому что жил в Древней Греции!

М ю н х г а у з е н. И я жил в Древней Греции.

П а с т о р (*возмущенно*). Ну, знаете ли...

М ю н х г а у з е н. Скажу вам по секрету, пастор: вполне вероятно, что и вы жили в Древней Греции. Просто вы этого не помните, а я помню.

П а с т о р. Враки! Докажите!

М ю н х г а у з е н. Господи, я ж вам доказываю... (*Снова протягивает книгу*.) Эти ваши сомнения голословны, а у меня в руках — документ!

Входит Т о м а с с подносом. Его сопровождает М а р т а.

М а р т а. Ужин готов! Надеюсь, вы не скучали здесь, пастор?

М ю н х г а у з е н. Нет, мы мило беседовали. Я показывал пастору этот папирус.

М а р т а. Который тебе подарил Софокл?

М ю н х г а у з е н. Да, «Царя Эдипа».

М а р т а (*грустно*). Бедный Эдип. Как они гнали его — слепого, дряхлого... в проливной дождь...

М ю н х г а у з е н. Ну, ну... Не вспоминай! Я же просил тебя не смотреть...

П а с т о р (*испуганно глядит на Марту*). Господи, куда ж я попал?

М ю н х г а у з е н. Вы попали в хороший дом, пастор. Здесь весело! И к тому же вкусно кормят. (*Разглядывает поднос.*) Зелень, ветчина, рыба... А где утка, Томас?

Т о м а с. Она еще не дожарилась, господин барон.

М ю н х г а у з е н (*возмущенно*). До сих пор?! Да что ж такое?.. Никому ничего нельзя поручить. Все приходится делать самому... (*Снимает со стены ружье.*) Посмотри, Томас, они летят?

Т о м а с (*заглянув в окно*). Летят, господин барон. Как раз над нашим домом — стая.

М ю н х г а у з е н. Командуй! (*Хватает со стола блюдо, подбегает к камину, засовывает туда ружье.*)

Т о м а с. Внимание! Пли!

Мюнхгаузен стреляет. Слышен шум падающей птицы. Он подставляет блюдо и вытаскивает из каминя жареную утку.

М ю н х г а у з е н (*отщипнув кусочек*). О!.. Вкусно... Она хорошо прожарилась, пастор.

П а с т о р (*иронично*). Вижу, барон... Она, кажется, и соусом по дороге облилась...

М ю н х г а у з е н. Да?.. Как это мило с ее стороны... Итак, прошу за стол!

П а с т о р. Нет, уважаемый барон, у меня что-то пропал аппетит. К тому же я спешу... Прошу вас, еще раз изложите мне суть вашей просьбы.

М ю н х г а у з е н. Просьба проста: я хочу обвенчаться с женщиной, которую люблю. С моей милой Мартой. С самой красивой, самой умной, самой нежной... Господи, зачем я объясняю — вы же ее видите!

П а с т о р. И все-таки, почему ваш местный пастор отказывается?

М ю н х г а у з е н. Он говорит, что я уже женат.

П а с т о р. Женаты?!

М ю н х г а у з е н. Именно! И вот из-за этой ерунды он не хочет соединить нас с Мартой!.. Каково?! Свинство, по правда ли?!

М а р т а. Подожди, Карл... (*Пастору.*) Дело в том, что у барона была жена, по она ушла.

М ю н х г а у з е н. Она сбежала от меня два года назад.

П а с т о р. По правде сказать, я бы тоже это сделал.

М ю н х г а у з е н. Поэтому я и женюсь не на вас, а на Марте.

П а с т о р. К сожалению, барон, я вам ничем не смогу помочь!

М ю н х г а у з е н. Почему?

П а с т о р. При живой жене вы не можете жениться вторично.

М ю н х г а у з е н (*изумленно*). Вы предлагаете ее убить?!

П а с т о р. Упаси бог! (*Марте, с отчаянием.*) Сударыня, вы — более благоразумный человек. Объясните барону, что его просьба невыполнима.

М а р т а (*грустно*). Нам казалось, есть какой-то выход... Может, вы могли бы помочь барону развестись с бывшей женой?

П а с т о р. Церковь противится разводам!

М ю н х г а у з е н. Вы же разрешаете разводиться королем?

П а с т о р. В виде исключения. В особых случаях... Когда это нужно, скажем, для продолжения рода...

М ю н х г а у з е н. Для продолжения рода нужно совсем другое!

П а с т о р (*решительно*). Разрешите мне откланяться!

М ю н х г а у з е н (*взял Пастора под руку, заглянув в глаза*). Послушайте, пастор, люди, которые посоветовали мне к вам обратиться, говорили о вас, как об умном и образованном священнике. Вы не можете не понимать, что из-за этих дурацких условностей страдают два хороших человека. Церковь должна благословлять любовь!

П а с т о р. Законную!

М ю н х г а у з е н. Всякая любовь законна, если это — любовь!

П а с т о р. Позвольте с этим не согласиться!

М а р т а (*Пастору*). Что ж вы нам посоветуете?

П а с т о р. Что я могу посоветовать, сударыня?.. Живите как живете, но по людским и церковным законам женой барона будет считаться та жена, которой нет!

М ю н х г а у з е н. Бред какой-то!.. Итак, вы, служитель церкви, предлагаете нам жить во лжи?!

П а с т о р (*усмехнувшись*). Странно, что вас это пугает... Мне казалось, ложь — ваша стихия!

М ю н х г а у з е н. Я всегда говорю только правду...

П а с т о р (*в гневе*). Перестаньте, барон!.. Хватит валять дурака! Вы погрязли во вранье, вы купаетесь в нем как в луже... Это — грех!.. Я читал на досуге вашу книжку... О боже! Что за чушь вы там насочиняли!

М ю н х г а у з е н. Я читал вашу — она не лучше.

П а с т о р. Какую?

М ю н х г а у з е н. Библию. Там тоже много сомнительных вещей... Сотворение Евы из ребра... Ноев ковчег...

П а с т о р. Эти чудеса сотворил бог!!!

М ю н х г а у з е н. А чем я хуже? Бог, как известно, создал человека по своему образу и подобию.

П а с т о р. Не всех!!!

М ю н х г а у з е н. Вижу. Создавая вас, он, очевидно, отвлекся от первоисточника.

П а с т о р (*взбешенно*). Вы... Вы!.. Чудовище! Проклинаю вас! И ничему не верю... Слышите?! Ничему!.. Все это (*жест*) — ложь! И ваши книги, и ваши утки, и эти рога, и головы — все обман! Ничего не было! Слышите?.. Все — вранье!..

Мюнхгаузен внимательно смотрит на Пастора, потом молча берет с полки молоток, начинает вбивать в стену гвоздь.

М а р т а. Не надо, Карл!

М ю н х г а у з е н. Нет, нет... Здесь я повешу его голову, иначе мне опять не поверят!..

П а с т о р. Всего доброго, сударыня! Благодарю за гостеприимство!

Пастор поспешно выбегает. Марта подходит к клавишину, опускает голову. Мюнхгаузен становится рядом, начинает одним пальцем наигрывать какой-то веселый мотив. Марта плачет.

М ю н х г а у з е н. А вот это — глупо! Дарить слезы каждому пастору слишком расточительно.

М а р т а. Это — четвертый, Карл...

М ю н х г а у з е н. Позовем пятого, шестого... двадцатого.

М а р т а. Двадцатый уже придет на мои похороны. Нас никогда не обвенчают.

М ю н х г а у з е н. Неужели это для тебя так важно?!

М а р т а. Не для меня... Но есть люди, Карл. Они шепчутся за моей спиной, они тычут пальцем: «Вон пошла содержанка этого сумасшедшего барона!» Наш священник сказал, что больше не пустит меня в кирху.

М ю н х г а у з е н. Подлец! За это бог не пустит его в рай! Ему же хуже!

М а р т а. Прости меня, Карл, я знаю, ты не любишь чужих советов... Но может быть, ты что-то делаешь не так?! А? Может, этот разговор с пастором надо было вести как-то иначе?

М ю н х г а у з е н. Ну, не меняться же мне из-за каждого идиота?!

М а р т а. Не насовсем!.. На время! Притвориться! Стать таким, как все...

М ю н х г а у з е н. Как все?! Что ты говоришь?.. Как все... Не двигать время, не жить в прошлом и будущем, не летать на ядрах, не охотиться на мамонтов?.. Да никогда! Что я — ненормальный?

М а р т а. Но ради меня...

М ю н х г а у з е н. Именно ради тебя! Если я стану таким, как все, ты же меня разлюбишь!

М а р т а (неуверенно). Но знаю...

М ю н х г а у з е н. Знаешь! И хватит об этом... Ужин на столе.

М а р т а. Нет, милый, что-то не хочется. Я устала. Пойду прилягу.

М ю н х г а у з е н. Хорошо, дорогая. Поспи. Сейчас я сделаю ночь. (Подходит к часам, переставляет стрелки на двенадцать.) Так?

М а р т а. Да, спасибо, милый. (Уходит.)

Мюнхгаузен садится за клавиши, задумчиво бренчит по клавишам. Входит Томас с подносом.

Т о м а с (громко). Господин барон...

М ю н х г а у з е н. Тс-с-с!.. Что ты орешь ночью?

Т о м а с (шепотом). Я хотел сказать: утка готова.

М ю н х г а у з е н (шепотом). Отпусти ее! Пусть летает!..

Т о м а с. Слушаюсь! (Подходит к окну, выбрасывает утку.)

Слышно хлопанье крыльев. Часы бьют двенадцать раз, и наступает темнота.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дом баронессы Якобины фон Мюнхгаузен. Богатая обстановка. На стенах — многочисленные портреты предков. Последний из портретов завешен черной вуалью.

Сидя в кресле, Б а р о н е с с а слушает рассказ господина фон Рамкопфа — мужчины средних лет в парике и с забинтованным лбом.

Ее сын Ф е о ф и л фон М ю н х г а у з е н — молодой человек в форме корнета — нервно ходит по комнате.

Р а м к о ф ф (*заканчивая рассказ*). ...Он так и сказал «Отпустите ее, пусть летает!»

Б а р о н е с с а. А дальше?

Р а м к о ф ф. Дальше стало темно, и мне на голову вылили жаркое.

Ф е о ф и л. Ужасно! Ужасно! До чего мы докатились — дворянин подслушивает под окнами.

Р а м к о ф ф. Во-первых, я не подслушивал, а случайно услышал этот разговор. Во-вторых, баронесса, вы же сами просили...

Б а р о н е с с а. Конечно. (*Сыну.*) Фео, немедленно извинись! Господин Рамкопф ради нас рисковал собой, даже пострадал... (*Целует Рамкопфа в лоб, морщится.*) Вам надо сменить повязку, Генрих, — эта пропахла луком...

Ф е о ф и л (*подходит к Рамкопфу*). Извините, господин Рамкопф! (*Протягивает руку, тот нехотя пожимает.*) Я сам не понимаю, что говорю... Нервы! Господи, когда же наступит конец этому кошмару?! Неужели ничего нельзя сделать?

Б а р о н е с с а. Скоро вернется бургомистр и скажет, что решили в Ганновере.

Ф е о ф и л. Что могут решить чиновники, мама? Пока мы ищем защиты у закона, он, в конце концов, обвенчается с этой девкой. Надо действовать! Немедленно! Господин Рамкопф, вы друг нашей семьи, вы трогательно о нас заботитесь, сделайте же еще один шаг.

Р а м к о ф ф. Все, что от меня зависит!

Ф е о ф и л. Вызовите его на дуэль!

Р а м к о ф ф (*испуганно*). Нет! Ни в коем случае... Во-первых, он меня убьет, во-вторых...

Б а р о н е с с а (*перебивая*). Этого достаточно! (*Сыну.*) Побойся бога, Фео! Речь все-таки идет о твоём отце.

Ф е о ф и л. Мама, не напоминай, пожалуйста!.. Все мои несчастья только от этого... Мне уже девятнадцать, а я всего лишь корнет, и никакой перспективы... Даже на маневры меня не допустили. Полковник заявил, что он отказывается принимать донесения от барона Мюнхгаузена... Когда на поверке выкрикивают мою фамилию, солдаты кусают губы, чтоб не расхохотаться!

Б а р о н е с с а. Бедный мальчик! И все-таки ты можешь с гордостью носить свою фамилию, она — одна из самых древних в Германии. (*Указывая на портреты.*) Вот твои предки: рыцари крестовых походов, гофмаршал его величества...

Ф е о ф и л. И наконец, этот! (*Подходит к последней кар-*

тине, срывает вуаль — с портрета смотрит улыбающийся Мюнхгаузен, поднимающий себя за волосы из болота.) Почему ты не выкинешь эту мазню?

Баронесса. Чем она тебе мешает?

Феофил. Она меня бесит! (Хватается за шпагу.) Изрубить бы ее на куски!

Баронесса (испуганно). Не смей!.. Он утверждает, что это — работа Рембрандта.

Феофил. Чушь собачья!

Баронесса. Разумеется!.. Но аукционеры предлагают за нее десять тысяч.

Рамкопф. Так продайте.

Баронесса. Продать — значит признать, что это правда. (Закрывает картину вуалью.) Успокойся, Фео!

Входит Бургомистр. На нем дорожный костюм, он только что вернулся из Ганновера.

Бургомистр. Добрый вечер, господа! (Целует руку Баронессе.) Вы, как всегда, очаровательны! (Пожимает руку Рамкопфу.) Видел вашу новую карету, Рамкопф: красное дерево, синий бархат — бездна вкуса! (Кивнув Феофилу.) Как дела, корнет?.. Вижу, что хорошо!

Баронесса (мрачно). Судя почобилию комплиментов, вы вернулись с плохой новостью.

Бургомистр. Ну почему?.. Все не так плохо, господа, все не так плохо... Я имел долгую беседу с судьей Ганновера, а тот имел долгую беседу с епископом, а тот тоже имел предвзятительную беседу с каким-то очень важным лицом...

Феофил (мрачно). Вероятно, с богом?

Баронесса (сердито). Фео!..

Бургомистр. Да, мой друг, может быть, может быть...

Рамкопф. Ну и что они все решили?

Бургомистр. Судья считает, что, к сожалению, пока нет достаточных оснований для конфискации поместья барона и передачи его под опеку наследника.

Рамкопф. Нет оснований? Человек разрушил семью, выгнал жену с ребенком!

Бургомистр. Насколько я знаю, они сами ушли.

Баронесса. Да! Но кто может жить с таким человеком?

Бургомистр. Видите, фрау Марта — может...

Рамкопф. Но ведь это — любовница! Господа, давайте уточним! Имеешь любовницу — на здоровье! Все имеют любовниц. Но нельзя же допускать, чтобы на них женились. Это аморально!

Бургомистр. Вот тут-то мы и подошли к самому печальному сообщению: его величество герцог удовлетворил прошение барона о разводе.

Баронесса (*упавшим голосом*). Не может быть!

Бургомистр. К сожалению! Последнюю неделю его величество находился в некоторой конфронтации с ее величеством... Говорят, она его застучала с какой-то фрейлиной, и это было нечто ужасное... (*Делает многозначительный жест.*) Будучи в некотором возбуждении, герцог подписал несколько прошений о разводах со словами: «На волю! Всех — на волю!..» Теперь, если духовная консистория утвердит это решение, барон может жениться во второй раз...

Феофил. Так! Доигрались! (*Рамкопфу.*) Вы по-прежнему отказываетесь от дуэли?

Рамкопф. Да подождите, Феофил!

Феофил. Ждать больше нельзя! Если вы отказываетесь, я сам его вызову. Вы будете моим секундантом.

Рамкопф. Ни в коем случае!

Феофил. Почему?

Рамкопф. Во-первых, он убьет и секунданта, во-вторых...

Баронесса (*властно*). Прекратите! (*Бургомистру.*) Он не имеет права жениться. Сумасшедшим нельзя жениться! Это противозаконно. И вы как бургомистр обязаны это запретить!

Бургомистр. Баронесса, понимаю ваш гнев, но что я могу сделать? Объявить человека сумасшедшим довольно трудно. Надо иметь веские доводы.

Рамкопф. Хорошо! Сейчас я вам прочту один документ, и вы честно скажете, составлен ли он человеком в здравом рассудке или нет? (*Достает из кармана бумагу.*) Это я стащил в доме барона...

Феофил. Ужасно! До чего мы докатились: дворянин стащил бумажку!

Рамкопф (*нервно*). Да помолчите вы, наконец! Какое нетерпение... Вылитый отец!.. И так!.. (*Читает.*) «Распорядок дня барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена на тридцатое мая тысяча семьсот семьдесят шестого года...»

Бургомистр. Любопытно!

Рамкопф. Весьма!.. (*Читает.*) «Подъем — шесть часов утра!» (*Многозначительный взгляд в сторону Бургомистра.*)

Бургомистр. Ненаказуемо!

Рамкопф. Ну, знаете ли...

Б у р г о м и с т р. Нет, я согласен, вставить в такую рапсодию для людей нашего круга противоестественно, но...

Б а р о н е с с а. Читайте дальше, Генрих!

Р а м к о п ф (*читает*). «Семь часов утра — разгон облаков, установление хорошей погоды...» Что вы на это скажете?

Б у р г о м и с т р. Дайте-ка... (*Берет бумагу.*) Действительно — «разгон облаков»... (*Взглянув в окно.*) И как назло, сегодня чистое небо...

Ф е о ф и л. Вы хотите сказать, что это его заслуга?

Б у р г о м и с т р. Я ничего не хочу сказать, Феофил! Я просто отмечаю, что сегодня — великолепный день. У меня нет никаких оснований утверждать, что он разогнал облака, но и говорить, что он НЕ разогнал облака, значит противоречить тому, что видишь.

Б а р о н е с с а. Вы смеетесь над нами?

Б у р г о м и с т р. Что вы, баронесса?! Я всецело на вашей стороне. Просто мне кажется, что такая экспроприация барона вряд ли удастся... Человек с его послужным списком, его заслугами перед отечеством... Не думаю, чтоб герцог на это согласился!.. Поэтому, может быть, лучше не устраивать скандалов и согласиться на развод?!

Б а р о н е с с а. Никогда!

Б у р г о м и с т р. Имущество и приданое останется за вами... Вы будете свободны. Вы сможете жить с любимым человеком.

Б а р о н е с с а. Я и без развода могу жить с любимым человеком. А барону место в лечебнице или в тюрьме! Читайте дальше, Генрих!

Р а м к о п ф (*читает*). «С восьми до десяти — ПОДВИГ»!..

Б у р г о м и с т р. Как это понимать?

Б а р о н е с с а. Это значит, что с восьми до десяти утра у него запланирован подвиг... Что вы скажете о человеке, который ежедневно отправляется на подвиг, точно на службу?!

Б у р г о м и с т р. Я сам служу, сударыня. Каждый день к девяти мне надо идти в магистрат... Не скажу, что это подвиг, но вообще что-то героическое в этом есть...

Б а р о н е с с а. Хватит! Вы издеваетесь!

Б у р г о м и с т р. Отнюдь. Я просто хочу объективно разобратся.

Ф е о ф и л. К черту вашу объективность!

Р а м к о п ф. Подождите, господа! Успокойтесь... Сейчас

мы дошли до интересного пункта... Посмотрим, что вы на это скажете, господин бургомистр... *(Читает.)* «В шестнадцать ноль-ноль — ВОЙНА С АНГЛИЕЙ»!..

Бургомистр *(печально)*. Господи, чем ему Англия-то не угодила?..

Баронесса. Один человек объявляет войну целому государству!.. И это — нормально?!

Бургомистр. Нет. Это уже — нечто!.. Это, пожалуй, можно рассматривать как нарушение общественного порядка.

Феофил. Наконец-то!

Бургомистр. Я же говорю, что стараюсь сохранить объективность. Что наказуемо, то наказуемо... *(Подходит к окну, кричит.)* Господин фельдфебель!

Входит Фельдфебель.

Господин фельдфебель, срочно разыщите барона Мюнхгаузена и приведите его сюда! Если он окажет сопротивление, примените силу!

Фельдфебель. Слушаюсь! *(Выходит.)*

Бургомистр *(возбужденно)*. Я назначен бургомистром, чтобы в городе был порядок, и в городе будет порядок! Война — это не шутки! Война есть война! Обещаю вам: если это так, барон будет строго наказан!

Баронесса. Слава богу, и у вас не выдержали нервы!

Бургомистр *(Рамкопфу)*. Геприх, как адвокат, скажите, что ему грозит?

Рамкопф. Честно говоря, даже и не знаю... В кодексе не предусмотрен такой случай.

Баронесса. Двадцать лет тюрьмы! Я требую — двадцать лет! Столько, сколько я была за ним замужем.

Феофил. Для меня и это не спасение... Тюрьма, больница... Все равно скандал, сплетни — и мне всю жизнь оставаться корнетом!.. Господин бургомистр, давно хочу спросить: я могу изменить фамилию?

Бургомистр. Разумеется. Женитесь и возьмите фамилию жены.

Феофил. Легко сказать — женитесь! А кто пойдёт за Мюнхгаузена?!

Бургомистр. Возьмите фамилию вашей матушки. Феофил фон Дуттен — красиво!

Баронесса. Перестань, Фео!.. Все равно будут говорить: «Это тот фон Дуттен, который бывший Мюнхгаузен». Лишний повод для шуток.

Феофил (*в отчаянии*). Значит, нет выхода? Нет! Дуэль, только дуэль!..

Входит Фельдфебель. Его парик сдвинут, под глазом здоровенный синяк.

Фельдфебель. Он идет, господин бургомистр!

Бургомистр. Что с вами?

Фельдфебель. Вы велели применить силу...

Бургомистр. Вам, а не ему!.. Где его нашли?

Фельдфебель. Он сидел в трактире.

Рамкопф (*с усмешкой*). Странное место для проведения войны.

Входит Мюнхгаузен. На нем военный мундир, шпага.

Мюнхгаузен (*весело*). Добрый день, господа!.. (*Жене.*) Здравствуй, Якобина!

Та отворачивается.

Господин Рамкопф!

Тот отворачивается.

Здравствуй, сын!

Феофил в бешенстве отбегает в угол.

Вы позвали меня помолчать?!

Бургомистр. Это я вас позвал, дорогой Карл... Мне тут сообщили довольно странное известие... Даже не знаю, как и сказать. Ну... будто бы вы... объявили войну... Англии...

Мюнхгаузен (*достав часы*). Пока еще нет. Война начнется в четыре часа, если Англия не выполнит условий ультиматума.

Бургомистр. Ультиматума?

Мюнхгаузен. Да! Неделю тому назад я им выслал ультиматум!

Бургомистр (*нервно*). Кому «им»? Выразитесь понятней!

Мюнхгаузен. Королю Георгу и парламенту. Я потребовал от них прекратить бессмысленную войну с североамериканскими колонистами и признать их независимость. Срок ультиматума истекает сегодня в шестнадцать ноль-ноль. Если мои условия не будут приняты, я начну войну!

Рамкопф. Интересно, как это будет выглядеть? Вы станете налить по ним отсюда из ружья или пойдете врукопашную?

Мюнхгаузен. Методы ведения кампании — военная

тайна! Я не могу ее разглашать, тем более в присутствии штатских!

Бургомистр (*решительно*). Так!.. Господин барон, я думаю, нет смысла продолжать этот бесплодный разговор. Послав ультиматум, вы тем самым перешли всяческие границы! (*Кричит.*) Война — это не покер! Ее нельзя объявлять когда вздумается! Вы арестованы, господин барон!.. Фельдфебель, примите у господина барона шпагу!

Фельдфебель (*нерешительно*). Если он отдаст...

Мюнхгаузен. Господин бургомистр, не делайте глупостей. Я знаю, вы — достойный человек, в душе вы тоже против Англии...

Бургомистр. Это никого не касается!

Мюнхгаузен. Моя война тоже касается только Англии и меня.

Бургомистр. Барон! Как старший по званию приказываю сдать шпагу!

Феофил (*решительно подошел к отцу*). Господин барон, я вызываю вас на дуэль!

Бургомистр (*нервно*). Подождите, Феофил! (*Мюнхгаузену.*) Сдайте шпагу!

Феофил (*выхватил шпагу*). Защищайтесь!

Мюнхгаузен (*сердито*). Да разберитесь вы между собой, в конце концов!

Вбегает Томас.

Томас. Господин барон, вы просили вечернюю газету!

Мюнхгаузен. Ну-ка? (*Берет газету, просматривает, молча протягивает Бургомистру.*)

Тот смотрит в газету.

Феофил. Что там еще?

Бургомистр (*упавшим голосом*). Англия признала независимость Америки.

Мюнхгаузен (*взглянув на часы*). Без десяти четыре!.. Успели!.. Их счастье! (*Всем.*) Честь имею! (*Уходит в сопровождении Томаса.*)

Рамкопф. Немыслимо!

Баронесса (*Бургомистру*). Вы его отпустили?

Бургомистр. Что ж я мог?..

Рамкопф. Но ведь это чудовищное совпадение!

Баронесса. Вы не бургомистр, вы — тряпка!

Бургомистр. Сударыня, ну что вы от меня хотите? Англия сдалась...

Затмение

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Просторное помещение городского суда. В центре кресло, которое занимает ганноверский Судья — пожилой мужчина в мантии и пышном парике. Рядом с ним сидят Бургомистр и Пастор. Чуть впереди — Баронесса, Рамкопф и Феофил. По другую сторону — Мюнхгаузен.

В глубине сцены за клавишном сидит Музыкант.

Судья. Объявляю судебное заседание по делу о разводе барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена и баронессы Якобины фон Мюнхгаузен открытым!

Музыкант заиграл гимн герцогства Ганноверского. Все стоя выслушали его.

Господин бургомистр, прошу вас!

Бургомистр (*обращаясь к зрителям*). Господа! С большим волнением я приступаю к своей речи. Процесс, на котором мы с вами присутствуем, поистине можно назвать необычным и даже уникальным, ибо в каждом городе Германии люди женятся, но не в каждом разрешены разводы. Именно поэтому первое слово благодарности наш магистрат приносит его величеству герцогу Георгу, чья всемилостивейшая подпись позволила нам стать свидетелями этого праздника свободы и демократии!

Аплодисменты.

Господа! Нам выпало счастье жить в просвещенном восемнадцатом веке, навсегда сбросившем с себя рубище средневековья, прикрывавшее духовное невежество и мракобесие инквизиции. Сколько трагедий вписывает нам история, сколько криков отчаянья доносится к нам из глубины веков — это крики супругов, лишенных возможности расстаться! Вспомним историю английского короля Генриха Восьмого, вынужденного послать на плаху свою супругу Анну Болейн и топором палача разрубить узы неудачного брака. Вспомним Иоанну Первую, Неаполитанскую, которая из-за любви к другому повесила собственного супруга на шелковом шнуре, который сама же сплела...

Нет, господа, мы не католики, чье застарелое ханжество не позволяет супругам расстаться, когда умерли их чувства. Но мы, слава богу, и не магометане, чье духовное невежество разрешает иметь несколько жен там, где достаточно одной. Мы — лютеране, и учение, завещанное нам Лютером, гласит: «Неверное — да будет уничтожено, истинное — да будет узаконено!» (*Садится.*)

Судья (*Пастору*). Ваше преподобие, вы желаете сказать?

Пастор (*вставая*). Я с большим интересом выслушал речь господина бургомистра и благодарю его за слова, сказанные в адрес духовной консистории. Однако действия церкви нельзя было признать гуманными, если бы она, благословляя разрыв супружества, не попыталась бы вначале его восстановить. Поэтому сейчас, обращаясь с этой высокой кафедры, я хочу сказать: дети мои! Внемлите своему духовному пастырю. Откройте нам причины, побудившие вас разрывать союз, благословенный богом. Да не смутят вас эти стены и мантии, здесь не суд, а исповедь, и покаяние есть благо! (*Садится.*)

Рамкопф (*вставая*). Ваше превосходительство, разрешите?

Судья кивает в знак согласия.

Господа! Я являюсь адвокатом баронессы и хотел бы изложить вкратце суть дела, опуская, естественно, те пикантные подробности, которые могли бы поставить мою подзащитную в неловкое положение. Итак, двадцать лет назад здесь, в Ганновере, случайно встретились молодой барон Карл фон Мюнхгаузен и баронесса Якобина фон Дуттен. Ему — двадцать пять, ей и того меньше, он унтер-офицер, она хороша собой, они словно созданы друг для друга... Их повенчали в Ганноверском соборе и вскоре, в результате тех пикантных подробностей, о которых я обещал не говорить, у них родился мальчик Феофил, ныне сын истца и ответчицы, наш юный корнет.

Феофил (*недовольно*). При чем тут «корнет»?

Судья. Господа, прошу не перебивать!

Рамкопф. Я продолжаю... Любили ли супруги друг друга? Безусловно! Но пет, их жизнь не протекала тихо и безмятежно. Станный характер господина Мюнхгаузена, его склонность к преувеличениям и нелпым фантазиям часто омрачали супружеское счастье. Обращаю внимание суда на тот факт, что фантазии барона вспыхивали именно тогда, когда у него появлялся интерес на стороне. Стоило возникнуть мимолетному увлечению, Мюнхгаузен тут же начинал охотиться на тигров, летать на ядрах и тому подобном... Господа! Всякий муж, возвращаясь домой после недельного отсутствия, пытается обмануть жену, но не всякий додумается до того, чтобы утверждать, что он был на Луне! И все-таки моя кроткая беззащитная подзащитная пыталась закрывать на это

глаза. Она гасила пожар негодования во имя тепла семейного очага. Однако в последний год, когда господин Мюнхгаузен повстречался с некоей девицей по имени Марта, дочкой аптекаря, его чудачества достигли апогея. Он стал уноситься к звездам, беседовать с Сократом и переписываться с Шекспиром. Этого уже ни один нормальный человек выдержать не может! И баронесса покинула замок. Вот и вся история! Вам, уважаемые судьи, решать, кто виновен в осквернении священных уз Гименея! Что касается вас, господин Мюнхгаузен, то баронесса поручила сказать мне следующие слова: «Карл! Я и сейчас готова все простить! Образуясь, покайся, смирись, и я вновь прижму тебя к своей груди!» (*Садится, довольный произнесенным.*)

Судья. Благодарю вас, господин Рамкопф! Господин барон, прошу вас.

Мюнхгаузен (*вскочив*). Господа! Я глубоко потрясен речью господина Рамкопфа, особенно его последним предложением. Однако я вынужден от него отказаться, ибо почти все сказанное защитником, к сожалению, не соответствует истине. Наше замужество, как это ни странно, началось задолго до нашего рождения: род Мюнхгаузена давно мечтал породниться с родом фон Дуттен, поэтому, когда у них родилась девочка, то я, в свою очередь, родился уже не только мальчиком, но и мужем. Нас познакомили еще в колыбели, и моя супруга мне сразу не понравилась, о чем я и заявил, как только научился разговаривать. К сожалению, к моим словам не прислушались, и, едва мы достигли совершеннолетия, нас отвезли в церковь. В церкви на вопрос священника, готов ли я взять в жены Якобину фон Дуттен, я честно ответил: «Нет!» И нас тут же обвенчали. После венчания мы уехали в свадебное путешествие: я — в Турцию, она — в Швейцарию, и три года жили там в любви и согласии. Затем, уже находясь в Германии, я был приглашен ландграфом Бранденбургским на бал-маскарад, где танцевал с одной очаровательной особой в маске испанки. Там же я увлек ее в беседку, обольстил, после чего она сняла маску, и я увидел, что это моя собственная жена. Таким образом, если я изменил, то прежде всего себе. Обнаружив ошибку, я тут же хотел подать на развод, но выяснилось, что у нас должен кто-то родиться. Как порядочный человек, я не мог бросить жену, пока ребенок не достиг совершеннолетия. Я вернулся служить в полк, совершил несколько кругосветных путешествий, участвовал в трех войнах, где был ранен в голову. Вероятно, в связи с этим возникла нелепая мысль, что я смогу прожить остаток дней в кругу семьи.

Я вернулся домой, провел три дня, общаясь с супругой и сыном, после чего немедленно направился к аптекарю купить яду. И тут — свершилось чудо! Я увидел Марту... Самую чудную, самую честную, самую прекрасную... Господи, зачем я это говорю — вы все ее знаете! Жизнь приобрела смысл! Я влюбился в первый и, наверное, последний раз в жизни, и я счастлив! Надеюсь, что Якобина все поймет и, в конце концов, порадуетя вместе со мной... И да здравствует развод, господа! Он разрушает ложь, которую я так ненавижу!! *(Садится.)*

Судья. Баронесса, вы хотите что-то добавить по существу дела?

Баронесса *(поднимаясь)*. ...Трудно говорить, когда на тебя смотрят столько сочувствующих глаз. Развод отвратителен вовсе не потому, что разлучает супругов, а потому, что мужчину почему-то начинают считать «свободным», а женщину — «брошенной». Нет! Не унижайте меня жалостью, господа! Пожалейте лучше себя! Мой муж — опасный человек, господа!.. Я вышла за него замуж не по любви, а из чувства долга перед страной... Двадцать лет я смиряла его, я держала его в границах семейной жизни и тем самым спасала от него жизнь всего общества! Теперь вы разрубаете наши узы... Что ж! Вините в последствиях только самих себя... Не страшно, что я одинока, страшно, что он — на свободе!!!

Аплодисменты.

Судья. Благодарю вас. *(Всем.)* Итак, господа, супруги изложили свои взгляды по существу дела. Однако здесь присутствует и третий участник семейной драмы... Феофил фон Мюнхгаузен, вы хотите выступить?

Феофил. Да, господин судья.

Баронесса *(сыну)*. Фео, держи себя в руках... Умоляю!

Феофил. Не волнуйся, мама... *(Встает.)* Уважаемый суд! Я буду по-военному краток. Вы хотите знать мое мнение? Вот оно! *(Достал пистолет, направил его на Мюнхгаузена.)*

Все испуганно вскочили. Феофил нажал курок, раздался сухой щелчок.

Не волнуйтесь, господа! Я не вложил сюда пули... Я зарядил свой пистолет горечью и презрением... *(Садится.)*

Мюнхгаузен. Господи, какая пошлость!

Бургомистр *(вскочил)*. Господа, успокойтесь... Господин судья, я думаю, что нет смысла разжигать

страсти... Если столь уважаемые особы за двадцать лет не нашли путей к примирению, глупо надеяться, что это произойдет в последнюю секунду... Как вы считаете, ваше преподобие?

П а с т о р. Согласен с вами.

С у д ь я. Хорошо! Так... господин барон, госпожа баронесса, попрошу подойти ко мне и ознакомиться с разводными письмами.

Мюнхгаузен и Баронесса подходят к Судье, берут письма, читают.

М ю н х г а у з е н. «Я, Карл Фридрих фон Мюнхгаузен, будучи в здравом рассудке и ясной памяти, добровольно разрываю брачные узы с Якобиной фон Мюнхгаузен и объявляю ее свободной».

Б а р о н е с с а. «Я, Якобина фон Мюнхгаузен, урожденная фон Дуттен, будучи в здравом рассудке и ясной памяти, добровольно разрываю брачные узы с Карлом фон Мюнхгаузен и объявляю его свободным».

С у д ь я. Скрепите эти письма подписью... Поставьте число. Передайте письма друг другу...

Мюнхгаузен и Баронесса подписывают и передают письма.

Господин пастор, прошу вас свершить обряд расторжения священных уз...

П а с т о р. С тяжелым сердцем приступаю я к своей миссии, господи. Но такова судьба священника: он присутствует не только на крестинах, но и на похоронах, именем бога соединяет любящие сердца и именем бога должен разлучить опустошенные... Но пусть эта горькая минута вселит в ваши души не только печаль, но и надежду на будущую радость... Подойдите ко мне! Встаньте рядом!

Мюнхгаузен и Баронесса подходят.

Снимите кольца!

Они снимают кольца, отдают их Пастору.

Именем святой духовной консистории объявляю вас свободными друг от друга! *(Ребром ладони разводит бывших супругов.)*

Р а м к о п ф. Остановитесь, господин пастор!

Замешательство.

С у д ь я. Что это значит?

Р а м к о п ф *(размазывая разводным письмом)*. Извини-

те, господин судья! Простите, пастор, что я нарушаю ваши священнодействия, но лучше это сделать сейчас, чем после, когда мы убедимся, что наш суд превращен в постыдный фарс!

Судья. Господин Рамкопф, выбирайте выражения!

Рамкопф (*повышая голос*). В постыдный фарс! Да! В постыдный... Я готов употребить и более крепкое словцо... Господин судья, прочтите внимательно разводное письмо барона Мюнхгаузена.

Судья (*берет письмо, читает*). «Я, Карл Фридрих Иероним...»

Рамкопф. Дату! Читайте дату!

Судья. «Тысяча семьсот семьдесят шестой год. Тридцать второго мая». Что?! (*Мюнхгаузену.*) Вы ошиблись, барон.

Мюнхгаузен. Почему? Я поставил точное число.

Рамкопф. Такого числа нет!

Мюнхгаузен. Ну-ну, как это — нет?.. Мне-то не рассказывайте!

Бургомистр. Если вчера было тридцать первое мая, то сегодня какое?

Мюнхгаузен. Тридцать второе... Вы только не волнуйтесь, господа. Я вам сейчас все объясню... Это — мое открытие...

Баронесса (*истерически*). Фигляр! Сумасшедший!

Феофил. Стреляться! Немедленно! С двух шагов!..

Мюнхгаузен. Да подождите! Я же объясню!..

Судья. Документ, подписанный такой датой, недействителен!

Пастор (*Мюнхгаузену*). Будь проклят! (*Швыряет кольца на пол.*) Будь проклят каждый, кто прикоснется к тебе!

Бургомистр (*в отчаянии*). Подождите, пастор... Господа... Что вы натворили, барон? Что вы наделали?

Мюнхгаузен (*стараясь перекричать шум*). Господа, дайте мне сказать! Почему вы не хотите меня выслушать?

Судья. Суд оскорблен! Объявляю заседание закрытым!

Вслед за этими словами Музыкант ударяет по клавишам. Звучит гимн.

Все замолкают и свое негодование выражают только возмущенными взглядами и мимикой.

Затемнение

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Вновь гостиная в доме барона Мюнхгаузена. Стоя на стремянке, Томас протирает тряпкой картины. Марта сидит у клавирина, одним пальцем наигрывает какую-то мелодию.

Томас (*обращаясь к портрету*). Великий вы человек, барон Мюнхгаузен, а все-таки и на вас пыль ложится.

Марта (*резко захлопнула крышку клавирина, посмотрела на часы*). Уже шесть! Господи, почему они там так долго? Невыносимо! Пусть будет пять! (*Подходит к часам, переставляет стрелки.*)

Томас (*обращаясь к портрету*). Вы можете побеждать целые армии, а против пыли — ни-ни... Против нее ни ядра, ни картечь... Только Томас с тряпкой. И не протри он ваши подвиги, кто их увидит?

Марта (*тихо молится*). Боже великий, сделай так, чтоб все было хорошо! Не сердись на Карла, господи! Ты старше, ты мудрее, ты должен уступить...

Томас. Или взять вот эту штуку... (*Снимает подзорную трубу.*) Дальноскопная труба для обзора Вселенной... А без Томаса она два грязных стекла, засиженных мухами... А вот помоешь ее, протрешь бархоточкой — и снова дальноскопная труба... (*Заглядывает в трубу, наводит на окно.*) Они возвращаются, фрау Марта.

Марта (*испуганно*). Кто «они»?

Томас. Господин барон... господин бургомистр... мальчишки.

Марта. Мальчишки? Какие мальчишки?.. Ах да... ну конечно... Раз идет барон, за ним бегут мальчишки.

Томас. И кричат...

Марта. Конечно, конечно... кричат. Что? Что они кричат, Томас?

Томас. Не знаю. Я ведь только вижу, а не слышу... Наверное, как обычно: «Чокнутый барон! Чокнутый барон!»

Марта. Как обычно!.. Почему ж у меня плохое предчувствие? Господи!.. А что — бургомистр?

Томас. Бургомистр что-то говорит господину барону и машет руками.

Марта. А Карл?

Томас. А господин барон идет... А бургомистр машет... Нет, нет. Теперь и господин барон остановился и стал тоже махать руками... А бургомистр схватился за голову и побежал прочь... А мальчишки перестали кричать!..

Марта (*упавшим голосом*). Значит, что-то случилось.

Т о м а с. Пет. Господин барон догнал его и теперь ведет к нам. Вы не волнуйтесь, фрау Марта, он его крепко держит... Не вырваться!

М а р т а. Я пойду переоденусь. Если Карл будет спрашивать меня, я — переодеваюсь. (*Быстро проходит в свою комнату.*)

С шумом появляются М ю н х г а у з е н и Б у р г о м и с т р.

Б у р г о м и с т р (*вырываясь*). Оставьте меня в покое! Всякому терпению есть предел!

М ю н х г а у з е н. Нет, вы меня послушайте! Не может быть, чтобы один умный человек не понял другого... (*Томасу.*) Где Марта?

Т о м а с. Фрау Марта переодевается, господин барон.

М ю н х г а у з е н. Переодевается?.. Зачем?.. Ах, да... Я же велел ей надеть подвенечное платье. Мы собирались ехать в церковь...

Б у р г о м и с т р. Сразу?!

М ю н х г а у з е н. А чего же тянуть?..

Б у р г о м и с т р. Развод и венчание в один день?!

М ю н х г а у з е н. Конечно! Для чего откладывать?.. И потом, какой это день — тридцать второе!

Б у р г о м и с т р (*жалобно*). Барон, ради бога, разрешите мне уйти... у меня слабое сердце... Я не смогу выдержать этого объяснения...

М ю н х г а у з е н. Марта умная женщина, она все поймет.

Б у р г о м и с т р. Значит, я дурак. Я не могу и не хочу этого понимать... Господи, как же вы ей сообщите?.. Ну, придумайте что-нибудь. Давайте скажем, что суд перенесли...

М ю н х г а у з е н. Нет! Скажем как есть. В этом доме еще никто никогда не обманывал!

Появляется М а р т а. Она в темном плаще, в руках дорожный баул.

А вот и Марта! (*Бургомистру.*) Ну?.. Я же говорил, что она сразу все поймет.

М а р т а (*спокойно*). Безусловно, Карл... Добрый день, господин бургомистр.

Б у р г о м и с т р. Добрый день, фрау Марта. Вы, как всегда, очаровательны... Вам очень идет этот плащ...

М ю н х г а у з е н (*перебивая*). Ерунда! Он тебе совершенно не идет... И баул не гармонирует. Сядь, успокойся, давайте обсудим создавшееся положение.

М а р т а. Хорошо. А ты, Томас, пока прикажи приготовить лошадей...

Б у р г о м и с т р (*Марте*). Вы уже знаете, что случилось?

М а р т а. Нет. Но понимаю, что развод не подписан.

Б у р г о м и с т р. В том-то и беда, что уже был подписан!.. Все шло идеально. И наш барон, как никогда, был выдержан... Не дерзил, не стрелял в воздух... И вдруг — эта нелепая фантазия; тридцать второе мая! (*Мюнхгаузену.*) Ну скажите, черт возьми, откуда оно вдруг взялось?!

М ю н х г а у з е н. Я вам давно пытаюсь объяснить.

М а р т а. Тридцать второе? Этого и я не знала.

М ю н х г а у з е н. Правильно! Я хотел тебе сделать сюрприз.

Б у р г о м и с т р. Вы его сделали, не отчаивайтесь!

М ю н х г а у з е н. Послушайте же наконец! Марта! Томас!.. Бургомистр! Я открыл новый день. Это одно из самых великих открытий, а может, самое-самое... Я шел к нему через годы раздумий, наблюдений... И вот оно пришло — тридцать второе!

Б у р г о м и с т р (*усмехаясь*). Мы это уже слышали. Я спрашиваю: откуда пришло?

М ю н х г а у з е н. Ответьте мне, сколько дней в году?

Б у р г о м и с т р. Не знаю. И вообще, кто спрашивает: вы или мы?

М ю н х г а у з е н. Хорошо! Я сам буду задавать вопросы и сам на них отвечать. Вы только следите за ходом мыслей... Сколько дней в году?.. Триста шестьдесят пять!.. Точно?.. Нет, не точно... В году триста шестьдесят пять дней и шесть часов. Эти часы складывают, и тогда каждый четвертый год становится високосным... Но я задумался: а точно ли в году триста шестьдесят пять дней шесть часов?! Оказалось, нет! В нормальном году триста шестьдесят пять дней шесть часов и еще три секунды... Это подтвердит вам любой астроном, даже не столь авторитетный, как я. Надо лишь подняться к звездам с хронометром и оттуда проследить за вращением Земли. Я это делал не раз. Марта может подтвердить! Итак — три секунды неучтенного времени. За годы эти секунды складываются в минуты, за столетия — в часы. Короче, дорогие мои, за время существования нашего города нам натикало лишний день! Тридцать второе мая! (*Оглядывая всех с торжествующим видом.*)

Б у р г о м и с т р (*устало.*) Все?

М ю н х г а у з е н. Все!

Б у р г о м и с т р. И вы ничего умнее не придумали, как сообщить об этом на суде?

М ю н х г а у з е н. При чем тут суд?.. Мне надо было объявить это всем, что я и сделал.

Бургомистр. И вы надеялись, что вам поверят?

Мюнхгаузен. А куда же деться от фактов?! Ну не идиоты же мы, чтобы отказываться от лишнего дня в жизни?! Томас, ты рад, что у нас появилось тридцать второе?

Томас. Вообще-то не очень, господин барон!.. Первого мне платят жалованье...

Мюнхгаузен. При чем тут это?! Ты не понял... Ступай готовь ужин.

Томас уходит.

Бургомистр. Вы напрасно сердитесь на слугу. Он абсолютно прав. Даже если оно и есть, ваше тридцать второе, оно никому не нужно. Поймите, барон, в мире существует определенный порядок: один день сменяет другой, за понедельником наступает вторник... Нельзя так сгоряча вламываться в движение жизни. Это недопустимо! Начнется хаос. Люди не будут знать, когда рождество, а когда — пасха... Вы же видели, как был взбешен пастор!

Мюнхгаузен. Какой пастор? При чем тут пастор?.. Мы решаем судьбы мироздания... Марта, скажи ты... Ты же понимаешь, что я прав?

Марта. Извини меня, Карл... У меня что-то все перепуталось в голове... Наверное, ты, как всегда, прав... Я не понимаю в расчетах и верю тебе... Но нас не обвенчают! Это я поняла... И я ухожу. Не сердись, милый, я устала...

Бургомистр. Барон, нельзя же так издеваться над любящей женщиной! Ради нее, ради вашей семьи вы можете признать, что сегодня — обычный день, тот, что в календаре?!

Мюнхгаузен. Да как же я могу это сделать? Все, что хотите, кроме лжи! Соглашусь на что угодно, но никогда не скажу, что белое — это черное, что тридцать второе — первое.

Бургомистр. Значит, вы не любите фрау Марту!

Мюнхгаузен. Неправда!

Марта. Конечно, Карл... Ты любишь меня, я знаю... Но и ради меня не хочешь ничем поступиться... Помнишь, когда мы встретились с Шекспиром, он сказал: все влюбленные клянутся исполнить больше, чем могут, а не исполняют даже возможного...

Мюнхгаузен. Это он сказал сгоряча. А потом, помнишь, добавил: «Препятствия любви только усиливают ее!»

Марта. У нас их чересчур много, этих препятствий! Они мне не по силам. Господи, ну почему ты не женился на Жанне д'Арк? Ведь она была согласна...

Мюнхгаузен. Я знал, что встречу Марту.

М а р т а. А вдруг ты обознался?.. И твоя Марта где-то далеко или еще не родилась?.. Не требуй от меня большего, чем могу... Знаешь, о чем я мечтаю?

М ю н х г а у з е н. Конечно. Мы это всегда делаем вместе.

М а р т а. Нет! Теперь я иногда мечтаю одна... Я мечтаю, чтоб был хоть один день, когда ничего не происходит.

М ю н х г а у з е н. Это ужасно!

М а р т а. Наверное!.. Но я мечтаю об этом дне. Я не гожусь для тридцать второго! (*Вдруг кричит.*) Я не хочу его!

М ю н х г а у з е н. Не хочешь?! Не хочешь еще одного дня весны? Самого последнего?.. Целый восход и заход... Лишний полдень... Тысячи новых секунд... Ты всего этого не хочешь?!

М а р т а. Нет. И поэтому я уезжаю... (*Берет баул.*)

М ю н х г а у з е н. Постой! Черт знает что такое!.. Ты не можешь вот так, вдруг, взять и уйти!

Б у р г о м и с т р. Вы сами в этом виноваты, барон. Нельзя нарушать порядок вещей...

М ю н х г а у з е н. Хорошо порядок: я просил развода с Якобиной, а меня разлучают с Мартой.

Б у р г о м и с т р. Сами виноваты.

М ю н х г а у з е н. Но ведь я сказал правду!

Б у р г о м и с т р. Черт с ней, с правдой!.. Иногда можно и соврать. Боже мой, такие вещи приходится объяснять Мюнхгаузену. С ума сойдешь!

М ю н х г а у з е н (*Марте*). Ты тоже так считаешь?

Марта молчит.

Нет, нет, ничего не говори. Я сам все пойму... (*Подходит к ней, смотрит в глаза.*) Ну что ж... Ладно! Пусть будет по-вашему. Что мне надо сделать, бургомистр?

Б у р г о м и с т р. Не знаю, можно ли теперь все это поправить?

М ю н х г а у з е н. Ну, ну... Всегда есть способ выкрутиться... У вас такой опыт...

Б у р г о м и с т р. Попытаться, конечно, можно... Но прежде всего вы должны признать, что сегодня первое июня.

М ю н х г а у з е н (*равнодушно*). Хоть десятое...

Б у р г о м и с т р (*гневно*). Не десятое, а первое! Не делайте, пожалуйста, ошибок!.. Далее надо будет уговорить пастора повторить обряд... Это будет самым трудным. Я пытался после суда поговорить с ним, но он кипел от возмущения...

М ю н х г а у з е н. Старый ханжа!

Б у р г о м и с т р (*строго*). Успокойтесь!.. Так вот, после

долгих увещеваний мне все-таки удалось его кое в чем убедить... Короче, он мог бы согласиться на повторный развод, если вы от всего откажетесь...

М ю н х г а у з е н. От чего?

Б у р г о м и с т р. ОТ ВСЕГО!.. От всех ваших богомерзких фантазий. Не смотрите на меня волком — это его выражение... Вам придется признать, что все это — ложь... Ну, вроде неудачной шутки. Причем это надо сделать письменно.

М ю н х г а у з е н. Письменно?!

Б у р г о м и с т р. Разумеется! Вы письменно ввали, теперь письменно отрекайтесь...

М ю н х г а у з е н. Мне не написать второй книги. Я на это истратил целую жизнь.

Б у р г о м и с т р. Никто от вас книги и не просит. Все должно быть сделано в форме официального документа: «Я, барон Мюнхгаузен, заявляю, что я — обыкновенный человек, я не летал на Луну, не скакал верхом на ядре, не поднимал себя за волосы из болота...» И так далее, по всем пунктам.

М ю н х г а у з е н (*Марте*). Ты тоже так считаешь?

М а р т а. Не знаю... Может, мне все-таки лучше уйти?

М ю н х г а у з е н (*задумавшись*). Нет, нет... Без тебя мне будет хуже, чем без себя... Я все напишу, господин бургомистр!.. Как вы говорите: «Я, барон Мюнхгаузен, обыкновенный человек...» Звучит как начало романа... Ничего страшного.

Б у р г о м и с т р. Ну конечно, дорогой мой... Что тут особенного? И Галилей отрекался!

М ю н х г а у з е н. Поэтому я больше люблю Бруно... Но не стоит сравнивать, там все было значительней и страшнее... Я хорошо помню это пламя... Здесь все проще... «Я, барон Мюнхгаузен, обыкновенный человек, я не летал на Луну...» Ах, какая она красивая, бургомистр, если б вы только видели... Белые горы и красные камни на заходе солнца... Я не летал на нее!.. И на ядре не скакал в том страшном бою с турками, когда погибла половина моего полка, а они погнали нас в это чертово болото, но мы выстояли и ударили им с фланга, но тут мой конь оступился, начал вязнуть, и когда зеленая мерзкая жижа уже полилась в рот, тогда я, задыхаясь, схватил себя за волосы и рванул... И мы взлетели над осокой! Я бы вам и сейчас это показал, господин бургомистр, но уже рука слаба, да и тянуть не за что... (*Снимает парик.*) Я все напишу, господа! Раз тридцать второе мая никому не нужно, пусть будет так... В такой день трудно жить, но легко умирать... Через пять минут барона Мюнхгаузена не станет.

Можете почтить его память вставанием!.. *(Направляется к своему кабинету.)*

Б у р г о м и с т р. Ну, ну, дорогой мой. Не надо так трагично! Все будет хорошо. Во всяком случае, весь город перестанет смеяться над вами.

М ю н х г а у з е н. Не смеяться, а подсмеиваться. Это разные вещи! *(Проходит в кабинет.)*

Б у р г о м и с т р *(со вздохом облегчения)*. Фу!.. Кажется, мы его переубедили... Даже не верится... Вспотел, честное слово!

Марта, не слушая его, быстро направляется к кабинету.

Не отвлекайте его, фрау Марта, пусть пишет...

М а р т а *(дергает дверь, она оказывается запертой)*. Карл! Открой мне! Ты меня слышишь?.. Открой!

Б у р г о м и с т р *(испуганно)*. Зачем он заперся? *(Бежит к двери.)* Господин барон, вы меня слышите?.. Господин барон! Немедленно отойдите! Я приказываю!.. Как старший по званию... Господин барон!

М а р т а *(плача, опустила у двери)*. Карл! Не надо!.. Умоляю!

Б у р г о м и с т р *(барабанит в дверь)*. Господин барон! Что вы там делаете?!

Из-за двери раздастся громкий выстрел. Марта падает без чувств. Появляется
Т о м а с с подносом.

Т о м а с. Фрау Марта, я не расслышал, который час?

К о н е ц п е р в о й ч а с т и

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Прошло три года.

И вновь дом барона Мюнхгаузена. Он почти не изменился — те же картины, книги, охотничьи трофеи. Только теперь они приобрели некий музейный вид — появились таблички, указывающие на происхождение того или иного «экспоната». В центре гостиной, возле каминя, — большой скульптурный портрет, изображающий барона верхом на лошади, разрубленной пополам. Возле скульптуры в позе оратора стоит Рамкопф. Сидя в креслах, его слушают Баронесса и Феофил.

Рамкопф (*заглядывая в текст*). ...Итак, господа, я заканчиваю... Три года прошло с того дня, как перестало биться сердце барона Мюнхгаузена, и все три года этот прославленный герой живет в сердцах своих благодарных соотечественников. Пусть же этот памятник, который мы устанавливаем в его честь, станет не только символом беззаветной любви города к своему великому сыну... Пусть он будет источником отваги, смелости и родником живительного оптимизма, который никогда не перестанет струиться в душе каждого истинного германца! (*Открывает кран, из лошади фонтанчиком бьет вода; Рамкопф подставляет бокал, торжественно выпивает.*)

Баронесса. Хорошо! Очень хорошо, Генрих!.. В конце чуть-чуть высокопарно...

Рамкопф. Дорогая, этого требует торжественность момента... Финальный аккорд!

Баронесса. Ну, может быть, ты и прав... (*Сыну.*) Как считаешь, Фео?

Феофил не отвечает, закрыл лицо руками.

Что с тобой?.. Ну, ну... Так нельзя! Будь мужчиной!

Феофил (*вытирая слезы*). Да, конечно, извините меня... Нервы!.. Когда я все это слышу, то вспоминаю... Господи, господи! Как мы были несправедливы к нему, как жестоки...

Рамкопф. Дорогой мой, кто же знал, что так все обернется?.. Мы были искренни в своих заблуждениях. Время открыло нам глаза!

Баронесса. Такова судьба всех великих людей: современники их не понимают!

Феофил. Современники — возможно... Но мы-то родственники! Страшно вспомнить: я мечтал о дуэли с отцом. Я хотел убить его! И убил...

Баронесса (*властно*). Прекрати! Если кто и повинен в его смерти, то прежде всего — фрау Марта! Эта ханжа... Конечно, мы тоже виноваты, но нельзя же теперь всю жизнь казнить себя... Если сегодня вся Германия с благоговением повторяет имя Мюнхгаузена, то в этом прежде всего заслуга нашей семьи. Мы издали полное собрание подвигов барона, его имя присвоено гренадерскому полку... Теперь — этот памятник! Чего ж еще?!

Феофил. Все это не вернет его нам!

Рамкопф. Что поделаешь? С этим придется смириться...

Появляется Томас, делает какие-то знаки Феофилу.

Баронесса. В чем дело, Томас?

Томас. Извините... Господин барон просил предупредить его...

Феофил (*возбужденно*). Они летят?!

Томас. Летят, господин барон! Сейчас как раз над нашим домом...

Рамкопф (*испуганно*). Опять? Феофил, вам не надоело?!

Баронесса. Пусть попробует еще раз.

Феофил (*схватил ружье и блюдо, подбежал к камину*). Да, мама... Еще разок! Сегодня я чувствую вдохновение... Командуй, Томас!

Томас (*выглядывая в окно*). Минутку, господин барон... Приготовились... или!!!

Феофил дважды стрелет в камин. Все прислушиваются. Тишина. Феофил в бешенстве швыряет блюдо.

Баронесса. Спасибо, Томас, ты свободен.

Томас. Слушаюсь! (*Уходит.*)

Р а м к о п ф. Когда-нибудь у меня лопнут барабанные перепонки.

Ф е о ф и л. Ну почему мне так не везет?! Почему?! Ведь я прекрасный стрелок!

Р а м к о п ф. Слушайте, Фео, а почему бы просто не засунуть туда жареную утку, а потом дернуть ее за веревочку?.. Барон наверняка так и делал!

Ф е о ф и л (*вспыхнув*). Не святотатствуйте, господин Рамкопф!

Б а р о н е с с а. Не будем ссориться в такой день... Успокойся, Фео! Рано или поздно ты попадешь.

Ф е о ф и л. Дело же не в утке, мама!

Б а р о н е с с а. Я все понимаю...

Ф е о ф и л. Я чувствую, как люди смотрят на меня, как шепчутся: «Это — его сын!» ЕГО! От меня ждут чего-то необычного!

Б а р о н е с с а. Все придет, ты еще молод. Впрочем, ты уже многого добился: в свои двадцать два года стал ротмистром...

Ф е о ф и л (*перебивая*). Дело не в чинах! Я — барон Мюнхгаузен, с меня достаточно и этого звания.

Б а р о н е с с а. Разумеется! И рано или поздно ты что-то совершишь, достойное своей фамилии. Но не надо торопить события! Извини меня, дорогой, сегодня утром я случайно увидела, как ты стоишь на стуле и тянешь себя за волосы. Это глупо!

Р а м к о п ф. И очень больно...

Б а р о н е с с а (*Рамкопфу*). Вы тоже пробовали?

Вновь появляется **Т о м а с**.

Ф е о ф и л (*заметив его, возбужденно*). Снова летят?!

Т о м а с. Господин пастор Франц Мусс!

Б а р о н е с с а. Наконец-то!.. Проси его, Томас!

Томас уходит.

Положи ружье, Феофил! Ты напугаешь гостя.

Ф е о ф и л. Ничего, в разговоре с этим святошей оно может пригодиться.

Р а м к о п ф. Перестаньте, Фео! Мы с таким трудом уговорили его приехать.

Б а р о н е с с а. Фео, умоляю, уйди отсюда... У нас очень важный разговор.

Феофил неохотно уходит. Появляется **П а с т о р**.

Прошу вас, господин пастор. Очень рада!

П а с т о р (*чуть сухо*). Благодарю, баронесса. Я тоже рад вновь посетить этот дом.

Р а м к о п ф. Садитесь, прошу вас...

Пастор садится.

Как добрались?

П а с т о р. Скверно. Вся ганноверская дорога чудовищно размыта.

Р а м к о п ф. Да, после смерти барона льют такие дожди...

П а с т о р. Не вижу никакой связи между этими двумя явлениями.

Б а р о н е с с а. Конечно... (*Рамкопфу, строго.*) Не говори срунды, Генрих!

Р а м к о п ф. А что тут такого? Все говорят, что с его уходом климат изменился...

П а с т о р. Глупое суеверие!

Б а р о н е с с а. Абсолютно с вами согласна, пастор. Господин Рамкопф пошутил и, как всегда, — неудачно!.. И вообще, мне бы не хотелось, чтобы наша беседа начиналась так напряженно... Вы ответили на мое письмо, вы приехали... Вижу в этом знак понимания...

П а с т о р. Вежливости!

Б а р о н е с с а. Называйте как хотите... Но вы приехали. Приехали, несмотря на свою занятость и... неприязненное отношение к личности Мюнхгаузена... Не буду вам рассказывать, какие сложные отношения были у нас с мужем. Однако время идет, пастор. Обиды и чудачества забываются. Остается светлая память и всеобщая любовь сограждан, которую вы не можете отрицать.

П а с т о р. Я и не отрицаю. Я не одобряю ее.

Р а м к о п ф. Но почему?

Б а р о н е с с а. Да, не одобряете! Не только вы, но и большинство членов духовной консистории. Однако давайте извесим, кто от этого выигрывает? Популярность барона все равно растет, а оппозиция церкви идет только ей же во вред. Разумно ли это? Не правильной ли проявить милосердие и снять негласное проклятие?

П а с т о р. Это невозможно!

Р а м к о п ф. Но почему?

Б а р о н е с с а (*раздраженно*). Генрих, прекратите выкрикивать один и тот же idiotский вопрос!

П а с т о р. Ничего! Я постараюсь ответить на все «почему» сразу. Церковь не может изменить своего отношения к барону по многим причинам. Во-первых, он совершил тяжкий грех, лишив себя жизни.

Рамкопф. Неправда! Он погиб случайно, прочищая пистолет... Это — смерть солдата на боевом посту!

Пастор. Так можно оправдать любого самоубийцу: застрелившийся — неумело обращался с оружием, утопившийся — плохой пловец. Но не это главное... Церковь не может признать истинными так называемые подвиги барона. Они — результат фантазии и неумеренного самомнения. Простой смертный не может свершить ничего похожего... Стало быть, барон либо хвастун и враль, либо... святой?

Рамкопф. А почему бы и нет?

Пастор (*гневно*). Хватит! И я устал от ваших вопросов!

Баронесса. Сейчас вопрос задан уместно... Нет, нет, избави бог, я не утверждаю, что барон был святым. Было бы нескромно говорить так про собственного мужа... Но согласитесь, что некоторая сверхъестественная сила ему сопутствовала. Иначе как объяснить такое везение во всем? Таковую цепь удач? Откуда бы ей взяться?

Пастор. От дьявола, если вам угодно!

Баронесса. Не будем делать поспешных выводов! (*Направляется к полкам с книгами.*) Вы знаете, пастор, что мы с Генрихом тщательно исследовали все литературное наследие покойного барона. И вот, представьте, нам вдруг встречается эта Библия... (*Протягивает Пастору толстую книгу.*)

Пастор. Что в ней?

Баронесса. А вы посмотрите... Там, в углу, надпись на иврите... Да, да, не ужасайтесь: «Дорогому Карлу от любящего его...»

Пастор (*в ужасе отшвырнул книгу*). Чур меня! Кошунство! Неслыханное кошунство.

Баронесса. Возможно... Хотя подпись святого Матфея достаточно разборчива.

Пастор. Мерзкая фальшивка!

Баронесса (*успокаивая его*). Вероятно... Но как нам быть? Мы обязаны передать такую реликвию на экспертизу. Вы знаете, что в духовной консистории у вас достаточно противников. Дело передадут в Высший церковный совет... Начнутся долгие споры...

Рамкопф. Которые еще неизвестно чем кончатся...

Баронесса. Вот именно! Представьте: победят ваши противники, что тогда? Барон причисляется к лику святых, а его недоброжелатели с позором изгоняются... Поймите, дорогой пастор, речь идет о вашей духовной карьере! Мы вас безмерно любим и уважаем... И меньше всего хотим, чтоб барон вновь посмеялся над вами...

Рамкопф. С иконостаса!..

Пастор (*в отчаянии*). Боже мой!.. За что такие испытания? Что вы от меня хотите?

Баронесса. Милосердия! Чуть-чуть милосердия... Сегодня начинаются торжества, съезжаются сотни гостей... Было б так приятно, если б сам пастор Франц Мусс принял участие в торжественной литургии, прочитал проповедь на открытии памятника...

Пастор. Нет, никогда!.. Я не смогу... Я не готов!

Рамкопф. Я могу дать вам свой конспект...

Пастор (*зло*). Как-нибудь обойдусь!

Баронесса. Разумеется... (*К Рамкопфу.*) Какая бестактность! (*Пастору.*) Уверена, вы сами найдете нужные слова... А эту Библию мы дарим вам. Лично! Поступайте с ней как сочтете нужным...

Рамкопф (*протягивая другую книгу*). И в придачу — полное собрание приключений барона.

Пастор. Благодарю. В ней я не нуждаюсь...

Рамкопф. Ну почему? Прекрасное издание... А какие гравюры!

Пастор. Спасибо, я ее уже купил...

Баронесса. Вот и прекрасно!.. А теперь прошу с нами отобедать, пастор. Вам надо подкрепить силы...

Пастор, Баронесса и Рамкопф направляются к дверям.

Боже, как обрадуется Феофил, что мы все уладили... Он ведь хотел вас застрелить!

Пастор (*грустно*). Жаль, что ему помешали...

Все уходит. Некоторое время сцена пуста. Стенные часы начинают бить. Из левой кулисы быстрой походкой появляется барон Мюнхгаузен. Он очень изменился — сбриты усы, нет пышного парика. Одет он в темный дорожный костюм и широкополую шляпу, которую носили простые горожане. Оглядевшись, Мюнхгаузен замечает свой скульптурный портрет, долго рассматривает его, пускает воду, моет в ней руки и лицо. Появляется Томас с подносом, уставленным многочисленными блюдами.

Томас (*радостно*). Здравствуйте, господин барон!

Мюнхгаузен (*не оборачиваясь*). Томас, я же просил больше не называть меня так... Миллер. Господин Миллер.

Томас. Да, да... Здравствуйте, господин Миллер... господин барон.

Мюнхгаузен (*улыбнулся, пошел к нему навстречу*). Здравствуй, Томас! Здравствуй, мой хороший!

Томас. Разрешите поставить поднос?

Мюнхгаузен. Да, конечно!

Томас ставит поднос, они обнимаются.

Томас. А я ждал... Я знал... Уж когда-когда, а на свою годовщину господин барон обязательно приедет.

Мюнхгаузен. Безусловно! Ты все верно рассчитал.

Томас. Ну, как вы там? Как фрау Марта?

Мюнхгаузен. Все хорошо. Все тихо... Как и должно быть.

Томас. Слышал, у вас сын родился?

Мюнхгаузен. Да. Уже два года.

Томас. Бегает вовсю?

Мюнхгаузен. Ходит...

Томас. Болтает?..

Мюнхгаузен. Молчит.

Томас. Умный мальчик, далеко пойдет...

Мюнхгаузен. Я тоже так считаю. *(Оглянулся на столую, из которой слышались голоса.)* Там гости?

Томас. Пастор приехал.

Мюнхгаузен. Понятно... Томас, будь добр, вызови тихонько Якобину.

Томас. Сказать как обычно?

Мюнхгаузен. Да... Миллер! Господин Миллер...

Томас. Слушаюсь. *(Уходит и вскоре возвращается в сопровождении Баронессы.)*

Баронесса *(испуганно оглядевшись)*. Карл! Бог мой, какое безрассудство! Среди бела дня! Тебя могли увидеть!

Мюнхгаузен. Ничего страшного — сочтут за обыкновенное привидение... Якобина, мне надо срочно поговорить с тобой и Рамкопфом.

Баронесса. Сегодня?! Ты с ума сошел! Сегодня — годовщина, полно дел... Вечером мы открываем тебе памятник!

Мюнхгаузен. Знаю, читал... Но перед этим надо встретиться! В четыре часа жду вас в роше за городом.

Баронесса. Карл, а нельзя ли перенести?.. *(Осеклась)*. Карл, зачем ты приехал?.. Ты хочешь испортить нам праздник? Это нечестно! Ты обещал...

Мюнхгаузен *(твердо)*. Мне надо с вами поговорить!

За сценой слышен голос Феофила: «Мама! С кем ты?»

Баронесса. Карл, спрячься! Умоляю! Ты убьешь его...

Мюнхгаузен прячется за скульптуру. Появляется Феофил.

Феофил *(Баронессе)*. С кем ты разговариваешь?

Баронесса *(живнув на Томаса)*. Разве ты не видишь?.. Томас, пошевеливайся. Господин пастор голоден! *(Уходит в столовую.)*

Томас. Слушаюсь, госпожа баронесса! *(Берет поднос.)*

Феофил останавливает его.

Феофил. Томас, голубчик мой... Давно хотел тебя спросить... Только ответь мне чистую правду. Ты ведь не подкладывал уток в камин?

Томас. Нет, господин барон.

Феофил. Он просто стрелял, а они падали?

Томас. Падали.

Феофил. А потом он брал жареных и они взлетали?.. Вот так? *(Схватил с подноса жареную утку, подбросил, та шлепнулась на пол.)* Так?!

Томас. Не совсем...

Феофил *(в отчаянии)*. Господи, почему ж у меня не получается? Почему?! *(Убегает.)*

Мюнхгаузен выходит из-за укрытия.

Мюнхгаузен *(посмотрев вслед Феофилу)*. Бедный юноша, совсем свихнется... *(Подняв утку, задумался, подошел к окну, размахнулся.)*

Томас *(печально)*. Не стоит, господин барон.

Мюнхгаузен *(обернулся)*. Думаешь?.. Да, пожалуй... *(Швырнул утку на пол и быстро вышел.)*

Томас проводил его глазами, поднял утку, стряхнул пыль, положил на блюдо и торжественно понес в столовую.

З а т е м н е н и е

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Роща за городом. На одном из деревьев, причесав за ветками, сидит Фельдфебель.

Появляется Мюнхгаузен. Огляделся, заметил кого-то в глубине рощи, сложил руки рупором, закричал.

Мюнхгаузен. Э-эй!

Фельдфебель *(вторя ему)*. Э-эй!

Мюнхгаузен. Господин бургومي-и-истр!

Фельдфебель *(вторит)*. Господин бургومي-и-истр!

Мюнхгаузен *(поднял голову, заметил Фельдфебеля)*. Ты что, с ума сошел?

Тот испуганно молчит.

Я тебе говорю... Ты кто?

Фельдфебель. А ты?

Мюнхгаузен. Я — садовник Миллер.

Фельдфебель. Фу, черт возьми... А я напугался, думал — кто-то из гостей. Ты что тут делаешь?

Мюнхгаузен. Гуляю.

Фельдфебель. Запрещено! Здесь место охоты его величества герцога.

Мюнхгаузен. Так ты его дразнишь?

Фельдфебель. Чего?.. *(С достоинством.)* Я — эхо!

Мюнхгаузен. Понятно... Глотку сорвешь.

Фельдфебель. Выдержит. Она у меня луженая...

У меня дед служил эхом еще при ландграфе Гессенском.

Мюнхгаузен. Ах, так?.. Наследственный промысел?..

Ну-ну.

Быстро входит Бургомистр, радостно бросается к Мюнхгаузену.

Бургомистр. Карл! Дорогой мой!

Фельдфебель *(вторит)*. Карл! Дорого-ой мо-ой!

Бургомистр *(Фельдфебелю)*. Пошел вон! Я же приказал, чтоб это было только после пяти вечера... Передай приказ по цепи!

Фельдфебель. Слушаюсь! *(Уходит.)*

Бургомистр. С ума тут сойдешь! С этой княжеской охотой столько возни... Его величество любит эхо, его величество обожает запах польни... Где я ему сейчас возьму запах польни?! Привезли из Пруссии трех отличных кабанов! Так нет — его величество мечтает подстрелить медведя... Барон, где вы брали медведей?

Мюнхгаузен. Уже не помню. Кажется, в лесу.

Бургомистр. Черта с два! Они здесь давно перевелись... *(Вздохнув.)* Придется ехать в Ганноверский зоопарк... Ну, да бог с ними со всеми! Я действительно очень рад вас видеть, барон!

Мюнхгаузен. Взаимно. Только, если вам не трудно, называйте меня по-новому: Миллер!

Бургомистр. Бросьте... для меня вы — барон Мюнхгаузен.

Мюнхгаузен. Тогда добавляйте: «покойный» или «усопший»... Как удобней!

Бургомистр. Нет, уж лучше — Миллер! Кстати, что за странная фамилия?

Мюнхгаузен. Самая обыкновенная. В Германии иметь фамилию Миллер — все равно что не иметь никакой.

Бургомистр. Как всегда, шутите?

Мюнхгаузен. Давно бросил. Врачи запрещают...

Бургомистр. А говорят, юмор — полезен... Продлевает жизнь.

М ю н х г а у з е н. Не всем! Тому, кто смеется,— продлевает; тому, кто острит,— укорачивает...

Б у р г о м и с т р. С каких это пор вы стали ходить по врачам?

М ю н х г а у з е н. Сразу после смерти. При жизни было абсолютно некогда поболеть, но теперь... Они нашли у меня подагру, катар верхних и нижних путей и мигрень. У вас бывает мигрень?

Б у р г о м и с т р. Слава богу, нет.

М ю н х г а у з е н. Заведите! Всякий современный человек должен иметь мигрень... Прекрасная тема для беседы!

Б у р г о м и с т р. Заведу!.. А сейчас ужасно хочется выпить... Надо же отметить встречу... Здесь, где-то возле березы, должен быть родник. *(Ищет.)* А! Вот он!.. Под камнем!.. *(Достает спрятанные бокалы, наполняет их.)* Рекомендую! Настоящее бургундское...

М ю н х г а у з е н. Благодарю!

Оба пьют.

Б у р г о м и с т р. Ах, дорогой, как я скучаю без вас... Черт бы нас всех подрал, не умеем ценить истинных друзей. Понижаем их значение, когда они уходят от нас навсегда... Давайте-ка еще выпьем! *(Наполняет бокалы.)* Как у вас дома? Все хорошо?

М ю н х г а у з е н. Да, все прекрасно. Марта растит сына, я развожу розы.

Б у р г о м и с т р. Прекрасный цветок!

М ю н х г а у з е н. Главное — выгодный!.. Сегодня он идет по талеру за штуку... А если учесть количество свадеб, юбилеев, премьер, то на нем можно неплохо заработать... Вы знаете, только мои похороны дали мне чистых две тысячи...

Б у р г о м и с т р. Что вы говорите?

М ю н х г а у з е н. А вы как думали... Жаль, вы не видели мой дом, он вдвое больше, чем был... А мебель? Павловская, из России, это сейчас модно... Держу четыре экипажа!..

Б у р г о м и с т р. Боже мой, кто бы мог подумать?.. Однако сами вы одеты, прямо скажем... скромно.

М ю н х г а у з е н. Не хочу пускать пыль в глаза. Начнутся разговоры: простой садовник, а живет лучше барона... Мне это ни к чему!.. Поэтому хожу в холстине... Зато белье! *(Распахивает рубашку.)* Батист с золотым шитьем! Можете потрогать...

Б у р г о м и с т р. Блеск! И все это дали розы?

М ю н х г а у з е н. Они!.. Но не думайте, что это просто... Цветок капризный, много возни... Однако есть секрет... Все

зависит от правильной поливки... Я вам сейчас расскажу... Значит, так. Берешь семена, высеиваешь их в маленькие горшочки и поливаешь по такой системе: первая неделя — три поливки, вторая неделя — две поливки, третья неделя — одна поливка, после этого взрыхляется почва...

Б у р г о м и с т р (*живает*). Да, да. (*Неожиданно кричит.*) Ну где я ему достану медведя? Где?!

М ю н х г а у з е н. ...и ростки пересаживаются туда... Но!.. Система поливок в корне меняется: первая неделя — одна поливка, вторая — две поливки... Вы меня слушаете?

Б у р г о м и с т р. Разумеется. Я весь — внимание! Может быть, еще вышьем?

М ю н х г а у з е н. С наслаждением! Родник не иссякнет?

Б у р г о м и с т р. Плевать! Пророем другой... (*Паливает.*)

Оба пьют.

М ю н х г а у з е н. ...Третья неделя — три поливки. И после — обратно в горшочки. Тут уж никаких поливок — неделя цветок не должен пить!

Б у р г о м и с т р. Кошмар!.. У меня началась мигрень!

М ю н х г а у з е н. Наконец-то!.. Поговорим о мигрени...

В роще появляются Р в м к о ф и Б а р о н е с с а. Одеты они торжественно: он — в нарядном красном камзоле, она — в длинном черном платье и шляпе с вуалью.

Б у р г о м и с т р. Извините, Миллер, придется прервать эту интересную беседу. Буду вам признателен, если вы напишете мне про поливки и мигрень в подробном письме. (*Поднимается навстречу пришедшим.*) Господа, счастливы вас видеть. Как всегда, прекрасно выглядите: красное с черным — бездна вкуса!.. А это — наш дорогой Миллер. Надеюсь, вы уже виделись?

Б а р о н е с с а. Да. Господин Миллер, у нас очень мало времени, поэтому сразу перейдем к делу. Что вам угодно?

Б у р г о м и с т р. Да, Карл... Кстати, а зачем ты приехал?

М ю н х г а у з е н. А может, еще по бокалу лесной воды?

Р а м к о ф. Нам некогда!

М ю н х г а у з е н. Ну ладно... К делу так к делу... Итак, господа, я пригласил вас, чтобы сообщить пренеприятное известие... (*Улыбнулся.*) Черт возьми, отличная фраза для начала пьесы... Надо будет кому-нибудь предложить...

Б а р о н е с с а (*строго*). Карл, если можно, не отвлекайтесь.

М ю н х г а у з е н. Постараюсь... Это все ваш родник, бургомистр! Совершенно разучился пить... Итак, дорогие мои

бывшие родственники и друзья, как вам известно, три года назад по обоюдному согласию я ушел из этой жизни в мир иной и между нами было заключено джентльменское соглашение о том, что ни я, ни вы меня беспокоить не станем. Я условия этого соглашения соблюдал честно, чего нельзя сказать про вас...

Р а м к о п ф. Но, Карл...

М ю н х г а у з е н (*перебивая*). Оправдания — потом!.. Пока вы хоронили мое брэнное тело, я старался не обращать внимания, но когда вы стали отпевать мою душу...

Б у р г о м и с т р. Я не понимаю, о чем речь?

М ю н х г а у з е н. Об этом! (*Достает книгу.*) «Полное собрание приключений барона Мюнхгаузена».

Р а м к о п ф. Что ж вам не правится? Прекрасное издание!

М ю н х г а у з е н. Это не мои приключения, это не моя жизнь. Она приглажена, причесана, напудрена и кастрирована!

Р а м к о п ф. Не согласен! Обыкновенная редакторская правка!

М ю н х г а у з е н (*не слушая*). Но и с этим я бы смирился! Однако в этой книге приключений вдвое больше, чем я совершил на самом деле. Когда меня режут, я терплю, но когда дополняют — становится нестерпимо! Какая-то дурацкая экспедиция на Борнео, затем чудовищная война в Австралии...

Р а м к о п ф. Да поймите наконец, что вы уже себе не принадлежите. Вы — миф, легенда! И народная молва приписывает вам новые подвиги.

М ю н х г а у з е н. Народная молва не додумается до такого идиотизма.

Р а м к о п ф. Ну знаете ли...

М ю н х г а у з е н. Да, господин Рамкопф! Вам как автору это неприятно слушать, но придется. Я был в Австралии, но я дружил с аборигенами, а не воевал.

Р а м к о п ф. А я считаю, что воевал!

М ю н х г а у з е н. Спор бессмыслен! Одним словом, я требую изъятия этой вздорной книги!.. Теперь о памятнике, который вы мне собираетесь установить... Он мне не нравится!

Б а р о н е с с а (*зло*). Извини, мы с тобой не посоветовались!

М ю н х г а у з е н. И напрасно! Я бы мог помочь... Впрочем, сама скульптура еще ничего, но те барельефы, которые под ней, — омерзительны. Взять хотя бы картину, где я шпагой протыкаю десяток англичан...

Б у р г о м и с т р. Но, дорогой, вы же воевали с Англией?

М ю н х г а у з е н. Вы знаете, что в этой войне не было пролито ни капли крови.

Р а м к о п ф. А я утверждаю, что было! У меня есть очевидцы...

М ю н х г а у з е н. Я никогда не шел с таким зверским лицом в атаку, как изображено, и не орал: «Англичане — свиньи». Это гадко! Я люблю англичан, я дружил с Шекспиром... Короче, я запрещаю ставить себе этот памятник!

Б у р г о м и с т р. Послушайте, Карл, мне очень неприятен этот разговор... Наверное, мы все виноваты перед вами, наверное, допущен ряд неточностей. Но поверьте, это произошло только от безмерной любви и уважения. Рамкопф прав: вы уже себе не принадлежите. Вы — наша гордость, на вашем примере мы растим молодежь. Поэтому мы возводим этот памятник-фонтан. Бог с ними, с неточностями... Через год воздвигнем другой, более достоверный.

М ю н х г а у з е н. Нет!

Б у р г о м и с т р. Но сейчас мы просто не успеем переделать... Съехались гости... Завтра — тридцать второе мая.

М ю н х г а у з е н. Именно поэтому памятник не годится!

Р а м к о п ф. Да что за спешка?! Вы словно с цепи сорвались...

М ю н х г а у з е н. Так оно и есть. Больше терпеть нельзя... *(Грустно.)* От меня ушла Марта.

Б у р г о м и с т р. Как?.. Вы ж сказали, что у вас все хорошо...

М ю н х г а у з е н. Первый год было хорошо, второй очень хорошо, а на третий она сбежала...

Б у р г о м и с т р. Сбежала от такого богатства?

М ю н х г а у з е н. Именно! Имея четыре экипажа и дом, она ушла пешком и на улицу...

Б а р о н е с с а. Так все дело в этом?.. Ну, тогда не страшно... Мы ее уговорим...

М ю н х г а у з е н. Нет! Вы ее плохо знаете... Чтоб вернуть ее, придется вернуть себя.

Р а м к о п ф. Как это понимать?

М ю н х г а у з е н. Я решил воскреснуть.

Пауза.

Б у р г о м и с т р. Вы этого не сделаете, Карл!

М ю н х г а у з е н. Сделаю! Если вы так настаиваете на памятнике, то лучше уж я сам залезу на пьедестал.

Баронесса. Вы умерли, барон Мюнхгаузен. Вы похоронены, у вас есть могила.

Мюнхгаузен. Придется снести!

Бургомистр. Я прикажу не пропускать вас в город!

Мюнхгаузен. Тогда я передам дело в суд.

Рамкопф. Вы проиграете процесс!

Мюнхгаузен. Посмотрим!

Бургомистр. А пока я вынужден вас арестовать как самозванца! Бургомистр не может позволить всяким садовникам посягать на святые имена!

Мюнхгаузен (*печально*). Вы изменились за эти годы, бургомистр!

Бургомистр. А вы, к сожалению, этого не сделали... (*Кричит.*) Фельдфебель!

Из-за кулис несется эхо: «Фельдфебелы! Фельдфебелы!» Вбегает Фельдфебель.

Арестуйте этого господина!

Фельдфебель. Слушаюсь! (*Выхватывает шпагу.*) Я ему говорил, что здесь гулять запрещено... (*Подходит к Мюнхгаузену, вглядывается.*) Господи, да ведь это...

Бургомистр. Кто?!

Фельдфебель. Да ведь это...

Бургомистр. Кто?!

Фельдфебель. Не могу знать!

Эхо вторит ему из-за кулис.

Затемнение

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Помещение Ганноверского суда.

В центре, лицом к зрителям, — ганноверский Судья. Справа от него — Рамкопф. Чуть спереди — скамья для свидетелей, на ней Баронесса, Феофил, Бургомистр. Слева, под охраной Фельдфебеля, — Мюнхгаузен.

Сначала все стоя дослушивают последние аккорды гимна, который исполняет Музыкант на клавишине, затем все рассаживаются.

Судья. Начинаем второй день судебного заседания по делу садовника Миллера. Слово — представителю обвинения. Прошу вас, господин Рамкопф.

Рамкопф. Уважаемый суд! Могу смело сказать, что за процессом, который происходит в нашем городе, с затаенным дыханием следит сегодня вся Европа. Популярность покойно-

го барона Мюнхгаузена столь велика, что, естественно, появилось немало мошенников, стремящихся погреться в лучах его славы. Один из них сидит передо мной на скамье подсудимых. Воспользовавшись своим внешним сходством с покойным бароном, овладев его походкой, голосом и даже отпечатками пальцев, подсудимый коварно надеется, что будет признан тем, кем не является на самом деле. Уже вчера мною приводились неопровержимые факты, отвергающие эти притязания: справка о смерти барона, выписка из церковной книги, квитанция на гроб! Все это подсудимый считает неубедительным... Что ж?.. Доведем расследование до конца. Послушаем голоса родных и близких... Вызываю в качестве свидетельницы баронессу Якобину фон Мюнхгаузен!

Судья. Баронесса, прошу вас подойти сюда.

Баронесса подходит.

Поклянитесь на Святом писании говорить только правду.

Баронесса. Клянусь!

Рамкопф. Свидетельница, посмотрите внимательно на подсудимого. Знаком ли вам этот человек?

Баронесса. Да.

Рамкопф. Кто он?

Баронесса. Садовник Миллер.

Рамкопф. Откуда вы его знаете?

Баронесса. Он поставляет цветы на могилу моего супруга.

Рамкопф. Простите за такой нелепый вопрос: а не похож ли он на покойного барона? Присмотритесь повнимательней...

Баронесса. Некоторое сходство есть, но очень незначительное. Карл был выше ростом, шире в плечах... другой взгляд... Он носил усы.

Рамкопф. Усы можно отрастить.

Баронесса. Можно отрастить бороду — все равно я не признаю в нем Мюнхгаузена!

Рамкопф. Благодарю вас! У меня больше нет вопросов.

Судья. Подсудимый, вы хотите задать вопрос свидетельнице?

Мюнхгаузен. Да, господин судья. *(Встает.)* Простите, сударыня, как вас зовут?

Баронесса. Не понимаю.

Мюнхгаузен. Меня интересует ваше имя!

Рамкопф. Протестую!

Мюнхгаузен. Почему? Это тайна?

Баронесса. Мое имя, сударь, Якобина фон Мюнхгаузен!

Мюнхгаузен. А как вы можете доказать, что вы та, за кого себя выдаете?

Рамкопф. Протестую!

Судья. Отвожу ваш протест, обвинитель! *(Мягко.)* Подождите, это интересно...

Мюнхгаузен. Я спрашиваю: чем вы можете доказать, что вы баронесса Якобина фон Мюнхгаузен, супруга знаменитого барона?

Баронесса. По-моему, это излишне доказывать. Меня тут все знают... Есть бумаги, документы... Это — издевательство!

Мюнхгаузен. Отнюдь! Я иду тем же логическим путем, что и наш уважаемый суд... Документы ничего не доказывают, они могут быть присвоены, свидетели могут ошибаться — вы очень похожи на настоящую баронессу...

Баронесса. Что значит «похожа»? Я есть я!

Мюнхгаузен. Это надо доказать!.. Если взять портреты баронессы, те, что висят в спальне и гостиной, то свидетельница на них мало похожа... Та баронесса и моложе, и красивей. Если взять платья баронессы, то свидетельница в них просто не влезет!

Баронесса. Влезу!

Мюнхгаузен. Но каким путем?! В двойном корсете! Честный человек так поступать не станет!..

Рамкопф. Неслыханно! Я протестую!

Судья. Протест принимается. Вы свободны, баронесса.

Мюнхгаузен. Я протестую! До тех пор, пока не установлена личность свидетельницы, вы не должны называть ее баронессой...

Судья. Успокойтесь, подсудимый! Лишаю вас слова! *(Баронессе.)* Вы свободны... сударыня.

Возмущенная Баронесса проходит на свое место.

Рамкопф. Вызываю в качестве свидетеля господина Феофила фон Мюнхгаузена.

Феофил *(испуганный и взволнованный, выходит вперед, кладет руку на Библию)*. Клянусь!

Мюнхгаузен. В чем?

Судья. Подсудимый, вопросы потом! *(Феофилу.)* Вы клянетесь говорить правду, не так ли?

Феофил. Да.

Р а м к о п ф. Господин барон, знаете ли вы подсудимого?
Ф е о ф и л. Нет.

Р а м к о п ф. Можете ли вы хоть отдаленно признать в нем своего покойного родителя?

Ф е о ф и л. Никогда!

Р а м к о п ф. Достаточно! Я прошу суд избавить ранимую душу юноши от дальнейших расспросов.

М ю н х г а у з е н. Почему же? Я бы тоже хотел кое о чем спросить.

С у д ь я. Подсудимый, если вы еще раз собираетесь поставить под сомнение личность свидетеля...

М ю н х г а у з е н (*перебивая*). Нет, нет, к сожалению, это действительно мой сын.

Р а м к о п ф. Протестую!

М ю н х г а у з е н. Извините — сын барона!.. Хотя это звучит также парадоксально. Но очевидно, в этом есть какое-то непонятное свойство природы: вино переходит в уксус, Мюнхгаузен — в Феофила...

С у д ь я. Говорите по существу!

М ю н х г а у з е н. Да, да... Это я и собираюсь. Я хочу спросить у молодого барона: что вы знаете о своем отце?

Ф е о ф и л. Не понимаю...

М ю н х г а у з е н. Ну, каким он был?

Ф е о ф и л. Он был героем!

М ю н х г а у з е н. Так.

Ф е о ф и л. Он был путешественником, охотником...

М ю н х г а у з е н. Еще?..

Ф е о ф и л (*неуверенно*). Ну... еще... кавалеристом...

М ю н х г а у з е н. Все?

С у д ь я. Не понимаю, что вы хотите от свидетеля?

М ю н х г а у з е н. Я хочу обратить внимание суда на то, что свидетель знает о бароне только то, что напечатано в книжке.

Ф е о ф и л. Неправда!

М ю н х г а у з е н. Тогда свидетель, может быть, сообщит об отце свои личные наблюдения?.. Что он пил по утрам: чай или молоко? Какой предпочитал табак? Какую песню любил напевать, возвращаясь с охоты? О чем мечтал?..

Феофил молчит.

Нет, свидетель ничего этого не знает... С детства он был отгорожен матерью от губительной дружбы с отцом и, будучи послушным мальчиком, не искал этой дружбы. Может ли

теперь он узнать или не узнать меня? Его память об отце не больше, чем память табуретки о дубовой роще...

Феофил (*вспыхнув*). Ненавижу! Дуэль! Немедленно! Стреляться через платок!

Рамкопф. Протестую!

Судья. Прекратить! Свидетель, вы свободны.

Феофил. Дуэль! Я прошу дуэли!

Судья. Вы не можете стреляться с обвиняемым: вы — барон, он — садовник. Сядьте на место!

В отчаянии Феофил садится на свое место.

Рамкопф. Прошу господина бургомистра.

Бургомистр. Извиняюсь, господин Рамкопф, но я бы хотел уклониться от этой неприятной обязанности.

Судья. Это невозможно! Вы были другом покойного барона, ваши показания необходимы.

Бургомистр. Господин судья, я старый человек. Избавьте меня от этой муки... У меня слабые глаза и совершенно ненадежная память. Я могу ошибиться...

Судья. Но вы узнаете в подсудимом барона или нет?

Бургомистр. Не знаю!.. Честное слово... Иногда мне кажется, что это он, иногда — нет... Могу ли я полагаться на свои личные ощущения в таком важном деле?.. Полностью доверяю суду. Как решите, так и будет!

Баронесса. Какой позор! И это — наш бургомистр!

Бургомистр. Извините, баронесса... Извините, подсудимый... Я — на службе. Если решат, что вы Мюнхгаузен, я упаду вам на грудь, если Миллер — посажу за решетку. Вот все, что я могу для вас сделать...

Судья. Садитесь, свидетель.

Бургомистр садится.

Господин обвинитель, у вас все?

Рамкопф. По-моему, достаточно.

Судья. Подсудимый, нет ли у вас свидетелей в вашу защиту?

Мюнхгаузен. Слуга Томас.

Рамкопф. Протестую! Мы устанавливаем личность барона, и показания свидетелей низкого происхождения не имеют юридической силы.

Судья. Протест удовлетворен. (*Мюнхгаузену.*) Других свидетелей нет?

В суд вбегает Марта.

М а р т а. Есть, ваше превосходительство!
Р а м к о п ф. Прошу сделать перерыв! Мне плохо...
С у д ь я. Объявляется перерыв на десять минут! (*Начинает собирать бумаги.*)

Фельдфебель уводит Мюнхгаузена. Рамкопф бросается к Марте.

Р а м к о п ф. Фрау Марта, зачем вы явились?

М а р т а. Я хочу сказать правду.

Р а м к о п ф (*взволнованно*). Будьте благоразумны. Если он раскается, мы добьемся помилования. Иначе — десять лет тюрьмы. Подумайте!

М а р т а (*твердо*). Я скажу правду!

Р а м к о п ф (*зло*). Тогда мы и вас привлечем к ответственности как лжесвидетеля!

Б а р о н е с с а (*подойдя к ним*). Успокойся, Генрих! Если человек хочет сказать правду, он имеет на это право. (*Марте.*) Мне бы только хотелось знать, какую правду вы имеете в виду?

М а р т а. Правда одна.

Б а р о н е с с а. Правды вообще не бывает. Правда — это то, что в данный момент считается правдой... Хорошо! Вы скажете суду, что он — Мюнхгаузен. Но разве это так?.. Этот сытый торговец, этот тихий семьянин — Мюнхгаузен?.. Побойтесь бога!.. Нет, я не осуждаю вас, фрау Марта, наоборот — восхищаюсь. За три года вам удалось сделать из моего мужа то, что мне не удалось и за двадцать. Но теперь, когда мы совместными усилиями добились успеха, зачем начинать все сначала?

М а р т а. Я люблю его.

Б а р о н е с с а. И поэтому ушли из дома? И только поэтому?

М а р т а. У каждого своя логика, сударыня. Вы понимаете, что можно выйти замуж не любя. Но чтобы уйти любя — вам понять не дано!

Б а р о н е с с а (*вспыхнув*). А что она ему дала, ваша любовь? Серую жизнь, теперь — скамью подсудимых... А завтра — тюрьму или... смерть!

М а р т а. Смерть?

Р а м к о п ф. Имейте в виду, фрау Марта, если судебное расследование зайдет в тупик, мы будем вынуждены пойти на крайнюю меру. Мы проведем экспертизу! Бросим его в болото или заставим прокатиться на ядре... На настоящем ядре, фрау Марта!

М а р т а (*печально*). Господи! Неужели вам обязательно надо убить человека, чтобы понять, что он — живой?..

Р а м к о п ф. У нас нет выхода. А теперь, когда вы знаете все, решайте... (*Кричит за сцену.*) Фельдфебель, приведите подсудимого!

Б а р о н е с с а (*Марте*). И мой вам совет — не торопитесь стать вдовой Мюнхгаузена. Это место пока занято.

Фельдфебель вводит М ю н х г а у з е н а.

Пойдем, Генрих! Оставим садовника с женой наедине.

Баронесса и Рамкопф уходят. Рамкопф по пути останавливает Фельдфебеля.

Р а м к о п ф (*Фельдфебелю*). Будь здесь. И запомни все, о чем говорили.

Ф е л ь д ф е б е л ь. Слушаюсь! (*Прячется за клавиш.*)
Марта и Мюнхгаузен бросаются навстречу, говорят, перебивая друг друга.

М а р т а. Карл, милый мой, родной, хороший...

М ю н х г а у з е н. Марта, поздравь! Я оживаю...

М а р т а. Прости меня.

М ю н х г а у з е н. За что? Все было сделано великолепно. Я просыпаюсь, в доме никого нет, только записка: «Прости, дорогой, но мне все осточертело!» Лучшее любовное послание за всю мою жизнь.

М а р т а. Если хочешь, давай вернемся... Я согласна терпеть.

М ю н х г а у з е н. Меня?! «Две поливки, три поливки...»
Опять жить этой растительной жизнью? Никогда!

М а р т а. Тебе грозит тюрьма.

М ю н х г а у з е н. Чудное место! Там Овидий и Сервантес, мы будем перестукиваться...

М а р т а (*печально*). Карл, ты не знаешь самого главного... Они ни перед чем не остановятся. Они придумали какую-то страшную экспертизу...

М ю н х г а у з е н (*радостно*). Накопец-то! Настоящее дело! Это я и сам хотел предложить. Ты не представляешь, как мне надоел этот суд! Чем я занимаюсь? Крючоктворствую, цепляюсь за слова... Дело! Докажем делом!

М а р т а (*кричит*). Они убьют тебя! Понимаешь? Убьют насмерть!

М ю н х г а у з е н (*растерянно*). Насмерть?.. Зачем?.. (*Задумался.*) Впрочем, этого надо было ожидать... Ты знаешь, Марта, почему я перестал быть Мюнхгаузеном? Потому что

тогда в кабинете, три года назад, выстрелил в воздух. Такой отличный стрелок, а в себя не попал... Они мне этого никогда не простят... Что ж... Будем честными до конца!

Марта. Нет, милый. На это я не соглашусь. Видно, уж такая моя судьба: в самый трудный момент — отступать. Я буду свидетельствовать, что ты — Миллер. Я предаю тебя!

Мюнхгаузен (*грустно*). Не делай этого, Марта.

Марта (*обреченно*). Ты — Миллер, садовник, я — твоя жена Марта Миллер, нас обвенчали в сельской церкви, у нас родился мальчик...

Мюнхгаузен (*сжал ей руку*). Тихо! Не торопись... (*Оглянувшись на подслушивающего Фельдфебеля.*) Господин фельдфебель, вам хорошо слышно?

Фельдфебель. Не очень.

Мюнхгаузен. Сейчас мы подойдем поближе. (*Марте.*) Пойдем, милая. Надо все спокойно обсудить.

Они подходят к клавесину. Марта и Мюнхгаузен садятся за клавесин, начинают тихо играть в четыре руки. Это какая-то странная, печальная мелодия. Фельдфебель изумленно наблюдает за ними. Вбегает Рамкопф.

Рамкопф. Что это? Зачем?

Фельдфебель. Не могу знать! Они как-то не по-нашему разговаривают.

Музыка звучит громче и тревожней.

Затемнение

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Поляна в березовой роще. Здесь, в глубине сцены, на возвышении установлена огромная пушка. Возле нее — ядра, бочки с порохом. К стволу пушки приставлена лестница. Пушку охраняет Фельдфебель. В кустах стоит клавесин. За ним Музыкант. Появляется Томас с большим узлом. Подходит к Фельдфебелю.

Томас. Скоро начнут?

Фельдфебель. Скоро.

Томас (*оглядев пушку*). Какой калибр?

Фельдфебель. Тридцать дюймов.

Томас. Нормально! (*Показав узел.*) Вот собрал ему кое-что в дорогу... Как думаешь, разрешат?

Фельдфебель. Разрешат. Путь-то не близкий...

(Смотрит на небо.) Как он доберется?.. Облака... Луны не видно.

Т о м а с. Когда видно, и дурак долетит. Барон любит, чтоб потруднее.

За сценой шум. Вбегает Ф е о ф и л, за ним — Б а р о н е с с а и Р а м к о ф.

Б а р о н е с с а. Фео, успокойся! Умоляю!

Ф е о ф и л. Оставьте меня! (Решительно направляется к пушке.)

Фельдфебель преграждает ему путь.

Ф е л ь д ф е б е л ь. Туда нельзя, господин барон!

Ф е о ф и л. Пропустите! Я имею право!

Б а р о н е с с а. Фео, не сходите с ума!

Ф е о ф и л. Хватит! Я всю жизнь не сходил с ума... Мне это надоело. А вдруг он долетит и мы снова в дураках? Нет! Такой случай упускать нельзя. Я полечу вместе с ним!

Р а м к о ф. Не будьте идиотом! Во-первых, вы вдвоем не поместитесь... Во-вторых... (Огляделся.) Есть одно обстоятельство... Никакого полета не будет...

Ф е о ф и л. Что это значит?

Р а м к о ф. Это судебная тайна.. Я не хотел ее разглашать. Но, видно, придется... Мы положили сырой порох...

Ф е о ф и л. Зачем?

Р а м к о ф. Ну, не убийцы же мы в самом деле... Он пролетит не больше двух сажений и шлепнется на землю. Все посмеются...

Ф е о ф и л. Какая низость! (Рамкофу.) Да вы подлец! (Выхватил шпагу.) Защищайтесь!

Р а м к о ф (кричит). Тихо! Если вы способны хоть немного думать, подумайте!.. Мы же спасем его!.. Убедится, что он Миллер, и вернется к своим цветочкам... Или вы хотите его смерти?!

Ф е о ф и л (после паузы). Нет, Рамкоф... Я не хочу его смерти. И главным образом потому, что вы будете стоять в почетном карауле.

Они с ненавистью смотрят друг на друга. Входят Судья и Пастор.

С у д ь я. Все готово, господин Рамкоф?

Р а м к о ф. Да, ваше превосходительство! (Фельдфебелю.) Приведите подсудимого!

Ф е л ь д ф е б е л ь. Слушаюсь! (Уходит.)

Р а м к о п ф (*Судье*). Пока все идет по плану... Ровно в семнадцать ноль-ноль — залп, затем танцы, народное гулянье...

С у дья. Очень хорошо! (*Всем.*) Господа, прошу отойти на безопасное расстояние. И во время экспертизы соблюдать полное спокойствие!

П а с т о р. Господи, прости всех нас!

Все отходят. Появляется заплаканная Марта, встает рядом со всеми.

Р а м к о п ф. Фрау Марта, вы принесли ходатайство о помиловании?

М а р т а. Да. (*Протягивает бумагу.*)

Р а м к о п ф. Ну-ка... (*Читает.*) «...Ваше величество, я, Марта Миллер, припадаю к вашим стопам...» Так... так... «Мой ненормальный муж...» Так. Все очень хорошо! (*Дает ей перо.*) Вот тут распишитесь. Здесь — число... Сегодня — тридцать второе.

М а р т а. Господин Рамкопф, разрешите хоть поставить другую дату.

Р а м к о п ф. Нет, нет... Во всем должна быть точность!

М а р т а. Но вы обещаете... Он не погибнет?

Р а м к о п ф. Ну разумеется. Я же объяснял. Максимум — легкие ушибы...

Марта подписывает бумагу. Фельдфебель вводит Мюнхгаузена.

С у дья. Подсудимый! Объявляю вам наше решение: Ганноверский суд в целях установления вашей личности и во избежание судебной ошибки предлагает вам повторить при свидетелях известный подвиг барона Мюнхгаузена — полет на Луну!.. Вам понятны условия экспертизы?

М ю н х г а у з е н. Да, ваше превосходительство. Тем более что это уже и приговор.

С у дья. Вы еще имеете право отказаться.

М ю н х г а у з е н. Нет, я согласен.

П а с т о р. Сын мой, это испытание очень опасно. Вы не хотите исповедаться?

М ю н х г а у з е н. Нет! Я это делал всю жизнь, мне никто не верил.

П а с т о р. Прошу вас, облегчите свою душу...

М ю н х г а у з е н. Это случилось само собой, пастор! У меня был друг — он меня предал, у меня была любимая — она отреклась. Я улетаю налегке...

М а р т а. Прости меня, Карл! Я это сделала ради нашей любви!

М ю н х г а у з е н. Наверное... Но я как-то перестал в нее верить. Помнишь, когда мы были у Архимеда, он сказал: «Любовь — это теорема, которую надо каждый день доказывать!» Скажи мне что-нибудь на прощанье!

М а р т а. Что?

М ю н х г а у з е н. Подумай. Всегда найдется что-то важное для такой минуты...

М а р т а. Я буду ждать тебя...

М ю н х г а у з е н. Нет, нет, не то...

М а р т а. Я очень люблю тебя!

М ю н х г а у з е н. Не то!

М а р т а (*кричит*). Карл! Они положили сырой порох!

Б а р о н е с с а. Мерзавка! Убийца!

П а с т о р. Что вы наделали, Марта!

М ю н х г а у з е н (*повысив голос*). Отстаньте от нее!.. Молодец, Марта!.. Пусть завидуют!.. У кого еще есть такая женщина?! (*Рамкопфу*.) Как это понять, господин Рамкопф? За такие шуточки на фронте вешали!

С у дья. Подсудимый, ведите себя...

М ю н х г а у з е н (*перебивая*). Я веду себя достойно, ваше превосходительство! Чего не скажешь о судьях! Впрочем, я и не надеялся на вашу честность... (*Томасу*.) Томас, ты принес то, что я просил?

Т о м а с. Да, господин барон! (*Протягивает узел*.)

М ю н х г а у з е н (*достав из узла бочонок с порохом*). Вот этот сухой, проверенный... От такого — целый полк взлетит в небо!

С у дья. Ну, как знаете!.. Если вы столь безрассудны... Фельдфебель, перезарядите пушку!

Фельдфебель берет бочонок с порохом, засыпает в ствол.

М ю н х г а у з е н. Прощайте, господа! Сейчас я улечу, вам недолго осталось ждать. Мы вряд ли увидимся. Когда я вернусь, вас уже не будет. Дело в том, что на небе и на земле время летит не одинаково. Там — мгновенье, здесь — проходят века. Все относительно. Впрочем, это долго объяснять... Прощайте! (*Направляется к пушке*.) Черт возьми, как надоело умирать...

Бегает Б у р г о м и с т р, в руках у него мундир Мюнхгаузена, его парик и депеша.

Б у р г о м и с т р (кричит). Остановитесь, барон! (Всем.) Господа! Его величество признал в подсудимом барона Мюнхгаузена! (Сует депешу Судье.) Читайте! (Мюнхгаузену.) Карл, дайте я вас обниму! (Бросается к Мюнхгаузену с объятиями.)

С у д ь я (просматривая депешу). Действительно! «...Приказываю считать Мюнхгаузенном...» Как же мы сразу не догадались?!

Б у р г о м и с т р (подавая Мюнхгаузену мундир). Одевайтесь, одевайтесь, барон! Вас ждет внизу карета. Город с восторгом встретит своего героя! (Напяливает на него парик.)

Б а р о н е с с а (словно впервые увидев Мюнхгаузена). Это — он! Карл, я узнаю тебя! (Сыну.) Фео, что ты стоишь? Разве не видишь? Это твой отец!

Ф е о ф и л (кричит). Па-па! (Падает перед Мюнхгаузенном на колени.) Я узнал вас. Я восхищен вами!

Б у р г о м и с т р (оттаскивает Феофила). Фео! Вы честный юноша. Вы искренне любите и искренне ненавидите, но не делайте этого слишком часто!

П а с т о р (обращаясь к небу). Господи! Ты совершил чудо!

Р а м к о п ф. Поздравляю вас, барон!

М ю н х г а у з е н. С чем?

Р а м к о п ф. С успешным возвращением с Луны.

М ю н х г а у з е н. Я не был на Луне.

Р а м к о п ф. Как это — не был, когда есть решение, что был?.. Сейчас прозвучит залп, его услышат в городе... Это значит: вы слетали и вернулись... Завтра об этом сообщат газеты. Да мы все свидетели.

М а р т а. Это неправда.

Б а р о н е с с а. Боже, какой примитив! Нет, сударыня, на этот раз я не уступлю. Если у вас не хватает воображения, то соображать надо. Мой муж летал! Летал!

С у д ь я. Не усложняйте, господа, не усложняйте. (Фельдфебелю.) Залп немедленно!

Фельдфебель подносит залп, пушка стреляет.

Р а м к о п ф. Вот и все! Виват Мюнхгаузену!

В с е. Виват! Виват! Виват!

М ю н х г а у з е н (орет). Прекратите!.. Господи, как вы мне надоели!.. Поймите же, что Мюнхгаузен славен не тем, что летал или не летал, а тем, что не врет. Я не был на Луне. Я только туда направляюсь. А раз вы помешали мне улететь,

придется идти пешком. Вот по этой лунной дорожке. Это труднее! На это уйдет целая жизнь, но придется... Марта, ты готова?

М а р т а. Конечно, Карл.

М ю н х г а у з е н. Пошли. *(Берет ее за руку.)* А ты, Томас, ступай домой и готовь ужин. Когда мы вернемся, пусть будет шесть часов.

Т о м а с. Шесть вечера или шесть утра, господин барон?

М ю н х г а у з е н. Шесть дня.

Т о м а с. Слушаюсь.

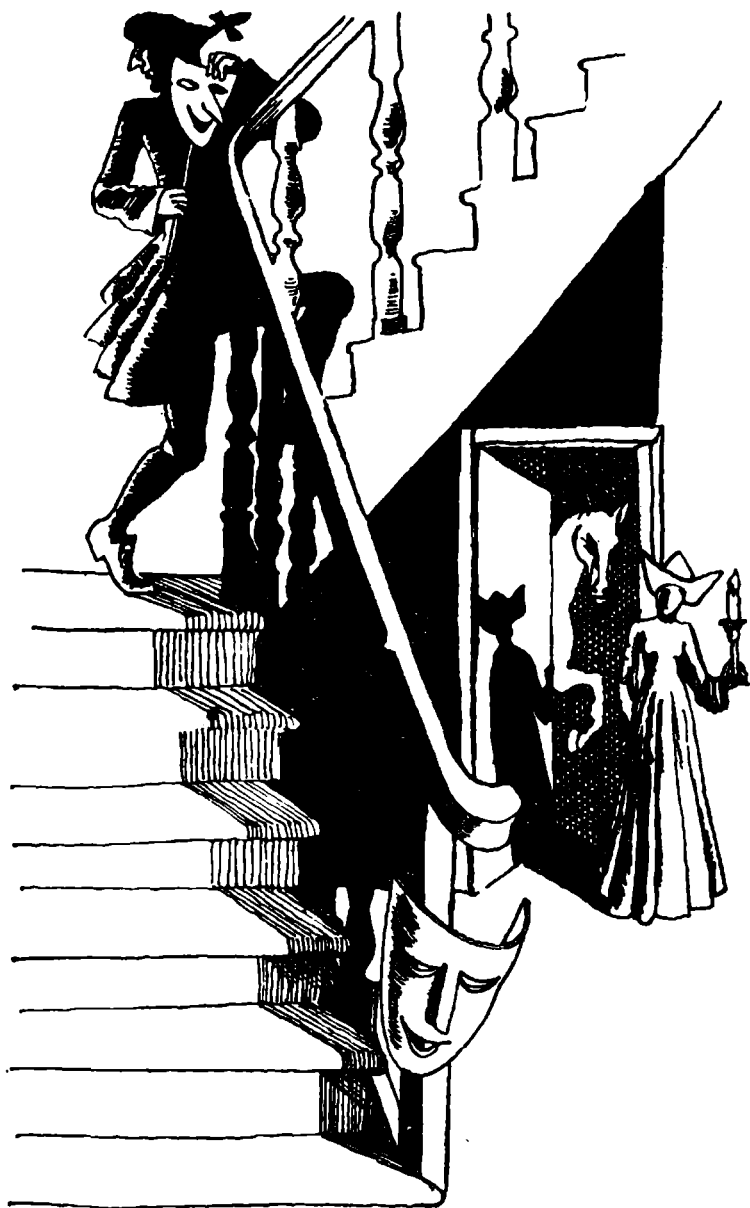
М ю н х г а у з е н *(оборачивается)*. Я понял, в чем ваша беда. Вы слишком серьезны. Серьезное лицо — еще не признак ума, господа. Все глупости на Земле делаются именно с этим выражением. Вы улыбайтесь, господа, улыбайтесь! *(Уходит с Мартой все выше и выше по лунной дорожке.)*

З а н а в е с

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ СВИФТ

Театральная фантазия в двух частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джонатан Свифт.
Доктор Ричард Симпсон.
Эстэр Джонсон — сестра милосердия.
Ванесса Ваномри — сестра милосердия.
Патрик — дворецкий.
Судья Бигс.
Губернатор.
Епископ.
Первый дилипут.
Второй дилипут.
Великан Глюм.
Некто.
Лапутянин.
Рыжий констебль.
Черный констебль.
Горожане, актеры, члены
Опекунского совета, музыканты.

Время и место действия: 1745 год, Дублин.

Распределяя работу своего мозга, я считал наиболее правильным сделать господином вымысел, а методу и рассудку поручить обязанности лакеев. Основанием для такого распределения была одна подмеченная у меня особенность: я часто испытываю искушение быть остроумным, когда уже не в силах быть ни благоразумным, ни здравомыслящим...

Джонатан Свифт

ПРОЛОГ

Дублин. Площадь перед собором святого Патрика. Печальный перезвон колоколов... Несколько горожан остановились, опустили головы, мужчины сняли шляпы. Из кареты выглянул молодой человек в дорожном костюме. Это — Доктор Симпсон.

Доктор.

Эй, господа, скажите, что случилось?

По ком вдруг колокол печально зазвонил?

Кто умер?

Первый горожанин. Умер Свифт.

Доктор. Кто?

Второй горожанин.

Мистер Свифт. Декан собора
Святого Патрика...

Первый горожанин (*печально*).

Заступник наш и добрый покровитель

Обиженных, убогих и несчастных...

Доктор. Как жаль... Когда случилось это?

Первый горожанин. Сегодня, как обычно, в пять часов...

Доктор (*вздрыгнул*). Что значит «как обычно»?

Первый горожанин. Как обычно...

Доктор. Ты думаешь, болван, что говоришь?!

Горожанка.

Ах, сударь, вы издалека, наверное?

Не знаете характера декана.

Он — очень пунктуальный человек,

Во всем порядок любит, аккуратность,

И если переходит в мир иной,

То ровно в пять, хоть проверяй часы...

Доктор. Так жив он?

Первый горожанин. Кто?

Доктор. Декан!

Первый горожанин. Как «жив», когда вам говорят, что «умер».

Горожанка.

Уж и в газетах было извещение,

И колокол собора затрезвонил...

Первый горожанин. Да вот он сам идет.

Доктор. Кто?!!

Первый горожанин. Свифт. Хоть у него спросите...

Молча проходит Свифт. На нем черная сутана с белым пятном четырехугольного жабо — традиционное одеяние служителей англиканской церкви.

Доктор. Простите, мистер Свифт!

Свифт остановился.

Я — доктор Симпсон. К вам сюда приехал из Лондона... По просьбе Опекунского совета... Чтоб, оказав вам помощь и лечение, избавить от душевного недуга... И вдруг мне эти люди говорят, что вы... простите... умерли...

Свифт молча кивнул.

Забавно! Но, извините, сэр, все это — бред! Навязчивая, глупая идея, которую мы мигом излечим, коль вы в лечение будете послушны... Вы слышите, о чем я говорю?

Свифт молча пошел прочь.

Ответьте, сэр! Скажите мне хоть слово...

Свифт уходит.

Первый горожанин (усмехнулся). Ну, доктор, вы неверящий Фома!

Горожанка.

Уж и в газетах было извещение,
И колокол трезвонит целый час,
А вы хотите говорить с покойным...

Доктор (*теряя терпение*). Послушайте, кто вы такие?

Первый горожанин. Мы?!

Второй горожанин. Мы — гости сэра Свифта!

Горожанка.

Нас в дом его любезно пригласили,
Чтоб вместе с ним его же помянуть...

Доктор (*усмехнулся*). Ах, вот как? Значит, вы безумны
тоже?

Горожанка. Конечно, сударь. Вы-то разве — нет?

Горожане с интересом разглядывают Доктора.

Доктор (*отшатнулся*). Подите прочь! (*Прыгнул в карету.*)

Карета отъехала. Горожане провожали ее недоуменными взглядами.

Первый горожанин. Какой-то странный доктор...

Все засмеялись.
Звук колокола усиливается.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

І. ГОСТИ ДОМА СВИФТА

Звон разбитого стекла. Камень, брошенный с улицы, влетел в одну из зал большого дома Джонатана Свифта. Множество окон и дверей, в глубине — крутая лестница, уходящая куда-то вверх. Появился дворецкий Патрик, человек средних лет, с бесстрастным лицом, стал сметать разбитое стекло. Следом в залу вошла сестра милосердия и домоправительница мисс Ванесса. Подошла к бюро, достала журнал.

Ванесса (*записывая*). «5 октября. В доме Джонатана Свифта разбито оконное стекло...»

Патрик (*мрачно*). Осмелюсь добавить, четвертое за неделю...

Ванесса (*записывая*). «Четвертое за неделю»... Честно говоря, Патрик, после воскресной проповеди декан ожидал большого успеха... И камень мелковат...

Патрик (*поднимая камень*). Смеею не согласиться, мисс Ванесса. Для меня этого булыжника вполне достаточно... (*Убрал камень в сундучок.*)

Ванесса. В доме много гостей?

Патрик. Как обычно, мисс Ванесса.

Ванесса. Кто именно?

Патрик. Я не всех знаю... Великан Глюм... Какие-то люди с летающего острова... Лошади...

Ванесса (*поправляя*). Гуингнмы, Патрик. Я же объясняла...

Патрик. Извините, гуингнмы... Потом, этот... который живет вечно...

Ванесса. Мистер Некто?..

Патрик. Да. И лилипуты, мисс... Под ногами все время шмыгают лилипуты... Мешают работать...

В а н е с с а. Направляйте всех в сад. Я хочу, чтобы мистер Свифт мог спокойно здесь выпить чай...

П а т р и к. Я объясняю, но разве они слушают... В окна заглядывают, в двери лезут... И лилипуты, мисс, все время шмыгают лилипуты... У лакеев тоже есть нервы!

В а н е с с а. Я это помню! Особенно когда плачу вам жалованье...

Ванесса уходит. Патрик готовит чай: выкатил столик, зажег спиртовку. В одной из дверей появляется печальная фигура, одетая довольно странно — английский котелок, сюртук, внизу что-то среднее между юбкой и туникой. На ногах обувь, напоминающая древнегреческие сандалии. Это — м и с т е р Н е к т о.

Н е к т о. Добрый вечер, Патрик.

П а т р и к. Добрый вечер, сэр. Всех просили спуститься в сад...

Н е к т о. А может быть, сейчас утро?

П а т р и к. Вполне может быть, сэр. Просили спуститься...

Н е к т о. Тогда — доброе утро!

П а т р и к. Доброе утро, сэр. *(Пытается его выпроводить.)*

Н е к т о *(упираясь)*. А число? Какое число?

П а т р и к. Пятое октября.

Н е к т о. А год?

П а т р и к *(теряя терпение)*. Вы спрашивали об этом уже утром!

Н е к т о. Да?.. Не помню. А утром какой был год?

П а т р и к. 1745-й!

Н е к т о. До рождества или после?

Патрик, явно потеряв терпение, подошел к Некто, вытолкнул его в одну из дверей. Через секунду Некто появился из другой двери. В третью дверь сильно постучали. Патрик открыл дверь и увидел два огромных башмака.

Патрик поднял голову, обращаясь к невидимому хозяину башмаков.

П а т р и к. Мистер Глум, вас просили не приходите сюда! Тем более в грязной обуви. Пройдите в сад... Что?.. Что? Не слышу! Нагнитесь... Я вас прошу... *(Обращаясь к Некто.)* Может быть, хоть один раз он стукнется головой... *(Снова обращается наверх.)* Нет! Не прискакивал ваш Ланцелот! *(Кричит.)* Рыцарь Ланцелот не прискакивал! Не приска... Нет, сэр, я не буду бегать к вам за каждым словом на третий этаж!..

Н е к т о. Ланцелот?.. Он сказал: «Ланцелот»? Откуда «Ланцелот»? Разве мы в средневековье?

П а т р и к *(отмахиваясь)*. Вполне может быть! *(Старает-*

ся закрыть дверь, огромный башмак ему мешает.) Уберите ногу, сэр!!

В открытое окно просунулся странный человек в кожаном пальто. Это — Лапутянин.

Лапутянин. Остров в районе Манчестера... Он приближается к нам!

Патрик. Какой остров?

Лапутянин. Летающий...

Патрик. Извините, сэр, мне это неинтересно! *(Захлопывает окно.)*

Некто *(Патрику)*. Не сердитесь на меня, господин дворецкий. Я всего лишь пытаюсь сориентироваться во времени. Когда человек живет на земле вечно, как я, время спрессовывается в голове и года наслаиваются друг на друга. Иногда я просто не могу понять, в каком я тысячелетии... Где мы сейчас, Патрик?

Патрик *(стараясь сдержать гнев)*. Сэр, я разливаю чай! Нельзя приставать с такими idiotскими вопросами к людям, у которых в руках кипятилок...

Некто. С кем же мне поговорить?

Патрик *(взял Некто за руку, подошел к окну)*. Видите — растет дуб?.. Вон тот, огромный... Прекрасный собеседник для вас: ему тоже лет пятьсот...

Некто. Уже пятьсот? Боже! Я ведь помню его еще желудом...

Патрик уронил чайник. В окне появились смеющиеся физиономии горожан.

Патрик *(сдерживаясь)*. Вы добились своего, сэр. Чай испорчен!..

Взял Некто за шиворот, вытолкнул его в дверь. Однако дверь вновь открылась, вошел Доктор Симпсон в дорожном костюме, с чемоданчиком в руках.

Доктор. Добрый день! Я — доктор...

Патрик, сжав кулаки, надвигается на него.

Патрик. Извините, сэр, но на вас у меня вежливости не осталось. *(Заорал.)* В сад!!

Доктор *(растерянно)*. Я — доктор Симпсон...

Патрик. Всем в сад!!! И если я увижу еще хоть одного мерзавца... *(Тут до него доходит смысл слов.)* Простите, сэр, как, вы сказали, вас зовут?

Доктор. Доктор Симпсон. Психиатр...

Патрик. О, простите, доктор. Очень рад. Меня предупредили, что вы должны приехать...

Доктор. И поэтому вы меня толкнули в грудь?

Патрик. Еще раз простите, сэр. Но у лакеев есть нервы... То, что здесь происходит...

Доктор. А что здесь происходит?..

Патрик. Сумасшедший дом! Обыкновенный сумасшедший дом!

Доктор (*глядя в окно*). Я бы этого с уверенностью не сказал... Я работал в подобных заведениях, однако у вас все выглядит как-то иначе... Эти люди не похожи на больных!

Патрик (*обрадованно*). И у меня такое же подозрение! Жулики, сэр! Жулики и проходимцы!

Доктор. Зачем же вы их пускаете?

Патрик. Таков приказ декана, его последняя воля... Видите ли, сэр, когда наш дорогой хозяин в первый раз умер, он огласил завещание: дом и все средства передаются в пользу безумных!! Слышанное ли дело?.. Вы понимаете, что началось в Ирландии?.. Со всей страны сюда двинулись дармоеды! И великаны, и гуингмы, и... летающие острова... И самое страшное — лилипуты...

Доктор (*с интересом взглянув на Патрика*). Кто?

Патрик. Лилипуты, сэр! По всему дому шмыгают лилипуты... Шмыг-шмыг... Мы ходим как цапли по болоту, боимся наступить... А ведь и у лакеев есть нервы...

Доктор. Успокойтесь, Патрик. Я постараюсь навести здесь порядок.

Патрик (*печально глядя на Доктора*). Сколько вам лет, сэр?

Доктор. Тридцать. Какое это имеет значение?

Патрик (*печально*). Предыдущему доктору тоже было тридцать. Ушел от нас — семидесяти... А проработал всего неделю...

Раздался звук колокольчика. В глубине залы показались Свифт и сестра Ванесса.

Прикажете доложить?

Доктор. Нет. Я бы хотел сначала понаблюдать со стороны...

Патрик. Но мне приказано доложить немедленно, как только появится доктор...

Доктор подошел к Патрику, что-то шепнул ему на ухо. Патрик по-военному щелкнул каблуками...

Браво, сэр! Такой человек был здесь необходим!

Поднял поднос с чаем, пошел навстречу Свифту и Ванессе.

Прошу вас, хозяин!.. Чай готов!..

Доктор прячется за книжным шкафом. Свифт садится за стол. Патрик появивается ему салфетку. Лицо Свифта безучастно.

Ванесса (*оглядываясь*). Доктор еще не появился?

Патрик. Появлялся, мисс Ванесса. (*Заметив недовольный взгляд Ванессы.*) Я хотел доложить, но доктор не позволил. Он сказал, что вначале хочет здесь осмотреться...

Ванесса (*недовольно*). Что это значит, Патрик? Вы обязаны выполнять мои распоряжения.

Патрик. Я объяснял это доктору, мисс. Но он сказал, что в присутствии доктора распоряжения медсестры теряют силу...

Ванесса. Вот даже как?.. Интересно... А как вы его вообще нашли, Патрик? Вам не показалось, что у нового доктора глуповатое лицо?

Патрик (*растерян*). Я бы этого не сказал...

Ванесса. Глуповатое и самодовольное. Во всяком случае, так говорят все, кто его видели... Вот и у декана такое же мнение. Не правда ли, ваше преподобие?

Свифт безучастен.

Совершенно с вами согласна... Впрочем, раз эта кандидатура одобрена Опекунским советом и губернатором, от нее многого ждать не приходится... Не правда ли, господин декан?

Свифт безучастен.

Очень остроумно подметили, сэр... Очень... (*Улыбается.*) И в этом я с вами согласна!..

Патрик (*нарочито громко*). Осмелюсь заметить, господин декан, что лично на меня новый доктор произвел хорошее впечатление. Уверенный взгляд, волевое лицо... Надеюсь, и слух хороший...

Ванесса (*сухо*). Мы учтем ваше мнение, Патрик. Ступайте!

Патрик. Слушаюсь! (*Сделал несколько шагов, но тут же споткнулся, словно боясь наступить на что-то невидимое.*) Кыш! Шмыгают тут, проклятые... Ну ничего! Немного вам осталось!.. (*Уходит.*)

Ванесса (*Свифту*). Если не возражаете, сэр, я могла бы на время чая ознакомить вас с сегодняшней почтой...

(Взяла поднос с письмами и газетами.) Здесь в основном отклики на вашу очередную кончину. Все газеты признают, что поминание в этом году проходит особо бурно... По всей Ирландии — манифестации. В Дублине отмечались уличные беспорядки... В связи с этим, выступая в парламенте, депутат Орнэрри заявил: «До каких пор декан Свифт будет издеваться над Британией?» Он даже выдвинул законопроект, запрещающий вам умирать! *(Улыбнулась.)* Законопроект провалился. Представитель оппозиции заявил, что Англия — демократическая страна, и если в ней нельзя свободно жить, то умирать каждый может, когда ему вздумается!.. *(Улыбнулась.)* Замечание в вашем духе, сэр, не правда ли?.. Письмо из Франции. Один из ваших поклонников передает отзыв Вольтера на ваше творчество: «Свифт — крупнейший сатирик нашего века, но сатира для него не просто жанр, а трагическая необходимость идейного неучастия в современности». Каково ваше мнение, сэр?

Свифт безучастен.

Да. Я тоже считаю, что это справедливо... Я так и напишу во Францию... *(Взяла следующее письмо.)* А это сообщение из Манчестера. Здесь астрономы наблюдали в небе странное овальное тело, напоминающее летающий остров или огромную тарелку... Тело движется в направлении Дублина. Газетами высказывается предположение, что оно движется в гости к вам. *(Улыбнулась.)* Какое невежество. Стоит подумать о новом памфлете...

Свифт сделал неопределенный жест.

Сэр, это опасно! Кругом столько дикости и предрассудков... У вас много врагов!.. Сегодня опять кто-то из этих мерзких «еху» разбил камнем окно!

Свифт нахмурился.

О, простите, сэр! Конечно, конечно... Я немедленно вышлю приглашение...

В открытом окне появилась женщина лет сорока. В ее руках — букетик полевых цветов. Зовут женщину Э с т э р Д ж о н с о н. Стараясь оставаться незамеченной, она начала устанавливать цветы в вазочку.

(Недовольно.) Мисс Джонсон, будьте добры, пройдите в сад.

Э с т э р *(нарочито вежливо)*. Добрый день, сестра. Очень рада вас видеть.

В а н е с с а. Я тоже, мисс Джонсон. Пройдите в сад, декан позже к вам выйдет.

Эстэр. Я принесла ему цветы.

Ванесса. Очень любезно. Но цветов в доме более чем достаточно.

Эстэр. Это полевые. Больше всех декан любит полевые цветы.

Ванесса (*начинает терять самообладание*). Вы отвлекаете декана, мисс Джонсон.

Эстэр. Я принесла к чаю пудинг. Его любимый пудинг с яблоками.

Ванесса. Декан не ест пудинг с яблоками. Уверяю вас, я не хуже знаю его привычки... Пожалуйста, пройдите в сад! (*Пытается задержать шторы, Эстэр мешая ей.*) Вы порвете шторы, мисс Джонсон!

Эстэр. Я сожью вам новые, сестра... Голубые в горошек... Они создают радостное настроение...

Ванесса. Меня не интересует ваш мещанский вкус, мисс Джонсон. Пройдите в сад, или я крикну слуг, и они вас выпроводят силой!..

Свифт нахмурился, резко встал из-за стола. Ванесса в испуге кинулась к нему.

Что с вами, декан? Ну, извините меня... Я и не думала обижать эту женщину. Вы же знаете, мы с симпатией относимся друг к другу. Мисс Джонсон, подтвердите!.. Вы же видите, декан — бледен. Ему вредно волноваться!

Эстэр печально отходит. Свифт делает попытку подойти к окну, Ванесса поспешно задергивает шторы.

Нет, сэр, пусть она уйдет... Это не Стелла. Я же вам объясняла, это просто одна из ваших безумных посетительниц. А Стелла умерла... Давно. Много лет назад. Вы же знаете... Эта женщина и не похожа на Стеллу. А если чуть и похожа, так что ж из этого? Я вообще всегда не понимала, как вам могла нравиться женщина с такой внешностью? У вас же тонкий вкус... (*Заметив гневный взгляд декана.*) О, простите, сэр! Я бестактна! Я сама не понимаю, что говорю...

Свифт молча пошел к выходу. Ванесса за ним.

Простите меня, сэр... Вы не допили чай... Ах, что я наделала...

Ванесса и Свифт уходят. Доктор выбирается из укрытия, недоуменно оглядывается. Смотрит по сторонам, разглядывает кабинет, картины. Делает несколько шагов и вдруг спотыкается. Внимательно смотрит под ноги... Затем садится в кресло за чайный столик.

Свет начинает гаснуть... Край стола, за которым сидел Свифт, стал стремительно расти и увеличиваться. Казалось, по скатерти на стол быстро вскарабкивается крохотный человечек...

2. ЛИЛИПУТЫ

Край стола. Огромная чашка с дымящимся чаем. Здесь же, рядом, на столе, — тарелка с недоеденным кремовым тортом. Десертная вилочка. На соседнем блюде пара кусков пиленого сахара. Горит огромная свеча...

По скатерти на стол вскарабкался Первый лилипут (то есть это вполне нормальный человек, но резко ощущается несоответствие с размерами чашки). Оглядывается. Потом подходит к чашке, примеряясь к ней. Чашка в два раза выше его роста. Тогда он подходит к кускам сахара, тяжело пыхтя, пытается приподнять один из кусков. Это у него не получается.

В это время на стол тихо взбирается Второй лилипут, секунду наблюдает за Первым.

Второй. Сладенького захотелось?

Первый (*испуганно*). Кто здесь? Это ты, Рельб?

Второй. А ты как считаешь?

Первый. Я спрашиваю, это ты, Рельб?

Второй. Станный вопрос, Флим. (*Усмехается.*) Звучит как анекдот: в доме всего два лилипута, они встречаются, и один другого спрашивает: «Это ты?»

Первый. Здесь темно. Я испугался, подумал — мышь.

Второй. Я похож на мышь?

Первый. Я не сказал, что ты похож на мышь. Я просто подумал, что это могла быть мышь.

Второй. Зачем ты залез сюда, Флим?

Первый. Я хотел пить.

Второй. Очень интересно. А что у тебя за поясом?

Первый. Фляга.

Второй. Зачем?

Первый. Почему ты меня допрашиваешь?

Второй. Потому что ты заврался и не хочешь сказать правду! А поскольку правду кто-то должен сказать, скажу ее я: ты, Флим, и не собирался пить чай. Ты хотел отнести его Бетти.

Первый. Ну и что?

Второй. Хорошенькое дело — «ну и что?»! Посторонний мужчина обслуживает мою жену, а когда я его ловлю с поличным, он говорит мне «ну и что?».

Первый. Она больна.

Второй (*не может успокоиться*). Главное дело — «ну и что?».

Первый. Ей нужен чай с лимоном...

Второй (*зло*). Послушай, Флим, я не люблю, когда про мою жену говорят «она». Моя жена больна, у моей жены жар, моей жене нужен чай с лимоном!.. И мое дело об этом позаботиться.

Первый. Но тебя не было.

Второй. Тем более. Посторонний мужчина не должен заходить в комнату к женщине, когда мужа нет дома. Она звала тебя?

Первый. Да.

Второй. Как?

Первый. Она стонала.

Второй. Это разные вещи, Флим! Зовут кого-то, конкретно. А стонут — вообще, в пространство. *(Забирает у Первого флягу.)* И прошу ВАС не заходить в нашу комнату, когда конкретно вас не зовут... *(Направляется к чашке, только тут понимает, что ему не достать до края. Беспомощно оглядывается.)*

Первый. Высоко!

Второй. Ненавижу этот саксонский фарфор. То ли дело японские сервизы — прекрасные, изящные чашечки «по грудь», а эти какие-то громадные безвкусные уроды...

Первый. Я хотел подложить под ноги кусок сахара.

Второй. Ну и что ж?

Первый. Он тяжелый. Одному не поднять.

Второй *(усмехнувшись)*. А мы попытаемся... *(Подходит к куску сахара, с трудом отрывает его от тарелки, делает несколько нетвердых шагов по столу, неожиданно кричит.)* Помогите! Флим! Помогите!

Первый бросается ко Второму на помощь, вдвоем они укладывают кусок сахара у основания чашки. Молча идут за вторым куском.

Этот кусок поменьше... Думаю, я сам справлюсь...

Первый *(миролюбиво)*. Ладно... Чего уж...

С трудом поднимают второй кусок, несут к чашке, кладут на первый.

Второй *(садится на сахар)*. Фу!.. Устал... Отдохнем... Чертовы англичане! Почему надо выпускать такие сахарные глыбы? Сколько нормальных людей можно было б накормить одним таким куском рафинада. Сколько можно было б сделать вкусных конфет. Леденцов для девушек...

Первый. Куда им...

Второй. Вот будут портить сахар, выпекать всякие приторные торты, заливать их лужами крема... А простые вкусные дешевые леденцы...

Первый. Куда им...

Второй. Нет. Я ж ничего не говорю. Страна действительно развитая...

Первый. Это конечно.

Второй. Дороги здесь ровные... Дома красивые. Экипажи...

Первый. Это конечно.

Второй. И в смысле науки они далеко ушли вперед...

Первый. Ньютон, например.

Второй. Я же не спорю... При чем тут Ньютон?

Первый. Я имею в виду закон всемирного тяготения.

Второй. При чем здесь всемирное тяготение?

Первый. Ну, в том смысле, что мы его там и не знали, а они тут уже им вовсю пользуются.

Второй (*подумав*). Я же не спорю: страна развитая... Но многое им не дано.

Первый. Это конечно.

Второй. Леденцы, например...

Первый. Куда им...

Второй. Или вот это еще... Помнишь? Как это у нас называлось? Ну, это... как его?.. Во всех городах еще продавалось... Вот черт, забыл! Уже забыл... (*Задумался.*)

Первый. Рельб, можно я тебе задам один вопрос?

Второй. Ну?

Первый. Ты никогда не думал о том, чтобы вернуться?

Второй. Нет!

Первый. Может быть, король тебя уже простил?

Второй. Я сказал — «нет»! И что значит «простил»? Это я его не простил, поэтому не возвращаюсь. И что мне там делать? Снова видеть эти лицемерные рожи при дворе, склоняться до земли перед каждым ничтожеством?.. Нет! И нет!.. С прошлым покончено!.. Я теперь живу здесь, я — англичанин, и мне здесь нравится!.. Слышишь?

Первый (*мрачно*). Да. Конечно. Не кричи!

Второй. Я теперь англичанин, и мне здесь очень нравится!

Первый. Ну и хорошо.

Второй. Главное — «он меня простил»... Ха-ха!

Первый (*мрачно*). Ну извини...

Второй. А почему ты не возвращаешься?

Первый. Мало ли... Мне здесь тоже нравится.

Второй. Не ври.

Первый (*твердо*). Мне здесь нравится!

Второй. Опять врешь! (*Начиная злиться.*) Что? Что тебе здесь может нравиться?! Спать на краешке дивана? Воровать чай из хозяйской чашки?

Первый. Замолчи!

Второй. Бродить среди огромных домов. Каждую ми-

нуту бояться, что на тебя вдруг наступят копытом, лапой, салогом?

Первый. Замолчи, прошу тебя.

Второй. Знаешь, как нас здесь похоронят?

Первый. Замолчи!

Второй. В спичечном коробке! Всех троих — в одном спичечном коробке!

Первый (*орет*). Замолчи!!!

Первый бросается на Второго. Секундная борьба.

Второй. Отпусти! Отпусти, тебе говорят! (*Вырывается из рук Первого.*) И оставьте нас в покое! И не смейте приходить в нашу комнату, если ВАС конкретно не зовут!!!

Влезает на сахар, пробует дотянуться до края чашки, это ему не удается.

Больше подложить нечего?

Первый. Только кусок торта...

Второй. Ну его к черту! Он липкий... (*Спрыгивает на стол.*) Пошли отсюда. Попытаемся нагреть воду там, внизу... (*Со злобой взглянув на чашку.*) У! Понастроили, мерзавцы! (*Грозит чашке кулаком.*)

Первый. Стой! Я придумал! Я придумал, как можно зачерпнуть чай.

Второй. Ну?

Первый. Нужно, чтоб один встал на другого...

Второй. Еще чего?

Первый (*обрадованно*). Конечно. Это же так просто: один встанет сюда, другой взберется ему на плечи — и все получится.

Второй. Чепуха! И потом, я не позволю, чтобы кто-то ходил по мне ногами...

Первый. Я готов встать внизу.

Второй. Хочешь сразить меня благородством?..

Первый. И вовсе нет! Так выгодней для дела. Я ВЫШЕ, поэтому тебе будет удобней...

Второй (*перебивая*). Что?

Первый: Я говорю, поскольку я ВЫШЕ ростом...

Второй. Кто выше ростом? Ты?

Первый. Ну, это очевидно.

Второй. Что значит «очевидно»? Для меня это совсем не очевидно.

Первый. Перестань, Рельб. Сколько можно выяснять этот вопрос!

Второй. Не понял...

Первый. Я говорю, сколько можно выяснять... Всегда

считалось, что я выше тебя. Вспомни: в армии я был правофланговым, а ты стоял далеко сзади. И на балах: я всегда шел в первых парах...

Второй. Это ничего не значит. С тех пор прошло много времени.

Первый. Ну и что? Люди растут только до тридцати лет.

Второй. А я после тридцати!

Первый. Ну хорошо. Зачем нам спорить? Давай померимся.

Второй. Давай, но только трудно без арбитра. Пойдем к Бетти!

Первый. Зачем сюда впутывать Бетти! Встанем спина к спине — все будет ясно.

Второй неохотно подходит к Первому. Они встают друг к другу спинами, — Первый оказывается выше.

Ну?

Второй. Трудно понять... Какие на тебе туфли?

Первый. Такие же, как у тебя...

Второй. А прическа? У тебя же волосы торчат вверх, а у меня приглажены...

Первый. Перестань, Рельб! Сколько раз мы с тобой меримся, и каждый раз ты ищешь какие-то причины.

Второй. Все равно внизу встану я.

Первый. Это нечестно, Рельб.

Второй. Внизу встану я, потому что я — сильнее!

Первый. Это для меня новость.

Второй. Опять будем спорить?

Первый. Ладно. Становись где хочешь. Но имей в виду, я вынужден буду пройти по тебе ногами...

Второй (*с усмешкой*). А что от тебя можно еще ожидать? (*Влезает на сахар.*) Дай-ка мне вилку!

Первый (*испуганно*). Зачем?

Второй. Для упора, для чего ж еще!

Первый подает Второму десертную вилочку. Второй упирается в нее руками. Лезь!

Первый (*с опаской*). А ты меня не уронишь, Рельб?

Второй. Не знаю. Как пойдет.

Первый. Ты не должен злиться, Рельб. В конце концов, тот факт, что ты оказался внизу, нисколько тебя не унижает. Наоборот! Это благородно. Ты ведь терпишь это ради большой жены. Ради нашей замечательной Бетти. Это очень благородно!! И еще, раз ты стал внизу, значит, ты — сильный.

Самый сильный. В цирке у акробатов внизу становится самый сильный...

Второй. Да лезь ты!

Первый. А я и не выше тебя, а длиннее. Помнишь, меня и в школе прозвали «длинным»...

Второй. Тебя в школе прозвали «глистом».

Первый. Ну, так имелось в виду, что я — длинный, как глист.

Второй. Вовсе не это имелось в виду. Имелось в виду, что у тебя нельзя разобрать, где голова... *(Смеется.)*

Первый. Ну, наконец-то! Наконец к тебе вернулось твое чувство юмора. Чувство юмора, это — главное, что мы привезли оттуда, Рельб. Верно? Здесь так шутить не умеют.

Второй. Куда им...

Первый *(похлопав Второго по плечу)*. Ну, я пошел?

Второй *(подставляя спину)*.частливого пути!

Первый взбирается Второму на плечи, подтягивается на руках, садится на ребро чашки.

Первый. Ух, как тут жарко! Как в бане... *(Нагибается.)* Ах, черт возьми!

Второй. Что?

Первый. Хозяин отпил половину... Не достать. Придется сделать так... *(Снимает пояс, привязывает к нему флягу, опускает флягу в чашку.)* Ну вот!.. Теперь можно попытаться зачерпнуть... *(Вглядываясь куда-то в даль.)* Какой вид отсюда. Рельб!

Второй. Какой отсюда может быть вид?

Первый. Потрясающе! Знаешь, Рельб, отсюда виден край буфета. В нем стоят хрустальные бокалы. И вот лунный свет упал на них, и теперь они играют разноцветными огоньками... Ах, как красиво! Жаль, что ты не видишь этого... Безумно красиво, Рельб. Очень похоже на фейерверк. Помнишь, как у нас там под Новый год устраивали фейерверки... Хочешь, я помогу тебе подтянуться?

Второй. Вот еще.

Первый. Но я хочу, чтобы ты это увидел.

Второй. Делать мне нечего...

Первый. Когда Бетти выздоровеет, надо будет слазить с ней на буфет. Она так любит эти фейерверки...

Пауза.

Некоторое время Первый сидит молча, глядя в сторону буфета; Второй, задулавшись, прохаживается у основания чашки.

Второй. Флим, можно я задам тебе один вопрос?

Первый. Конечно.

Второй. Тебе очень нравится моя жена? *(Пауза.)* Что ты молчишь?

Первый. Думаю, как ответить... Скажу «очень» — обидишься ты, скажу «не очень» — обидно для Бетти. Я не стану отвечать на твой вопрос, Рельб.

Второй. Ну хорошо. Сформулируем вопрос иначе: а ты хотел бы переспать с моей женой?

Первый. Нет.

Второй. Почему?

Первый. Я очень уважаю тебя, Рельб.

Второй. И только поэтому?

Первый. А еще я слишком люблю Бетти, чтобы позволять о ней так говорить! *(Пауза.)* Извини!

Второй. Все правильно... За что сердиться? Ты сказал правду. Я никогда не сержусь на правду. Вот когда ты перед этим врал, что, мол, просто пришел сюда выпить чаю,— это было противно. А на правду я никогда не сержусь...

Пауза.

Первый. Я скоро уеду от вас, Рельб.

Второй. Куда это?

Первый. Пока не решил. Перееду в другой город.

Второй. Зачем?

Первый. Надо же как-то со всем этим кончать. Мы скитаемся вместе и только мучаем друг друга. Пора разрушить этот дурацкий треугольник... Я уеду.

Второй. Ты пропадешь один.

Первый. Найду какое-нибудь занятие. Все-таки я — пианист, Рельб. Я — хороший пианист.

Второй. Не говори ерунды. Ты видел здешние инструменты? Каждая клавиша как бревно... Как ты собираешься играть?

Первый. Ногами, Рельб! Я все продумал. Если быстро прыгать с клавиши на клавишу, то получается совсем неплохо. Здесь у декана стоит клавесин, я уже репетировал... Серьезную вещь, конечно, не сыграть, но популярные мотивчики звучат неплохо...

Второй. Перестань! Ты — серьезный музыкант и не должен опускаться до примитивных мотивчиков...

Первый. Кто здесь знает, что я серьезный музыкант?

Второй. Я знаю. Бетти знает...

Первый. Поэтому я и хочу от вас уехать.

Второй. Не говори ерунды! Унизительно прыгать с клавиши на клавишу точно блоха. Ты — человек и не должен терять достоинство... Ты — мой друг, ты любишь мою жену... А главное, мы — оттуда... Три нормальных человека в этой огромной, богом проклятой стране... Нам обязательно надо держаться друг друга... Не бросай нас, Флим!

Первый. Да, конечно, Рельб. Это у меня так... Фантазии.

Второй. И приходи к нам.

Первый. Спасибо.

Второй. Всегда, когда хочешь. Даже когда тебя конкретно и не зовут.

Первый. Спасибо, Рельб. Ты очень добр.

Пауза.

Второй вдруг обращает внимание на туфли Первого, внимательно разглядывает их.

Второй. Что это у тебя?

Первый (*глядя в сторону буфета*). Поразительно, как они светятся...

Второй. Что это, я тебя спрашиваю? (*Показывает туфлю.*)

Первый. О чем ты?

Второй. Что у тебя в ботинке? Внутри!

Первый (*чуть смущен*). Ну, что ты пристал?

Второй. Ах ты, сукин сын!.. Стельки! Огромные пробковые стельки! И потайные каблучки?.. Ах, мерзавец!

Первый. Кто дал право оскорблять меня?!

Второй. Третьи мерзавец! Я с ним мерюсь по-честному, а он...

Первый. Я тебе предложил быть наверху — сам отказался...

Второй. И давно у тебя эти штуки?

Первый. Мое личное дело.

Второй (*распалаясь*). Значит, давно. Негодяй! Значит, во всех наших спорах ты был нечестен. И там, в армии, когда стоял правофланговым, я плелся где-то сзади... И на приемах, когда ты открывал танец как самый высокий... И перед Бетти!..

Первый. Не заводись!

Второй. Ты больше мне не друг, Флим! Ты обманул меня! Ты обманул мою жену. Наивная женщина, я видел, как она смотрела на тебя восхищенными глазами... «Смотри,

Рельб, — говорила она мне, — наш Флим с каждым днем становится выше и выше, наверное, он много работает над собой». О, если б она знала...

Первый (*кричит*). ЗНАЛА!

Второй. Что?

Первый. Она зна-ла!! Потому что видела меня без туфель! И БЕЗ ВСЕГО!

Второй (*тихо*). Замолчи!

Первый. Почему? Это же правда. А на правду ты не сердисься. Так слушай!.. Мы с Бетти давно любим друг друга. И я хожу, потому что она зовет меня... **КОНКРЕТНО!**

Второй. Замолчи!

Первый. Я всегда был выше тебя, Рельб! И дело тут не в каблуках... Просто я всегда наверху!.. Вот и сейчас. Я достиг края чашки и люблюсь радугой на буфете, а ты, как всегда, струсил и ругаешься внизу...

Второй. Я убью тебя, Флим.

Первый. Сначала дотянись! Пигмей.

Второй. Кто?!

Первый. Да. Это мы с Бетти так тебя называем.

Второй. Да я тебя!.. (*Схватила десертную вилочку, бросилась на чашку.*)

Первый (*вскочил на ребро чашки*). Не достанешь! Не достанешь!.. (*Бегает по ребру.*) **ЛИЛИПУТ НЕСЧАСТНЫЙ!** (*Неожиданно покачнулся.*) Рельб! Помоги мне, я падаю... Рельб! (*Падает в чашку.*)

Второй. Флим! Что с тобой? (*Беспомощно бегает вокруг чашки.*) Флим! Отзовись! Не бросай меня, Флим!.. (*Стучит кулаками в стенку чашки.*) **ЛЮДИ! ПОМОГИТЕ НАМ!..**

Кто-то задул свечу. Наступила полная темнота. Потом свет стал медленно разгораться... В дверях стояли Ванесса и Патрик. Они увидели Свифта, который молча и печально разглядывал чашку чая... Доктор сидел в отдалении, явно не понимая, что происходит.

Ванесса. Мистер Свифт, я хочу представить вам доктора Симпсона.

Доктор (*бодрым тоном*). А мы уже виделись... Я встретил декана на прогулке, но он не захотел со мной побеседовать... Ну ничего... Мы подружимся... Не так ли, декан? Судья Бигс и весь Опекунский совет очень надеются, что мы подружимся и общими силами придем к полному выздоровлению... Вы меня слушаете, сэр?.. Что с вами?.. У вас на глазах слезы...

Патрик. Наверное, чай остыл, и это расстроило мистера Свифта.

Доктор. Да? Из-за такой ерунды... (*Подходит к Свифту, заглядывает в чашку.*) В чашку что-то упало... Очевидно, мушка, сэр! Не стоит из-за этого огорчаться... (*Хочет взять чашку из рук Свифта, тот не дает.*) Позвольте! Позвольте... Я не люблю, когда пациенты меня не слушаются... Позвольте! (*Силой вырывает чашку из рук Свифта. Пальцем вытряхивает мушку.*) Ну, вот и все! Все в порядке... Теперь у нашего декана вновь будет отличное настроение... Не так ли?

Возвращает чашку Свифту. Тот секунду внимательно смотрит на Доктора, потом решительно выплескивает чай ему в лицо...

3. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

На следующий день. Та же зала в доме декана Свифта. Доктор заканчивает осмотр Свифта, ему помогает сестра Ванесса. Чуть поодаль стоит дворецкий Патрик.

За окном прогуливаются гости декана. Бродячий шут напевает песенку (может быть, эту):

Кто служит только для того,
Чтоб извлекать доходы,
Тебя оставит одного
Во время непогоды.
Но шут с тобой — твой верный шут! —
Служил он не для денег.
Он жалкий шут, но он не плут,
Дурак, а не мошенник!¹

Доктор (*недовольно*). Закройте шторы, Патрик... И скажите этому бродяге, чтоб перестал нудить всякую чушь... Ванесса. Это — Шекспир, доктор... «Король Лир»...

Доктор. Не знаю, не знаю... Мы живем при короле Георге, и давайте заниматься делом... Ступайте, Патрик!

Патрик (*довольным тоном*). Слушаюсь, доктор! (*Уходит.*)

Доктор (*прикладывает ухо к груди декана*). Так... Так... Дышите... Хорошо! Можете одеваться...

Доктор пошел к столику, где были разложены бумаги. Ванесса помогает декану одеться.

(*Сев за столик.*) Заполним историю болезни. Помогайте, сестра. Итак, полное имя?

Ванесса. Джонатан Свифт.

Доктор (*записывая*). Через «ф»?

¹ В. Шекспир. Перевод С. Я. Маршака.

Ванесса. Что?

Доктор. Я спрашиваю: «Свифт» пишется через «ф»?

Ванесса (*несколько растерянно*). Разумеется, доктор.

Доктор. Год рождения?

Ванесса. 1667-й.

Доктор. Род занятий?

Ванесса. Священнослужитель... философ. Писатель.

Доктор (*записывая*). «...писатель». Оказывается, наш декан еще и сочиняет? Интересно.

Ванесса. Вы шутите, сэр?

Доктор. Я никогда не шучу, сестра, тем более во время работы...

Ванесса. Вы не читали книг мистера Свифта?!

Доктор. Я вообще не читаю беллетристики. Времени едва хватает на специальную литературу...

Свифт безучастен.

Ванесса. И вы никогда не слышали о его памфлетах?

Доктор пожал плечами.

О знаменитых «Приключениях Гулливера»?

Доктор. Гулливер?! Подождите... Что-то припоминаю... Такой толстый... много ест...

Ванесса (*сухо*). Это — Гаргантюа, сэр. Автор — Рабле. Гулливер — совсем другое...

Доктор (*равнодушно*). Тогда не помню...

Ванесса. Простите, доктор, но, мне кажется, вы не сможете помочь мистеру Свифту... Лечить художника, не зная его творений... Я буду вынуждена обратиться в Опекунский совет с просьбой прислать другого доктора.

Доктор. Это ваше право, Ванесса! Но я боюсь, что Опекунский совет сочтет проще заменить сестру... (*Неожиданно*) Подождите! Я вспомнил... «Гулливер»?.. Это что-то детское...

Ванесса. Книга написана для взрослых.

Доктор. Странно... Я слышал, как няня это читала малышам... Врач, который побывал в стране лилипутов, потом в стране великанов, потом еще где-то...

Ванесса (*обиженно*). Не где-то, а в Лапуту. В Бальнибарби. В Лагнэг. В Глабдобдриб. И наконец, в стране гуингнмов...

Доктор. Боже, какие названия! И в чем там дело?..

Ванесса (*недовольно*). Это очень серьезная книга, сэр. Я думаю, нет смысла опешлять ее вульгарным пересказом, тем более в присутствии автора... (*Достала книгу с полки*.) Гораздо полезней для вас это прочесть.

Кладет перед Доктором книгу, уходит в сопровождении Свифта. Доктор раскрыл книгу, полистал страницы, затем равнодушно захлопнул ее. В окне появилась мисс Эстэр Джонсон.

Эстэр. Доктор, прошу вас: не сердитесь на Ванессу. Она плохо воспитана, но она любит декана...

Доктор. Вас это радует или огорчает?

Эстэр. Неважно. Она помогает мистеру Свифту в его работе... Она ведет его обширную переписку...

Доктор. Странно, что вы... именно вы... за нее заступаетесь!

Эстэр. Приходится быть к ней снисходительной... Ведь она... безумна.

Доктор. Кто? Сестра?

Эстэр. Да, сэр... *(Улыбнулась.)* Видите ли, много-много лет назад декан был знаком с одной девушкой по имени Ванесса. Он даже посвятил ей поэму... «Ванесса светоч для сердец, всех женщин лучший образец!» *(Засмеялась.)* Какие строчки, а?.. Так вот, сестра Ванесса и решила, что она именно та Ванесса. *(Засмеялась.)* А ведь это имя он придумал... «Ванессой зваться будешь ты, и это имя красоты лишь в небесах богам известно. В земных пределах — неуместно...» *(Неожиданно зло.)* Бедняжка! Как глупо доверять поэзии... Когда декан был в ударе, он мог рифмой воспеть даже метлу!.. Нет, доктор! Он любил другую женщину... Всю жизнь! Он писал ей письма... О, какие письма писал!.. Каждый день!.. Их сохранилось более тысячи...

Доктор. Надеюсь, ее звали не вашим именем?

Эстэр *(словно не замечая иронии)*. Ее он звал — Стеллой. Это имя он тоже придумал... Ах, вообще был большой выдумщик наш декан... Стелла! Красиво, не правда ли?.. «Ты знаешь, Стелла, каждый год декан хвалу тебе поет...»

Доктор *(нетерпеливо)*. Так на ком он все-таки был женат, ваш декан?

Эстэр. Он вообще не был женат, доктор. В его жизни были две женщины, и он не смог нанести рану ни одной из них...

Доктор. Они обе умерли?

Эстэр. Да.

Доктор. Одновременно?

Эстэр. Почему?

Доктор. Иначе он мог бы жениться на оставшейся...

Эстэр *(внимательно посмотрев на Доктора)*. Простите, сэр, вы из Ноттингемшира?

Доктор. Да. А что?

Эстэр. Я так и подумала... Прочтите книгу, сэр... Может быть, тогда вы поймете, что в этом доме со смертью особые счета — здесь все умирают и не умирает никто...

Появился Патрик, стал сердито задергивать шторы.

Патрик. Не мешайте доктору, мисс Джонсон... Пройдите в сад.

Эстэр отошла от окна. Патрик направился к другому окну, но вдруг споткнулся, перепрыгнул через невидимое препятствие.

(Доктору.) Опять эти лилипуты! Кыш!!

Доктор (неожиданно подошел к Патрику, закричал). Прекратите валять дурака!! Какие лилипуты?! Откуда?! Или они вам приснились в страшном сне?!

Патрик. А вам?..

Доктор. Не имеет значения...

Патрик. Вдвоем? Возле чашки чая, да? Один пианист, другой женат... Тот, который со стельками, выше... Так?

Доктор (подумав). Нет. Выше как раз тот, что без стелек...

Патрик (торжествуя). Вот до какого кошмара мы дошли! Здесь всем уже снятся одинаковые сны... А все он — декан Свифт! Его пагубное влияние.

Доктор. Но ведь он не говорит ни слова...

Патрик. Осторожней, сэр! Этот человек проповедует молча... Даже с амвона... (Огляделся, перешел на шепот.) Придет, встанет перед прихожанами... И МОЛЧИТ. И те МОЛЧАТ... И все!! Ирландцам уже почему-то сразу не нравится губернатор и раздражает нищета.

Раздался сильный стук в дверь.

Вот... Пожалуйста... Пример его пагубного влияния... Этот сумасшедший великан снова будет требовать рыцаря Ланцелота!..

Открыл дверь. Стали видны два огромных башмака.

Господин Глюм, я же просил вас не приходите... Что?.. (Задрал голову.) Я вас не слышу... Какого рыцаря?.. Где я вам возьму рыцаря?..

Доктор. Кто этот человек на ходулях?

Патрик. На ходулях? (Он искренне удивлен.) Вы думаете, это не настоящие ноги?.. Ах, мерзавец! Вот мы сейчас проверим... (Пнул ботинок ногой.) Эй! Сэр! Слезайте!.. (Снова пнул.) Надо попробовать кипятком!!!

Доктор. Прекратите, Патрик!

Патрик. Нет, доктор, надо проверить! И у лакеев есть нервы...

Доктор. Проверим иначе... *(Подошел к доспехам рыцаря, висевшим на стене, снял меч, шлем.)* Поднимитесь наверх, Патрик, и скажите этому великану, что рыцарь Ланцелот приехал... Вы поняли? Приехал и готов с ним сразиться... Если, конечно, этот Глюм спустится вниз и обговорит условия поединка... Вы меня поняли?!

Патрик *(радостно)*. Разумеется, доктор!.. О, я чувствую — вы наведете здесь порядок! *(Достал откуда-то трубу.)* Разрешите трубить сигнал?

Доктор. Это необязательно...

Патрик. Нет! Все должно быть как на настоящих турнирах!

Радостно трубя, Патрик двинулся к выходу. Через секунду откуда-то издалека и сверху послышался его голос: «Великан Глюм! Доблестный рыцарь, сэр Ланцелот принимает твой вызов!»

В окнах появились ликующие лица горожан. Доктор испуганно оглядывается.

Грянула песня.

ПЕСНЯ ГОРОЖАН

Труба трубит! Сигнал зовет!
Толпа валит гурьбой.
Наш славный рыцарь Ланцелот
Опять выходит в бой.
Огнем играет медный шлем,
И с золотом шитье.
Всегда при нем, на горе всем,
Огромное копы!

Припев:

Да здравствуют наши традиции —
Сражаться при всей амуниции!!

Как хорошо, что стали вновь
Турниры воскрешать.
Пускай рекой польется кровь,
Пусть кости затрещат!
Пусть череп лопнет пополам
И полетят мозги!!
Ведь надо же когда-то нам
Их показать другим!!!

Припев:

Да здравствуют наши традиции —
Сражаться при всей амуниции!..

4. БОЙ С ВЕЛИКАНОМ

Открылась дверь, вошел невысокий полноватый человек с печальными глазами. Его сопровождает Патрик.

Патрик. Джентльмены, разрешите вас представить друг другу. Мистер Глюм. Великан. (*Жест в сторону Доктора.*) Сэр Ланцелот.

Глюм. Доблестный рыцарь, я рад, что вы приняли мой вызов! Надеюсь, поединок наш будет честным и бескомпромиссным!

Доктор (*отложив меч*). Я не люблю глупых шуток, мистер Глюм. Я приехал драться с великаном. Вы же — человек среднего роста... Футов шесть, не больше...

Глюм. Пять футов восемь дюймов... И все-таки, сэр, я действительно — великан. Самый настоящий! Понимаю, в это трудно поверить, но это так... Я опустил...

Доктор. Каким образом?

Глюм. Если хотите, расскажу.

Доктор. Только коротко...

Глюм (*печально*). Хорошо...

Доктор. Садитесь к столу... (*Дворецкому.*) А вы, Патрик, задерните шторы... Нечего на нас глазеть!

Патрик задернул шторы, к явному неудовольствию глазевших зрителей.

Глюм (*заискивающе*). И, если можно, рюмку вина...

Патрик вопросительно посмотрел на Доктора, тот кивнул. Патрик ушел за вином, недовольно ворча...

Доктор (*рассматривая Глюма*). Давно пьете?

Глюм. Давно... Но это не пьянство, это — лечение... Впрочем, разрешите все по порядку... Так вот, сэр Ланцелот, я на самом деле великан, хотя сегодня в это трудно поверить. Другое дело мой отец, Глюм-старший. В нем было двести футов росту, он был выше Дублинского собора. Это казалось святотатством, и местный епископ требовал, чтобы отец ходил согнувшись... Бедняга так и проходил всю жизнь, словно больной радикулитом... Родом он был из Бробдингега. Это — страна великанов, описанная Свифтом... Вы, конечно, читали о ней?

Доктор. Предположим. Дальше.

Глюм. Отец попал в Англию во время кораблекрушения и прожил здесь недолго, мучительно страдая... Сначала его показывали в цирке как диковину, потом зрелище всем надоело, и отца бросили на произвол судьбы... Он очень тосковал,

просился назад в Бробдингег, но ему никто не мог предоставить нужного корабля... Так он мыкался, перебиваясь случайной работой — перетаскивал камни в горах, прочищал трубы в высоких зданиях... Последнее время служил маяком в гавани. Целыми ночами простаивал у причала, держа огонь на вытянутой руке. Здесь и погиб во время сильной грозы. Молнии, сэр, всегда выбирают высокие объекты... Черт возьми, где же Патрик? Можно ли так долго ходить за рюмкой?

Появился Патрик с подносом.

Патрик. Потихе, сэр! Здесь не пивная! Пришли на поединок, так ведите себя прилично...

Глюм. Да, да, извините! *(Залпом выпил вино и продолжал.)* Так вот об отце. Незадолго до смерти он женился на высоченной англичанке... «Высокая Анна» — может, читали в газетах?... Ну, неважно. Важно, что в результате этого странного брака появился на свет я — Глюм-младший, полувеликан, полуангличанин, несчастнейшее существо. Несчастье мое состояло еще и в том, что, кроме огромного роста, родители наградили меня непомерным мозгом, из-за чего я начал стремительно развиваться... Разговаривать начал пяти дней от роду, причем сразу на нескольких языках. Писать, читать, считать стал в колыбели. Курс гимназии прошел за три дня, колледж — за месяц, через год, занимаясь исключительно самообразованием, достиг уровня знаний члена Британской академии... Сначала это восхищало соотечественников, потом стало раздражать... Непомерно развитый мальчишка оскорблял достоинство седовласых ученых. А я продолжал углубляться в науки, открывал законы и истины и тут же понимал их несостоятельность и необходимость новых законов и новых истин... «Ибо умножая знания, умножаем скорбь...» А тут еще я начал расти не по дням, а по часам, поднимаясь фут за футом над уровнем сограждан. Скоро я уже наблюдал свою землю с высоты птичьего полета... Я видел, как она прекрасна, как живописны ее холмы и горы, но я видел и как ее губят, как жгут леса, как бездумно бороздят наделами без всякого плана и мысли, как люди убивают друг друга из-за куска земли... Сэр, у великанов, к сожалению, все чрезмерно — зрение, слух, совесть... Каждый выстрел отзывался в моих ушах, каждая смерть рвала на части мое сердце...

Я решил сделать страну счастливой... Мне казалось, я знаю, как помирить всех и в чем смысл бытия... Я пошел к королю. Он меня не принял... Сэр, прикажите Патрику при-

нести еще рюмочку... Мы подходим к печальному моменту!

П а т р и к. Это уже лишнее, сэръ!

Д о к т о р. Принесите, Патрик!

В окно стали стучать. Патрик недовольно приоткрыл шторы.

П а т р и к. Тихо! Спокойно! Скоро начнут! Я говорю — скоро! Разминаются... *(Задержал шторы; ворча удалился.)*

Г л ю м. Король меня не принял! Он сказал, что не намерен выслушивать чьи-то советы, глядя снизу вверх... Я сказал, что готов упасть перед ним ниц. Но король сказал, что советы снизу ему не интересны... И вообще, сказал король, неужели в Англии не найдется смелого рыцаря, который бы проучил этого выскочку?..

Так мне объявили войну! Десятка полтора рыцарей двинулись в поход на великана. Я бы мог их положить одним ударом руки, но это были мои соотечественники... Я понял, что сильный должен уступить! Пусть, подумал я, погибну, но хоть этим принесу славу отчизне... Я вышел на бой с рыцарями!

Он встал из-за стола и принялся расхаживать по комнате. Доктор напряженно наблюдал за ним.

Рыцари оказались бездарными! Их кони сбрасывали седоков, их стрелы летели мимо, их копыта даже не пробивали моих штанов... Король направил мне тайное письмо: «Перестань позорить Британию! Уезжай отсюда на все четыре стороны!» Я написал: «Ваше величество, это — моя родина! Я хочу принести ей пользу... Не гоните меня! Я сделаю для нее все, что вы прикажете!» Король ответил запиской: «Тогда не валяй дурака, стань таким, как все!»

Вошел **П а т р и к**, поставил перед **Г л ю м о м** новый бокал вина.

П а т р и к. Это последний, сэръ! Больше не просите. *(И, отойдя в сторонку, принялся слушать беседу.)*

Г л ю м *(с отчаянием).* **ИТАК, Я СТАЛ УМЕНЬШАТЬСЯ!!** *(Выпил вино.)* Это самое страшное из всех наказаний. Всякий знает, как трудно взбираться наверх, но обратный путь всегда тяжелей... Не спрашивайте, как я это делал. Специальная гимнастика, диета, разнообразные поклоны, приседания... Я спускался вниз, как по тропинке, фут за футом, ежедневно приближаясь к уровню сограждан.

С головой было труднее всего, но тут помог алкоголь. Ежедневный трехкратный прием алкоголя, и ты очищаешь свою башку от ненужных знаний и мыслей... Первый год я с тру-

дом забывал все то, что усвоил в академии, затем пошло легче... За месяц я забыл колледж, за неделю — гимназию... На забывание философии ушло дня три, на историю — сутки... Потом на эту... как ее... ох, господи... В общем, ее забыл почти без напряжения часа за два...

Одним словом, постепенно превратился в нормального господина средних размеров. Устроился здесь, в Дублине, нашел службу в одной конторе, неплохо зарабатывал: женился, построил домик... Отличный домик, сэр, маленький, с участком... И вдруг... этот декан Свифт начинает звонить в колокол и собирать безумных...

Мы с женой сначала просто посмеялись, а потом закралась у меня мысль: не тряхнуть ли тебе стариной, Глюм?! Не подняться ли снова до облаков?! Риск, думал я, небольшой. Посмеюсь, подышу озоном... Выпить дадут!

П а т р и к (*радостно*). Я говорил! Все дело в выпивке на дармовщинку...

Д о к т о р. Принесите вина!

П а т р и к. Но, сэр...

Д о к т о р (*строго*). И мне тоже!

Патрик, недовольно ворча, удалился...

Г л ю м. Я сам построил эти башмаки, на это у меня хватило соображения... А потом, когда встал на них и снова поднялся к облакам, вы знаете, мистер Ланцелот, что-то шевельнулось здесь (*ткнул себя в лоб*). Еще не все потеряно! Я стал вспоминать... Понемножку... Понемножку... Там, наверху, чистый воздух... Мысли начинают бежать быстрее... И снова, сэр, захотелось что-то сделать для страны... Как великану мне в жизни не повториться, но, может быть, в смерти, сэр?.. Вот поэтому я послал вызов Ланцелоту... Я очень благодарен, что вы отозвались. Я слышал, вы — смелый и бесстрашный рыцарь, сэр, и не откажетесь сойтись со мной в поединке?! Ваша победа прославит родину!

Доктор изучающе посмотрел на Глюма. Тот в ответ посмотрел спокойно и печально. Доктор не выдержал взгляда.

Д о к т о р. К сожалению, это невозможно.

Г л ю м. Почему?

Д о к т о р. Я не испытываю к вам никакой вражды, и вообще я против дуэлей.

Г л ю м. Это — не дуэль, а турнир. Здесь торжествует смелость и ловкость... Вы видите, как парод жаждет поединка. Люди соскучились по мужественным бойцам... Нам нужны герои. Ну?! Смелее, сэр Ланцелот.

Доктор. Я доктор. Доктор Симпсон.

Глюм (*зло*). Я не люблю глупых шуток! Можно сказать, что я сумасшедший, но я встану на ходули, а вы наденете шлем — и Великан с Ланцелотом сойдутся в схватке...

Доктор. Проводите его, Патрик.

Глюм. Трус!! Будете хвастать впивных прошлыми победами, а когда настал миг проверить себя — в кусты?.. О Англия, у тебя не осталось героев!

Патрик. Пойдем, пойдем... Набрался, приятель.

Глюм (*свирепо*). Ну нет! Если ваша рука разучилась владеть мечом, то моя — не дрогнет. (*Рванулся к доспехам и, прежде чем Доктор смог ему помешать, выхватил меч.*) Я сниму грех с вашей души. Вам останутся только аплодисменты! (*Он распахнул дверь и закричал.*) Да здравствует бесстрашный Ланцелот!! (*И вонзил меч себе в грудь.*)

Доктор. Что мы натворили, Патрик?!

Патрик. Успокойтесь, доктор, успокойтесь... Это — несчастный случай...

Доктор оттолкнул дворецкого, бросился к дверям. Ему навстречу ворвалась ликующая толпа горожан. Толпа подхватила его, начала подкидывать вверх, восторженно крича: «Да здравствует смелый Ланцелот!!!» Гремела песня:

Как хорошо, что стали вновь
Турниры воскрешать.
Пускай рекой польется кровь,
Пусть кости затрещат!
Пусть череп лопнет пополам
И полетят мозги!
Ведь надо же когда-то нам
Их показать другим!!
Да здравствуют наши традиции —
Сражаться при всей амуниции!

5. ЭТО ВСЁ — ТЕАТР

По коридорам огромного дома Свифта быстро шли Доктор и Судья Бигс — толстый мужчина в парике и мантии. За ними два огромных констебля — Рыжий и Черный — буквально несли за шиворот дворецкого Патрика.

Судья распахнул дверь кабинета. За письменным столом сидел Свифт, рядом — Ванесса.

Доктор. Ваше преподобие! Извините, что беспокоим вас, но у нас сообщение чрезвычайной важности.

Ванесса. Почему здесь судья и констебли?.. Это — частный дом.

Судья (*сухо*). Извините, сестра. Но когда в частный дом проникают мошенники, то вслед за ними рано или поздно приходит закон!

Судья распахнул окно, и все увидели, что несколько полицейских сгоняли гостей декана в огромный фургон, обтянутый суровой мешковиной.

Ванесса. Это жестоко!.. Доктор, как вы можете позволять, чтобы ваших пациентов...

Доктор (*перебивая*). Это — актеры, сударыня! Обыкновенные бродячие актеры... И они будут наказаны за обман.

Судья. Вот, уважаемый декан, как злодеи воспользовались вашим гуманным завещанием. Вы думали облегчить жизнь несчастных, а пригрели шарлатанов. Ну, Патрик! Рассказывайте хозяину, как вы его обманули...

Патрик (*падая на колени*). Простите, сэр! Я не думал, что так все получится... Я хотел только добра!.. Всему виной — ваше завещание. Когда вы его сочинили, я подумал: «А что это будет, если к нам в дом и вправду начнут стекаться ненормальные?.. Ведь мы — лакеи, а не санитары... И у нас есть нервы! А тут как раз в Дублине и появился этот бродячий театр. Я пришел к ним и говорю: «Джентльмены! Есть неплохая работа!.. Вы поселяетесь в доме мистера Свифта, мы вас кормим-поим, а вы за это... тихо валяете дурака...» О, простите, сэр! Я имел в виду, чтоб они изображали разных смешных героев, которых вы, сэр, насочиняли...

Судья (*патетически*). Какая низость!!

Патрик. Я знал, что декан не рассердится. Он сам всегда любил такие шутки... И поначалу все было хорошо. Забавно... Кто прикинется лилипутиком, кто — великаном... Всё по-доброму! Но потом эти мерзавцы увлеклись... Стали топить друг друга, полилась кровь...

Судья. Они взбудоражили мне весь город! Волнения перекинулись на улицы... Просто эпидемия безумия!

Патрик. Актеры, сэр... Что от них можно ждать хорошего? Импровизация. Каждый в душе — Гамлет!..

Ванесса. Куда увозят этих людей?

Судья. В тюрьму, мисс Ванесса. Я думаю, это — прекрасное помещение для искусства подобного рода...

Патрик. Но ведь я чистосердечно признался...

Ванесса. Не волнуйтесь, Патрик! За всё, что происходит в доме, отвечает домоправительница. (*Судье.*) Можете арестовать и меня, сэр! Все происходило с моего ведома...

Судья. Вы признаетесь, что участвовали в обмане?

Ванесса. Я не считаю это обманом. И я не брошу этих людей, кто бы они ни были...

Судья. Вы уволены, мисс Ванесса! Опекунский совет отстраняет вас от всех обязанностей по уходу за деканом Свифтом! Потрудитесь передать ключи от дома новой сестре...

Открылась дверь. Появилась мисс Эстэр Джонсон. Она одета в темное платье сестры милосердия.

Познакомьтесь, доктор. Мисс Эстэр Джонсон будет вам теперь помогать...

Эстэр. Мы знакомы с доктором. Правда, он принимал меня за помешанную...

Доктор. Скорее — за актрису...

Ванесса. Зато я никогда не заблуждалась на ваш счет, мисс Джонсон, — для актрисы у вас слишком мало таланта, а для безумной — искренности чувств... Впрочем, я рада, что Опекунский совет выбрал вас... Надеюсь, то время, пока вы бродили здесь и подслушивали под окнами, скажется на вас благотворно!

Эстэр. Мне очень жаль, что я вытесняю вас, сестра... Но главное ведь, чтобы декан был здоров и окружен заботой. Не так ли?

Ванесса. Разумеется, мисс Джонсон. И еще у меня к вам просьба: не вешайте здесь занавесочки с цветочками... Декан вам не сделает замечания, но будет страдать... Он не переносит пошлости.

Эстэр (*сдерживаясь*). Хорошо, сестра. Я учту вашу просьбу... Но уж эти шторы сниму немедленно... Они слишком мрачны, хотя и соответствуют последней моде...

Ванесса. Вы сделаете мне большое одолжение, мисс Джонсон, если перестанете меня именовать «сестрой». Я уволена! Теперь я для вас просто мисс Ванесса или, еще короче — мисс...

Эстэр. Хорошо, мисс...

Ванесса (*протягивает ей связку ключей*). Пожалуйста! Это — от комнаты, это — от кухни... Здесь ключи от книжных шкафов... Пожалуйста — к бюро, мисс Джонсон... Я покажу, как должны лежать бумаги. Декан любит, чтоб они лежали вот в таком порядке... Надеюсь, здесь ничего не пропадет и не затеряется?..

Эстэр. Безусловно, мисс...

Ванесса. Впрочем, от этих бумаг я вас избавлю...

(Взяла пачку писем.) Это моя личная переписка с деканом. Я могу взять эти письма?

Эстэр. Разумеется, мисс... Я не думаю, что исследователям жизни и творчества декана это будет интересно.

Ванесса. Очень верное замечание, сестра... Вас не обижает, что я вас так называю?.. Так вот, мисс Джонсон, я считаю, что вы абсолютно правы, и немедленно сожгу эти никому не нужные листочки... *(Направляясь к камину.)*

Доктор. Может быть, не сейчас, Ванесса?.. Это может травмировать декана!

Ванесса *(швыряя письма в огонь)*. О, что вы, доктор!.. Декана это ничуть не волнует!.. *(Повернула заплаканное лицо к Свифту.)* Я не ошиблась, ваше преподобие?.. А может быть, вас вообще радует приход этой женщины?.. Почему вы молчите?!

Доктор. Но он всегда молчит...

Ванесса. Для вас, доктор... *(Быстро вышла из кабинета.)*

Доктор *(Судье)*. Что она хотела этим сказать?..

Свифт неожиданно резко встал, шагнул к камину. Эстэр бросилась к нему.

Эстэр. Что с вами, декан?! Почему у вас на глазах слезы?.. Это не та Ванесса!.. Та Ванесса умерла... Вы же знаете... Зачем вам ее письма?.. Ну хорошо... Раз они вам так дороги... *(Сунула руку в камин.)* Я соберу их все... Я восстановлю каждое слово... Только успокойтесь!

Свифт наклонился к ней, достал из огня ее обожженную, покрытую копотью руку, поцеловал.

О сэр! Неужели вам так дорога эта девушка, что вы готовы терпеть меня. Благодарю вас!.. Идемте! Вам надо отдохнуть...

Они пошли к выходу, возле дверей мисс Джонсон обернулась.

Господин судья, декан просит не увозить сегодня этих людей! Пусть они еще хоть денек побудут здесь... Ведь поминки не кончились...

Судья посмотрел вопросительно на Доктора, тот кивнул.

Судья. Ну хорошо!.. Под вашу ответственность, доктор... Только никаких представлений... Слышите?.. Толпу разгонять! Актеров держать в фургоне под охраной! Вы поняли, констебль?

Рыжий констебль. Так точно, сэр!

Доктор посмотрел за окно. Двое полицейских прилаживали огромную решетку к заднику фургона.

6. НЕКТО

Вечер. Дальний угол сада. Стоит актерский фургон, обтянутый суровой мешковиной. Весь задник фургона теперь закрыт железной решеткой, на которой висит огромный замок. Сквозь решетку видны иногда лица актеров. Фургон охраняют два констебля: первый — черноволосый, второй — рыжий, веснушчатый, с пышными усами.

Недалеке от фургона молча стоит Свифт.

Актеры тихо напевают песенку.

Черный констебль. Прекратить петь!

Рыжий констебль. Пускай... Они ж негромко...

Черный констебль. Не разрешено никаких представлений. Народ начнет толпиться...

Рыжий констебль. Это правильно! Но вообще — жалко. Я, знаешь, кое-что у них смотрел... Мне понравилось... Про лилипутов...

Черный констебль. Это когда в чашке-то утоп?... Ха! Ничего.

Рыжий констебль. И про великана неплохо... Но вот особенно с этим умора... который живет вечно...

Черный констебль. Это который?

Рыжий констебль. Ну, который сам себя забыл... *(Показывает за решетку.)* Вон сидит... «Дубу, говорит, пятьсот лет, а я его желудем помню...» Эй, ты! Иди-ка сюда...

Черный констебль. Не трогай ты их...

Рыжий констебль. Да ладно, поболтаем только...

К решетке приблизился Некто.

Некто. Вы меня, джентльмены?

Рыжий констебль. Одет-то... Одет-то как... Ну, умора... Как тебя зовут?

Некто. Видите ли, я так давно живу на свете, что уже забыл свое имя. Поэтому называйте меня просто Некто...

Рыжий констебль. Некто?.. *(Смеется.)* Ну, артисты... Скажи, сколько же ты живешь?

Некто. Несколько тысяч лет...

Рыжий констебль. Несколько, говорит, тысяч... *(Смеется.)*

Черный констебль. Потеха!!

Некто *(печально).* Напрасно вы смеетесь, джентльмены. Каждый человек живет на земле несколько тысяч лет... Или больше... Просто у вас отшибло память... *(Вглядывается в лицо Рыжего констебля.)* Вас, сэр, я где-то видел... Лет пятьдесят назад...

Рыжий констебль. Пятьдесят? А вот и врешь! Мне всего сорок пять...

Некто. В этой жизни. В этой! А в той жизни, что была до этой, мы с вами встречались... Прекрасно помню. Вы стояли на посту на базарной площади... возле городской тюрьмы...

Черный констебль. Да он сейчас там стоит.

Некто. Это — сейчас. А то было тогда, при короле Георге Первом. *(Вглядывается в Рыжего.)* Ну точно — вы... Я обратил внимание: рыжие усы ваши и веснушки... Да вы сами сможете вспомнить, если напряжете хоть немножко свой мозг...

Рыжий констебль. Как это?

Некто. Закройте глаза.

Рыжий констебль. Ну... *(Закрывает глаза.)*

Некто. Вам сейчас, говорите, сорок пять?

Рыжий констебль. Да.

Некто. Теперь постарайтесь спокойно, не торопясь, оглядеть свою прожитую жизнь... Вот вам тридцать. Вспоминаете?

Рыжий констебль. Ну, вспоминаю...

Некто. А двадцать?! Вы — молодой, здоровый, румянец во всю щеку... Помните?

Рыжий констебль. Ну, помню... Конечно. Я тогда женился на Полли.

Некто. Прекрасно. А теперь вам десять лет... Помните?..

Рыжий констебль. Ну, так вообще... Мы тогда жили под Глазго, в деревне...

Некто. Не отвлекайтесь... Сейчас наступает самый трудный момент. Вот вам уже пять лет... Вспоминаете?

Рыжий констебль *(подумав)*. Ну, чуть-чуть...

Некто. Теперь четыре года... Три... Два... Один... Теперь вы в утробе!

Рыжий констебль. Где?!!

Некто. В утробе!.. Вы лежите, свернувшись калачиком, через вас бежит кровь матери... Вспоминайте!.. Ну?.. Вспоминайте... Вот вы выходите из этой жизни в прошлую... Р-р-р-а-а-з!.. И вот вы стоите в форме и каске на рыночной площади Дублина возле тюрьмы... Мимо вас проезжают кареты... Над вами летают голуби... А вы стоите и глазеете на них...

Рыжий констебль *(в ужасе открыв глаза)*. А-А!!
ВСПОМНИЛ!!

Черный констебль. Врешь!!

Рыжий констебль. Клянусь!! Вспомнил!!! Стою на рыночной площади...

Черный констебль. Ты там и сейчас стоишь!

Рыжий констебль. То сейчас, а то — тогда!! Ох, господи! *(Испуганно крестится.)* Пресвятая дева... Вспом-

нил! У меня ведь всегда было такое чувство, что будто бы я жил прежде...

Н е к т о. Разумеется! Все люди жили прежде, надо лишь научиться это вспоминать... Так проповедует декан Свифт!

Ч е р н ы й к о н с т е б л ь (*заметив подошедшего Доктора*). Тихо! Прекратить!! (*Тянет Рыжего констебля за руку*.) Пошли, Джек, будет неприятности...

Р ы ж и й к о н с т е б л ь (*не может успокоиться*). Стою на рыночной площади!! Точно! Стою на площади!

Ч е р н ы й к о н с т е б л ь. Ну, стойшь... стойшь... Чего тебя так разобрало?.. (*Уводит его*.)

Доктор подходит к Свифту, нерешительно начинает разговор.

Д о к т о р. Сэр, мне бы хотелось, чтоб мы как-то понимали друг друга... Не знаю, что для этого надо сделать, но поверьте — я вам хочу только добра. (*Улыбнулся*.) Я не верю, что вы безумны!..

Свифт внимательно посмотрел в глаза Доктора, приложил палец к губам.

С в и ф т. Тсс...

Д о к т о р. Что? Скажите, декан... Скажите...

Возле решетки фургона вновь появился Рыжий констебль. Он не замечает Свифта и Доктора.

С в и ф т. Тсс!.. (*Прячется за дерево*.)

Д о к т о р (*мрачно*). Ну что ж... Начнем с «т-сс»... Для начала и это неплохо...

Встает рядом со Свифтом, наблюдает за фургоном.

Р ы ж и й к о н с т е б л ь (*стучит по решетке*). Мистер Некто!

Н е к т о (*появляясь у решетки*). Что вам, констебль?

Р ы ж и й к о н с т е б л ь. Извините, что мешаю спать...

Но мне хотелось бы еще немного продвинуться вглубь...

Н е к т о. В каком смысле?

Р ы ж и й к о н с т е б л ь. Вспомнить прошлую жизнь...

Значит, мы остановились на том, что я стою на рыночной площади возле тюрьмы...

Н е к т о. Это уже при короле Георге?

Р ы ж и й к о н с т е б л ь. Да.

Н е к т о. Ну, и вспоминайте дальше...

Р ы ж и й к о н с т е б л ь (*закрыв глаза*). Потом мне, стало быть, тридцать... Двадцать... Я женюсь на Полли.

Н е к т о. В прошлой жизни вы тоже женились на Полли?

Р ы ж и й к о н с т е б л ь (*мучительно напрягая память*).

Получается так. Только та Полли была помоложе... И не такая толстая... Она больше похожа на Кэтти, одну девицу, с которой у меня было кое-что, когда я ездил к родственникам в Манчестер...

Некто. Не отвлекайтесь. Вспоминайте сосредоточенно. Вот вам двадцать, и вы женитесь на Полли, похожей на Кэтти, потом вам десять, потом вам пять... четыре... три... два... один... Вы в утробе... Назад! Назад!.. И вот вы в своей позапрошлой жизни...

Рыжий констебль. Это еще, значит, уже при короле Эдуарде?

Некто. Да. Вспомнили что-нибудь?

Рыжий констебль (*испуганно*). Вспомнил.

Некто. Что?

Рыжий констебль. Стою возле тюрьмы на рыночной площади...

Некто. Не путаете?

Рыжий констебль. Нет. Точно... Стою на посту, охраняю тюрьму.

Некто (*печально*). Да. Я так и думал.

Рыжий констебль. Что это значит, сэр?

Некто. Нет смысла вспоминать дальше, Джек... Боюсь, что картина будет одна и та же: время станет меняться, а вы все будете стоять на посту на рыночной площади...

Рыжий констебль (*чуть обиженно*). Почему?

Некто. Очевидно, такова ваша судьба, Джек.

Рыжий констебль. Это очень обидно, сэр.

Некто. Что тут поделаешь...

Рыжий констебль. Это очень обидно, сэр... Я предполагал, что в прошлой жизни мне не пришлось быть каким-нибудь важным лордом или деканом, вроде нашего Свифта, но с другой стороны... За что ж так со мной?.. Стою и стою, и ничего не меняется...

Некто. Извините, Джек, но в этом вы сами виноваты...

Рыжий констебль. Я?

Некто. Разумеется. Что вы сделали для того, чтоб хоть чуть-чуть изменить свою судьбу? Был ли в вашей прошлой жизни хоть один решительный поступок?.. Вы всегда охраняли тюрьму... И при Георге... И при Эдуарде... И при Генрихе...

Рыжий констебль. Но ведь в тюрьмах сидят разбойники!

Некто. Это как посмотреть, Джек. Робин Гуд был разбойником, а впоследствии стал героем. Жанна д'Арк — еретичкой, а через сотню лет она — святая... И только вы, Джек,

тупо стережете замки тюрьмы из века в век, не раздумывая и не размышляя! Вот и сейчас чем вы заняты?

Рыжий констебль. В каком смысле?

Некто. Ну, чем вы сейчас здесь заняты? Для чего поставлены?

Рыжий констебль. Сторожить...

Некто. Значит, через сотню лет, если вам вдруг захочется освежить память об этом дне, что вам суждено припомнить? А ничего хорошего. Вы снова стоите и сторожите безвинных людей, которых упрятали за решетку...

Рыжий констебль. А за что они вас посадили?

Некто. За что сажают в Ирландии?.. За что угодно... Меня — за то, что вечно живу... Скажите, Джек, разве это преступление?

Рыжий констебль угрюмо задумался.

Доктор (*Свифту*). Извините, сэр, я вынужден вмешаться... Такие разговоры опасны... Поверьте, я не новичок в психиатрии...

— Т-сс!

Этот звук раздался откуда-то сзади. Доктор испуганно обернулся и увидел, что сзади стоят несколько горожан и прикладывают палец к губам.

— Т-сс!

Рыжий констебль вновь подошел к решетке фургона.

Рыжий констебль. Господин Некто.

Некто. Я здесь, Джек.

Рыжий констебль. Господин Некто, скажите, как далеко это зашло?

Некто. Что именно?

Рыжий констебль. С какого времени я охраняю тюрьмы?

Некто. Этого я не знаю, Джек. Вспоминайте сами.

Рыжий констебль. Но ведь вы говорите, что живете несколько тысяч лет.

Некто. Да. Это так. Но я не обязательно должен был встречаться с вами. Что вас волнует? Средние века? Нашествие норманнов?!

Рыжий констебль. Тридцать третий год...

Некто. Что?

Рыжий констебль. Тридцать третий год от рождения, год распятия! (*Переходя на шепот.*) Я набожный человек, сэр. Я прощу себе все, кроме этого... Вспомните. Тридцать

третий год. Иерусалим... Городская тюрьма... Стражники выводят Иисуса из тюрьмы...

Некто. Бог с вами, Джек, я этого не помню...

Рыжий констебль. Зато другие помнят... У нас в соборе расписан купол... Там есть и такая картина... Его ведут связанного... Рядом толпа, легионеры... А справа на посту стоит стражник... Рыжие усы... Веснушки... Уши торчат... *(Заскрежетал зубами.)*

Некто. Образумьтесь, Джек! Это были не вы!

Рыжий констебль *(в отчаянии)*. А кто же?

Некто. Уверяю вас. Это был другой человек...

Рыжий констебль. Тогда почему я помню, как все было? Явственно помню, словно случилось это вчера... Помню, как вывели Его, как орала толпа, «как войны, раздевши Его, надели на Него багряницу, и сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость, и становясь перед Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря — радуйся...» А я стоял рядом. Вооруженный. Смотрел... И пальцем не пошевелил, чтоб спасти невинного...

Некто. Вы ошибаетесь, Джек!..

Рыжий констебль. Нет, сэр! Теперь я понимаю, что это был я. И вот откуда началась моя судьба!!! И повторяться ей несчетное количество раз, если б вы, сэр, не научили меня вспоминать... А теперь я должен что-то изменить... *(Полез за пояс, достал ключ, начал открывать замок решетки.)*

Доктор *(выбежав из укрытия)*. Что вы делаете, сержант?

Рыжий констебль *(выхватив пистолет, навел на Доктора)*. Не подходить! Я, сержант Джек, считаю этих людей невинными и дарую им свободу...

Вбегает Черный констебль.

Черный констебль. Джек, что ты делаешь? Рехнулся?!

Рыжий констебль *(наводя на него пистолет)*. Не подходи! Я, сержант Джек, выпускаю этих людей...

Черный констебль. А что я скажу судьбе?!

Доктор. Констебль! Вас накажут!! Вас сурово накажут!!

Черный констебль. Нам грозит трибунал, Джек... Одумайся!

Рыжий констебль. Ты сам одумайся... Вспомни! Сходи в храм, посмотри картину — не найдешь ли свою рожу среди легионеров?..

Черный констебль. Каких легионеров? Он совсем свихнулся!

Рыжий констебль (актерам). Я вас отпускаю! (Вставил ключ в замок, повернул.)

Черный констебль. Стой! (Неожиданно выхватил пистолет, выстрелил в Рыжего констебля.) Извини, Джек! Но это — мой долг! Я — на службе! (Кричит.) Тревога! (Убегает.)

Рыжий констебль пошатнулся, упал на руки Доктора. Из фургона вышел Некто, склонился над констеблем.

Рыжий констебль. Ну, вот и все, сэр... Видите, как просто... Теперь у меня все будет по-другому?..

Некто. Конечно, Джек. Все по-другому. Теперь пошел новый отсчет... Совсем новый...

Рыжий констебль (умирая). Нет, сэр... Совсем новый не обязательно... Пусть Полли повторится... и Кэтти...

Некто. Конечно. Пусть повторятся...

Рыжий констебль. Но финал пусть будет другой.

Некто. Конечно, Джек. Другой... Теперь у вас всегда будет спокойно на душе... И вы будете всегда видеть такое синее-синее небо... Как сейчас...

Доктор бережно опустил Рыжего констебля на землю. Из фургона тихо вышли актеры, молча встали вокруг них.

Неожиданно раздался аплодисменты. Доктор испуганно поднял голову — аплодировали безумные горожане.

Доктор (обращаясь к Свифту, кричит). **НО ЭТО — КРОВЬ!!!** Скажите им! Это — кровь!..

Декал молча смотрит на него.
Аплодисменты усиливаются...

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

7. ОПЕКУНСКИЙ СОВЕТ

Большое помещение, в котором заседает Опекунский совет. Несколько господ в париках стоят у открытых окон, разглядывая небо в подзорные трубы. Среди них Доктор.
Слышны отдельные реплики:

- Вон она...
- Где? Я ничего не вижу...
- Да вон же... Круглая... Похожа на блюдо.
- Комета, господа! Малая комета!
- А я говорю — знак божий!
- А может быть, туча?!
- Нет. Комета.
- Да где? Я ничего не вижу...

Открылась дверь, вошедший лакей провозгласил:

- Губернатор Ирландии сэра Уолпа!

Появились озабоченные Губернатор и Судья Бигс.
Все поспешно расселись вокруг стола.

Судья. Господа! Начинаем экстренное заседание Опекунского совета, который я собрал по распоряжению лорда-губернатора сэра Уолпа.

Все посмотрели в сторону Губернатора, тот сидел с непроницаемым лицом.

Губернатор поручил мне сказать, что он крайне обеспокоен состоянием здоровья нашего дорогого декана Свифта и положением дел в стране. Надо ли говорить, как нас всех тревожит душевный недуг нашего великого современника?.. Но что поделать, если медицина еще так несовершенна?.. Однако

с радостью хочу сообщить, что новый доктор мистер Симпсон вселяет в нас надежду. Всего несколько дней этот молодой эскулап провел в доме декана, а уже сделано много полезного: арестованы актеры, уволена сестра Ванесса, разоблачен мошенник-слуга...

Один из членов совета. Bravo!

Доктор (*растерянно*). Простите, я что-то не понимаю...

Судья (*перебивая*). Не надо скромничать, доктор. Успех — это успех. Однако кое-что еще вселяет тревогу: актеры сбежали, погиб полицейский, мошенник-слуга раскаялся и восстановлен в прежней должности...

Первый член совета. Вчера в Дублинском порту опять утонули две шхуны...

Второй член совета. Груженных?

Первый член совета. Разумеется... Груженных сукном. Прекрасным английским сукном...

Епископ. Не забудьте еще про волнения в Ковентри...

Судья. Да, да... Разумеется... Волнения в Ковентри... Уличные беспорядки в Глазго... И, наконец, это... (*Жест в сторону окна.*) Станный, загадочный летающий объект, который появился в небе Ирландии, вызывая страх у населения...

Ученый. Комета, господа, типичная бесхвостая комета!

Судья. Вы уверены?

Ученый. Разумеется. Есть неоспоримые доказательства!

Епископ. Знак божий! Предвестие Страшного суда...

Ученый. Бесхвостая комета! Поверьте, ваше преосвященство.

Епископ. Оставьте небо церкви, сын мой!

Ученый. Нет уж, позвольте! Небо — часть космоса, оно принадлежит науке!

Губернатор (*тихо, но для всех*). Небо над Ирландией — часть Ирландии. И принадлежит Англии.

Судья. Бесспорно, сэръ, бесспорно! (*Всем.*) Именно поэтому мы запросили Лондон о характере явления...

Один из членов совета. И что они ответили?

Ученый. Бесхвостая комета, да?

Судья. Если бы...

Епископ. Страшный суд?

Судья. Хуже. Они пишут: «Решайте сами!»

Пауза.

Какие будут на этот счет мнения, господа?

Молчание.

Тогда есть общее мнение считать это странное небесное тело несуществующим.

Первый член совета. Мираж? Сон? Видение?

Судья. Это уж как мы решим... Здесь полная свобода выбора.

Ученый. Предлагаю термин: «галлюцинация». Типичная галлюцинация, господа! И она подтверждается неоспоримыми фактами...

Первый член совета. Это верно. Как только на Земле нет порядка, так сразу в небе появляются всякие летающие...

Ученый (*подсказывая*). Галлюцинации...

Первый член совета. Галлюцинации. Вспомните историю Британии. Так было во время восстания Кромвеля, во время знаменитого лондонского пожара... Во время повышения цен на виски...

Второй член совета. А теперь — Свифт!

Все. Да... Да... Конечно... Разумеется...

Доктор (*изумленно оглядываясь*). Простите, господа, я что-то не понимаю...

Судья (*с легким раздражением*). Да что ж это такое? Вы случайно родом не из Ноттингемшира?

Доктор. Да. А что?

Судья. Нет. Ничего. Я так и подумал...

Все заулыбались, снисходительно поглядывая на Доктора.

Вы читали третью часть «Приключений Гулливера»?

Доктор. Я начал... Но она мне показалась скучной...

Судья. Скучной?.. Ну знаете ли... (*Достал книгу.*) А вот прочтите-ка здесь... Страница двести семьдесят первая. (*Передает книгу Доктору.*) Велух, пожалуйста!

Доктор (*читает*). «...Вдруг стало темно, но совсем не так, как от облака... Я оглянулся назад и увидел в воздухе большое непрозрачное тело, заслонившее солнце. Читатель едва ли будет в состоянии представить себе, с каким удивлением смотрел я на парящий в небе остров...»

Губернатор (*тихо, но для всех*). «Парящий в небе остров»... Красиво!

Судья. Безусловно, сэръ! Стиль у него безупречный... Читайте дальше, доктор..

Доктор. «...Остров этот имеет форму круга диаметром 7837 ярдов или около четырех с половиной миль...»

Ученый (*глядя в окно через подзорную трубу*). Как всегда, он точен. Галлюцинация именно этих размеров!!..

Доктор (*отложил книгу*). Я все понял, господа!

Ученый (*иронично*). Наконец-то... Поздравляем...

Судья (*Ученому*). Погодите поздравлять. Надо узнать сначала, что он понял... Он же из Ноттингемшира...

Доктор. Вы хотите это (*жест в сторону окна*) приписать Свифту?

Судья (*недовольно*). Что значит «приписать», доктор? Выбирайте выражения... Все им давно написано. Вы должны понимать, что столь подробное и художественное описание может вызвать и у всего народа довольно аримую галлюцинацию...

Ученый. Эпидемия безумия! Когда сходит с ума простой человек — это незаметно, но когда взрывается такой мощный интеллект, как Свифт, мысли и образы летят во все стороны...

Доктор. Но декан Свифт — не сумасшедший.

Первый член совета. Не горячитесь, доктор, не горячитесь...

Доктор (*твердо*). Повторяю: господа, декан Свифт не сумасшедший!! Утверждаю это как врач!

Первый член совета. Не горячитесь, дорогой мой, не горячитесь...

Доктор (*настойчиво*). Декан Свифт абсолютно здоров! О чем я и сообщил в Лондон.

Общее замешательство.

Судья (*сухо*). Когда сообщили? Кому?!!

Доктор. Несколько дней назад я выслал письмо...

Судья (*Губернатору*). Значит, перехватить не успеваем... (*Доктору*.) Кому? Кому вы писали, сэр?

Доктор. Меня просил об этом один депутат.

Судья. О боже! Стало быть, все станет известно парламенту и печати...

Епископ. Неосмотрительно! О, как неосмотрительно!..

Губернатор (*встал, подошел к Доктору*). А как вообще он здесь!..

Всеобщее молчание.

Я спрашиваю: как получилось, что этот человек здесь? Кто назначил?!!

Пауза.

Судья (*тихо*). Вы, сэр!

Губернатор (*зло*). Я знаю!! Я спрашиваю, кто мне рекомендовал?

Судья. Мы полагали, у этой кандидатуры есть масса

достоинств: молод, глуп, необразован... Не попадет под влияние декана...

Губернатор. Кто конкретно его утвердил?!!

Судья (*нерешительно*). Свифт! Из всех предложенных докторов декан почему-то выбрал этого...

Губернатор секунду смотрит на Доктора, потом решительно идет к выходу. Судья бросается за ним.

Перерыв, господа! Небольшой перерыв...

Судья и Губернатор скрываются за дверью. Члены совета, перешептываясь, подошли к окну, вновь принялись рассматривать «парящий остров».

Доктор (*обращаясь ко всем*). Господа! Может быть, вы объясните, что случилось?.. Кому нужен этот обман?!!

Все демонстративно не слушают, заглядывают в подозрные трубы.

(*Почти кричит.*) Что произошло?!!

Первый член совета (*взяв Доктора под руку и переходя на шепот*). Не надо кричать, молодой человек. Что произошло, мы узнаем, когда вернутся судья и губернатор... Могу вам сказать свои соображения: вы погубили нас, вы погубили Ирландию, вы погубили Свифта...

Доктор. Да почему, черт подери?!

Первый член совета. Вам же объяснили: Свифт — великий сатирик. Это — если судить по законам искусства.

Второй член совета (*берет Доктора за другую руку, шепчет*). А если просто по законам — то за каждый памфлет ему полагается минимум пожизненное заключение...

Ученый (*подходя сзади*). И вот сама жизнь подсказала выход: декан объявляется безумным, мы его — опекаем... Он пишет что хочет, мы возмущаемся как можем...

Епископ. И все чисто перед богом!

Первый член совета. И перед правительством!

Второй член совета. И перед народом!

Ученый. Понимаете, какую гармонию вы разрушили, доктор?!

Доктор. Но я всего лишь установил диагноз...

Первый член совета. Бывает время, сэр, когда и диагноз — это донос!..

Открылась дверь. Вошли озабоченные Губернатор и Судья. Все поспешно расселись вокруг стола.

Судья. Господа! Продолжаем заседание Опекунского совета. После важного открытия, которое сделал наш доктор, мы уже не можем ждать указаний из Лондона и спокойно

взирать на поведение декана... Все его чудачества, особенно эти нелепые похороны, которые он проводит в отношении себя, должны закончиться немедленно!..

Первый член совета. Но как?

Судья. Самым естественным образом!!!

Пауза. Все опустили глаза.

Доктор (растерянно). Простите... Я что-то не понимаю...

Судья (угрюмо). Читать надо больше, молодой человек... (Кладет перед ним книгу.) Страница двести восемьдесят вторая...

Доктор (читает). «...Если какой-нибудь город поднимает мятеж и мятежники продолжают упорствовать, король прибегает к радикальному средству: «летающий остров» опускается прямо на головы непокорных и сокрушает их вместе с домами!»

Губернатор (тихо, но для всех). «...сокрушает вместе с домами». Довольно зримый образ. Нет, что ни говорите, а покойный был замечательным стилистом...

Все послушно закивали. Епископ тихо начал читать молитву...

8. ГУЛЛИВЕР

Кабинет Свифта. За письменным столом — Свифт, рядом — мисс

Эстэр Джонсон с блокнотом в руках.

Из открытого окна доносится песенка. Голос поющей очень похож на голос Ванессы.

Эстэр. Я закрою окно, ваше преподобие? Становится сыро... (Подошла к окну, увидела невицу, очень похожую на Ванессу.) Пожалуйста, девушка, пройдите в сад... Там накрыт столик для гостей. Вас накормят. (Закрывает окно.) Поразительно, как эта бродяжка похожа на Ванессу... Я имею в виду не ту Ванессу, которая здесь была, а ту, которую вы любили... (Осеклась.) Извините, сэр! Я вторглась в ваши воспоминания... Продолжим работу. (Достала блокнот.) Итак, ваш ответ на статью лондонского критика: «...Вы пишете, что я мизантроп? Что ж, может быть, и так... Главная цель, которую я поставил себе во всех моих трудах, это скорее обидеть людей, нежели развлечь их... В принципе я ненавижу и презираю животное, именуемое человеком, хотя сердечно люблю конкретно Джона, Питера, Тома и так далее... Я убедился, что существующее определение «человек — разумное животное»

фальшиво и несколько преждевременно. Правильней формулировать: «человек — животное, восприимчивое к разуму. На этой базе мизантропии воздвигнуто все здание моих путешествий...» (*Отрываясь от блокнота.*) Я все правильно записала?

Свифт задумчиво смотрит куда-то вдаль.

Не слишком оскорбительно для человечества, ваше преподобие? Вспомните шутку ваших друзей: «Если б Свифт и вправду ненавидел людей, он бы не делал это так страстно».

Свифт встал, подошел к окну, прижал лицо к стеклу. Где-то вдали мелькнула девушка, похожая на Ванессу.

Декан, вы отвлекаетесь... (*Печально.*) Я устаю. Очень трудно понять человека, который думает сразу о всем человечестве и о девушке за окном...

Свифт повернулся к ней лицом.

Нет, сэр, я уже вам говорила: я не знаю, где Ванесса похоронена... Мы наводили справки, но безрезультатно!.. (*Неожиданно зло.*) Между прочим, могила Стеллы находится здесь, у стены собора... Там третий день не меняют цветы... А ведь она так любила полевые цветы...

В саду послышался шум. Камень, разбив стекло, влетел в кабинет. Эстэр испуганно вскочила.

Опять эти ужасные «еху»! Здесь небезопасно оставаться, ваше преподобие!

Свифт невозмутим. Вновь раздаётся звон разбитого стекла. За окном — шум, звуки борьбы, затем распахнулась дверь, и Доктор втащил в кабинет упирающегося Патрика.

П а т р и к (*упираясь*). Вам показалось, доктор...

Д о к т о р. Показалось? (*Вывернул карман камзола Патрика, несколько камней высыпалось на пол.*) Еще бы немного, и этот негодяй переколотил здесь все окна!

Свифт подошел к Патрику, печально заглянул ему в глаза, потом, круто повернувшись, направился к выходу. Патрик бросился за ним.

П а т р и к. Неправда, господин декан. Это не я. Это — они! «Еху»! Я просто гнал их и махал руками, а доктору померещилось, что кидаю я...

Свифт вышел. Патрик повернул к Доктору лицо, полное отчаяния.

Что вы натворили, сэр? Вы ранили декана в самое сердце...

Доктор (*обращаясь к Эстэр*). Много наглецов я видел на своем веку, но такого...

Эстэр. Ступайте, Патрик! Наш доктор безусловно ошибся, и я постараюсь его в этом убедить...

Патрик. Убедите хозяина, мисс Джонсон... Это — главное. У него утром был сердечный приступ...

Эстэр. Постараюсь. Не волнуйтесь, друг мой...

Патрик уходит.

Доктор (*решительно*). Так!.. Я все понял! Здесь — разговор! Вы, мисс Джонсон, этот мошенник-слуга, Опекунский совет — вы все хотите смерти декана. Мне намекнули сегодня, что здесь может произойти несчастный случай. Теперь я понимаю, кто его готовит...

Эстэр. Извините, доктор, я всегда была невысокого мнения о вашей догадливости. Наверное, потому, что вы из Ноттингемшира...

Доктор. Какого черта вы прицепились ко мне с этим Ноттингемширом?

Эстэр. Говорят, там чрезмерные туманы и район сильно отстает в своем развитии... Поэтому умоляю вас, не будьте категоричны! Вы находитесь в необычном доме, общаетесь с неоднородными людьми. Не торопитесь делать о них выводы!.. И если вам показалось вдруг, что кто-то бросил камень...

Доктор. Не кто-то, а Патрик! Я это видел собственными глазами!!

Эстэр. Даже если так. Подумайте — зачем? Хотел ли он причинить зло или, наоборот, стремился сделать хозяину приятное.

Доктор (*обалдело*). Приятное?!

Эстэр. Сатирикам принято бить стекла! В этом специфика жанра! Поэтам бросают цветы, обличителям — булыжники! Это их слава и гонорар... Сатирик, который перестал возмущать, — кончился. Его жизнь потеряла смысл! Вот почему ваш поступок так огорчил декана!

Доктор. Я же и виноват!! Вы здесь устраиваете спектакли, а я виноват... Может, он плохой сатирик, ваш Свифт...

Эстэр (*гневно*). Свифт — гениальный писатель! Но он — в западне. Его загнали в этот дом, заткнули рот, окружили стеной непонимания...

Она подошла к окну, распахнула шторы. Стали видны лица горожан, равнодушно взвращающие на Доктора.

Вот они — настоящие «еху»! Вглядитесь в эти тупые физиономии... Их ничто не волнует, ничто не может растормозить!

Свифт окружен стеной непонимания!! Он нанял актеров, чтобы те несли людям его мысли: власти оказались хитрей — они наняли зрителей!.. Круг замкнулся!.. (*Задержала штору.*) Впрочем, я никого не виню. Время изменилось, сэр... Кто сейчас реагирует на намеки и подтексты, которыми так славился декан... Все всё давно понимают, и уже ничто никому не смешно... Атрофировалась совесть! Вот что терзает душу Свифта. Вы подозреваете, что здесь может произойти убийство? Оно уже происходит! Для этого не нужна ножа или яда... Можно убивать непониманием... Ежесекундно, планомерно, не нарушая закона... И в этом, может быть, самая главная роль отведена вам. Тут уж губернатор с судьей постарались! Вы можете, сэр, извините, доконать любого человека! С более крепким здоровьем, чем у нашего декана...

Пауза. Доктор подошел к окну. За разбитым стеклом шумел дождь.

Доктор. Хорошо! Я уеду.

Эстер. Не уверена, что это будет правильным решением...

Доктор (*перебивая*). Нет, нет. Я уеду!.. Я — врач. Первая заповедь Гиппократы: «Не вреди!» Я не хочу быть причиной ничьей гибели!.. Зачем?.. В конце концов, я не просился сюда... Я жил спокойно в своем маленьком Ноттингемшире, ходил каждый день на службу, у меня была нормальная жена, нормальные дети, и я нормально лечил нормальных сумасшедших... Зачем меня притащили сюда, в этот странный дом, построенный неизвестно для кого?.. Будь он проклят со своими розыгрышами и мистификациями! Здесь нет ничего святого! Смерть, любовь, вера — лишь повод позубоскалить! Всё! Пора уходить!.. Помочь я никому не смог, зато сам не сошел с ума! И на том спасибо!

Эстер (*с беспокойством*). И все-таки я просила бы вас остаться! Декан считает, что вы ему очень нужны!

Доктор (*гневно*). Откуда вы знаете, что он считает?!!

Эстер. Мне трудно вам все сразу объяснить, доктор... (*Сняла с полки книгу.*) Прочтите книгу декана, сэр... Вдруг вам что-то станет понятней...

Она положила книгу перед Доктором, пошла к дверям. Доктор секунду смотрел ей вслед, затем в гневе закричал.

Доктор. Передайте декану, что его книга имеет у меня оглушительный успех!!

После чего размахнулся и со всей силы запустил книгу в стекло.

Э с т э р (*зло*). Декан прав: человек может быть худшим из всех зверей! Обезьяны бьют зеркала, потому что им не нравятся собственные физиономии, но бить писателю окна его же книгами — до этого может додуматься только царь природы!..

Она вышла. Дождь усиливался. Доктор глянул в окно. Книга разорвалась, и теперь ветер разносил ее листки. П а т р и к смешно суетился, ловя их. Доктор секунду наблюдал за ним, потом выбежал, стал помогать. Скоро они вернулись в дом, мокрые, но какие-то умиротворенные...

П а т р и к (*раскладывая листки у камина*). Ничего, ничего, сэр... Высушим, разгладим утюгом, переплетем... Будет как новенькая...

Д о к т о р (*пристыженно*). Извините меня, Патрик! Я разволновался, был взбешен...

П а т р и к. Что вы, сэр! Предыдущий доктор вместе с книгой кинул в окно и себя... А у вас — вполне нормальная реакция. Декан говорит: «Моя задача не развлекать, а вызвать суровое негодование...» У него и на гробовой доске, которую он заказал, сказано: «Суровое негодование не раздражает здесь уже его сердце»...

Д о к т о р. Скажите, Патрик, вы тоже слышали, как декан разговаривает?

П а т р и к. Неоднократно, сэр...

Д о к т о р. Только честно...

П а т р и к. Я бы даже сформулировал так: он практически не замолкает...

Д о к т о р (*устало*). Пошел вон!!

П а т р и к. Слушаюсь! (*Сделал шаг, остановился.*) Напрасно обижаетесь, доктор. Вы спросили, я ответил...

Д о к т о р. Хотите меня уверить, что декан болтун?

П а т р и к. Разумеется, нет сэр. К нему вообще такое объяснение не подходит... Декан перестал пользоваться словами. Они искажают смысл! Особенно в наше время. Мы заврались: думаем одно, говорим другое, пишем вообще непонятно что... Декан сделал шаг вперед: он изъясняется мыслями! Это высший способ общения разумных существ — минуя уши, не разжимая рта. Напрямую!

Д о к т о р. И вы его понимаете?

П а т р и к. Не всегда и не всё... Но иногда... Вот сегодня утром он поделился со мной мыслями о Декарте...

Д о к т о р. О ком?

П а т р и к (*огорченно*). Ну вот... Вы и не слышали о таком философе... Вам будет непонятно...

Д о к т о р (*сердито*). Не наглейте, Патрик! Не забывайтесь: я — доктор, вы — лакей...

П а т р и к. Не в этом дело, сэр. Вы здесь всего несколько дней, а я много лет... Тут каждый год идет за два университетских...

Д о к т о р. Я должен понять... Научите меня, Патрик!

П а т р и к. Да я только этим и занимаюсь, сэр! Но что делать, если на все нужно время и терпение... Вспомните, сколько сил потратила ваша маменька, сколько носила на руках, кормила грудью, делала «агу-агу»... И все для чего? Чтоб научить вас ГОВОРИТЬ!.. А молчать?! На это уходит жизнь! Нет! Надо начинать с самого начала... Прочтите книгу декана.

Д о к т о р. Она скучная...

П а т р и к *(как непослушному ребенку)*. Не скучная! Не капризничайте!.. Ну хорошо, вот вам детское издание... *(Достал книгу с полки.)* Адаптированное... Ну, хоть картинки полистайте!.. Картиночки!!! Ну?!

Под пристальным взглядом Патрика Доктор перелистнул несколько страниц. Мелькнули иллюстрации. Тихо зазвучала музыка. Доктор перевел взгляд на картину, висевшую на стене, потом снова на иллюстрации книги...

Д о к т о р *(тихо)*. Шляпу!

П а т р и к. Что?

Д о к т о р *(громко)*. Шляпу!!

П а т р и к. Какую, сэр?..

Д о к т о р. Большую!! И камзол... Дорожный камзол...

П а т р и к. Сейчас... Сейчас... *(Заметался, распознул шкаф, достал зеленый дорожный камзол, шляпу.)*

Доктор выхватил у него из рук, поспешно стал переодеваться.

Д о к т о р *(шепотом)*. Я — Гулливер!

П а т р и к *(шепотом)*. Кто?

Д о к т о р *(кричит)*. Я — ГУЛЛИВЕР! Из Ноттингемшира!.. Тут же написано: «Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире»... Доктор из Ноттингемшира, Ламуэль Гулливер... Как я сразу не понял? *(Подбежал к зеркалу.)* Я — Гулливер!.. *(Затанцевал, бросился к клавесину, застучал по клавишам.)*

В Ноттингемшире! В Ноттингемшире! В Ноттингемшире!
Тара-ра-ра!

Самые глупые, глупые в мире

Живут доктора...

П а т р и к. Ну, слава богу! Наконец-то... *(Торжественно пошел к выходу.)* Мисс Джонсон! У нас — радость! Доктор тронулся!.. *(Скрылся за дверью.)*

Доктор продолжал барабанить по клавишам. Звуки стали вырастать в мелодию, слова — в песню. Ее подхватили горожане, облепившие окна... Песня закончилась громким, ликующим аккордом. В безумном порыве Доктор вскочил на подоконник и прыгнул в сад. Раздались аплодисменты, грохот падающего тела, и наступила темнота...

9. МОЛЧАНИЕ ДОКТОРА СИМПСОНА

Темнота постепенно начала исчезать, давая очертания предметам. Звуки тоже постепенно стали возвращаться...

Доктор открыл глаза и обнаружил, что лежит на диване в кабинете Свифта. Над ним склонились Эстер и Патрик.

Эстер (*разглядывая Доктора*). Поразительно... У него изменилось лицо.

Патрик. Обратите внимание на зрачки... Совсем другой взгляд. Какая глубина!

Эстер. Да, да... И там, на дне,— таинственность и отблеск страданий...

Доктор застонал.

(*Заботливо.*) Как вы себя чувствуете, доктор?.. Вы не совсем удачно вышли через окно...

Доктор вновь застонал.

Ничего страшного. Здесь это бывает... И пожалуйста, не разговаривайте...

Патрик. Да, да, сэр... Попробуйте отвечать молча... Мыслью! Вы же хотели научиться...

Доктор присел на диване, обалдело посмотрел на Патрика, затряс головой. Нет, мимика не нужна! Только взглядом...

Доктор посмотрел на него.

Вот!! Я все понял... Вы мысленно спросили: какого черта вам надо?.. Замечательно! Объясните все доктору, мисс Джонсон! (*Подожел к окну, вынул подзорную трубу, стал наблюдать за небом.*)

Эстер (*шепотом*). Доктор... У меня нет времени все подробно рассказывать, но если вы и вправду беспокоитесь за жизнь декана, то вы можете ему помочь! Вы только сейчас ощутили себя Гулливером и сделали, на мой взгляд, это убедительно...

Патрик (*нервно*). К делу, мисс Джонсон... Некогда! Они зависли над садом...

Эстер (*испуганно оглядываясь*). Имеется в виду этот

«парящий остров»! Мы все гадали, что это: комета или посланцы иных миров? Сегодня утром здесь появились какие-то люди, которые заявили, что они — «пришельцы из будущего»... Лапутяне...

Доктор потряс головой.

Да, сэр, я тоже сделала такой жест, но они убедили меня, что это — правда и что они прилетели, чтоб встретиться с деканом Свифтом, поскольку у них там отмечается трехсотлетие его смерти... И тут мы с Патриком подумали: а вдруг это обман? Вдруг это подосланные губернатором наемники?! Можем ли мы подвергать такой опасности декана?!

Доктор глянул на нее, мучительно соображая, потом встал, направился к письменному столу.

П а т р и к (*радостно*). Вы все правильно поняли, сэр! Они не знают его в лицо. Я бы сам сел, но у меня глаз пустой... Вызовет сомнения...

Э с т э р (*усаживая Доктора в кресло*). Вот так... Возьмите в правую руку перо... Так его обычно изображают художники... Накинем мантию...

П а т р и к. Скорее, мисс Джонсон!! Остров идет на посадку... (*Подбежал к Доктору, положил перед ним пистолет.*) На всякий случай, сэр!

Э с т э р. Благослови вас бог!

П а т р и к (*поспешно зашторивая окна*). Не волнуйтесь, доктор... Сидите паблюдайте... Нам только выяснить... (*Он обернулся и, увидев пронзительный взгляд Доктора, склонился в почтительном поклоне.*) Извините, господин декан! Я всегда лезу с идиотскими советами...

Патрик и Эстэр исчезли. Зазвучала загадочная музыка... Пронзительный звук приближался, нарастая. Послышался треск. Разрывая обои, стены, в кабинет ворвалась толпа странных людей в кожано-нейлоновых одеяниях... Мелькают блицы фотоаппаратов, стрекочут кинокамеры. Толпа гостей обступила Доктора. Неожиданно из толпы выскочил вперед Л а п у т я н и н, заговорил в бодром темпе, извергая информацию и явно не стесняясь присутствия хозяина...

Л а п у т я н и н. Благоговение, друзья! Благоговение! Вы — в доме Джонатана Свифта. Год рождения — 1667-й, год смерти — 1745-й. В ряду великих сатириков прошлого у Свифта особое место. Не ищите в нем радостного оптимизма Рабле, изящной иронии Вольтера, отстраненного скептицизма Франса... Свифт — яростно саркастичен! •

Один из гостей (*испуганно поглядывая в сторону Доктора*). Вы уверены, что он нас не замечает?

Лапутянин. Я объяснял — декан невменяем. В последние годы жизни впал в безумие... Обратите внимание: отсутствующий взгляд, на лице — выражение опустошенности, полное отсутствие рефлексов!.. (*Изыщным движением достал булавку, уколел Доктора в плечо — Доктор не шелохнулся.*)

Один из гостей. «Миньерова болезнь»?

Лапутянин. Специалисты считают, что так... Таким образом, мы его вряд ли беспокоим... Мы где-то в подсознании, мы для него — видение...

Один из гостей. Бедняжка!

Один из гостей. Почему он не похож на свой портрет?

Лапутянин. Вы имеете в виду работу Джеверса в Национальной галерее? Она недостоверна... Внешний облик декана — одна из многих загадок исследователей. (*С улыбкой посмотрев на Доктора.*) Мистификатор! Художникам не позировал, собственные книги не подписывал. Даже рукопись «Гулливера» подбросил издателю анонимно... Под дверь...

Один из гостей. Какая беспечность! Она ж могла пропасть...

Лапутянин (*с усмешкой*). Разве классики думают о нас? Жгут рукописи, рвут черновики...

Один из гостей. В чем причина его мрачного сарказма?

Лапутянин. Эпоха! Конец феодализма, бурный рост новой буржуазной формации, в идеалах которой он быстро разочаровался... А тут еще превратности судьбы...

Один из гостей. Вы имеете в виду Стеллу или Ванессу?

Лапутянин. Я имею в виду обеих... Две прекрасные женщины любили его, он погубил их своей черствостью и эгоизмом... Бедняжки умерли совсем молодыми!..

Гостья, похожая на Эстэр. Неправда!

Лапутянин. Простите, что именно?.. Неправда, что они умерли, или неправда, что их было только две?..

Смешок среди гостей.

Гостья, похожая на Эстэр (*выходя вперед*). Не собираюсь подсчитывать количество женщин, встретившихся на пути мужчины... Сколько бы их ни было, главной остается — одна. Единственная! Так было и будет...

Гостья, похожая на Ванессу. Вы, конечно, уверены, что это — Стелла?

Гостья, похожая на Эстэр. Как вы догадались?

Гостья, похожая на Ванессу. Вы на нее похожи...

Гостья, похожая на Эстэр. Неважно, кто на кого похож... Есть дневники Свифта.

Гостья, похожая на Ванессу. Можно верить тому, что напишет мужчина о женщине?.. Главное, что происходит в его подсознании... Судя по портретам Ванессы, она была значительно красивей соперницы...

Гостья, похожая на Эстэр. Но, судя по ее письмам, значительно глупей...

Смешок среди гостей.

Лапутянин. Благоговение, друзья, благоговение!

Гостья, похожая на Ванессу. А зачем мы спорим в присутствии первоисточника? Давайте спросим у декана: Стелла или Ванесса? *(Решительно направляется к Доктору.)*

Лапутянин *(испуганно)*. Но декан не разговаривает!

Гостья, похожая на Эстэр. А нам достаточно только взгляда... *(Доктору.)* Стелла или Ванесса?

Гостья, похожая на Ванессу. Ванесса или Стелла?! Ваше преподобие, бесчестно быть таким нерешительным!!

Доктор испуганно прячет глаза. Шум среди гостей.

Лапутянин. Благоговение, друзья! Благоговение! Не будем переходить границы приличия!.. Тем более в присутствии хозяина...

Один из гостей. Вы же говорили, что декану это безразлично...

Лапутянин *(смущен)*. До известных пределов...

Одна из гостей. Нет, вы скажите точно: мы для него видение или нет?

Лапутянин. Видение!.. Но не надо превращать его в кошмар!.. Будем сдержанны, друзья мои!.. Пройдите в сад. Осмотрите цветники... архитектуру... А в полночь, когда зазвонят колокола, прошу всех собраться у собора на площади. Начнется самое интересное!

Гости исчезают. Лапутянин задерживается, подходит к Доктору.

Браво, доктор! Вы замечательно промолчали свою роль...

Доктор не отвечает.

Не хотите говорить? Спектакль не окончен? *(Подбегает к шкафу, аплодирует.)* Браво, декан! Гости от души посмеются,

узнав, как остроумно вы их одурачили... *(Распахнул дверцу шкафа, заглянул.)* А где же наш шутник? Уверен, что он где-то прячется... *(Начинает сердиться.)* Глупо дальше молчать, доктор... Некрасиво! Декану, очевидно, надоело смеяться над современниками, он решил поиздеваться над потомками... Опасный эксперимент! Когда кого-то не уважаешь, можешь парваться на ответное чувство!... Это я вам говорю как специалист, как исследователь его жизни и творчества... Писатель-то он, честно говоря; средний. И неблагодарный... Я бы мог посвятить жизнь Диккенсу... Теккерею... Голсуорси, наконец!.. А я с юности просиживал штаны в библиотеках и архивах, изучая Свифта, и вот как он меня встречает!! *(Кричит невидимому Свифту.)* Вы — забытый писатель, сэр!! Хрестоматийный классик, которого никто не читает!! Спроси у читателей, что такое гуингны, Глабдобдриб... Бробдингег? Половина не слышала, половина не слышала и не выговорит... У вас не сложилась судьба, сэр!! А заодно и у меня, потому что я писал о вас!! И все потому, что вы не сумели прожить жизнь... достойно!

Доктор молча взял пистолет, навел на Лапутюнина. Тот вздрогнул, но взял себя в руки, усмехнулся.

А вот это — совсем пошло! Пистолеты, шпаги оставим Вальтеру Скотту! Это скорей в его стилистике... У Свифта все проще... Не волнуйтесь, его никто не убивал. Это я вам говорю как специалист. Он умер обычно и невыразительно — от обыкновенного сердечного приступа... 19 октября 1745 года. Это написано во всех энциклопедиях... Могу показать... *(Достал из портфеля книгу, положил перед Доктором.)* «Записки Опекунского совета», академическое издание... И не смотрите на меня как на сумасшедшего, доктор! Тот факт, что я появился здесь, в приюте, ни о чем не говорит. Нам, пришельцам из будущего приходится часто прикидываться безумными... Иначе нам бы не простили наши пророчества... Ну что?! Будете стрелять или поверите на слово?!

Доктор опускает пистолет.

Благодарю!.. А теперь я, пожалуй, пройду к гостям! Эти «эрудиты» так и норовят в каждой эпохе оставить надпись на стене. А потом историки ломают головы, откуда в восемнадцатом веке мог появиться фломастер?! *(Уходит.)*

Доктор открыл книгу, начал листать. В кабинет вбежали Патрик и Эстер.

Патрик (*с досадой*). Надо было спустить курок, доктор!.. Если это был человек ОТТУДА, пуля бы ему не повредила, а если человек губернатора — тем более!!

Эстэр (*взяла книгу из рук Доктора.*) Но она издана двадцать лет спустя...

Доктор. Может быть, фальшивка?

Патрик. Эх, сэр, надо было спустить курок!

Эстэр (*открыла книгу, начала медленно читать вслух*). «19 ОКТЯБРЯ 1745 ГОДА НЕ СТАЛО ДЖОНАТАНА СВИФТА. НАКАНУНЕ ВЕЧЕРОМ ОН ИСПЫТЫВАЛ СТРАННОЕ БЕСПОКОЙСТВО, ТОЧНО ПРЕДЧУВСТВОВАЛ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ МИГ. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ БЛИЗКИХ ДЕКАНА, ОН ДАЖЕ НЕОЖИДАННО ЗАГОВОРИЛ ПОСЛЕ ДОЛГИХ ЛЕТ МОЛЧАНИЯ. ПЕРВОЕ СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ СВИФТОМ, БЫЛО СЛОВО «КОГДА?»».

Распахнулась дверь. На пороге стоял С в и ф т. Эстэр испуганно захлопнула книгу.

10. ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ ДЖОНАТАНА СВИФТА...

С в и ф т. Когда?

Эстэр. Не понимаю, о чем вы спрашиваете, декан?

С в и ф т. Уверен, эти люди сообщили вам точную дату...

Доктор (*строго*). Прекратить! Вам не идет болтовня... Молчащим вы, извините, казались умней...

С в и ф т. Когда я умру, доктор?

Доктор. Вдвойне бестактный вопрос!! Если б я и знал — не сказал бы... Есть врачебная этика. Я давал клятву!

С в и ф т. Хорошо. Я избавлю вас от необходимости нарушать эту клятву... Можете говорить смело, доктор... Ваш ответ никак не отразится на моем самочувствии... Дело в том, что я — не Свифт.

Доктор (*с улыбкой*). Так... Ну... Это — другое дело. Это — нормальный параноидный бред, который я понимаю и знаю, как лечить.

С в и ф т. Подтвердите, Патрик!

Патрик. Мне нечего подтверждать, сэр!.. Я ни в чем не уверен...

С в и ф т. Расскажите, как все было!

Доктор. Не старайтесь, Патрик. Все равно не поверю!

Патрик (*с азартом*). И правильно сделаете, сэр! Можно ли верить в такую чушь?! А дело было, значит, так... Много лет назад я пошел приглашать в наш дом бродячий театр...

Ну, чтоб они здесь изображали психов, вы знаете... Так вот среди них был один актеришка... (*Свифту.*) Извините, сэр, не хочу никого обидеть... (*Доктору.*) Так вот, там был один актеришка, очень похожий на нашего декана... Я даже подумал, не брат ли? Рассказал об этом декану... Он пригласил этого парня в наш дом... Потом они вместе ходили, беседовали... молчали... Потом ОН исчез...

Доктор. Кто?

Патрик (*неуверенно*). Как это — кто? Ясно — кто!.. (*Смотрит на Свифта.*) Господа, не надо сбивать меня вопросами... И у лакеев есть нервы!

Свифт (*с улыбкой*). Он прав! И, кто бы я ни был, мне необходимо знать свой час, доктор... Все равно: доиграть или «дожить»... И то и другое надо сделать достойно! Я сам хочу решить, как мне распоряжаться остатком отпущенного времени... Когда?

Доктор молчит.

Хорошо! Попробуем понять друг друга молча... Вы этому долго учились, теперь ваши труды увенчаются успехом...

Доктор поспешно вскочил.

Неужели завтра?

Доктор. Я этого не говорил!!

Свифт (*печально*). Значит, завтра... Девятнадцатого октября. А если точнее? Утром? Вечером? Извините, но в таком деле каждый час дорог...

Патрик (*с отчаянием*). Не отвечайте, доктор! Не думайте про это...

Свифт. Значит — ровно в полночь... Осталось — два часа...

Патрик. Ну, просили же мысленно помолчать!..

Свифт. Теперь — молчите все! Вы и так отняли у меня много времени... Человек слабее смерти потому, что у нее есть преимущество: она знает час своего прихода, а человек — в неведении... А теперь мы с ней на равных! И неизвестно, за кем последнее слово... (*Взяв у Эстэр книгу.*) Что тут про меня она придумала? (*Читает.*) «19 октября плачем, стонами и рыданиями наполнился дом Джонатана Свифта...» Кто это пишет? «Губернатор Уолп»? Наглый враль! Все будет не так!! Я столько раз это репетировал, чтоб избежать банальностей... И два часа — не так мало. Мы успеем подготовиться... Патрик! Мисс Джонсон! Соберите всех актеров... Всех, всех... Вы меня понимаете?

Эстэр. Разумеется, декан.

С в и ф т. И пригласите их сюда. Передайте: у нас последнее представление, и необходимо кое-что обсудить... Вам все понятно?

П а т р и к. Безусловно, сэр!

Патрик и Эстар уходят.

Д о к т о р. Вы меня очень огорчаете, декан! Словно нарочно делаете все, чтобы предсказание сбылось!..

С в и ф т. Наоборот! Мы его перечеркнем, и вы мне в этом поможете. (*Берет бумагу, перо, кладет все это перед Доктором.*) Плевать нам на мемуары какого-то глупого губернатора... У историков будут воспоминания лечащего врача. Юридический документ, который невозможно опровергнуть!

Д о к т о р. Имейте в виду, я стану писать только правду.

С в и ф т. Конечно! Правду в высшем значении этого слова. Пишите! «Я, доктор Симпсон из Ноттингемшира, свидетельствую о последних минутах пребывания моего пациента Джонатана Свифта в Дублине... Поздно вечером, накануне всем памятного 19 октября 1745 года, декан неожиданно привел меня в свой кабинет и сказал: «Доктор! Я хочу написать продолжение «Приключений Гулливера»... Пятую часть этой книги. Самую важную! Последнюю... «Путешествие в страну мертвых»... Это путешествие я совершу сам...» (*Заметив, что Доктор отложил перо.*) Почему вы перестали писать? Разве что-то неверно?

Д о к т о р. Успокойтесь, декан! Вам вредно так волноваться...

Д е к а н (*передразнивая*). «Успокойтесь, декан, вам вредно так волноваться!» — воскликнул я, но декан ответил: «Волноваться всегда полезно!» (*Вкладывает перо в руку Доктора.*)

Д о к т о р (*возмущенно*). Но вы бледны, у вас частый пульс!

Д е к а н (*передразнивая*). «Но вы бледны, у вас частый пульс!» — снова крикнул я, но декан дал мне руку (*протягивает руку*), и я убедился, что пульс у него отменный... «Сегодня в полночь, — продолжал декан, — когда зазвонит колокол на соборе, я отплыву в страну, где до меня побывал разве что один Данте. Данте дал гениальное описание этой страны, но, увы, чересчур мрачное! Уверен, что и там есть много забавного и нелепого, просто это не каждому дано увидеть. Смерть боится казаться смешной! Это — ее уязвимое место... Того, кто над ней смеется, обходит стороной...»

Открылась дверь. Патрик и Эстар ввели актеров: здесь были лилипут Рельб, великан Глум, Некто, несколько горожан.

П а т р и к. Мы готовы, ваше преподобие...

С в и ф т (*обращаясь к актерам*). Сегодня в полночь я умру в последний раз. Это — важное представление, поэтому мне хочется в нем быть максимально убедительным... Посмешней изображайте скорбь. А если я пошатнусь — все вскрикните...

Р е л ь б. И я?.. Я — лилипут. Меня все равно не услышат...

С в и ф т. Неважно! Сегодня наш крик не для других, а для себя... (*Разглядывая Глюма*). Глюм! Вам надо переодеться. У вас недостаточно высокие ходули для такого торжественного случая...

Г л ю м (*засмеявшись, подтянул брюки*). Это — НОГИ!.. Я вам открою секрет, господин декан... Я снова стал расти... По-настоящему... Так будет интересней!

С в и ф т. Хорошо! (*Подошел к Некто*.) Вы, мистер Некто, проводите меня печальным взглядом... Но с легким оттенком зависти: мол, везет же людям... умирают! А мне еще жить да жить...

Н е к т о (*печально*). Но я вам действительно завидую, декан. Вы умрете, все газеты напишут: «Умер Свифт»! А случись это со мной, что писать? Такого-то числа умер Некто... Все равно что «никто»...

С в и ф т (*обняв Некто*). Хорошо! Эту шутку произнесите погромче. После нее я упаду!.. (*Горожанам*.) Вы склонитесь надо мной... Подойдет доктор, составит протокол... И все! После этого я исчезну... Совсем!..

О д и н и з г о р о ж а н. И не выйдете на аплодисменты?

С в и ф т. В этот раз — нет...

Г л ю м (*со вздохом*). Аплодисментов может и не быть. Это вам кажется, ваше преподобие, что всех так уж интересует игра ума... Публику волнует совсем другое... Кто кого любит? Стелла — Ванесса... Ванесса — Стелла.

С в и ф т (*печально*). Мне не даются лирические сцены... Это пробел в моем творчестве...

П а т р и к. Не наговаривайте на себя, сэр. Чтобы классик, да еще сумасшедший, не смог придумать эффектную сцену про любовь!.. Где-нибудь у алтаря... Под звуки органа... А мисс Джонсон вам поможет...

С в и ф т (*обернулся к Эстэр*). Вы мне поможете... Стелла?!

Э с т э р. Вы обращаетесь ко мне, ваше преподобие?

С в и ф т. Вы так похожи на женщину, которую я любил... И я хотел бы на прощанье называть вас Стеллой... И я хотел,

чтобы мы прошли с вами к алтарю в соборе... И чтоб звучал орган...

П а т р и к (*с азартом*). Может, еще позвать епископа?

С в и ф т. Не надо! Я все сделаю сам... За свою жизнь я столько венчал и благословлял, что заслужил право один раз проделать этот обряд и с самим собой...

Г о р о ж а н и н. А мы свидетели, да?

П а т р и к. Ну конечно! А доктор все опишет...

Д о к т о р. Что? Я не понимаю...

Г о р о ж а н е (*обступили Доктора, страстно заговорили*):

— Как это «что»?

Вы станете сейчас

Свидетелем венчания декана...

— Вы, молодой и честный человек,

Вам долго жить! Расскажите потомкам,

Что не был Свифт чудовищем жестоким,

А был он просто слабый человек

И очень трудно приходил к решению...

— Зато, решив, он становился сильным,

Сильнее всех превратностей судьбы...

— И все узлы, что наплела она,

Он разрубил при вас одним ударом...

И сделал выбор!!

Э с т э р (*печально*). Избавьте меня, ваше преподобие... Я не умею притворяться... Да и вы тоже. Можно обмануть друзей или слуг, но не женщину, которая вас любит... Вы уходите по-настоящему!

С в и ф т. Пусть так. Поэтому я хотел наконец все расставить по местам...

Э с т э р. Я это поняла. И я вам помогу... (*Подошла к окну, позвала.*) Ванесса!

С в и ф т (*в отчаянии*). Что вы делаете?.. Зачем?..

Э с т э р (*печально*). О, как вы ее любите... Какая она счастливая!..

Появилась В а н е с с а.

В а н е с с а. Вы меня звали, сестра?

Э с т э р. Вас пригласил декан. Он прощается с нами и хотел... как бы это лучше сказать... хотел сообщить вам нечто важное... Я ведь правильно все говорю, декан?

Свифт молчит.

Декан хочет покончить с таким противоестественным положением, в котором он, вы и я пребывали долгие годы... Он сделал выбор... Принял решение...

Ванесса. И поручил сообщить его вам? *(Свифту.)* Не очень удачная шутка, ваше преподобие... Я так всегда ценила изящество вашего юмора, а тут... не очень... *(Актерам.)* Вы как считаете?

Глюм. Не очень...

Один из горожан. Но, может быть, дальше пойдет поживей?

Эстэр и Ванесса неожиданно бросились друг к другу, заговорили страстно, перебивая...

Эстэр. Не делайте глупостей, Ванесса. Он вас любит! Я знаю! Много лет!.. Он перечитывает ваши письма... Шепчет стихи...

Ванесса. Замолчите! Вы унижаете меня своим благородством! Я не хуже вас понимаю молчание декана...

Эстэр. Вы ему нужней!

Ванесса. Нет — вы!

Эстэр. Вы прекрасно ведете его переписку... У вас дом в порядке. А я провинциальна! У меня дурной вкус...

Ванесса. Не наговаривайте на себя! Вы создали в доме уют. Повесили замечательные шторы...

Эстэр. Ужасные шторы!

Ванесса. Замечательные! *(Снова апеллирует к актерам.)* Ну, подтвердите! Чьи шторы лучше?..

Эстэр *(в отчаянии)*. При чем здесь шторы?! *(Упала на колени перед деканом.)* Ваше преподобие, пожалейте меня, женитесь на ней!..

Свифт хотел что-то сказать, но пошатнулся. Доктор кинулся к нему.

Доктор *(женщинам)*. Вы убиваете его...

Свифт *(пытается улыбнуться)*. Нет, доктор... Успокойтесь. Я же предупреждал: эта сцена у нас никак не получается... Мы ее репетируем много лет... И ничего определенного. Тут ирония не годится, а в лирике я... не силен. Извините! *(Повернулся к актерам.)* Жизнь сложна и никак не выстраивается в сюжет. Обе женщины поместились в сердце моем, и нет у меня сил и права предпочесть одну другой... Так и запишите, доктор: «Жили на земле Стелла, Ванесса и Свифт! Они любили как умели, страдали как умели... но помыслы их были чисты. И не стоит потомкам мучиться над их тайной... Достаточно того, что измучились они...»

Раздался звук колокола. В открытой двери кабинета появились лилипут Флим и Рыжий констебль.

Флим. Пора, декан!

Рыжий констебль. Пора...

Свифт. Да... Я знаю... *(Доктору.)* Не смотрите испуганно, доктор... Все идет как положено... Я — среди друзей: одни пришли проводить, другие встретить... Все — как всегда!.. Звук колокола стал нарастать. Свифт пошел к дверям, за ним молча двинулись женщины, актеры, горожане. Доктор провожал их взглядом.

Патрик *(тронул Доктора за рукав)*. Прошу наверх... Там лучше видно... Как в ложе.

Доктор. Нет. Я все увижу отсюда... *(Подошел к столу, обмакнул перо.)*

Патрик *(прислушиваясь к шуму толпы)*. Сегодня похороны пройдут великолепно! Уж я чувствую!.. Декан все продумал...

За окнами шум.

Это он пошатнулся!..

Аплодисменты.

Принимают хорошо, но смеются мало... Люди разучились понимать условное искусство!

Рев толпы.

...А это — упал!! *(Заглядывает в окно.)* Понесли на руках! А он — не шелохнется... *(Повернул заплаканное лицо к Доктору.)* Дальше сами сочиняйте, сэр... И у лакеев есть нервы! Доктор *(записывает)*.

На крик толпы я выбежал на площадь
И там увидел Джонатана Свифта —
Лежал он неподвижно на земле...
Коснулся я его руки холодной,
Припав к груди, услышал тишину,
И лишь собрался объявить о смерти,
Как вдруг заметил, что он краем глаза
Мне весело и дерзко подмигнул...
И понял я, что предо мной актер,
Достигший в лицедействе совершенства,
Который, если требует искусство,
И сердце и дыханье остановит,
А жив он или нет — не нам судить...
Все это объяснил я горожанам,
Актеры унесли труп за кулисы,
И зрители спокойно разошлись...

Звук колокола усиливается.

З а н а в е с

РЕЖИМЕРЫ

Комедия в двух частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Прохоров Михаил Михайлович.
Клягин Сергей Антонович.
Иванов Евгений Семенович.
Ларичев Олег Николаевич.
Ларичева Елена Петровна — его жена.
Антон — брат Прохорова.
Дежурная.

Действие происходит в течение двух суток в номере одной из московских гостиниц.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двухкомнатный номер отдаленной московской гостиницы. Слева — темный проем двери, ведущей в прихожую, справа — дверь в спальню. Обстановка обычная для номеров такого разряда: шкаф, стол, стулья, две кровати. На стенке — репродуктор. В углу на столике — телевизор. Сейчас он включен. Дежурная, удобно усевшись на стул посреди комнаты, смотрит телевизор. Из прихожей появляется Иванов — интеллигентного вида человек лет сорока пяти, в руках у него портфель. Он направляется в спальню, на ходу успев выключить телевизор.

Затем появляется Клягин — человек лет пятидесяти, одет в мешковатый костюм, в руках многочисленные свертки, коробки, авоськи. Все это он сваливает на одну из кроватей, разворачивает один из свертков, вынимает длинное женское платье. Прикладывает его к своей фигуре, затем проходит с платьем в ванную комнату.

Входит Прохоров. Это мужчина угрюмого вида, лет тридцати, в руках он держит маленький чемоданчик. Протягивает Дежурной пропуск.

Прохоров. Вот... *(Отдает пропуск.)*

Дежурная *(указывает на один из диванов)*. Спать будете здесь. Это кровать ваша.

Прохоров. Понял.

Дежурная. В этом номере еще двое живут. Один тут спит, а другой — там, в спальне. Все из вашей организации.

Прохоров. Из какой «нашей»?

Дежурная. Не знаю. Из той, которая номер бронировала. Вам кто номер бронировал?

Прохоров. Журнал.

Дежурная. Какой?

Прохоров. Психиатрический.

Дежурная. Какой?!

Прохоров. Психиатрический.

Дежурная (*чуть-чуть настороженно*). Вы кто же? Доктор?

Прохоров. Нет. Я — шофер. На автобазе работаю.

Дежурная. Больной, значит?

Прохоров. Почему?

Дежурная. Ну, раз в такой журнал приехали...

Прохоров. Ну и что? Изучать меня будут.

Дежурная. Я и говорю — больной, стало быть... по этой части.

Прохоров (*сердито*). Да почему больной?.. Ничего я по этой части не больной! Даже наоборот. Можно сказать, чересчур здоровый. Поэтому и решили меня изучить... Мозг мой то есть... Он у меня особенный...

Дежурная критически оглядела голову Прохорова, ничего там выдающегося не нашла и поэтому перешла на «ты».

Дежурная. Чем же это мозг у тебя особенный?

Прохоров. Я предметы двигаю.

Дежурная. Куда?

Прохоров. В разных направлениях.

Дежурная. Грузчик, что ль?

Прохоров (*начиная сердиться*). Говорят тебе — шофер! Я мыслью предмет подвинуть могу. Волей!.. Понимаешь? Не руками, а мыслью. Это редкое явление, и называется оно телекинез. Неужели не слышала?

Дежурная. Нет.

Прохоров. Ну как же... В газетах было. В «Неделе». Но, конечно, некоторые сомневаются. Это наукой не объяснимо. Многие считают, что двигать невозможно. А я — двигаю!

Дежурная. И что же ты двигаешь?

Прохоров. Когда что. По настроению. Спички могу подвинуть. Вазу... Стул.

Дежурная. А ну, покажи!

Прохоров. Сейчас не хочется. Мне для этого в особое состояние прийти надо. Нервное такое, понимаешь?.. Я изнутри напрягаюсь! Понимаешь? И от этого очень устаю. Пока коробку спичек подвинешь, семь потов сойдет! Ты знаешь, ты завтра приходи. Днем. С утра меня в журнале изучать будут, а днем я свободный.

Дежурная. Ладно. Приду. Слушай, а эти двое, что здесь живут, они тоже?.. Вроде тебя?

Прохоров. Не знаю. Наверное!

Дежурная. Зря вас всех в один номер. Лучше б расселить... Ты только в номере не очень, слышишь?

Прохоров. Чего?

Дежурная. В смысле — мебель не сдвигай! Мне-то что, а если администратор увидит, будут неприятности.

Прохоров. Понял.

Дежурная уходит. Прохоров подходит к телефону, набирает номер. (В трубку.) Алло!.. Это кто?.. Михаил говорит! Да, приехал! В гостинице «Турист». Антона позовите! Алло! Алло!

Видно, на другом конце повесили трубку.

(С угрозой.) Ну ладно!.. (Подошел к кровати, сел, задумался.)

Открылась дверь ванной, из нее появился Клягин в вечернем женском платье. Подошел к своей кровати, не замечая изумленного взгляда Прохорова.

Клягин (радушно). А!.. Сосед прибыл? Здоров! (Подошел, протянул руку.) Клягин, Сергей Андреевич.

Прохоров (пожимая руку). Прохоров, Михаил.

Клягин. А мне Ларичева сказала — ты рано утром должен был прилететь. Уж она звонит, звонит, волнуется. А тебя нет!

Прохоров. Самолет запоздал... А вы... это... почему... в платье?

Клягин. Жене купил. Подарок!

Прохоров. Зачем же надел?

Клягин. Примеряю. У нас с ней размер один: в ГУМе неловко было надеть, а здесь решил — проверю. Если жмет — сменяю. Только поносить надо. Не возражаешь?

Прохоров. Мне-то что? Носи.

Клягин. Платье вроде бы ничего, а?

Прохоров. Красивое.

Клягин. Жене пойдет, как думаешь?

Прохоров. Наверное.

Клягин. Только бы не тянуло нигде. А то сменяю. Я часто меняю. Куплю, а потом несу менять. Характер такой! Принесу — и хочется поменять. Они обязаны! Сто рублей платье, не шутка, верно? Обязаны, если что, поменять!.. Но вообще у нас плохо меняют, не любят. Я вот в ГДР был, в туристической, вот уж где наменялся! Немцы народ вежливый, хоть сто раз меняй. Ты сам-то откуда, Миша?

Прохоров. Из Краснодара.

Клягин. А я из Феодосии. Оба с юга, значит! Это интересный научный факт. Что мы с тобой два феномена, и оба — с юга. Это не случайно. Значит, климат благоприятствует мозговой деятельности.

Прохоров. И фрукты.

Клягин. Чего? А, ну конечно! Фрукты, овощи... у нас вообще снабжение хорошее.

Прохоров (с любопытством оглядев Клягина). А ты феномен по какой же линии?

Клягин. Я через стены вижу.

Прохоров (удивленно). Ну?! Через любые?

Клягин. В принципе через любые. Но через старые, конечно, труднее. Раньше ведь знаешь как клали — в три кирпича, а через нынешние шлакоблочные — запросто!.. (Смотрит сквозь стену в сторону коридора.) Во! Гляди!.. Горничная пошла!.. Халатик синий, поясочек затянула... О-о! Кокетничает!.. О-о! Видишь? Нет? Я вижу!

Прохоров (восхищенно). Вот это да! Ты что ж, с детства такой?

Клягин. Нет. Детство у меня было нормальное. Я этот дар в себе в зрелом возрасте обнаружил. И то — случайно!.. Сосед у меня в Феодосии двухметровый забор построил. Жил, рядом жил, и вдруг, понимаешь, забор вымахал. Доска к доске! Зачем — непонятно. Каждое утро я мимо этого забора шел и все думал: ну для чего он, сукин сын, его воздвиг? Стал понемногу всматриваться, вглядываться.

Прохоров. Да спросил бы лучше.

Клягин. Спрашивал. Не объясняет! То есть объясняет, но неразумительно. Хочу, говорит, уединения! Понимаешь? Какое, к черту, уединение, зачем?.. Не иначе, думаю, он там бассейн роет. И так это однажды я напряженно всмотрелся, что вдруг как растворился перед моим взором забор, и все через него увидел...

Прохоров. И чего оказалось?

Клягин. Да в том-то и дело, что ничего не оказалось, живет он как жил. По вечерам с женой чай пьет. Ничего подозрительного! Хоть бы, например, Би-би-си слушал. А то и этого не делает! Придет с работы, с женой чай попьет и на боковую... А зачем забор? До сих пор не пойму!.. Много дней я сквозь него смотрел, от этого мой талант и стал развиваться. Ну и, понятно, вижу, кто что делает, кто работает, кто дурака валяет... Меня весь город боится...

Прохоров. Еще бы! Это ведь вроде как ревизор!

Клягин. Именно! Ох, Миша, чего я только за чужими

стенами не повидал! Рассказать тебе — с ума сойдешь. Я и сам чуть не тронулся! К врачу пошел, а он написал письмо в этот журнал мозга. Оттуда эта самая Ларичева приехала, все изучала меня, ахала. Теперь вот пригласила меня в Москву, комиссии показать. Взгляд у меня, оказывается, особенный какой-то. Хочешь, я тебе в глаза посмотрю?

Прохоров. Давай.

Клягин долго, не мигая, смотрит в глаза Прохорову.

Клягин. Ну как?

Прохоров. Неприятно!

Клягин. Страшно, Миша! Не глаза — рентген! Называется это, если по-научному, трансфокальное зрение!.. Я, поверишь ли, сам на себя долго в зеркало смотреть не могу. Дурею! Меня в прошлые века сожгли бы запросто, как колдуна.

Прохоров *(усмехнулся)*. Да меня, наверное, тоже.

Клягин. Факт! Ларичева рассказывала, ты предметы двигаешь?

Прохоров. Двигаю.

Клягин. Хорошее дело. Я тоже пробовал — не получается. Покачнуть уже кое-что могу, а сдвинуть — никак. Не продемонстрируешь?

Прохоров. Сейчас не хочется. И силы надо поберечь на завтра.

Клягин. Ну, что-нибудь легкое. Для тренировки. В газетах пишут: «Ежедневная тренировка — залог высоких результатов»!

Прохоров. Разве что для тренировки? *(Оглядывает комнату.)* Графин, что ли?

Клягин. Давай! Я воду вылью, он полегче будет. *(Выходит в ванную, выливает воду.)*

Прохоров. Скатерть убрать надо.

Клягин. Это мы в момент.

Клягин стаскивает скатерть, ставит на стол графин.

Валяй!

Прохоров садится напротив графина, напряженно смотрит на него, сжимает кулаки, скрипит зубами — графин недвижим.

Прохоров. Не идет!.. Мне для этого надо в особое настроение прийти, понимаешь? Нервное такое, понимаешь?

Клягин. Ну и приходи.

Прохоров. Злость я должен испытать, понимаешь?.. Злость к предмету!.. А к графину у меня злости нет.

Клягин (*подумав*). А давай я поллитру поставлю.

Прохоров (*подумав*). Ну, а к поллитре-то какая может быть злость?

Клягин. А такая! Раньше ее из пшеницы гнали, а теперь черт-те из чего! Химия сплошная. Голова трещит!

Прохоров. Это верно.

Клягин. Печень страдает. Прогулы на производстве. Аварии на дорогах. Зрение слабеет. Руки дрожат. А сколько из-за нее семей разбитых? А детей дефективных? У нас вот у алкоголика одного сын родился... без уха.

Прохоров. Как это?

Клягин. А вот так!.. С одной стороны ухо есть, а с другой — ничего!

Прохоров (*сжав кулаки, решительно*). Ставь поллитру!

Клягин. Момент. (*Бросается к покупкам, достает бутылку.*) Вот она, проклятая!

Прохоров напряженно смотрит на бутылку, напрягается, из его уст вырываются отдельные проклятья. Клягин активно включается в этот опыт. Подбадривает.

Прохоров. У! Зараза! Гадость! А, сволота!

Бутылка поехала.

Клягин (*возбужденно*). Давай, Миша! Давай! Подними!

Прохоров (*хрипит*). У... с-сволота!..

Бутылка доходит до конца стола, падает. Клягин ловко хватает ее на лету.

Клягин (*кричит*). Финиш! Мишка! Финиш! Ур-р-ра!

Распахивается дверь спальни. Оттуда выскакивает Иванов. Секунду он с отвращением смотрит на побагровевшего Прохорова, на Клягина в женском платье, с бутылкой водки в руках, потом делает усилие над собой и говорит, стараясь сохранить вежливость.

Иванов. Дорогие! Да если попробовать не орать, а? Не хотите такой эксперимент провести: пить будем, а орать не будем! Попробуем, друзья мои, а?! Потому что где-то рядом люди живут, работают... Работают еще где-то люди, понимаете? Вот такой парадокс. Извините, дорогие друзья мои, современники мои ненаглядные! Извините! (*Зло хлопнув дверью, скрывается в спальне.*)

Прохоров (*смущенно*). Во как получилось-то... Нехорошо.

Клягин (*пренебрежительно*). Подумаешь, цаца! Все ему мешают.

Прохоров. А кто это?

Клягин. Да живет тут. Иванов фамилия.

Прохоров. Тоже феномен?

Клягин. Конечно. Но если разобраться, то и не феномен, а так, одно название! Телепат он. Понимаешь? Мысли угадывает на расстоянии. *(Усмехнулся.)* Эка невидаль! У меня пудель тоже их угадывает. Честно!.. Только подумаешь: «Хорошо б поужинать», — а он тут как тут, бежит и хвостом виляет...

Прохоров. Ну, это ты зря.

Клягин. Ничего не зря! Вот ты бутылку подвинул, я тебя уважаю. Действительно талант! И нос не задираешь. Простой, доступный человек. А его просил один раз: угадайте, чего я задумал, ну, по-простому, сказал без всякой подковырки; утром встретились в буфете, чай пили, я говорю: угадайте! А он сразу: «Оставьте меня в покое, у меня и без ваших мыслей голова пухнет!» Вроде я ему неинтересен. Вроде только он феномен, а я — так, приبلудный. *(Кричит в сторону спальни.)* Мы тут все равны! *(Прохорову.)* Телевизор включать не дает. Радио тоже. Бегает все куда-то, бегает, а потом прибежит, запрется в комнате и сидит там как бирюк.

Прохоров. А чего он там делает?

Клягин. Черт его знает!

Прохоров. Ты посмотрел бы.

Клягин. Говорю тебе, он дверь запирает!

Прохоров. А ты — через стенку!

Клягин. Вот еще... Он на меня свой мозг тратить не хочет, и я на него не стану!

Прохоров *(внимательно посмотрев на Клягина)*. Ты бы платье-то снял, а? А то ходишь, задом вертишь!

Клягин. Ладно! Сменяю я его, к черту! Не нравится мне оно, и бретельки режут!.. *(Уходит в ванную.)*

Некоторое время Прохоров сидит один, затем дверь спальни открывается, выходит Иванов, в плаще, с портфелем в руках. Быстро направляется к выходу. Прохоров провожает его глазами.

Прохоров. Товарищ!

Иванов *(останавливается)*. Это вы мне?

Прохоров. Товарищ, вы не сердитесь, что мы шумели. Мы не пили. Мы просто... репетировали.

Иванов. Да я и не против самодеятельности. Я только попросил не орать. *(Хочет уйти.)*

Прохоров. Вопрос можно?

Иванов. Пожалуйста.

Прохоров. Зачем вы чужие мысли угадываете? У вас разрешение на это есть?

Иванов. Не понял. Вы о чем?

Прохоров. Нехорошо это. Мало ли о чем человек подумал. Это дело сокровенное. Зачем лезть?

Иванов. Товарищ, я очень спешу. Говорите понятней...

Прохоров. В общем, я прошу мои мысли не угадывать!

Иванов. С наслаждением.

Прохоров. А если уже угадали... ну, что здесь обдумывал... то прошу никому об этом не сообщать.

Иванов. Договорились.

Прохоров. Потому что ее я, может быть, и не убью, это я споряча, а его... его я обязательно убью!

Иванов *(испуганно)*. Кого?

Прохоров. Вы знаете кого!

Иванов *(растерянно)*. Товарищ... товарищ... Минуточку!.. Не впутывайте меня в уголовщину!

Прохоров *(со злобой)*. ...И Антону прошу не звонить! И в милицию не сообщать! Вы знаете, я знаю — и все! Могила!

Иванов. Какому Антону?! Что за бред?.. Не угадывал я ваших мыслей. У меня своих хватает. *(Посмотрел на часы.)* К сожалению, я должен бежать. Вечером поговорим.

Прохоров. А чего тут говорить? Дело решенное.

Иванов. Ну, как знаете... *(Открывает дверь.)*

Прохоров *(вслед)*. А вы считаете, что такой человек имеет право жить, да?

Иванов *(раздраженно)*. Не знаю, товарищ, не знаю! Я спешу! До вечера пусть поживет, там разберемся... Сумасшедший дом какой-то... *(Уходит.)*

Из ванной появляется Клягин. Он уже в своем обычном костюме.

Клягин. Ну что, Миш, может, в буфет сходим? Там сейчас народу мало...

Прохоров. Неохота!

Клягин. Да пошли перекусим... *(Вглядывается в стенку.)* Вот у них сметана свежая. Сосиски горячие. О! Пиво привезли... Какая марка? *(Напрягается, читает по складам.)* «Пра-з-д-рой»! Чешское пиво. Хорошее. Пошли!

Прохоров *(восхищенно)*. Неужели прямо вот отсюда и видишь?

Клягин. А чего ж? Дело нехитрое. Ну, пошли?

Прохоров. Пошли.

Раздается стук в дверь. Мужской голос: «Разрешите?» В комнату входит Ларичев. Его движения быстры, даже несколько суматошны, голос резкий, взгляд жесткий — вообще ощущается, что человек находится в некотором нервном перевозбуждении.

Ларичев. Здравствуйте, товарищи! Я сюда попал?.. Ну, что вы молчите? Ответьте: я сюда попал?

Клягин. Так это вам лучше знать, сюда вы попали или не сюда. Вы куда шли-то?

Ларичев. Это какой номер? Это номер четыреста двадцать пять? *(Высочил из комнаты, через секунду вернулся.)* Все точно — это четыреста двадцать пять. Вы — уникалы?

Клягин. Феномены мы.

Ларичев. Феномены! Это я и имел в виду. *(Разглядывает Прохорова и Клягина.)* М-да. Примерно такими я вас себе и представлял. Сейчас даже угадаю, кто есть кто. Вы — Прохоров, а вы, судя по неприятному, тяжелому взгляду, — Клягин. Угадал?.. А Иванов? Где Иванов? Где, наконец, этот Иванов?

Прохоров. Ушел Иванов.

Клягин *(Ларичеву)*. Вы-то кто?

Ларичев. А я — Ларичев. Олег Николаевич Ларичев. Муж Елены Петровны.

Клягин. Очень приятно.

Ларичев. Не уверен!.. Сесть позвольте?

Прохоров. Садитесь. А сама-то Елена Петровна придет?

Ларичев. Придет. Обязательно придет. И наверное, скоро, поэтому я и нервничаю. Не хочу, чтобы мы встретились. Курить можно? *(Закурил, погасил сигарету.)* Нет, не буду! Я ведь бросил курить. Душно у вас здесь. Окно открыть, а? *(Пошел к окну, вернулся.)* Нет! Шумно! Будет мешать. М-да!..

Прохоров. Что случилось-то?

Ларичев. Случилось? Ничего не случилось. Просто пришел с вами поговорить. Разговор у нас важный, а времени нет. Вот и думаю, с чего начать. М-да... *(Пауза.)* Ну ладно. Без предисловий. Попробуем начать так... *(Полез в карман, достал фотокарточку.)* Как вы считаете? Кто это?

Клягин *(взглянув на фото)*. Кто?

Ларичев. Я! Пять лет назад. Хорош?

Клягин. Симпатичный.

Ларичев. Другой человек!.. Обратите внимание:

взгляд, осанка. А цвет лица? Какой был цвет лица! Кровь с молоком! Стометровку за одиннадцать секунд бегал...

Клягин. А сейчас?

Ларичев. Что сейчас?

Клягин. Сейчас за сколько?

Ларичев. Сейчас не бегаю!.. М-да... Нет, не то! Все не то! Начнем сначала. Начнем с жены. Жена моя — Ларичева Елена Петровна, сотрудница научного журнала, прекрасная, умная, добрая, достойная женщина...

Прохоров. Это мы знаем.

Ларичев (*резко*). Не перебивать!.. Одним словом, великодушная женщина и мать. У нас дочка. Девять лет. Учитяся в музыкальной школе. М-да! Нет. Опять не то! Не то!

Клягин. Товарищ, а вы попробуйте про «то» говорить!

Прохоров (*Клягину*). Не сбивай!.. (*Ларичеву*.) Вы не волнуйтесь! У меня тоже так бывает. Когда волнуясь. Особенно на собрании. Хочу что-то сказать, и все понимаю, что хочу сказать, и уже все понимают, что я хочу сказать, а я все не говорю...

Ларичев (*раздраженно*). Товарищи, не отвлекайтесь! У нас мало времени. На чем я остановился?

Клягин. Жена ваша — в музыкальной школе девять лет, дочка — достойная женщина.

Ларичев. Нет... Нет... Нет... Это жена — достойная женщина! И не просто достойная, а чудный, отзывчивый человек. И настоящий физиолог. Перспективный ученый... Была.

Прохоров. Как это «была»?

Ларичев. Была, пока не увлеклась вами. Я не имею в виду вас конкретно, я говорю о вас как о явлении. Началось это пять лет назад.

Клягин. Это когда вы стометровку бегали?

Ларичев. Да отстаньте вы со стометровкой!!! Увлелась она, стало быть, вами, феноменами, униками, «самородками из народа», так сказать, и стала вас разыскивать по всей стране!.. М-да! А уж чего-чего, а этого-то добра у нас оказалось предостаточно. И всех Лена тащила в Москву, иногда за свой счет. А иногда не просто в Москву, а прямо к нам домой. Господи боже мой, кого у нас только не было! Страшно вспомнить! Ясновидец один жил. Из-под Воркуты. Утверждал, что прекрасно видит будущее и может его предсказывать. И предсказывал будущее! В общих чертах, конеч-

но, но зато категорично. Знаете, эдак в стиле поэта: через четыре года здесь будет город-сад! Все! Хочешь — верь, хочешь — нет. Леночка с ним полгода носилась, таскала по разным комиссиям, даже познакомила с кем-то из Госплана. Он и там прогнозировал. Наверное, до сих пор убытки списать не могут!.. М-да!.. Ну, еще у нас женщина одна целый месяц на квартире прожила! Эта — читала пальцами. Писать, дура, не умела, но читать — пожалуйста!.. Особенно редкие книги. Несколько книг так и зачитала пальцами, не могу найти! М-да... Потом еще один тип жил, из Иркутска. Этот все фотопленку мыслью засвечивал. Хлебом не корми, дай только ему пленку засветить. Ну, он, слава богу, недолго голову морочил, его фотографии поймали, морду набили за испорченные пленки, он и смотал. Зато уж исцелитель нам всем крови попил. Это был фрукт!.. Филиппинец! По фамилии Зуйков. Брался лечить все, любую болезнь. Кожу, внутренности руками раздвигал. Без анестезии. С этим целый год носились. Профессоров одурачивал! Я, идиот, и то доверился... У меня в коленном суставе мениск повредился, он говорит: давайте я вам, Олег Николаевич, сустав раздвину... И ведь раздвинул, сволочь! Реанимация приезжала! В ЦИТО два месяца задвинуть не могли...

Прохоров (угрюмо). Вы для чего нам это рассказываете?

Ларичев. А вы не понимаете, да?

Прохоров. Вы подозреваете, что и мы?..

Ларичев (вскочив). Подозреваю?! Я, человек с высшим образованием, закончивший два университета, один из которых — марксизма, и я подозреваю?! Товарищи, дорогие мои, совесть надо иметь! Я не подозревать сюда приехал, просить: уезжайте, милые! Я проезд оплачу в оба конца, только уезжайте. Не губите доверчивое существо! Ее же из двух институтов уволили, теперь из журнала выгонят. Дома ни копейки, дочь заброшена. У Леночки сердце слабое, стенокардия. Я сам неврастеником сделался. А ведь каким был? Где фотография? *(Роется в карманах.)* Нет фотографии! Но все равно... Уезжайте, товарищи, умоляю! Иначе я не выдержу!

Прохоров. Да подождите. Нельзя же так. Ну, бывают жулики. Бывают. Нас-то зачем обижать? Некрасиво это, всех — под одну метлу.

Клягин. Я лично за себя — ручаюсь!

Прохоров. А я? *(Клягину.)* Ну ты же видел.

Клягин. Да, Мишка предметы двигает. Я — свидетель.

Л а р и ч е в (*устало*). Чем двигает? Чем?

П р о х о р о в. Не знаю. Думаю... ну... силой психики.

Л а р и ч е в. Чем?

К л я г и н. Психикой!

Л а р и ч е в. А вы бы, голубчики, книжку почитали. Книжка есть такая — «Физика» называется. Вы бы ее прочли на досуге. Вы бы интеллигентным человеком стали и ничего бы «психикой» больше не двигали, а поняли, что сие — невозможно!!!

П р о х о р о в (*обиженно*). Я правду говорю. Ну, честное слово...

К л я г и н. А ну, покажи ему, Миш! Продемонстрируй!

П р о х о р о в. Устал я.

К л я г и н. Превозмоги себя, Миша. Превозмоги! Тут вопрос принципиальный! (*Вновь ставит бутылку в центр стола.*)

Прохоров впивается взглядом в бутылку. Ларичев в отчаянии закрывает лицо руками.

Л а р и ч е в. Умоляю, не надо фокусов! Я все это сто раз видел. Я все это знаю.

Прохоров напрягся. Бутылка двинулась с места. Клягин трясет за плечо Ларичева.

К л я г и н (*Ларичеву*). Да вы смотрите! Человеку же тяжело. (*Прохорову.*) Давай со старта, Миша, он не смотрел. (*Ставит бутылку.*)

Прохоров напрягается. Бутылка движется к Ларичеву, тот отмахивается. Пытается убрать бутылку.

Л а р и ч е в (*решительно*). Я же сказал. Не надо фокусов!

П р о х о р о в (*хрипит*). У, зараза!.. Убери! Убери руку!

Л а р и ч е в (*сдерживая бутылку*). Не надо. Не надо фокусов. Я все понял!

К л я г и н. Что понял?

Л а р и ч е в. Все! Стол с наклоном, бутылка из специального стекла...

К л я г и н. Проверь! Пол — ровный. Бутылка обычная, за четыре двенадцать...

П р о х о р о в (*стонет*). Убери руку!..

Л а р и ч е в. Не надо фокусов! Прошу!!!

П р о х о р о в. У-бе-ри!!!

Прохоров неожиданно закатывает глаза, валится на пол без сознания. Клягин бросается к Прохорову.

К л я г и н. Миша! Дорогой! Очнись!

Л а р и ч е в (*испуганно*). Что с ним?

Клягин. Говорили же — уברי руку! Надорвался человек!

Стук в дверь, женский голос: «К вам можно?»

Ларичев (*испуганно*). Товарищи, это она. Это Лена! Ради бога, обо мне ни слова. (*Мечется по комнате.*) Она мне не простит! Умоляю! (*Скрывается в спальню.*)

Клягин. Миша! Друг! Очнись! Миша!.. Мишаня!..

Клягин открывает дверь. Входит Ларичева Елена Петровна — милостивая женщина лет тридцати, — испуганно бросается к Прохорову.

Елена Петровна. Что случилось?

Прохоров (*приходит в себя*). Сейчас! Сейчас пойдет!..

Елена Петровна (*Клягину*). Дайте воды!

Клягин (*схватил пустой графин*). Как назло, все вылил.

Елена Петровна. Зачем?

Клягин. Чтоб полегче был. Он ведь хотел сперва графин толкнуть, а потом решил — бутылку. Ну, она его и свалила.

Елена Петровна. Какая бутылка? Кто разрешил? Для чего? Уберите немедленно! Чтоб я этого никогда не видела!

Прохоров (*трясет головой*). Сейчас... Все. Уже лучше. Извините нас, Елена Петровна.

Клягин (*Ларичевой*). Вы не подумайте. Мы ни-ни, ни грамма. Культурно сидели, разговаривали. Потом решили потренироваться. Вроде разминки перед соревнованием.

Елена Петровна. Разминка?! Да что ж вы, Клягин, себе позволяете?

Клягин. Я-то при чем? Он упал, а Клягин — виноват.

Елена Петровна. Вы тоже хороши! Мне на вас бумажка сейчас жаловалась... Вы зачем ее терроризируете?

Клягин (*повышая голос*). А зачем она вишню под прилавком держит?

Елена Петровна (*кричит*). Какую вишню?!

Клягин. В шоколаде!..

Елена Петровна (*в отчаянии*). Товарищи!.. Что происходит? Завтра показ! Соберутся серьезные ученые, журналисты... Вы это понимаете?

Клягин. Понимаем.

Елена Петровна. Нет, не понимаете, если вглядываетесь под прилавки!.. На что вы себя тратите?.. На что

размениваетеесь?.. *(Резко.)* Сядьте, Клягин! Сядьте и послушайте!. Товарищи, дорогие мои! Мы пытаемся открыть одну из самых главных тайн науки — возможности человеческого мозга! Космос, ядро атома — все это гораздо проще и понятнее, чем то удивительное сооружение природы, которое мы с вами носим на плечах. Три миллиарда лет эволюции живой материи — вот что такое наш мозг, наш разум! Он проник в бесконечность Вселенной, теперь он хочет пойти еще дальше — понять сам себя. И с этой точки зрения вы, да, да, вы — Прохоров, Клягин, Иванов — явление уникальное, неповторимое! В вашем мозгу таятся такие поразительные возможности, изучить которые мы должны, просто обязаны!

К л я г и н. Выходит, мы — вроде кроликов?

Е л е н а П е т р о в н а. Да нет! Вы — люди! В высшем значении этого слова! Это я и пытаюсь вам объяснить. В каждом из вас заложена феноменальная способность, которая, я в этом уверена, есть в любом человеке! Просто не каждый способен ее в себе распознать! Может быть, человечество сейчас стоит на пороге какой-то новой, удивительной жизни?.. Открыв тайны своего сознания, мы сможем беспрепятственно обмениваться мыслями и идеями, исчезнут преграды, человек научится волей, одним движением мысли перестраивать мир вокруг себя! Вот же о чем разговор, дорогие мои!.. Вот для чего стоит жить. А вы?.. А вы?.. Черт знает на что себя тратите... Бутылка водки... «Вишня в шоколаде»... Как не стыдно... *(Неожиданно вслипнула.)* Как вам не стыдно!

П р о х о р о в. Что вы, Елена Петровна! Успокойтесь!.. Не надо!

К л я г и н. Елена Петровна... Не надо...

Е л е н а П е т р о в н а. Извините! *(Вытерла слезы.)* Я совсем издергана. Я не спала всю ночь. С таким трудом добилась этого показа. Мне не верят. Надо мной смеются... Многие считают, что вы шарлатаны. Да, товарищи, в нашем деле много шарлатанов! Ну и что? Разве это аргумент? В какой области науки не встречаются шарлатаны?.. А я в вас очень верю. Вы завтра меня не подведете, правда?

К л я г и н. Не волнуйтесь, костями ляжем!

Е л е н а П е т р о в н а. Не надо костями! Не надо! Ничего сверхъестественного. Пусть комиссия увидит только то, что я видела собственными глазами. Вот и все. А до этого, умоляю, никаких тренировок! Проведите сегодняшний день спокойно. Достоинно! Сходите в музей, в парк. Беседуйте о чем-нибудь прекрасном, возвышенном. Встречайтесь только с ин-

тересными людьми... И старайтесь не злиться, не раздражать
ся! Отрицательные эмоции пагубно действуют на мозг!

Клягин. А чего нам злиться?

Елена Петровна. Да вот вас всех в один номер
поселили. С гостиницами в Москве такие трудности. Вы уж
нас извините.

Клягин. Да мы не в обиде. Мы мирно живем. Верно,
Миш? Ты на меня злишься? Нет? И я на тебя не злюсь!

Елена Петровна. А товарищ Иванов?

Клягин. А этот, слава богу, ушел.

Елена Петровна. Куда?

Клягин. Дела у него какие-то. Все время бегаёт,
бегаёт. Весь в мыле.

Елена Петровна. Да что ж он творит? Я даже по
телефону его поймать не могу. Передайте — пусть не занима-
ется никакими делами, пусть отдыхает. Показ назначен на
завтра в двенадцать дня. Ровно в одиннадцать я заеду за
вами. Все! И никаких волнений! До свидания! *(Встала,
решительно направилась к спальне.)*

Клягин *(испуганно)*. Э!.. Э!.. Не туда! Елена Петров-
на!.. Не туда! Там никого!.. Это — комната Иванова.

Елена Петровна. Извините!.. Кстати, гляну, как
он устроился... *(Берется за ручку двери.)*

Клягин *(встал на пути)*. Не надо!.. Не стоит!!! Хоро-
шо устроился... А потом, он дверь на ключ запирает.

Елена Петровна. Зачем?

Клягин. Боится, наверно, чтоб мы его вещи не спер-
ли!

Елена Петровна *(вспыхнув)*. Клягин, я же про-
сила!..

Клягин. А что я говорю? Запер и запер! Ему никаких
волнений, а нам никаких претензий! Положительные эмо-
ции!.. Вы не волнуйтесь, Елена Петровна! *(Провожает ее
к передней.)*

Елена Петровна. Показ назначен на двенадцать.
В одиннадцать я заезжаю. И никаких волнений. До свида-
ния!

Клягин. До свидания, Елена Петровна!

Ларичева уходит.

Ну дела! Как она к двери-то рванулась... Еле перехватили
Вот смешно.

Прохоров *(мрачно)*. Помолчал бы. У людей беда, а те-
бе смешно. *(Подшел к двери, ведущей в соседнюю комнату.)*
Товарищ Ларичев, можно выходить... Ваша супруга ушла.

(Дергает дверь. Обнаруживает, что она заперта.) Товарищ Ларичев! *(Стучит.)*

Клягин. Чего это он заперся?

Прохоров *(дергает за ручку)*. Товарищ Ларичев!

Клягин *(озабоченно)*. Чего он там делает?

Прохоров. Ты меня спрашиваешь?!

Клягин. Я к тому, что он вообще... какой-то психованный... Как бы не удумал чего-нибудь. *(Подходит к двери, стучит.)* Э! Олег Николаевич! Вы что там? Уснули? Э! Не дурить!!! *(Барабанит в дверь.)*

Прохоров *(грозно)*. Что с ним?

Клягин. Подожди, Миша, не волнуйся... Нам нельзя! Нам запрещено...

Прохоров. Что с ним?! СМОТРИ!!!

Клягин. Я так не могу сразу, Миша... Я очень нервничаю!

Прохоров *(орет)*. СМОТРИ!!!

Клягин. Я сказал... Сейчас, Миша! Не могу... Момент! Как так сразу... Ты отвернись... А то я сбиваюсь... Честно, по-человечески прошу, отвернись!

Прохоров отворачивается.

(Достает дрель, быстро сверлит дырку, смотрит в нее.) О... Ничего страшного!.. Все в порядке. Там через балкон выход есть... К вестибюлю... Он ушел... Все в порядке!

Прохоров обернулся и теперь надвигается на Клягина со сжатыми кулаками.

Ты чего, Миш!.. Брось. Это ж я так... для страховки!

Прохоров *(схватил Клягина за ворот)*. Ну, Клягин!.. Я понял, почему твой сосед забор строил! Он тебя, гада, видеть не мог!!!

Затмение

КАРТИНА ВТОРАЯ

Прошло несколько часов. Вечер. Тот же номер в гостинице. За окном шумит дождь. Прохоров лежит на диване. Клягин, угрюмо сопя, собирает вещи. Закрыв чемодан, щелкнул замками.

Клягин. Все!.. Прощай! Дождь зарядил... *(Подумал.)* Миш!.. А может, мне остаться, а?

Прохоров не отвечает.

Миш! Я с тобой говорю.

Прохоров (*мрачно*). Вали отсюда!

Клягин (*со вздохом*). Грубый ты, Миша! Что это за слова такие? «Вали!» Приехал с научной целью, значит, и ве-ди себя соответственно. А гнать меня не имеешь права. Меня ученые пригласили, они и решат, уезжать мне или нет!

Прохоров. Клягин, я тебя по-хорошему прошу: уезжай! А то ведь я не только мыслью двигаю, я и кулаком могу...

Клягин. Хулиган ты, Миша! Просто хулиган. Нет, гений, конечно,— это Елена Петровна верно говорила,— но хулиган... Ладно. Будь здоров! (*Направился к двери, вышел, вернулся.*) Нет. Не поеду! И знаешь почему? Из-за тебя. Тебя никак одного оставлять нельзя. Ты свой талант до комиссии можешь не донести. Расплескаешь!.. И потом, тебе Елена Петровна прописала общение с интересными людьми...

Прохоров. Ты, что ль, интересный?

Клягин. А что? Если я через стенки не смотрю, так уж сразу ноль без палочки?.. А я, может, человек энциклопедического образования. Вот! Вот давай скажи, какая столица Венесуэлы? Ну? Не знаешь! А я скажу — Каракас! Кто премьер-министр Канады? Ну? Кларк! Вот как! Память у меня, Михаил, лошадиная. Если что где услышу — запомнил. Скажут, к примеру, по радио: «В Новокраматорске вступила в строй третья линия медеплавильного комбината!» — и все, я уже, как в сейф, в голову положил. На всю жизнь. Зачем — не знаю, по только можешь меня ночью разбудить и спросить: какая линия вошла в строй в Новокраматорске? Я без запинки — третья! И так про все. В общем, давай не стесняйся, можешь меня спрашивать. Давай!

Прохоров. О чем?

Клягин. О чем хочешь. Давай спрашивай. Я тебя подпатаскаю по всем проблемам. А то у тебя, судя по разговору, уровень не ахти. Нет, ты не обижайся, Миша, но, честно говоря, мне за тебя немножко стыдно.

Прохоров (*в сердцах*). Ну, не гад ты, а? Сам с дрелью ходишь, а за меня ему стыдно!

Клягин. А при чем тут дрель?

Прохоров. А при том, что — жулик!

Клягин. Ну и что?.. Пусть так! А кто я есть? Никто. Обыкновенный человек, один из миллионов... А ты, Мишка,— один на миллион! Разницу ощущаешь? Тебе же, кажется, ясно Елена Петровна объяснила, кто ты есть на нашей земле. Уникум!.. Достижение эволюции... Слыхал же, три миллиарда

лет материя развивалась, чтобы наконец ты, Мишка Прохоров, возник из тумана. С тебя, может, начинается новая эпоха, как с той обезьяны, которая палку в руки взяла. Энгельса читал?.. Э! Ни черта не читал! А по Энгельсу, все и началось с той обезьяны, которая палку в руки взяла да ею яблоко и сбила. До этого она была обезьяна, а тут сразу стала человек. Вот так и ты!.. Ты думаешь, для чего нас на комиссию свезли? Не знаешь! (*Оглядывается, заговорщическим тоном.*) Для космических контактов!.. С людьми из других миров! Про летающие тарелки-то слышал?

Прохоров. Слышал. Только я в них не верю...

Клягин. Конечно! Куда же тебе поверить... Пока она к тебе в Краснодар на автобазу не сядет, ты и не поверишь... А их уже сотни. Говорят, уже двух пришельцев поймали. Сидят! Точно! Держат их, понимаешь? А контакт установить не можем. Умом не тянем. Вот и хотят феномена им подсунуть, чтоб он им все про нас, про человечество, объяснил. А что сможешь объяснить? Спросят они тебя: Михаил, какая линия вошла в строй в Новокраматорске? Ты и не знаешь!.. Поэтому я останусь! Хоть подготовлю тебя немножко.

Прохоров. Обойдемся!.. Ты давай, Сергей Андреевич, отчаливай! Нечего мне про пришельцев заливать...

Клягин. Вот чудак-то! Говорю же тебе — они уже здесь!

Прохоров. Тем более тебе не надо им на глаза показываться!.. Давай, давай! Съездил в Москву на казенный счет, запяса, платье жене купил, можно возвращаться!

Клягин (*грустно*). Глупый ты, Михаил! Нет у меня жены.

Прохоров. Как?

Клягин. Ушла она, Миша. И самое обидное — в никуда ушла, вообще, понимаешь?.. Ну, завела бы любовника, молодого, приезжего, у нас на юге это бывает, это хоть понять можно, а то — в никуда! А ведь мы с ней, Михаил, двадцать лет бок о бок прожили. Всякое было, разное! Терпела! А подался я в феномены, она не поверила и ушла. Вот почему мне до зарезу нужно этот симпозиум пройти, чтоб справку получить: я бы к ней с подарками и со справочкой бы пришел. «На, Надь, гляди, ты сомневалась, а вот он — документ!» Не выгоняй меня, Михаил!.. Разреши остаться!

Прохоров. Не терзай душу, Клягин. Не могу!

Клягин. Люблю я ее. Понимаешь?! Ради любви прошу! Пойми! У тебя есть жена или женщина любимая?

Прохоров. Есть!

Клягин. Ну?!

Прохоров. И ради нее не могу я позволить, чтобы ты тут оставался. Потому что такие, как ты, ей жизнь загубят. Она верит нам, по стране ездит, собирает, душу в нас вкладывает, а ты ее на позор!

Клягин. Ты что, Миш?.. Ты про Елену Петровну? Она замужем!

Прохоров. Ну и что? В замужних влюбляться нельзя, что ли?

Клягин. Можно, конечно, но ведь у нее дочь... и муж симпатичный.

Прохоров. Симпатичный.

Клягин. Как же быть?

Прохоров. Не знаю. Потому и мучаюсь!

Клягин. Как же тебя угораздило?

Прохоров (*вздыхнув*). Угораздило!.. Сразу-то, внешне, она даже и не очень мне понравилась. А как вот поговорили с ней... ну, вернее, как она со мной поговорила... объяснила мне все про смысл жизни... Это еще там, в Краснодаре. Так я и влюбился. Жутко! Даже пить бросил... Я-то раньше зашибал, а как с ней познакомился, все — завязал!.. И без вина как под балдой хожу! Правда. Вот думаю про нее — и балдею...

Клягин. Ну дела! (*Покачивая головой.*) Тебе бы вообще не стоило, Миш. Тебе б что попроще! Как феномену тебе нельзя! Вредно для здоровья.

Открылась дверь, в номер быстро вошел Иванов с портфелем под мышкой.

Иванов (*Прохорову и Клягину*). Добрый вечер!.. Извините, мне никто не звонил?

Клягин. Нет.

Иванов. Благодарю! (*Скрывается в своей комнате.*)

Прохоров. Ладно, Клягин, черт с тобой, оставайся, но на показ не пушу!.. Сам откажешься! Придумай что-нибудь, чтоб Елену Петровну не расстраивать... Больным прикинься или еще как. Понял?

Клягин. Понял. Понял. Все понял. А эрудицию мою, Миш, ты используй, очень советую. Я тебе много интересного расскажу. Ты знаешь, например, что мозг человека весит полтора килограмма?

Прохоров. Нет.

Клягин. А вот теперь будешь знать... Нет, Миш, я пригосусь. Твои полтора да мои полтора — это уже три, верно?

Прохоров. Верно. Только ты сейчас ко мне не цепляйся, я пойду покурю. Подумать мне надо.

Клягин. Ну, подумай здесь. Я мешать не буду.

Прохоров (*кивнув в сторону комнаты Иванова*). Не хочу при нем!

Клягин. А!.. Правильно. При нем думать не стоит! Ты в холле погуляй, Миша! Метров за сто!.. Думаю, на таком расстоянии он без антенны не потянет...

Прохоров выходит.

(*Подходит к двери спальни, стучит.*) Товарищ телепат!

Иванов (*из-за двери*). В чем дело?

Клягин. Елена Петровна приходила. Просила вам передать, чтобы вы меньше бегали, а больше отдыхали.

Иванов. Мило с ее стороны! Очень мило. А кто работать будет?

Клягин. Она еще сказала, что показ завтра в двенадцать ноль-ноль. Так что уж соберитесь!

Иванов. Соберусь! Я раньше соберусь. У меня в одиннадцать самолет.

Клягин (*удивленно*). Как?.. Да вы что?.. Товарищ телепат...

Иванов (*раздраженно*). Слушайте, перестаньте обзывать меня этой идиотской кличкой! Я не рысак! У меня есть имя и фамилия — Иванов Евгений Семенович!

Клягин. Знаю, что Иванов. Но разве вы не телепат?

Иванов. Инженер я, голубчик! Инженер! Чего так удивились? Бывает. Сейчас все в основном телепаты, но кое-где есть еще и просто инженеры!.. Работать же кому-то надо. Вот я и приехал в Москву по делу! В командировку! А номер мне конечно же забыли забронировать... Работнички! Хорошо, у меня фамилия ходовая — Иванов. В любую гостиницу приди, спроси: на Иванова бронь есть? Обязательно есть! Это, по-моему, так специально делают. Для удобства. Обязательно есть бронь на того Иванова, которому она не пужна, чтоб тот Иванов, которому она нужна, мог приехать и ее получить! Вот и приходится временно с вами сосуществовать, друзья мои... Ненаглядные!

Клягин (*задоткнувшись от возмущения*). Вы что?.. Вы зачем же Елену Петровну обманули?

Иванов. Не знаю я никакой Елены Петровны! А не сказал, потому что спать на вокзале не намерен. И телефон мне нужен. Дело у меня в Москве, понимаете? Срочное

дело! У меня предприятие в простое! Только это никого не волнует!!! Волнует вот... всякая хиромантия!

Клягин. Вы не выражайтесь!

Иванов. Я не выражаюсь! Я научно определяю ту ерунду, которой вы занимаетесь. Вся ваша парапсихология — это, извините меня, чушь на постном масле. Вот вы кто?

Клягин. Я?.. Трансфокальщик.

Иванов. Кто?

Клягин. Через стенки смотрю.

Иванов. Так... Интересно. А дружок ваш?

Клягин. Мишка? Он — телекинезщик. Предметы двигает...

Иванов. Какие предметы?

Клягин. Ну, там спички... вазу может.

Иванов. Это что ж, профессии у вас такие?

Клягин. Зачем?.. Я вообще-то слесарь... шестого разряда. А Мишка, он — шофер.

Иванов (*в отчаянии*). Товарищи, дорогие мои! Да что же это делается?! У нас слесарей не хватает, грузовики без шоферов простаивают, а тут сидят два бугая, один спички перекачивает, а другой из-за стены смотрит!!! Ну народ! Никто работать не хочет! Так и норовят все в спортсмены, в самодеятельность. А работать-то кто будет? Работать-то кто?!

Клягин. Да подождите вы с работой! Тут поважнее дела... С космосом контакт установить не можем...

Иванов (*перебивая*). Ну конечно! Космос! Все в космос хотят! А на Земле кто останется? Вот один такой дурак Иванов останется и будет вкалывать...

Клягин (*не слушая*). Бедная Елена Петровна!.. Что ж с ней-то будет, когда узнает? Эх! Выходит, на одного Мишку теперь надежда!

Без стука открылась входная дверь, появился невысокий, угрюмого вида человек лет сорока. В руках он держал спрятанное в чехол охотничье ружье.

Это — Антон.

Антон. Извините. Прохоров тут проживает?

Клягин. Тут.

Антон. А где он?

Клягин. Вышел покурить. Сейчас придет.

Антон. Что ж... Подождем!

Антон осмотрел комнату, взял стул, снял чехол с ружья и начал его собирать. Клягин и Иванов с удивлением наблюдали за его работой.

Иванов (*тихо*). Сумасшедший дом какой-то... (*Антону*). Извините, товарищ... Вы случайно здесь не охотиться собираетесь?

Антон (*усмехнулся*). А что?

Иванов. Ничего, конечно... Но вроде бы еще сезон не открыли.

Антон. Не бойтесь! Это к вам не относится. Мне с Мишей поговорить надо!

Клягин. Ну и поговори. Ружье-то зачем?

Антон. А ружье — чтоб не только я его слушал, но и он меня!

Иванов. Простите... Вас случайно не Антоном зовут?

Антон. Антоном.

Иванов. Так!.. Теперь ясно. Мне друг ваш, Прохоров. что-то говорил про вас... По-моему, он собирался вас побить.

Антон (*со вздохом*). Не друг он мне, а наоборот — брат. И не побить собирается, а убить. (*Достал из сумки два патрона, вложил в стволы, щелкнул затвором.*)

Клягин и Иванов отшатнулись.

Клягин. Ну, ну... Ты, псих! Товарищ дорогой, поаккуратнее!

Антон. Ничего! Я с ним поговорю. Вы — свидетели, если что... Если буду стрелять, то — вынужденная самооборона! Мне так адвокат сказал: не бойся, Антон, сейчас вынужденную самооборону очень приветствуют! Я в газете читал, один методом вынужденной самообороны уже троих уложил... И ничего! Только почет и уважение!

Иванов. Да перестаньте размахивать ружьем! Не в лесу! Если вам угрожают, обратитесь в милицию.

Антон. Угрожают?! Да он четыре попытки убийства моего сотворил, а вы — «угрожают»...

Иванов. Тем более — в милицию!

Антон. И чего я там скажу?.. Что на меня весной сосулька упала? В два килограмма... Вот так, рядом пролетела... Что люстра в ресторане оборвалась и именно на мой столик грохнулась — это я, что ли, скажу?.. Говорил. Участковый до сих пор смеется... Они ж не знают способностей брата моего. А он, бандит, продолжает! Сегодня утром меня чуть «жигуленком» не задавил!

Иванов. Чей «жигуленок»?

Антон. Мой. Я его на домкрат поставил, полез под него задний мост проверить, а он — р-р-р-раз — и упал!!!

Ведь на сантиметр не дотянул, гад, а то бы раздавил, моим же собственным «жигуленком» раздавил бы...

Клягин (*соображая*). Подожди, подожди. Ты что ж... думаешь, это — Мишка? Мыслью?..

Антон. А кто же?

Иванов. Господи, какая чушь!

Антон. А кто же?

Иванов. Да никто! Случайно! Само!

Антон. Само?! Что ж все на меня-то «само»? Почему на других «само» не падает, а на меня — все «само». То люстра, то балка, то кирпич с крыши, а теперь машина собственная... Ну нет, я этого больше терпеть не буду. Я уж и так хожу нервно дергаюсь. Я не теленок, чтоб ждать, пока меня где-нибудь в метро «само» потолком придавит! Я с Мишкой поговорю. Либо он прекратит покушения, либо я его...

Клягин. Да за что он на тебя ополчился?

Антон. Завидует! Я в жизни кое-чего добился, живу вот тут, в Москве, дом, машина... А он как был жлоб-шоферюга, так и остался! Вот и мстит!

Клягин. Да вроде он не такой парень. Непохоже...

Антон (*возмущенно*). Я-то лучше знаю! У кого, в конце концов, брат бандит? У вас брат бандит? Или у меня брат бандит?

Иванов. У вас, у вас брат бандит, успокойтесь!.. И все равно, стрельба — это не метод. Что за самосуд! Не в джунглях!

Клягин. Да уж. Слава богу, не на Западе живем!

Иванов. Может быть. Но не в этом суть! (*Антону*.) Поговорить надо спокойно! Выяснить! Товарищи! Двухтысячный год скоро, а мы как дикари все хотим «пух-пух» решить!.. Поговорить надо!

Антон. Он меня и слушать не будет.

Иванов. Ладно. Для начала я с ним поговорю... (*Клягину*.) Посмотрите, он не возвращается?

Клягин (*вглядываясь в стену*). Вроде пока не видно...

Иванов (*резко*). Не валяйте дурака! Выгляните и посмотрите как положено!

Клягин (*обиженно*). Ну вот, сразу недоверие, сразу оскорбления. (*Открыл дверь, тут же закрыл, испуганно*.) Идет!!! Идет!!!

Иванов (*Антону*). Быстро в спальню. И сидеть как мышь, чтоб ни звука! И ружьем не махать! (*Клягину*.) Вы тоже — в спальню!

Клягин. Я лучше здесь. Я на Мишу положительно действую...

Иванов. Зато на меня отрицательно! Идите, говорят!

Антон и Клягин скрываются в спальне, Появляется Прохоров.

(Робко.) Добрый вечер, Миша!

Прохоров. Вроде бы уже виделись.

Иванов. Действительно... Миша, ничего, что я вас — Миша? Меня можно тоже просто — Женя. Так вот, Миша, я все тут думал по поводу того, что вы думали... В смысле Антона... Может, не стоит его, а?

Прохоров (решительно). Стоит!

Иванов. В тюрьму ведь сядете.

Прохоров. Пускай!

Иванов. М-да. Дело-то, видно, серьезное... Но все равно, как же так, родного брата?.. Жалко ведь?

Прохоров (возмущенно). Ну зачем же так говорите? Когда сами все знаете!

Иванов. Спокойно! Спокойно! Я не все знаю...

Прохоров. Вы же читали мои мысли?

Иванов (замявшись). Читал... Но не до конца.

Прохоров. До какого места?

Иванов (несколько раздраженно). Не знаю, до какого места! Вы поймите, дорогой, это ведь не так-то просто. Москва — огромный город, восемь миллионов населения, и все думают. Довольно напряженно думают! Тут не дозвониться до человека, не то что до его мыслей докопаться! Я понимаю, что вы озлоблены против брата. Он мне тоже внешне несимпатичен, но что из этого?

Прохоров. Он здесь? (Рванулся к спальне.)

Иванов (перехватил его). Стой!.. Никого там нет!..

Прохоров. А где ж вы его видели?

Иванов. В голове у вас — вот где!.. Вы его образ представляли, я этот образ перехватил...

Прохоров. Ну и как он выглядит?

Иванов. Среднего роста... Брюнет... С пробором... Носик остренький. Глаза воспалены... В синем пиджачке...

Прохоров (восхищенно). Здорово!

Иванов. Стараемся как можем!..

Прохоров. А я его иногда таким хорьком представляю, не обратили внимания?

Иванов. Не обратил!

Прохоров. Нет, здорово! Вы — феномен так феномен! Если уж действительно, как Клягин предполагает,

контакт с космосом готовится, то лучше всего вас послать!

Иванов (*нервно*). Ой! Не надо меня посылать в космос! Не надо! Мне бы вот тут с вами на Земле разобраться, и чтоб предприятие у меня план давало... Все! Так! Давай вернемся к брату!.. Только, знаете, кончаем этот сеанс гипноза. Вы уж, будьте добры, все по порядку.

Прохоров. Чего по порядку?

Иванов. То есть как чего?.. Не дикарь же вы в самом-то деле! Хотите убить живого человека и не можете объяснить — почему?

Прохоров. Могу!

Иванов. Ну и объясните! И не как телепату, а как нормальному гражданину. Все! Я сейчас нормальный человек! У меня в мозгу перерыв!..

Прохоров. Ну, чего рассказывать?.. Мы с братом давно расстались! Я его всегда не любил, он меня тоже... Хотя он способный! Феномен вроде меня. Также предметы умеет двигать. Только я от себя двигаю, а он — все к себе! Ну, не в этом соль!.. Отсудил он у нас с матерью полдома, продал их. Женился, подался в Москву. Работал здесь, говорят, хорошо зарабатывал, химичил чего-то. Но мне на все это наплевать! Понимаете... Он матери и рубля не посылал, да я б и не просил! Мы с ней вдвоем хорошо жили, славно, от него — только телеграмма на Восьмое марта, да и то не всегда. И тут, примерно полтора года назад, вдруг прикатывает. С цветами! «Мама, переезжай ко мне! Я не могу, тоскую!» И жена с ним рядом: «Анна Степановна, вы мне родной человек! Умоляю, поживите с нами!» Я заподозрил неладное, но в толк не возьму, в чем дело-то? Если б у них дети были, подумал — как няньку хотят использовать, а то ведь и детей нет. «Поедем, мама, — кричит, — пожила с одним сыном, теперь давай с другим». Мать говорит: «Антоша, не пропишут!» Он говорит: «Пропишут! Вы, мама, вдова солдата, отец под Москвой воевал». Все продумал, гадина... Понимаете, отца вспомнил!

Иванов. Ты спокойнее, Миша, спокойнее!..

Прохоров. Не буду спокойней. Не могу!.. Отправил я их, думаю, ладно, действительно мать — одна на двоих, пусть с ними поживет, а она... Она, понимаете, значит, примерно через... восемь месяцев... значит... вот и умерла. Я прилетел: как? что?.. Умерла! Похоронили!.. И потом я, значит, узнаю, понимаете, что он, понимаете, про все это пронюхал заранее. Понимаете? Она когда-то в поликлинику нашу краснодарскую пошла на рентген, и ей диагноз

плохой поставили. Я про все это еще не знал, а он как-то узнал, через медсестру. Медсестра там работает, родня его жены. Узнал и прилетел. Понимаете?! Так совпало, что ему с женой должны были квартиру давать, и он решил, значит, мать как девять метров использовать! Понимаете? Ее лечить можно было, операцию сделать, но он все скрывал... За чем, мол, тянуть-то... Возиться, понимаете? Зачем? Просто использовал как девять метров, а дальше — чем скорей, тем лучше! Я когда узнал, у меня в глазах потемнело. Как быть? Что делать, а?.. Что, просто проскочить мимо, да? Забыть?.. Вот вы умный человек, интеллигент, феномен, мысли человеческие понимаете... Скажите, как быть?.. По закону — говорите. А если нет здесь закона, что ж, прощать это можно?.. Объясните! Мне в школе объяснили, что бога нет, а только недосказали, как обходиться без него в таких случаях! Ну, что молчите? Советуйте!

Прохоров расхаживал по комнате, а вокруг него в каком-то странном возбуждении раскачивались предметы, скрипели двери и рамы, шевелились занавески. Только Иванов этого не замечал, он сидел задумавшись.

Спокойней, говорите?.. Ну нет! Мне Елена Петровна, она чудный человек, я ее уважаю и люблю, и она: спокойней, Миша, спокойней, вы, мол, особенный человек! А мне плевать, что я особенный, человеком бы быть — и то спасибо! И если Антон бога не побоялся, то от меня ему не скрыться, потому что я все время о нем думать буду. И пусть пригибается под моими мыслями, пусть ходит и вздрагивает, потому что рано или поздно я его накрою!!! И я его!..

Прохоров напрягся, заскрипел зубами, сжал кулаки. Раздался раскат грома. Вспышка молнии. В спальне раздался треск. Крик. Дверь распахнулась, оттуда выскочил К л я г и н.

К л я г и н. Товарищи! На помощь! Человека шкафом задавило!!!

Иванов бросается к спальне.

И в а н о в. Михаил! Михаил!.. Без рук!.. Мыслью... Только мыслью!!! Только мыслью!!!

Прохоров бежит в спальню. Все трое скрываются за дверь. На шум входит
Д е ж у р н а я.

Д е ж у р н а я (оглядев номер). Ну просила же мебель не сдвигать! Просила же... (Вздохнув, включает телевизор, расставляет мебель по местам; села, смотрит.)

З а т е м н е н и е

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Утро следующего дня. Тот же номер гостиницы. Прохоров лежит в кровати, его голова забинтована полотенцем. Из ванной появляется Клягин. Он только что принял душ, у него прекрасное утреннее настроение.

Клягин (*Прохорову*). Гутен морген... Гутен морген, майн либен фройнд! Ви шлафен зи?.. Вас махт ин дер нахт?

Прохоров. Очумел, что ли?

Клягин. Почему? Я с тобой по-немецки разговариваю.

Прохоров. Зачем?

Клягин. Для эрудиции. В школе какой язык учил?

Прохоров. Английский.

Клягин. Извини! Ладно. Давай по-английски. Гуд монинг, май френд. Хау ду ю слип ди найт?

Прохоров. Ты что ж, на всех языках можешь?

Клягин. Нет. Только в объеме третьей программы... По телевизору есть третья программа. Учебная. Смотришь?

Прохоров. Не-а.

Клягин. Напрасно. Там много поучительного. Лекции разные. Фильмы для глухонемых... А бывают наши фильмы, но на иностранных языках. Знаешь, Миша, очень интересный эффект!.. Вот я одно кино недавно смотрел: когда по-нашему говорят, ну, полная мура, а когда не по-нашему, уже ничего... Смотреть можно!

Прохоров. Не тарахти ты, Сергей Андреевич! И так башка трещит.

Клягин. Таблеточку прими.

Прохоров. Принимал.

Клягин. Еще, еще прими. А спал как?.. Кстати, я ж тебя по-английски спрашивал: как ты спал? Хау ду ю слип ди найт? Как спал?

Прохоров. Никак не спал... Ноу! (*Привстал, застонал, хватается за голову.*) Ну просто разламывается башка! Черт его вчера принес, Антона-то. Я ведь не собирался им до показа заниматься. Я думал — после.

Клягин. Но вчера ты ему здорово вмазал! Молодец! Знаешь, когда ты разволновался, Антон ружье поднял и хотел выскочить, а тут его шкафом в спину — р-р-раз! Он рванулся, а его еще стулом — р-раз! Молодец, Миша! Просто молодец! (*Поднял. валявшееся у стены ружье.*) Гляди-ка! Так драпанул отсюда, что и ружье бросил. На, возьми, Миш!

Прохоров. Ну его к лешему! Ничего мне от него не надо.

Клягин. Возьми! Хорошее ружье. Имеешь право: боевой трофей! Дома на стенку повесишь! Или нет, на стенку не вешай! Плохая примета! Чехов говорил: если на стене в первом акте висит ружье, то в четвертом оно должно выстрелить.

Прохоров. Что значит «в акте висит»?

Клягин. Этого, Миш, я не понял. Я, Миш, это по радио слышал. В такси. Ехал с аэродрома, а Чехов в такси про это и говорил. Я запомнил. А еще он говорил, что воспитанный человек не тот, кто не прольет соус на скатерть, а тот, кто не заметит, если это сделает кто-нибудь другой. Вот что он говорил.

Прохоров (*раздраженно*). Кому говорил-то?

Клягин. Не знаю. Вообще говорил. Думаю, к народу обращался, к общественности!

Прохоров. Ну что ты за человек, Клягин? Что ты мне голову забиваешь?

Клягин. Почему забиваю?.. Я тебе пищу даю для размышлений... Елена Петровна говорила, это полезно перед показом... Чехов-то прав. Считаем себя культурными людьми, а ведь не дай бог кто-нибудь соус на скатерть прольет...

Прохоров (*в отчаянии*). Да замолчи ты!.. Не пойду я ни на какой показ! Неужели не понимаешь?

Клягин (*опешил*). Как?

Прохоров. Ну куда я пойду?.. Еле на ногах стою! Куда мне в таком состоянии комиссии показываться! Позориться только... Сломался я, понимаешь? Сломался!.. Мне теперь неделю пластом лежать, чтоб в форму прийти... Ах, Антон!

И тут, стервец, напакостил!.. Такое дело сорвал!.. Перенапрягся я из-за него, понимаешь?.. Уж если я шкаф сдвинул, значит, вся сила из меня ушла. Я ведь раньше-то никогда шкафы не мог, понимаешь?

Пауза.

К л я г и н (*нерешительно*). Вообще-то, Миша, если откровенно говорить, я тоже слегка помог.

Прохоров удивленно уставился на Клягина.

П р о х о р о в. Что?!

К л я г и н (*поспешно*). Нет, нет... В основном, конечно, ты... Но когда ты стал про мать рассказывать, я, знаешь, тоже разволновался, а Антон, он с ружьем наперевес хотел выскочить, ну, я его шкафом-то сзади и прижал!.. А потом, стало быть, стулом... Но, конечно, в основном — ты! Ты!

П р о х о р о в (*мрачно усмехнулся*). Во как!.. Значит, и сломался-то понапрасну!.. Ну дела! Верно Елена Петровна говорит: самое страшное, когда хорошая голова дураку достается!.. Как я ей в глаза-то посмотрю?.. Ведь просила же она, со слезами просила... Вечер один выдержать!.. И то не смог! Ах ты, черт!.. Такую женщину подвел!.. (*Вскочил.*) Все! Уезжать надо. Срочно! (*Схватил чемоданчик, стал быстро собирать вещи.*)

К л я г и н. Подожди! Ну что ты как с цепи сорвался?

П р о х о р о в. Нечего ждать. Поехали.

К л я г и н. Как — поехали? И я?

П р о х о р о в. А ты как думал? Давай, давай собирайся!

К л я г и н. Что ты, Миша? Мне платье надо в ГУМе обменять.

К л я г и н. По дороге обменяем! Собирайся! Быстро! Быстро!

К л я г и н. Ты только не гони!.. У меня багаж большой, уложиться надо. Вот черт сумасшедший. (*Достает чемодан, начинает укладывать в него большое количество свертков, коробок, консервных банок и прочее.*)

П р о х о р о в (*усмехнувшись*). Запасся!

К л я г и н. Чего?

П р о х о р о в. Я говорю, много углядел-то... по разным углам.

К л я г и н (*обиженно*). Эх, Миша, ничего-то ты не понимаешь. Думаешь, я для чего сюда приезжал?

П р о х о р о в. Ясно для чего — ГУМ обследовать!

К л я г и н. Глупость говоришь. Извини, конечно, Михаил. Прimitivesно рассуждаешь. У меня дальний прицел был. Я порядок хотел вокруг навести! Порядок! Ты верно вчера кричал: бога отменили, народ и распустился. С работы каждый тащит. Кругом — распущенность! Каждый болтает что хочет. А все почему? Некого бояться. Знают, что никто не видит, вот, стало быть, и бояться нечего!.. А я подумал: ну нет, голубчики, будет над вами всеми присмотр. Мой пронзительный взгляд! Недремлющее око мое!.. От него никому не спрятаться! Вот для какой цели великой, Миша, я начал через стенки смотреть!.. ГУМ, ЦУМ — это так, хобби. Побочная отрасль. А основное — порядок!.. Ох, мне бы справку — я бы показал.

П р о х о р о в. Хватит философию разводить!.. Без твоего порядка обойдемся... Собирайся!

Открывается дверь спальни. Появляется И в а н о в с чемоданчиком в руках.

И в а н о в. Ну что, дорогие соседи, будем прощаться, а?

П р о х о р о в. Мы тоже уезжаем, товарищ Иванов.

И в а н о в. Да?.. А как же этот ваш конгресс... психоаналитиков — или как там его?

П р о х о р о в. Отменяется!

И в а н о в. Ну, как говорится, и на том спасибо. Уже хорошо.

П р о х о р о в. Чего же хорошего?

И в а н о в. Одной липой меньше. У меня теория такая: всякая несостоявшаяся липа — уже большая польза для страны. Я бы за некоторые сорвавшиеся проекты людям премии давал бы, ей-богу! Вот, скажем, заложили у нас в городе предприятие, один фундамент заложили... А потом — р-раз, бросили! Их в газетах кроют, а я считаю — молодцы!.. Так бы мучились, строили, потом бы оно долго-долго государству убытки приносило, а так в самом зародыше пресеклось. Я это называю — экономический аборт. Очень полезная процедура.

К л я г и н. Интересные мысли у вас.

И в а н о в. А мысли — они всегда интересны, если это... мысли. Продукт ума, а не другого места. Вот так-то! Ну что? Будем прощаться? Или вместе поедем? У меня такси заказано.

К л я г и н. Вместе. Вот только уложусь.

И в а н о в. Ну, ну... Подождем. *(Уселся на стул.)*

П р о х о р о в. Вообще-то нам бы адресами поменяться.

И в а н о в. Зачем?

Прохоров. Переписываться можно. В гости друг к дружке ездить.

Иванов. Это необязательно... Встретимся еще как-нибудь. Как говорится, пересечемся...

Прохоров (*чуть обиженно*). Как хотите! Я в друзья не напрашиваюсь.

Иванов. Вы не обижайтесь, Михаил. Я ведь правду сказал. Не люблю этих пустых формальностей: адреса, в гости... Я вам не напишу, вы мне не напишете. Закрутимся! Это проверено. У меня лично — дел по горло! Целый день как белка в колесе... На дружбу времени не остается!

Клягин. Так ни с кем и не дружите, что ли?

Иванов. Почему? Дружу... кое с кем. Но недолго. Вкратце! Раз в месяц, больше не получается. Заскочишь на часок, подружишь, и все — разбежались.

Стук в дверь. Входит Ларичев. Он, как всегда, пребывает в некотором нервном возбуждении.

Ларичев (*приветливо*). Доброе утро, товарищи!

Клягин (*недружелюбно*). Гутен морген! (*Защелкнул чемодан, затянул ремень.*)

Ларичев (*увидев Иванова*). Вы товарищ Иванов?..

Тот молча кивнул.

Давайте знакомиться: Ларичев Олег Николаевич. Очень, очень приятно!

Иванов (*равнодушно пожимая руку*). Взаимно! (*Клягину.*) Вы готовы?

Клягин. Готов. (*Взял чемодан в руки, авоськи.*) Ну, трогаемся?

Ларичев (*растерянно*). Товарищи, извините, вы куда?

Клягин. Домой.

Ларичев. Как?

Клягин. Вы же сами просили: «Уезжайте, милые, уезжайте, я проезд в оба конца оплачу!» Вот мы и уезжаем. Так что можете смело бежать.

Ларичев. Куда бежать?

Клягин. На сто метров за одиннадцать секунд!

Ларичев (*занервничал*). Если это шутка, то сейчас она, извините, неуместна!

Клягин. Товарищ Ларичев, только прошу, без нервов! Если у вас опять приступ начнется и вы через окно будете уходить, то предупреждайте! Потому что мы тоже люди нервные и можем это неверно понять. (*Пошел к двери.*)

Л а р и ч е в (*преградил путь*). Товарищи! Как же так можно? Что за безответственность? Вас ждут люди. У вас в двенадцать ноль-ноль комиссия.

П р о х о р о в. Вам-то что волноваться? Сами же говорили, что мы — жулики.

Л а р и ч е в. Ну хорошо... Ну мало ли что говорил... Извините, ради бога! Зачем обижаться?

К л я г и н. И с точки зрения физики, говорили, мол, все это невозможно!

Л а р и ч е в. Зачем цепляться за слова?.. Почему невозможно? Все возможно. На каждый довод есть антидовод, на каждую теорию — антитеория!.. Идет спор! Одни считают — невозможно, другие — возможно!

П р о х о р о в (*усмехнувшись*). Вы-то кто, «один» или «другой»? Или у вас просто: утро вечера мудренее?

И в а н о в. Да уж! Как говорится, товарищ принципиально беспринципен.

Л а р и ч е в. Ну при чем тут принципиальность?.. Все сложнее. Обстоятельства меняются... (*Замялся.*) Ладно. Скажу. Дело в том, что Елена Петровна заболела...

П р о х о р о в (*испуганно*). Что с ней?

Л а р и ч е в. Ну, вообще сейчас, можно сказать, ничего страшного. Но был сердечный приступ! Мы дома... немножко повздорили... поспорили, ну, короче, не в этом суть... и был приступ! Врач велел лежать, у нее кардиограмма подозрительная... Понимаете? Вот. А она, конечно, только про вас и думает. И я пообещал сопровождать вас на комиссию. Я ей дал слово!.. Я просто поручился!.. Там вас ждут, в журнале...

—
Пауза.

П р о х о р о в. Олег Николаевич! Но мы действительно не можем идти. Никак!

Л а р и ч е в. Почему? Вчера могли — сегодня не можете?!

К л я г и н. Сегодня — не можем!

Л а р и ч е в. Да что за глупость?.. Тоже, знаете ли, не очень принципиальный подход.

П р о х о р о в. Сами же говорили: обстоятельства меняются. Я, например, перенапрягся!.. Вам долго объяснять, что да почему, но — перенапрягся... И теперь обессилел. Во, глядите — еле чемоданчик держу в руках. А Клягин, он-то вообще — жулик! (*Клягину.*) Сергей Андреевич, подтверди!

К л я г и н. Жулик!

Л а р и ч е в. Зачем же так, товарищи? Обиделись, принимаю, но издеваться-то зачем? Зачем?

К л я г и н. Ну честное благородное слово: я — жулик!.. Вот дрель у меня, глядите. Я ею дырочки незаметно сверлю...

Л а р и ч е в (*саркастически*). Дырочки?.. Интересно! Еще какие сообщения поступят?

К л я г и н (*раздражаясь*). Вам русским языком говорят: я через стены не вижу! У меня, если начистоту, вообще зрение слабое! Мину три! Я вот сейчас на вас смотрю, и вы у меня — нечеткий! Расплывчатый!

Л а р и ч е в. Очень любопытно! Так... (*Иванову.*) А вы, товарищ, судя по этой комедии... по этому вашему сговору... очевидно... вообще не тот человек? Другой Иванов, да?.. Попали сюда случайно!.. Телепатией никогда не занимались и заниматься не хотите? Так? Ну, говорите!

И в а н о в (*пожав плечами*). Я бы сказал, но не хочу повторяться.

Л а р и ч е в (*закрыв лицо руками*). Ничтожество! Ничтожество!

И в а н о в (*грозно*). Товарищ, я попросил бы!..

Л а р и ч е в. Это я про себя.

И в а н о в. Про себя — пожалуйста! Про себя сколько угодно!

Л а р и ч е в. Ничтожество! Сам ничтожен, но весь ужас в том, что ничтожный человек не может успокоиться, пока и остальных не сделает ничтожными... Лилипут — вот кто я! Лилипут, который хочет быть правофланговым в строю... (*Схватился за голову.*) Ах, Леночка, что же я натворил? Ах, негодяй! Вы что же это? Вы тоже хотите стать такими же, как я? Да? Вот! Смотрите!.. А ведь я-то был кто? Почти гений! Я был феномен, не чета вам! (*Кричит.*) Я СОЛНЦЕ ОЩУЩАЛ! Понимаете? Я НА СОЛНЦЕ РЕАГИРОВАЛ! А потом сломался и солнце продал...

К л я г и н. За сколько?

Л а р и ч е в (*бросается на Клягина, его удерживает Иванов*). Ну, вы! Остряк!

И в а н о в. Спокойно! Спокойно! Не надо так. Давайте-ка сядем, друзья мои, в ногах правды нет. А вы, уважаемый товарищ Ларичев, спокойно, внятно расскажите, в чем дело?.. Как это вы солнце продали? Кому, зачем?.. Это всем нам очень интересно, особенно если учесть, что внизу стоит такси, а счетчик щелкает... И плачу я... Рассказывайте, дорогой, рассказывайте!

Л а р и ч е в (*не замечая иронии*). Меня ведь тоже Лена нашла. Как и вас. Да, не стесняюсь, нашла, как гриб в лесу. Я тогда был студентом, университет заканчивал. Она-то мне и подсказала тему научной работы: о влиянии солнечной импульсации на биологические процессы. Сейчас эта теория, как говорится, и ежу ясна, а тогда она еще была довольно спорной... Я доказывал, что пульсация солнца, возникновение на нем взрывов, пятен резко влияет на все живое... Например, эпидемии возникают... Сердечно-сосудистая недостаточность... Ну, долго рассказывать... Но дело-то не в этом. Гениальность моя была в другом, в том, что я сам — Олег Ларичев — был от рождения отличным биологическим индикатором. Я своим телом, каждой клеточкой кожи мог ощутить приближение солнечной вспышки. Раньше любой обсерватории... Понимаете?.. У меня начинался внутренний озноб. Дрожь какая-то! Такой феноменальной способностью обладает только еще одна порода рыбок... В Индийском океане. Но от нее, от рыбы, какой прок, она же молчит, а я-то, Олег Ларичев, мог бы предсказывать вспышки. Вы понимаете, что это могло означать в масштабах Вселенной?! А я?! А я — испугался. Меня после университета распределили в НИИ. Хорошее НИИ... Перспективное! Все условия. Квартиру дали. Только директор НИИ считал мои исследования о влиянии солнечных вспышек лженаукой. У него про это уже брошюра была готова... Он вообще был главный специалист по «лженаукам»... Просто наука его мало интересовала, ему главное — с «лже» схватиться!.. Соображаете? У него — брошюра в наборе, а тут, некстати, я со своей работой, с внутренним ознобом!.. Он меня вызвал и говорит: вот что, дорогой Олег, либо быть феноменом, либо — перспективным ученым. Хотите у нас работать? Работайте! Но без всякой «внутренней дрожи»!.. А нет — тогда вон отсюда на все четыре стороны, и будете с семьей питаться, как листочек, хлорофиллом!!! Вот так и я затих... М-да!.. Стал просто кандидатом неизвестно каких наук... Потом, через несколько лет, директор от своей брошюры публично отрекся, а мне уж было поздно. Поскольку я свою феноменальную способность утратил... На солнце сейчас почти не реагирую. Совсем... Немножко чешусь разве... Аллергия!.. Да вот еще смотреть на него долго не могу. И не потому, что глазам больно, а потому что — стыдно! Вот так... (*Пауза.*) Так что вы уж с меня пример-то не берите. Вы идите до конца. Чтоб потом не жалеть, не стыдиться! Лена очень на вас рассчитывает. И я обещал! Если вы не покажетесь в журнале, она решит, что это опять из-за меня... Что это я вас отго-

ворил... Она узнала, что я вчера к вам приходил... Пожалуй-ста!.. Ну, что вам стоит?.. Умоляю!..

К л я г и н. Да вы поймите...

Л а р и ч е в (*перебивая*). Нет! Нет! Подумайте. Потом примите решение!

Пауза. Все сидят задумавшись.

И в а н о в. Да... Такие дела. И надолго вся эта хиромантия? Я имею в виду — комиссия ваша надолго рассчитана?

Л а р и ч е в. Часа полтора, не больше!..

И в а н о в. Стало быть, на вечерний рейс успею?

Л а р и ч е в. Разумеется.

И в а н о в. Ну, тогда пошли! (*Встает.*)

П р о х о р о в (*испуганно*). Да вы что?

К л я г и н (*тоже нерешительно*). Куда это вы собрались? Товарищ Иванов?

И в а н о в. Прошу обращаться ко мне как полагается: товарищ телепат!

К л я г и н. Никакой вы не телепат!

И в а н о в. Молчать!!! Вас забыли спросить... Инженер я, голубчик, инженер, а инженер на современном этапе развития не может не быть телепатом!.. Ему важно угадать, что начальство думает, что мастер думает, что местком думает... Потому что вокруг него все думают, а работает он один, и приходится угадывать мысли, чтобы работа шла! И ничего, слава богу, двадцать лет кручусь, одни благодарности. А тут, подумаешь, — комиссия! Я этих комиссий знаете по цеху сколько провел! (*Ларичеву.*) Так? Что надо будет делать?

Л а р и ч е в. Именно вам?

И в а н о в. А кому же? Я за свой участок отвечаю!

Л а р и ч е в. Вам надо будет угадать несколько тестов, которые мысленно будет посылать индуктор...

И в а н о в. Спокойно! (*Деловито достает блокнот, записывает.*) Что такое индуктор?

Л а р и ч е в. Индуктор — это человек.

И в а н о в. Так. Какой?

Л а р и ч е в. Любой!.. Обыкновенный... он будет находиться перед комиссией и по ее заданию мысленно передавать вам тесты. А вы, находясь в другой комнате, должны письменно сообщить, что вы поняли.

И в а н о в. Все понятно. (*Убрал блокнот.*) Все! За работу, товарищи! (*Огляделся.*) Сейчас репетнем! Миша, освободите стул. Клягин, будете моим индуктором!

К л я г и н (*испуганно*). Чего это — Клягин? Чуть что — Клягин!

И в а н о в. Ничего... ничего... Работать надо! Вы же утром в буфете меня просили угадать ваши мысли... Вот я и угадаю! (*Ларичеву.*) Помогайте ему!.. (*Прохорову.*) Вы — отойдите в сторону и расслабьтесь! По местам, товарищи, по местам! Время, милые, время!

Прохоров отходит. Ларичев берет журнал, показывает Клягину.

Л а р и ч е в. Ну, для примера... Берем этот журнал. Откроем любую картинку. Вот, скажем, эту... Вглядитесь в нее, товарищ Клягин.

К л я г и н. Ну, взгляделся...

Л а р и ч е в. Фиксируйте в сознании.

К л я г и н. Зафиксировал...

Л а р и ч е в. Теперь мысленно пошлите ее к товарищу Иванову.

К л я г и н. Сейчас... (*Напрягся, боднул воздух головой.*) Послал!

Л а р и ч е в (*Иванову*). Что вы увидели?

Иванов закрыл глаза руками, сосредоточился.

И в а н о в. Сейчас. Минутку. Вроде бы... Женщина какая-то... Седая!

К л я г и н (*удивленно*). Точно!.. Ну Иванов, ну ты даешь! Ур-ра! Молодец!.. Женщина! Во, гляди — старушка!

Л а р и ч е в. Ну, если честно говорить, это — Ломоносов.

И в а н о в. Товарищи, не будем терять время из-за деталей. Там такси стучит... Поехали, дорогие! Время!

Все убегают.

Затемнение

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошло несколько часов. Дежурная расставляет стулья по местам, протерла тряпкой, ушла.

Вдруг с грохотом распаивается дверь прихожей, и в номер входят веселые Клягин, Иванов, Ларичев, за ними Прохоров.

Л а р и ч е в (*голосом генерала, принимающего парад*). Здравствуйте, товарищи феномены!

К л я г и н и И в а н о в (*хором*). Здрав-здрав-здрав!

Л а р и ч е в. Поздравляю вас с победой!

Иванов и Клягин. Ур-ра-а-а!

Ларичев (*возбужденно*). Гении мои ненаглядные! Уникумы мои незабвенные! Дайте, черти, я вас расцелую! (*Бросается обнимать всех.*) Поздравляю вас с победой! Ура!

Прохоров (*мрачно*). Вы бы Елене Петровне позвонили. Она ж волнуется.

Ларичев. Да! Конечно! Немедленно! (*Бросается к телефону.*)

Прохоров. Только вы поаккуратней!.. Постепенно сообщайте, постепенно...

Ларичев (*в трубку*). Алло! Алло! Ленок?.. Это я! Спокойно, только спокойно. Сначала про тебя: врач был? Что сказал?.. Что велел? Алло! Нет, сначала про тебя. Алло! Ладно! Не буду тянуть душу, сейчас все расскажу... Только при условии — валидол под язык! Положила? Точно? Ладно, тогда слушай. Сообщаю: три-умф! Честное благородное слово: три-умф! Хочешь, могу по буквам. Таня, Рита, Иуда... Алло! Да не шучу, какие могут быть с тобой, с ненормальной, шутки? Даю подробности: Иванов из двадцати предложенных тестов угадывает шестнадцать!..

Иванов. Нижайший поклон. (*Проходит в спальню.*)

Ларичев. Лена, он тебе кланяется. Клягин вообще герой! Из десяти предметов, расположенных за темным экраном, называет... Ну, угадай, сколько?.. Не-а! Двенадцать!.. Ленок, я не остро, именно двенадцать из десяти! Он еще запонки на руках ассистента разглядел!..

Клягин. Я и кольцо золотое у него разглядел... И пробу пятьсот восемьдесят третью. А они говорят, это — не в счет... Как не в счет?..

Ларичев (*отмахивается*). Подождите, товарищи, не слышно. (*В трубку.*) Одним словом, Ленок, триумф! Что? Нет, у Прохорова, к сожалению, ничего не получилось. Да! Неудача! Понимаешь, он, оказывается, вчера перенапрягся, с кем-то подрался...

Прохоров (*обиженно*). Зачем рассказываете? Ведь просил же!..

Ларичев (*в трубку*). Ленок, ну сама у него все спросишь... Что значит — обидно?

Клягин. Из трех экзаменующихся двое — это нормально.

Ларичев. Конечно, нормально. Ленок, из трех экзаменующихся двое справились — это более чем достаточно!.. Успех полный! Одним словом, журнал об этом дает информацию в следующем номере... Потом интервью с феноменами,

твоя статья... Так мне обещал редактор. Клянусь! Ну, что мы по телефону-то? Дома доскажу... Сейчас все едем к тебе. Шампанское купил... Да, милая, да, Леночка!.. Все!.. И хватит волноваться! Расслабься! Поздравляю!

Клягин. И мы тоже!

Ларичев (*в трубку*). И они тоже... Понятно, что и ты их! Все! Закончили! Расслабься! Умоляю! (*Кладет трубку, обращается ко всем.*) Так, товарищи, все — к нам! Праздник продолжается!

Иванов (*взглянув на часы*). У меня в пять рейс.

Ларичев. Никаких рейсов! Улетаете ночью! Да вы что, товарищ Иванов? Лишить Леночку возможности лицезреть нового уникама? Улетите ночью! После банкета! Я вас лично вот этими руками внесу в самолет!

Иванов. Ну ладно! Тогда, пожалуй, побриться надо. Все-таки в гости к даме идем... Вам бы тоже себя в порядок привести! Щеки обросшие, глаза красные...

Ларичев. Да. Я ведь почти не спал ночь. Одолжите бритву?

Ларичев и Иванов уходят в спальню. Клягин достает бумагу.

Клягин. Вот она, справочка! Да я ее теперь всюду с собой носить буду. Вот тут. Теперь мы в городе порядок наведем, все запляшут. Я теперь к любому могу подойти: «Разрешите, гражданин! Я — феномен! Вот удостоверение! Пройдемте!»

Прохоров (*берет чемоданчик*). Прощай, Сергей Андреевич!

Клягин (*удивленно*). Ты что? Куда? Зачем?

Прохоров. Уезжаю!

Клягин хотел что-то сказать, Прохоров остановил его.

Не шуми! Так уеду, не прощаясь... По-английски. (*Пытается шутить.*) Ты ж меня учил по-английски...

Клягин. Нет, Миш, нет! Обижаешь! У нас банкет!

Прохоров. Да ну его!

Клягин. Не пущу тебя! Без тебя за стол не сяду. (*Рванулся к спальне.*) Товарищи!

Прохоров (*остановил его*). Тихо! Говорят же тебе... Ну, не могу я ей в глаза посмотреть, неужели не понимаешь? Она на меня так надеялась, а я-то и сплеховал...

Клягин. Ну и что? Сплеховал, я не сплеховал. Мы теперь, феномены, как моряки: один за всех, все за одного! Ну чего ты расстраиваешься? Ну не мог он тебе помочь, Ларичев-

то. Там же комиссия. Нам-то он смог тесты подсунуть заранее, а тебе — как? У тебя ж опыт весь на виду!

Прохоров. Что?!

Клягин (*испуганно*). Чего-чего? Чего? Он тебе не говорил, что ли?! Не говорил, Миш? Тогда и я не говорил! Тогда и я не говорил. Миша! Значит, это тайна! Миша, ты ничего не знаешь! Ты что, Миша! Не нервничать!

Из спальни выходит Иванов и идет в ванную.

Прохоров. Товарищ Иванов, это правда?

Иванов. Наверное! Вы о чем?

Прохоров. Правда, что вы заранее все знали? Что вам шпаргалку дали?!

Иванов. Не понял. Какую шпаргалку? Дорогой, успокойтесь! Успокойтесь!

Прохоров. Опять успокаиваете?! Я ж вам сказал: не хочу спокойно! Вы что, товарищ Иванов?! Вам люди поверили, а вы? Что ж вы делаете, а? Что ж вы такое делаете?

Иванов (*резко*). Работаю! Работаю, товарищ! Дело делаю. Мне было сказано угадать тесты — я угадал! Я выполнил задачу в поставленные сроки! А как выполнял, каким путем, это уж, извините, никого не касается.

Прохоров. Да совесть-то у вас есть?

Иванов. Есть, голубчик, есть! Этого как раз — навалом. Этого — хоть отбавляй! Только задачи-то нам ставятся непосильные. И времени в обрез! Вот и приходится выбирать: либо с совестью антимонию разводить, либо дело делать!

Прохоров. Ну нет! Так у вас, ребятки, не получится! Я так — против! Это не дело делать — это значит делишки обдeldывать, товарищ Иванов!

Иванов. Ну, вы меня не учите жить!

Прохоров. Я не учу! Я у вас думал поучиться. А теперь скажу, не инженер вы, а жулик!

Клягин. Без оскорблений, Михаил! Без оскорблений!

Прохоров (*Клягину*). Ты вообще бы помолчал! Недремлющее око! Порядок мечтаешь навести? Знаю я твой порядок. Тебе волю дай, ты ж людей взглядом затравишь! Ты ж из всех щелей свое недремлющее око тарачить будешь! А ну отдай справку! Отдай, гад, справку!

Клягин. Да ладно... Ладно...

Прохоров пытается вырвать у Клягина справку. Начинается драка.

Не хватай! Не ты давал! Караул! Караул!

Из спальни выскакивает Ларичев.

Л а р и ч е в (*Иванову*). Что случилось? Товарищ Иванов, что происходит?

И в а н о в (*в сердцах*). А пошли вы все!.. Сами разбирайтесь! Я здесь вообще человек со стороны и проездом! Всегда так: не сделаешь — скандал, сделаешь — опять скандал!

Л а р и ч е в (*схватив Прохорова за руку*). Объясните, что случилось?

П р о х о р о в. Вам я ничего объяснять не буду! С вами все ясно, товарищ Ларичев! Я другому человеку объясню! (*Решительно подошел к телефону, снял трубку.*)

Л а р и ч е в. Подождите... Михаил! Михаил Михайлович! Кому вы звонить собираетесь?

П р о х о р о в. Жене вашей.

Ларичев подскочил к Прохорову, вырвал трубку.

Л а р и ч е в. Что? А ну, отойдите от телефона! Что вам надо от моей жены?

П р о х о р о в. Скажу ей все. Всю правду.

Л а р и ч е в. Какую правду? Вы вот что, вы Леночку не трогайте! Вы своей жене правду говорите, а мою оставьте в покое... Ишь правдолюбец! Да у нее же сердце больное... Как же можно ей такое — сейчас?!

П р о х о р о в. Лучше сейчас! Лучше сразу... Потом хуже будет. Потом, когда узнает, может вообще от стыда умереть!

Л а р и ч е в. Не ваша забота!

П р о х о р о в. А чья же? Именно моя!

Л а р и ч е в (*в негодовании*). Да чья она жена, в конце концов?

П р о х о р о в. Пока ваща...

Прохоров начинает набирать номер телефона. Ларичев задохнулся, схватил аппарат.

Л а р и ч е в. Что? Что? А ну... А ну... А ну, пошел вон, хам!!!

П р о х о р о в. Вот как заговорили? Только что целовались, а теперь — хам? Ну ладно. У нас на это тоже ответ найдется! (*Резко бьет Ларичева кулаком в живот.*) Я тебе, падло, душу вытрясу! (*Второй удар.*)

Ларичев отлетает в угол комнаты.

Вот так! (*Берет телефон, начинает крутить диск.*)

Л а р и ч е в. Да что же он делает? Что это? Он ведь убьет ее. Товарищи... Милые... (*Замечает в углу ружье, хватает его, наводит на Прохорова.*)

Прохоров замер.

А ну! Положи трубку! Встать! Отойти от телефона. К стенке! Руки за голову!

К л я г и н (*испуганно*). Ребята, что вы? Ребята!

Клягин делает шаг к Ларичеву, тот наводит на него ружье.

Л а р и ч е в. Назад!

К л я г и н (*отскочив*). Мишка, кончай! Мишка, он же психованный! Он ведь стрельнет... Не звони жене, Миша! (*Ларичеву.*) Ребята, давайте по-хорошему... договоримся!.. Жене звонить не будем. В журнал позвоним, ребята! Мол, так и так — пошутили!

Л а р и ч е в (*размахивая ружьем*). Назад! Вы что? Какие шутки, дурачье! Вы же людей подведете! Я сегодня целую ночь в ногах валялся у секретаря комиссии, тесты ваши дурацкие доставал! Он же меня пожалел только из-за Лены... из-за ее состояния. Да его же с работы выгонят! А у него — семья... Да вы что? А Лена? Что с ней может случиться? (*Заплакал.*) Товарищ Прохоров! Михаил Михайлович... Мишенька... Умоляю! На коленях готов просить. (*Рухнул на колени.*) Пожалей ты нас!.. (*Вскочил, решительно.*) Нет! Хватит! Никаких просьб! Вы же не можете по-хорошему, вы же обязательно на шею сядете! Нет! Только требовать... А ну, пошли вон отсюда! Чтоб духа вашего не было! Надо будет — позовем. А теперь — вон! Слушайте, Прохоров, я всем святым клянусь, если позвоните — выстрелю. Я специально клянусь, поскольку я человек нерешительный, но тут я путь к отступлению отрезаю. Я клянусь всем святым, что у меня есть.

П р о х о р о в (*печально*). У тебя нет ничего святого, Олег Николаевич!

Л а р и ч е в. Молчать!!!

И в а н о в. Ну зачем же так уж — «Молчать!»? Почему, собственно, он должен молчать? Мы вас выслушали, теперь его послушаем... Говори, Михаил, не бойся!

П р о х о р о в. Да чего говорить-то? Я уж говорил... до этого здесь Елена Петровна говорила... она что говорила... она говорила, понимаете?.. Она говорила, какими мы должны быть... и тогда, раньше еще, в Краснодаре... она говорила, мол, человек — это высшее, понимаете, высшее! Она мне все объясняла, понимаете... мол, человек... Да что ж я говорить-то никак не научусь, дубина!!! (*Заплакал от досады.*)

И в а н о в. Ничего, Миша, все ясно. Мы поняли. Парепь-то прав, Олег Николаевич, как ни крути — прав! Он правды захотел... И что ему возразить — не знаю. Состричь могу, но

возразить по существу нельзя... Да вообще, честно говоря, и мне эта комедия поднадоела... Всякая вовремя приостановленная липа — уже большой успех! Так что я тоже молчать не стану... Супруге вашей звонить не буду, а в журнал позвоню...

Л а р и ч е в. Нет! Нет! Нет! Никуда вы не позвоните!.. Уезжайте, без вас разберемся! Я всем святым поклялся!.. Не подпущу к телефону! Здесь, в ружье, два ствола, две пули.

К л я г и н. Мало! (*Шагнув вперед.*) Мало! Третья нужна, дорогой товарищ. Потому что нас трое... здесь феноменов... И хоть я, как вы выражаетесь, шарлатан, а все-таки тоже... один из них... Так что ничего у вас не получится, Олег Николаевич!.. Пули кончатся, а врукопашную вы против нас не потянете! (*Прохорову.*) Звони, Михаил, не бойся!

Прохоров пододвинул к себе телефон, снял трубку.

Л а р и ч е в. Товарищи... Я предупреждал... Я вынужден... Поймите меня правильно... (*Медленно поднимает ружье, наводит на Прохорова.*)

Клягин и Иванов напряженно смотрят на них.

П р о х о р о в (*набирает номер*). Алло!.. Извините... Елену Петровну можно?

Е л е н а П е т р о в н а. Можно.

Ее голос прозвучал не по телефону. Она стояла в дверях.

Положите трубку, Михаил Михайлович. Не надо звонить. Я все знаю... И в журнале уже... все всё знают...

Л а р и ч е в (*тихо*). Зачем ты встала, Лена?

Е л е н а П е т р о в н а. Убирайся! Не хочу тебя видеть!

Л а р и ч е в. Не увидишь. Но, прошу тебя, немедленно ложись... Тебе велели лежать... Я закажу такси, Лена, слышишь, внизу будет стоять такси. Я не буду ждать, а такси — обязательно. Умоляю: поезжай на такси!.. До свидания, товарищи! (*Замечает, что держит в руках ружье.*) Фу, черт возьми, чуть не унес!.. Со мной бывает. Такой рассеянный. Извините! (*Ставит ружье на место.*) Еще раз — до свиданья! (*Замечает в углу клочок бумаги. Поднимает.*) Думал, фотография. Товарищи, если кто найдет мою фотографию... там я... ну, вы знаете... впрочем, вряд ли... Не беспокойтесь!.. Извините! (*Махнул рукой, быстро вышел.*)

Пауза.

Иванов. Так-с. Ну что ж, пора и мне. *(Ларичевой.)* Я, кстати, не представился вам, Елена Петровна! Иванов. Не тот Иванов, который ваш Иванов, а совсем другой... Случайно попал сюда, в этот номер, и вот — вляпался в историю... Всегда так с этой фамилией.

Клягин. А вы б ее сменили, фамилию. Спокойно жились бы.

Иванов. Ну нет, хватит. Уже один раз менял.

Клягин. Как?

Иванов. Так!.. Бывает, Клягин... Не удивляйтесь. Бывают и другие фамилии. Это я по жене — Иванов! Раньше у меня была фамилия другая... не такая ходовая... А женился — стал Ивановым. И, между прочим, не жалею... Так даже интересней. Всегда в какую-нибудь замечательную историю... вляпаюсь. *(Подходит к ружью, открывает затвор, вынимает пулю, кладет в карман.)* Вот и на этот раз. Чуть под пули не угодил... Как говорится, в борьбе за правду мог жизни лишиться... Это ведь не каждому такая везуха. Ну, счастливо, ребята! А может, действительно нам бы адресами поменяться, посидеть бы... *(Взглянул на часы.)* Ох, черт, опаздываю... Как-нибудь в другой раз!.. *(Быстро уходит в темный проем двери.)*

Клягин *(тоже заторопился)*. Извините. А я-то чего? Еще сколько дел перед дорогой... В ГУМ заехать, платье обменять... Вот характер дурацкий. Ведь сразу платье не понравилось, так нет — все равно купил, а теперь меняй... Ну ничего, поменяют, обязаны! И потом, у меня справочка.

Прохоров *(глухо)*. Порви.

Клягин. Что?

Прохоров. Порви, говорю!

Клягин. В каком смысле? В смысле — разорвать?.. Так я думал Наде предъявить. Не, правда, Миш. Ты не думай. Я общественность пугать не стану, я только Наде... *(Посмотрел на Прохорова, на Ларичеву, со вздохом достал справку, порвал.)* Ладно! Черт с ней!.. А то действительно бюрократизм разводим. Уж для жен справки берем... Все! Как говорил Чехов, в человеке все должно быть прекрасно... Все! Кончаем с трансфокальным зрением. Вообще глазами серьезно заняться надо... Это не шуточки. *(Полез в карман, достал очки, надел.)* Вот! Прописали же человеку очки — так носи... Нет! Обязательно выпендриваться надо! Ну, счастливо! А знаете, вы вдвоем хорошо смотрите. Четко! *(Уходит.)*

Прохоров. Вас проводить, Елена Петровна?

Елена Петровна. Нет. Спасибо. Я сама. Там такси

внизу... Я задержалась, чтобы сказать вам, Прохоров, что вами я очень огорчена. На них, на Клягина с Ивановым, я, честно говоря, и не очень-то рассчитывала, а в вас почему-то была уверена. Вам надо перестать отвлекаться на ерунду, а очень серьезно собой заняться. Очень!.. Вот отдохнете, успокоитесь... И я к вам приеду. Мы должны поработать.

Телефонный звонок.

Прохоров. Поедем сейчас, а?

Елена Петровна. Как — сейчас?

Прохоров. Ну, прямо... Сядем, поедем.

Елена Петровна (*улыбнулась*). Что вы, голубчик, у меня дочь здесь... муж...

Прохоров (*с жаром*). Дочь заберем. У нас там тоже школы музыкальные. А муж... Ну разве это — муж?

Елена Петровна. Не понимаю. Что вы этим хотите сказать?

Прохоров. Вот этот вот... истеричный? Жулик этот? Да разве это для вас муж?

Елена Петровна (*строго*). Не смей!

Прохоров. Чего — не смей?.. Вы меня чему учили-то? А сами вот с таким вот живете?.. Он же лилипут, сам про себя говорил... Он же солнце и то продал!

Елена Петровна (*вскочила, лицо ее пышет гневом*). Молчать! Дрянь. Не смей так про Олега!.. Да что вы про него знаете? Какое имеете право судить? Он же талантливейший человек, но он ради меня все... Ради меня себя растоптал. Он же и от работ своих отказался ради меня! Чтобы меня не выгнали! Он в меня всегда больше, чем в себя, верил!.. Солнце, говорите, продал? Не продал, а за меня отдал, дурак вы несчастный! Кто из вас на такое способен?.. У него высший дар на земле — любить другого. Он бы и вас сейчас убил бы... Это я помешала. Я всегда ему мешаю что-то важное совершить!..

Прохоров. Извините... Я не знал...

Елена Петровна (*успокоившись*). Это вы извините, Михаил Михайлович. Фу!.. Что со мной? Совершенно распустилась... Еще раз извините! А вообще, Прохоров, вам надо поработать над собой. Подобрей бы стать, поласковой с людьми... Знаете, в чем ваша беда? Вы свои феноменальные способности ненавистью продуцируете. Понимаете, про что я говорю? Вы все — со зла! Это, конечно, неплохо, иногда даже весьма эффективно, но так вы себя погубите. Злость — она иссушает. Вы попробуйте от любви. Вот так же двигайте предметы, только двигайте от любви. Вы любите кого-ни-

будь?.. Ну, мать? Брата? Сестру? Девушка-то любимая есть?

Прохоров (*мрачно*). Была.

Елена Петровна. А теперь?

Прохоров. Теперь нету.

Елена Петровна. Нельзя так! Постарайтесь полюбить, Михаил. Непременно, иначе пропадете!

Прохоров (*мрачно*). Постараюсь.

Снова зазвонил телефон. Ларичева подошла, сняла трубку.

Елена Петровна (*в трубку*). Да, Олег. Да, Да, иду, милый! (*Вешает трубку. Быстро идет к двери. На ходу говорит.*) Попробуйте, Прохоров! Обязательно! (*Уходит.*)

Прохоров остается один. Садится за стол, задумывается. Достает бутылку водки, выпивает стакан. Входит Дежурная. Она уже переоделась. На ней хорошее платье. Она с недоумением смотрит на Прохорова.

Дежурная (*игриво*). А вот и я. Чего же вы один, как алкоголик, честное слово... (*Оглядывается.*) А остальные ушли, да?.. Интересно. (*Села на стул.*) Ну, давай показывай.

Прохоров (*обалдело*). Чего?

Дежурная. Двигай. Ты же обещал показать.

Прохоров секунду смотрит на нее, потом лицо его становится багровым от гнева.

Прохоров. А ну вали отсюда! Профурсетка!.. Я тебе двину, я тебе так двину — три дня лететь будешь!

Дежурная (*растерянно*). Ты что? За что?.. Ты же сам сказал — приходи!.. Звал ведь... За что?

Прохоров (*смотрит на плачущее лицо девушки, бросается к ней*). Прости, девушка, прости!.. Ну прости меня, гада!.. Сам не знаю, что со мной... Прости!.. Как зовут тебя, а? Зовут-то как?

Дежурная (*испуганно*). За что?.. Чего я такого сделала? Ведь сам позвал, обещал... А-а! Люба!

Прохоров. Чего «Люба»?

Дежурная. Зовут меня... Люба!

Прохоров. Ну и хорошо. Не реви!.. Ну... Ну не реви. Обещал показать — покажу... Да не реви ты... На, смотри... Вот, видишь, ружье! Видишь... Сейчас я его подвину... Во, гляди! (*Повел рукой.*)

Бутылка поехала по полу.

Смотри!

Дежурная. Ой, верно! *(Улыбается.)* Ну, ты даешь! Да как же ты это делаешь?

Прохоров. Не знаю. Долго объяснять! *(Двинулся к ружью — ружье отъехало.)* Задвигалось! Не со зла задвигалось...

Дежурная. А под музыку можешь?

Прохоров. Не знаю, не пробовал... Наверное... Включай!

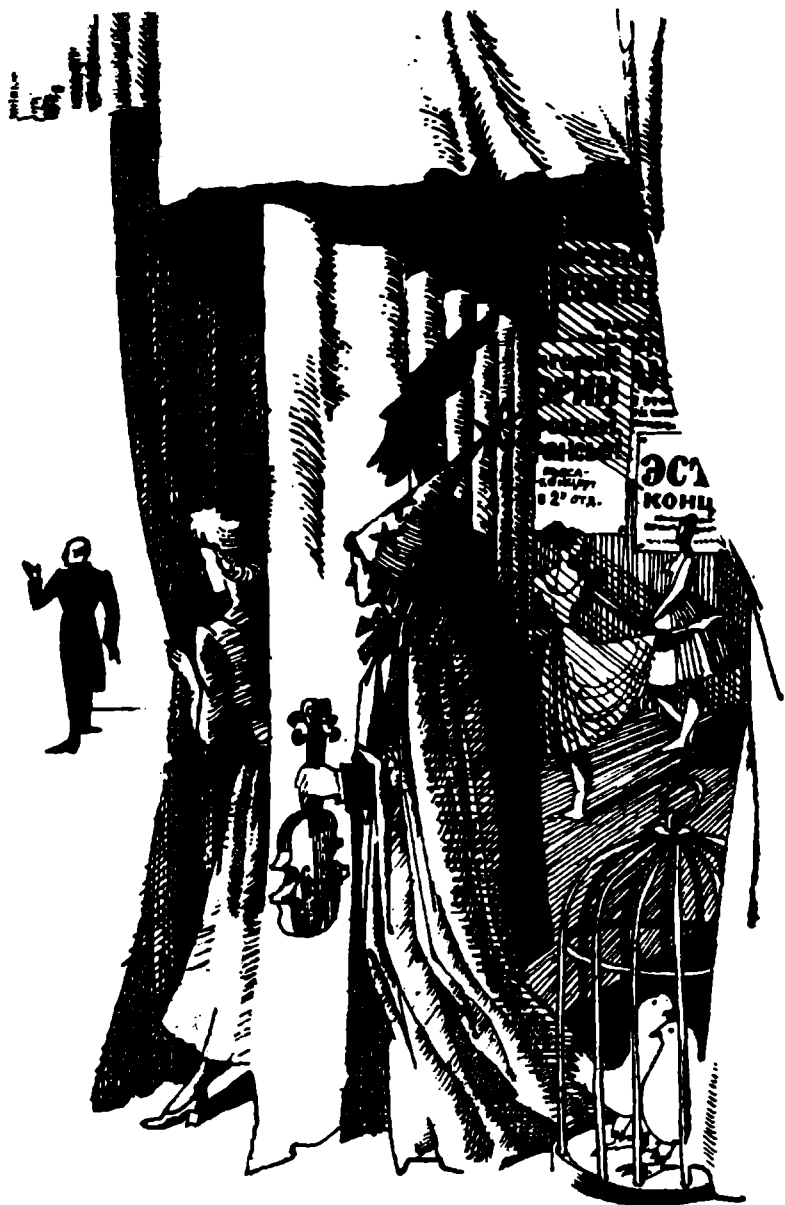
Дежурная включила репродуктор. Полилась музыка. Прохоров повел в такт музыке руками, и пришло в движение все: стены, мебель, декорация. Потому что смеялась девушка Люба, гулял всюю Миша Прохоров, а главное, очень этого захотел под финал автор пьесы.

Конец

Троцкай, КОНФЕРАНСЬЕ!

Пьеса-концерт в двух отделениях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Конферансье.
Аккомпаниатор.
Певица.
Танцор.
Фокусник.
Поливанов — артист драмтеатра.
Лютиков — эстрадный автор и исполнитель.
Зинаида — его жена.
Сысоев — их сосед.
Вера — девушка 16-ти лет.
Мария Петровна — жена конферансье.
Коляша — внук конферансье.
Офицер.
Лейтенант.
Клоун Отто.
Солдаты.
Девочки.
Рабочие сцены.

Действие происходит в период с июня по октябрь
1941 года в Москве и Подмосковье.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Оформление сцены — откровенно условное, как и положено на эстрадных представлениях.

В центре на возвышении — эстрадная площадка, на которой во время пьесы исполняются номера.

Справа и слева — комнаты для актеров, где участники концерта ожидают своего выхода. Эти же комнаты рабочими сцены на глазах зрителей преобразуются в разные места действия пьесы.

Но сейчас концерт еще не начался, поэтому его участники на глазах публики готовятся к представлению: переодеваются, гримируются. Легкий шум, голоса, смех, телефонные звонки. На первом плане — Конферансье, мужчина лет пятидесяти. Он надевает фрак, галстук-бабочку.

Звонит третий звонок. Правая и левая часть сцены погружаются в темноту, но зато ярко высвечивается эстрадная площадка.

Конферансье бросает на себя последний взгляд в зеркало, затем поднимается на эстраду, раздвигает воображаемый занавес.

Конферансье (*добро*). Добрый вечер! Начинаем наш концерт. Вас приветствуют артисты московской эстрады и конферансье Николай Буркин! (*Поклон. Пауза.*) В этом месте, честно говоря, думал, будут аплодисменты. Фамилия у меня все-таки звучная... заграничная. И фрак дирекция посоветовала надеть. Так, говорят, больше на иностранца смахиваешь... Публика, мол, любит гастролеров! Но вас, чувствую, не проведешь. Узнали своего и не хлопают... И правильно. Сначала заслужи... Вообще-то меня Колей зовут. Николаем Сергеевичем... А фамилия настоящая — Буркини! Могу паспорт показать... Где он тут у меня... (*Роемся по карманам.*) А, вот! (*Достаёт паспорт.*) Николай Сергеевич Буркини, 1890 года рождения, уроженец деревни Бурки Тамбовской губернии, потомственный конферансье... из крестьян. Чего улыбаетесь? Я правду говорю. У нас в деревне все мужики — конферансье... Да и бабы тоже. Промысел такой... народный... От дедов-прадедов. А вернее — от барина. Барин

у нас в старину был с придурью. Одни своих крепостных на художников учили, другие — на музыкантов, а наш обормот в Париже побывал, по кафешантанам походил и умом поехал... Желая, говорит, иметь собственных конферансье. Чтоб, значит, концерты вели, шутки шутили и все прочее. Трех мужиков в Париж на учение послал... Ну, двое-то, не будь дураки, там и остались, а мой прапрадед вернулся... Фамилию нашу исконную Буркин на Буркини поменял, по деревне стал ходить, мужиков задирать: «Дамы и месье, же сюи конферансье!» Ну, его сперва всем миром лупили чем попадя, а потом привыкли... Конферансье так конферансье!.. В хозяйстве все сгодится... Глядят: мужик справный, веселый; праздник там какой или свадьба — он первый слово скажет: «Дамы и господа! Следующим номером нашей программы — брачная ночь!!! Приветствуем молодых!» Ну, ясно, смех... радость. Стали его помаленьку из других деревень приглашать, потом из окрестных городов. Он чувствует, одному не справиться. Набрал учеников, сбил артель, и покатилося-понеслось... Земля-то у нас бедная, урожая нет, а конферанс хорошо пошел. Забогатела деревня! А тут как раз и революция... Сели мы на коней, к буденовцам подались. От наших шуток земля дрожала...

Веселей, народ, гляди!

Шпарь на всю Европу!

Нам с тобой вперед идти,

Капиталу — в... другом направлении!

Один белый генерал от этой шутки застрелился. Ей-богу! «Если, говорит, в России это смешно, я жить отказываюсь!» И застрелился! Вот какая политсатира!!! Ну, а потом восстановление пошло, индустриализация, коллективизация. Мы тоже у себя колхоз организовали — «Красная шутка!» По сто реприз с одного гектара собираем. Утесов, Гаркави, Смирнов-Сокольский — все к нам на курсы повышения ездят... Я-то, честно говоря, собирался по другой линии пойти. Рабфак закончил, думал инженером стать... А только, честно скажу, земля к себе тянет. Приедешь в родные места, пройдешь по околице, глотнешь родниковой воды, упадешь лицом в траву и чувствуешь — хочется конферировать! Ну сил нет! Вот почему и вышел на сцену. Здравствуйте, дорогие товарищи! Зовут меня — Николай Буркини, потомственный конферансье. «Конферансье» слово нерусское, а у нас прижилось. Потому — дело полезное... Конферансье — он же не для себя старается, для других. Атмосферу устанавливает,

контакт наводит, чтоб его друзьям-артистам легче выступалось. Вот почему я сейчас уйду со сцены, а вы все аплодисменты, которые мне не достались, подарите им! Встречайте артистов!!!

Свет на эстраде гаснет.

Звучит голос Сергея Яковлевича Лемешева, исполняющего арию герцога из оперы «Риголетто».

Теперь высвечивается правая сторона. Здесь подъезд концертного зала. Две девочки бьют третью. Ту, что бьют, зовут Вера. Она отбивается изо всех сил, хотя ей уже расквасили нос.

Первая девочка (*вырывает у Веры портфель, высыпает его содержимое на землю*). Вот тебе! Вот! И не смей здесь больше стоять!

Вера (*вытирая кровь*). А вы что, купили место? Купили, да?

Вторая девочка. Дура! Ноги повыдираем! Поняла?! Из подъезда выходит Конферансье. Он в плаще и с чемоданчиком. Девочки замечают его.

Первая девочка (*елейно*). Здравствуйте, Николай Сергеевич!

Вторая девочка. Здравствуйте! (*Делает книксен, убегает.*)

Конферансье внимательно смотрит на Веру, которая, плача, собирает портфель.

Конферансье. Однако здорово ты им вмазала!..

Вера не отвечает.

Из-за чего драка?

Вера (*мрачно*). Проходите, дядечка. Не ваше дело!

Конферансье. Логично. (*Вынул из нагрудного кармана пиджака платочек, протянул Вере.*) На!

Вера. Не надо.

Конферансье. Возьми. У меня еще есть. (*Присвистнул — в кармане пиджака выскочил новый платочек.*)

Вера. Вы что, фокусник?

Конферансье. Нет. Просто всегда ношу с собой несколько платков.

Вера. Зачем?

Конферансье. Как — зачем? Вдруг кому нос расквасят... (*Хочет уйти.*)

Вера. А я вас узнала. Вы — который про деревню рассказывал... Фамилия еще чудная... Бурунди, да?

Конферансье. Что-то в этом роде. *(Хочет уйти.)*

Вера. Подождите. А вы, наверное, Сергея Яковлевича знаете?

Конферансье. Какого Сергея Яковлевича?

Вера. Как — какого? Лемешева, конечно!

Конферансье. Ну, знаю...

Вера. Хорошо знаете?

Конферансье. Хорошо.

Вера. А он вас?

Конферансье. Он меня меньше.

Вера. Письмо передать можете? *(Достала письмо.)*

Конферансье. Я его теперь не скоро увижу. Пошли по почте.

Вера. По почте нельзя. Жена порвет. Алиса Михайловна нас не любит.

Конферансье. Кого это «нас»?

Вера. «Лемешисток».

Конферансье. Ну, давай... *(Берет конверт.)* Он хоть поймет — от кого?

Вера. Скажите: от Веры из Горького. Которая ему цветы дарила в клубе Дзержинского... Должен вспомнить.

Конферансье. Конечно, конечно... *(С улыбкой смотрит на Веру.)* Давно из Горького-то?

Вера. Утром приехала.

Конферансье. А когда обратно?

Вера. Вечером.

Конферансье. Значит, просто на концерт слетала? Лихо.

Вера *(с вызовом)*. А что, нельзя?

Конферансье. Дороговато билет получается.

Вера. А у меня сегодня день рождения. Имею я право себе подарок сделать?

Конферансье. Логично. И сколько ж тебе стукнуло?

Вера. У женщин это не спрашивают.

Конферансье. Извини. Паспорт-то уже есть?

Вера. Теперь получу...

Конферансье. Ну что ж... Поздравляю, Вера. Значит, ты уже теперь совсем взрослая «лемешистка». И давно покло-няешься Сергею Яковлевичу?

Вера *(не уловив иронии)*. Год и два месяца.

Конферансье. Какая точность... Прямо как производственный стаж...

Вера *(строго)*. Вы не улыбайтесь... Он меня только как личность интересуется. Как гражданин. Я про него альбом соби-

раю... *(Достала альбом.)* Вот... порвали дуры!!! А почему их у вас «сырихами» зовут?

К о н ф е р а н с ь е. Кто зовет?

В е р а. Билетеры. «Сырихи, говорят, проклятые, житья от вас нет!..»

К о н ф е р а н с ь е. Да случай был один. Рассказывают, гулял Лемешев по Арбату, зашел в магазин, купил триста граммов сыра. А поклонницы — за ним. И весь сорт скупили...

В е р а. Какой сорт?

К о н ф е р а н с ь е. Не помню точно... Думаю — «рок-фор»...

В е р а *(со вздохом)*. В Горьком такого нет.

К о н ф е р а н с ь е *(внимательно посмотрел на девушку)*. И куда ты сейчас?

В е р а. Прокантуюсь где-нибудь до ночи.

К о н ф е р а н с ь е. Хочешь, пойдем со мной. У меня еще два концерта. Посмотришь?

В е р а. Вы чего? Жалеете меня?

К о н ф е р а н с ь е. Чего тебя жалеть? Просто хочу подарок сделать... Там весело. Танцевать будут. Фокусы показывать... Пойдем?

В е р а. Ладно... Посмотрим... Но вообще-то я эстраду не люблю. Я за серьезное искусство...

К о н ф е р а н с ь е. Молодец! Я — тоже за серьезное...

Правая сторона сцены погружается в темноту. Вновь ярко высвечивается эстрадная площадка. На нее быстро вбегают К о н ф е р а н с ь е.

К о н ф е р а н с ь е *(продолжая концерт)*. Зачем зритель приходит на эстрадный концерт? Никогда не думали?.. В оперу он идет, чтобы слушать, в балет — смотреть, в театр — переживать, а на эстраду?.. Зачем?.. Что? Вот правильно товарищ подсказывает: чтобы участвовать! У нас зритель — полный хозяин. Можно аплодировать, и номер повторят, можно подать реплику, и тебе ответят, можно просто вот так крикнуть с места, и тебя... выведут из зала. Здесь зритель — главное действующее лицо, и чем он активней, тем лучше... Хотите вместе сочиним интермедию?.. Про что?.. Да вот хоть про этот мячик... *(Достает мяч.)* Предлагаю игру. Я кидаю вам этот мячик, вы кидаете обратно... Я — вам, вы — мне... Бросаю! *(Кидает мячик в зал. Мячик оказывается привязанным на резинке и поэтому возвращается в руку Конферансье.)* А вы думали, я и вправду кину?.. Я вчера кинул, сегодня пришлось новый покупать... Так ведь мячиков не напасешься... Только не надо обижаться, товари-

щи... Везде разве не так? Придешь на почту — ручка на веревке, в буфете — кружка на цепи, в клубе — дверь на замке, рояль на ключе... Мне не доверяют, почему я должен?! Что говорите?.. Как с этим бороться?.. Не знаю. Вам думать... Вы ведь главные не только на концерте, но и в жизни... Вы и думайте! А мое дело — маленькое... Мне надо было выяснить, зачем зритель приходит на эстраду... Теперь мы знаем: чтобы видеть, слушать, переживать, участвовать... И? Что? Вот правильно товарищ подсказывает — чтобы д у м а т ь. А мячик возьмите! Мячик мне не жалко!.. *(Кидает мячик в зал.)*

Свет на эстраде гаснет.

Высвечивается левая часть сцены. Здесь комната, где артисты ожидают своего выхода. У рояля распевается П е в и ц а в сопровождении А к к о м п а н и а т о р а. Рядом светловолосый Т а н ц о р в цыганском костюме отбивает каблуками дробь.

П е в и ц а. «Соловей мой, со-о-ловей... Голосистый со-оловей...»

Т а н ц о р *(напевает цыганский мотив)*. Тара-тара-тай-да! Тара-ра-тайда!..

А к к о м п а н и а т о р *(продолжая играть. Танцору)*. Ваня, ты нас не пропустишь? У нас с Олей еще концерт в ЦДКЖ.

Т а н ц о р. Сам горю со временем. У меня парк Горького и «Компрессор».

П е в и ц а. «Со-оловей-а-а!..»

Т а н ц о р. Лапота-бодайба. *(Бьет дробь.)*

П е в и ц а *(в отчаянии)*. Нет. Так работать немислимо... *(Танцору.)* Иван, ты можешь хотя бы не петь?

Т а н ц о р. А как я репетировать буду? Мне ритм нужен. У меня — новый танец.

А к к о м п а н и а т о р. Какой новый? Все та же цыганочка...

Т а н ц о р. Много ты понимаешь. Та была «румынский танец», а это — «венгерский»... Две большие разницы.

П е в и ц а. Ты бы лучше парик надел, Ваня! А то какой-то белобрысый цыган... Даже неудобно.

Т а н ц о р. У меня, Олечка, зритель за ногами следит, а не за головой... Лапота-бодай-ба. *(Танцует.)*

Телефонный звонок. Певица снимает трубку.

П е в и ц а. Алло? Минск? *(Танцору.)* Затихни, Ваня! Междугородная. *(В трубку.)* Кого?.. Его сейчас нет, он на сцене...

Быстро входят К о н ф е р а н с ь е.

К о н ф е р а н с ь е. Братцы, ну когда будет порядок за кулисами? Там все слышно.

П е в и ц а (в трубку). Алло! Простите... Вот он пришел... (Конферансье.) Николай Сергеевич, вас Минск.

К о н ф е р а н с ь е. От черт! Достали... Скажи, что меня нет...

П е в и ц а (зжимает трубку рукой). Я врать не умею...

К о н ф е р а н с ь е. Учись, Олечка, учись. Пригодится...

П е в и ц а (в трубку, несколько растерянно). Алло! Вы слушаете. Я ошиблась. Он на сцене... Что? (Зажимает трубку.) Они говорят, будем ждать...

К о н ф е р а н с ь е (подсказывает). Уехал он.

П е в и ц а (в трубку). Алло... Говорят, он уехал... Что? (Зажимает трубку.) Они говорят — все равно будем ждать...

К о н ф е р а н с ь е. О господи!! (Берет трубку, переходит на крайне доброжелательный тон.) Алло! Буркини... Здравствуйте, дорогой директор! Да, мне говорили... Но не могу! Никак не могу! Дорогой мой, у меня отпуск с двадцать третьего... Я говорю — с двадцать третьего июня путевка у меня... Ну, что значит — юмор нужен?! Юмор тоже отдыхать должен. И потом, у вас Лютиков выступает, чего вам еще?! Почему не выступает? Какой фельетон? Алло! (Кладет трубку.) От черт, разъединили...

А к к о м п а н и а т о р. Вы не читали сегодняшнюю «Вечерку»?

К о н ф е р а н с ь е. Нет, а что?

Т а н ц о р. Лютикова раздолбали!..

К о н ф е р а н с ь е. Володю? За что?

Т а н ц о р. За репертуар. Называется «Кривая усмешка на эстраде». Лапа-та-па-та!!! (Танцует.)

К о н ф е р а н с ь е. Чего ты радуешься-то?

Т а н ц о р. Я не радуюсь. Я репетирую...

К о н ф е р а н с ь е (ворчит). Покрасился бы, Ваня! А то какой-то белобрысый цыган... Черт знает что!

Распахивается дверь, быстро входят Фокусник с двумя огромными чемоданами.

Ф о к у с н и к. Все здравствуйте! Все здравствуйте! Горю со временем, товарищи! (Певице.) Олечка, привет! (Целует певице руку, ловким движением вынимает откуда-то цветы.) Прошу!

П е в и ц а. Не разбрасывай реквизит, Витя. Все равно пойдешь на сцену после нас.

Фокусник. Солнышко, у меня еще концерт на ВСХВ. Пять тысяч колхозников.

Аккомпаниатор. У нас в ЦДКЖ. Рабочий класс имеет преимущество.

Фокусник. Товарищи, вы меня режете... У меня же реквизит заряжен. *(Открывает один чемодан, достает большую клетку с голубями.)* Это же — уэльские турманы... Очень нервная порода! Они перевозбудятся и сорвут номер! *(Конферансье.)* Николай Сергеевич, ну скажите вы...

Конферансье. Не канючь! На леваках твои турманы сидят по три часа и не шелохнутся...

Фокусник. Жестокие люди! *(Дает корм голубям.)* Мэри... Джек... Гуль-гуль-гуль...

Конферансье. У тебя «Вечерки» нет?

Фокусник. Нет.

Конферансье. А достать не можешь?

Фокусник. Откуда?

Конферансье. Не знаю... Ты — фокусник... *(Медленно набирает телефон.)* Алло! Зина? Это — Николай... Нет, я еще не читал, ну все равно, это ж всего лишь «Вечерка»... Не центральный орган. Чего расстраиваешься? Будет опровержение! Скажи Володе — будет опровержение, мне точно сообщили... Алло!.. Какая междугородная? Минск? Давайте Минск... Алло! Здравствуйте еще раз... Это Буркини! Ну что, дорогой... Вы меня почти уговорили... Да!! Поеду!.. Но только вместе с Лютиковым. Что значит — невозможно?.. Голубчик, что ж вы такой нервный? В Москве еще не напечатали, а вы уже пугаетесь. Вы — самостоятельная республика... Одним словом, я приеду, если будет Лютиков... У вас какие торжества? План по мелиорации? Молодцы!.. У нас как раз есть совместный фельетон про осушение болот... Так и скажите!.. Да не бойтесь вы! Кто вас к стенке поставит?.. Сейчас не девятнадцатый год, милый... Алло! Алло!..

Распахивается дверь, входит группа вооруженных людей. Два солдата и матрос. Это — артист драмтеатра Поливанов.

Поливанов. Пламенный привет! Кто у вас ведущий?

Конферансье. Я.

Поливанов. Значит, так, голуба моя: отрывок из спектакля «Любовь Яровая». Первый конвоир — артист Симеяв, второй — артист Бусаев. В роли матроса Шванди — заслуженный артист республики Денис Поливанов. Вы записываете?

Танцор. Граждане, сейчас иду я.

Поливанов. Голуба моя, вы же видите — мы прямо со спектакля. Нам через полчаса обратно... Там же сюжет, голуба моя.

Конферансье. Денис Андреевич, вас просили быть полвосьмого. А сейчас — начало девятого...

Поливанов. Но что ж я мог сделать? Они затянули первый акт. Это же — театр.

Конферансье. Но концерт, извините, тоже — не туалет, куда можно забежать на секунду в любое время.

Поливанов (*грозно*). Вы, товарищ конферансье, эту шуточку лучше для сцены приберегите. А сейчас скажите определенно: выпускаете нас или нет?

Конферансье. Сейчас пойдет танцевальный номер... Потом вокал.

Фокусник. Потом я... Голуби ждать не могут!..

Поливанов. Какие еще голуби?.. Все ясно. Счастливо оставаться! (*Солдатам.*) Кругом! (*Направляется к выходу.*)

Иа зала доносятся аплодисменты.

Конферансье. Подождите!

Поливанов и солдаты останавливаются.

Зритель ни в чем не виноват. Он должен получить афишу сполна!.. (*Артистам эстрады.*) Извините, братцы... (*Поливанову.*) А вам, голуба моя, считаю долгом сказать, что вы мне глубоко-глубоко несимпатичны! Вот так!!! (*Бросив гневный взгляд на Поливанова, быстро проходит на эстраду. С улыбкой смотрит в зал.*) «Любите ли вы театр?» — спрашивает Белинский, и вот сотню лет мы отвечаем: да, любим!!! Потому что театр — это всегда высокий накал переживаний и страстей... И приход жрецов этого храма искусства к нам на эстраду — большой праздник для всех нас. Поэтому с огромным удовольствием я сейчас уступаю сцену...

Конферансье сделал широкий жест, приглашая артистов. Повинуясь этому жесту, Поливанов моментально «вошел в образ» Шванди, запел: «Черный ворон! Что ты вьешься над моею головой?..» И, понукаемый «конвоирами», двинулся к эстраде.

Свет на эстраде гаснет.

Теперь высвечивается правая сторона сцены.

Здесь, у подъезда концертного зала, стоит Вера с газетным свертком в руках. Из подъезда выходит Конферансье, оглядывается.

Вера. Я здесь...

Конферансье (*он искал глазами явно не ее*). А...

Ты... Ну, как понравился концерт?

Вера. Ничего.

Конферансье (*замечает сверток*). Это у тебя что?
Вера. Сыр.

Конферансье. Да нет, я про газету... Разреши...
(*Берет у нее газету, присаживается на ступеньку, читает.*)

Вера (*разворачивая сыр*). В буфете давали. Вонючий, но вкусный... Хотите?

Конферансье (*углубившись в газету*). Давай.

Секунду они молча жуют.

Значит, понравился, говоришь?

Вера. Ага! Особенно фокусник. Ловкий, черт!.. Откуда он голубей-то доставал?

Конферансье (*читая*). С неба, девочка... в концерте все с неба достают. (*Смял газету.*) Мерзавец!

Вера. Кто?

Конферансье. Да тут один... Написал чушь!

Вера. Не читала.

Конферансье. И не читай! Доверяй только своему ощущению. Что они понимают, эти критики?! Людям нравится. Тебе понравилось мое выступление?

Вера. Конечно.

Конферансье (*удовлетворенно*). Ну вот... Так и говори! У тебя хороший вкус... Смеялась?

Вера. Зачем?

Конферансье (*раздосадованно*). А говоришь — понравилось.

Вера. Так правду говорю. Обязательно смеяться, что ль?.. Я вообще никогда не смеюсь...

Конферансье (*сочувственно посмотрев на девочку*). Больная, что ль?

Вера (*обижена*). Почему? Характер такой...

Конферансье. Ну, это ты брось. Характер — дело наживное. Тоже мне — несмеяна нижегородская... Это только в сказках они царевны, а в жизни — глубоко несчастные люди. Ты в кого такая? Папа с мамой у тебя смеялись?

Вера. Не знаю. Я их не помню...

Конферансье. Извини. (*Секунду молча ест, разглядывая девочку.*) Где ж ты росла?

Вера. Сначала у тетки. Потом... в другом месте...

Конферансье. А потом?

Вера. Потом... сама по себе...

Конферансье. М-да... Биография не очень веселая. Но все равно скисать нельзя. Жизнь — это не приговор. Жизнь — это праздник, девочка. Надо уметь ей радоваться...

В е р а. Я и радуюсь...

К о н ф е р а н с ь е. По тебе незаметно. Сейчас-то где числишься?

В е р а. В медучилище.

К о н ф е р а н с ь е. В морге хочешь работать?

В е р а (*испуганно*). Почему?

К о н ф е р а н с ь е. Лицо траурное... Для покойников, может, сойдет, а живых напугаешь... Смех полезен для здоровья! Так все врачи говорят.

В е р а. Чего полезного? Вон у нас в послеоперационном один засмеялся — швы разошлись...

К о н ф е р а н с ь е (*чуть растерявшись*). Ну, после операции, может, и не стоит, а во время... очень даже хорошо.

В е р а. Чего?.. Как это «во время»?.. Да вы что? (*Хмыкнула.*)

К о н ф е р а н с ь е (*удовлетворенно*). Ну вот. А говоришь — не смеюсь. У тебя еще не все потеряно, девочка. Рефлекс не пропал. С тобой позаниматься — ты упущенное наверстаешь...

В е р а. И чего будет?

К о н ф е р а н с ь е. Станешь нормальным человеком. Сама будешь смеяться, других веселить. Это пригодится в жизни, запомни!

В е р а. Запомню.

К о н ф е р а н с ь е. А теперь — прощай!

В е р а. До свиданья...

Конферансье делает попытку уйти.

Подождите. (*Достаёт мячик.*) Вот, возьмите...

К о н ф е р а н с ь е. Это еще откуда? Поймала?

В е р а. Нет. Я у тетки откупила...

К о н ф е р а н с ь е. Зачем?

В е р а. Ну вы же сказали, что у вас вчера сперли... Возьмите!

К о н ф е р а н с ь е (*изумленно*). О господи! Что ж ты такая доверчивая? Нет, с тобой надо срочно заняться, а то пропадешь... Вот что! Мы сейчас пойдем к одному писателю. Владимир Лютиков. Слышала про такого?

В е р а. Нет.

К о н ф е р а н с ь е. Зря! Хороший писатель... Игру с мячиком, между прочим, он придумал... И вообще — он уникальный человек! Только не все это понимают... А ты подтвердишь.

В е р а. Как это?

К о н ф е р а н с ь е. Просто. Придешь и скажешь: «Владимир Борисович, мне очень нравится ваше творчество». И попросишь расписаться на мячике.

В е р а. А он что?

К о н ф е р а н с ь е. А он улыбнется. Это и будет твой первый урок. Сможешь такое задание выполнить?

В е р а. А чего ж тут?

К о н ф е р а н с ь е. Сначала постучишь, спросишь: «Здесь живет писатель Лютиков?»

В е р а. Да что вы, ей-богу, со мной как с маленькой?

К о н ф е р а н с ь е. Нет, нет. Порепетируем.

В е р а. Здесь живет писатель Лютиков?

К о н ф е р а н с ь е. Громче.

В е р а (*громче*). Здесь живет писатель Лютиков?

Высвечивается левая сторона сцены. Это комната, в которой живет Лютиков. Сам Л ю т и к о в — мужчина лет пятидесяти — складывает чемодан. Рядом его жена — З и н а и д а.

(*Совсем громко.*) Здесь живет писатель Лютиков?

Л ю т и к о в (*недовольно*). Ну, здесь... Здесь. Входите.

Вера проходит в левую часть сцены, мнется в дверях.

Ну, слушаю вас...

В е р а (*смуглившись*). Значит, так... это... Мне очень творчество ваше понравилось... Вот! (*Кладет мячик на стол.*)

Л ю т и к о в. Это вас Николай Сергеевич научил?

В е р а. Да.

Л ю т и к о в. А где он сам?

В е р а. Внизу стоит...

Л ю т и к о в. Тогда передайте ему, пожалуйста, что он — идиот.

В е р а (*невозмутимо*). Ладно! (*Уходит.*)

З и н а и д а. Володя, так нельзя... Девочка не виновата.

Л ю т и к о в. Я девочку не обижал. Но вы знаете, Зина, что я ненавижу, когда меня утешают... (*Раздается стук в дверь.*) И от своих слов не отказываюсь... Идиот есть идиот! (*Схватил мяч, запустил его в дверь.*)

Дверь открывается. Мяч попадает в вошедшего С о с е д а. Это пожилой человек в кителе, с мрачным лицом. Возникает пауза.

С о с е д. Это как понять?

З и н а и д а. Ох, извините, Тихон Григорьевич... Это он так... Случайно...

С о с е д (*обиженно*). Я по-соседски за примусом зашел... А меня — мячом... Что вам здесь — стадион, что ли?

Л ю т и к о в. Ну, не обижайтесь. Говорят же вам... Это ошибка. Извините. (*Протягивает примус.*) Прошу!

С о с е д (*вздыхнув*). Не надо мне ваш примус. Это я так. Для начала разговора... (*Достал газету.*) Газетку сегодняшнюю читали?

Л ю т и к о в. Читал.

С о с е д. И какое ваше мнение? Напрасно вас продернули или за дело?

З и н а и д а (*опережая мужа*). За дело, Тихон Григорьевич! Очень правильная статья...

С о с е д. Признаете, значит, критику? Это — хорошо. Печать — наше самое грозное оружие... Против этого не попрешь!! Писания ваши, Владимир Борисович, получаются вредные.

Л ю т и к о в. А вы их читали?

С о с е д. Зачем? Тут ясно сказано: «Кривая усмешка». Формулировка четкая. Года три назад с такой формулировкой, что называется, — с вещами и на выход!

Л ю т и к о в (*нервно*). Что вы хотите, Тихон Григорьевич?

С о с е д. Ничего не хочу... Обсуждаем! Печать выступила, мы обсуждаем. Читательская конференция. Все как положено...

З и н а и д а (*испуганно*). Но вам же сказали: мы признаем... Всё признаем...

Л ю т и к о в (*жене*). Прекратите, Зиночка! Это — унизительно!

С о с е д (*усмехнувшись*). Признать-то вы признаете. А все-таки хотелось бы знать, какие выводы собираетесь делать?

З и н а и д а (*растерянно*). Не понимаю. Какие выводы?

С о с е д. Я хотел бы знать, дорогие соседи, какие у нас с вами будут выводы по поводу вон той комнаты, на которую мы с вами претендуем?

Л ю т и к о в. Извините, претендуете вы! Мы в ней живем!

С о с е д. Нет, дорогой Владимир Борисович, вы в ней не живете. Вы в ней только курите и храните всякие папки!

Л ю т и к о в. А уж это — мое дело.

С о с е д. Как посмотреть! Если в папке нужные бумаги, это — одно, а если там разные чужие усмешки, то это, как говорится, — худую траву с поля вон!

Л ю т и к о в. Быстро вы, однако, сообразили.

С о с е д. А чего ж тянуть? Я уж заявление в жилотдел подал.

Л ю т и к о в. Торопитесь, Тихон Григорьевич! Суетитесь... Зря. Я вас обрадую... Мы с Зинаидой Алексеевной, может

быть, вообще уедем из Москвы. Так что со временем сможете захватить уже всю квартиру...

Сосед (испуганно). Всю не надо! Всю нам не утвердят! Они тогда сюда жильцов вселят... Я ведь только о комнатке говорю. Со своей же стороны, если кто спросит, готов вам дать хорошую характеристику...

Зинаида (испуганно). Кто спросит?

Сосед. Найдутся люди. Меня уж управдом сейчас во дворе остановил. Что это, говорит, за Лютиков у вас там такой живет? Как он? Не хулиганит?

Зинаида. А вы?

Сосед. А я сказал: пойду узнаю... С этим и пришел... А вы меня... мячом... Вот как ситуация закрутилась!

Лютиков (с угрозой). Ну ты, пошел вон отсюда!!

Зинаида. Володя, Володя, успокойтесь... *(Встает между мужем и соседом.)*

Лютиков. Оставьте вы меня, Зиночка! Это невыносимо — всю жизнь сдерживаться... *(Соседу.)* Пошел вон, тебе говорят!

Сосед. Странно, однако, формулируете, Владимир Борисович. С соседом — на «ты», с женой — на «вы»... Нехорошо! Не по-советски все это как-то...

Слышен звонок в дверь. Все замерли, звонок повторяется.

Ну вот. Два звонка. К вам! Как говорится, ни пуха ни пера, дорогие соседи. *(Уходит.)*

Звонки повторяются.

Лютиков. Откройте, пожалуйста, Зиночка.

Зинаида. Я открою, Володя, если вы обещаете взять себя в руки.

Лютиков. Взят. Идите.

Зинаида идет открывать. Слышен голос Конферансье: «Здесь живет писатель Лютиков?» Голос Зинаиды: «Здесь... Проходите!» Сопровождаемые Зинаидой входят Конферансье и Вера.

Конферансье (поднял мяч, положил на стол, с мрачным видом сел рядом). Давай, Вера, по второму разу! И не бойся никого!

Вера (глядя под ноги). Владимир Борисович, мне очень нравится ваше творчество! *(Испуганно смотрит на Конферансье.)*

Пауза.

Конферансье. Ну, что ты молчишь?! Улыбнись! Я обещал... Человеку нравятся твои творения. Она за этот мяч, может, последнюю трешку отдала...

Вера. Почему последнюю? У меня еще есть.

Конферансье. Не вмешивайся. Говорю: последнюю, значит, последнюю. (*Лютикову.*) И вступительный фелъетон ей понравился... Про деревню Бурки. Верно?

Вера кивнула.

Она даже хочет туда поехать...

Лютиков (*мрачно*). Ну и пусть едет. Я-то при чем?

Конферансье. Скажи, с какого вокзала...

Лютиков (*раздраженно*). Коля, а пошел бы ты!..

Конферансье. Не груби! Мы с девочкой проводим занятия по юмору... Скажи, с какого вокзала?

Лютиков. С Павелецкого!

Конферансье. Неостроумно. Облеки в форму шутки!..

Лютиков. Тогда с Киевского.

Конферансье. Уже смешней... Почему?

Лютиков. Потому что у меня через час поезд... (*Захлопнул чемодан.*) Уезжаю я из Москвы. Насовсем! Еще вопросы есть?

Конферансье. О! Это уже интересный поворот... Вера, начинается веселая сцена. Следи за сюжетом.

Зинаида. Нет, так не годится... Вы сначала все продумайте, а потом приглашайте зрителя... Пойдем, девочка. Пойдем! Я покажу тебе эту деревню на карте... Очень веселая деревня.

Вера. А вы тоже оттуда?

Зинаида. Мы все оттуда... (*Уводит Веру в соседнюю комнату.*)

Лютиков (*гневно*). Коля, мне твои хохмы — вот уже где! (*Жестом показывает поперек горла.*)

Конферансье. А мне — твои!!! Я бьюсь, уламываю белорусов, а он, видишь ли, бежит на родину!

Лютиков. Да! Бегу! Родной город не даст в обиду... Я там работал ветеринаром и буду работать ветеринаром...

Конферансье. Ты — писатель, Володя!

Лютиков. Я — автор, Колечка... Это разные вещи... Всякий писатель — автор, но не наоборот. Меня даже в Дом литераторов не пускают... И правильно! Где мои книжки? Нету! Есть сценки, куплеты, монологи... Все это — дым, пустота! Взрослый человек не должен заниматься ерундой! Хва-

тит! Возвращаюсь к настоящему делу... Буду лечить собак от чумки! И никто не посмеет сказать, что у меня «кривая усмешка». Уж какая есть! Собакам нравится. Когда я прихожу к ним, они виляют хвостами.

К о н ф е р а н с ь е (строго). Все?

Л ю т и к о в. Все! И не надо меня останавливать.

К о н ф е р а н с ь е. Никто тебя не останавливает. Хочешь стать Айболитом?! Святое дело! Но сперва — свой долг перед людьми... У тебя три договора на эстраде... Два — в цирке... И еще ты обещал написать мне монолог... Мой самый главный монолог.

Л ю т и к о в (усмехнувшись). Про что?

К о н ф е р а н с ь е. Не знаю. Знал бы — сам сочинил... Может быть, про эту девочку. Ей шестнадцать лет, а она еще ни разу в жизни не смеялась. Вообще не смеялась, понимаешь? Не знает, как это делается. Арифметике учили, письму тоже... А что ходить с постной рожей неприлично, никто не объяснил... Это ведь ужасно, Володя... Одно такое лицо — стерпим... А сто? А тысячи? И хлынут эти мрачные толпы по мрачным улицам, и такая тоска зальет землю... Жуть! Надо учить людей жить весело...

Л ю т и к о в. Школу, что ль, прикажешь открывать?

К о н ф е р а н с ь е. А хоть бы и школу... С ироническим уклоном! Зошенко директором сделаем, тебя — завучем...

Л ю т и к о в. А сам?

К о н ф е р а н с ь е. Сам сторожем устроюсь, следить, чтобы вы не разбежались... Тоже мне трагедию закатил! В Дом литераторов его не пускают! Дай рубль швейцару, — будешь входить, как член президиума!!

Л ю т и к о в. Я не про это...

К о н ф е р а н с ь е. А про что? Книжек нет? А у Гомера были книжки?.. А у Магомета? А у этого гения, что «Слово о полку Игореве» сочинил? Тоже, между прочим, всего лишь автор, только он — неизвестный, а тебя уже все-таки кое-кто знает...

Л ю т и к о в (усмехнулся). Я понял, кто ты, Коля... Великий утешитель. Горьковский Лука. Только время, извини, другое... Вокруг не босяки. Ты этого не учитываешь! Здесь не до шуточек... Вон меня уж за них из квартиры выселяют.

К о н ф е р а н с ь е. Кто?

Л ю т и к о в. Сосед. Пришел с газетой, комнату требует...

К о н ф е р а н с ь е. А ты что?

Л ю т и к о в. Ничего. Мячом — в рожу!

К о н ф е р а н с ь е. Мало! На одном приеме работаете,

товарищ... Повторяетесь... Правильно вас критикуют... А ну, давай зови его...

Л ю т и к о в. Не надо, Коля. Он — опасный человек.

К о н ф е р а н с ь е. Я сам опасный, когда разозлюсь... (Бросился к двери.) Зинаида, Вера... Выходите!.. У нас все готово!

З и н а и д а (испуганно). Колечка, я все слышала... Не связывайся с соседом...

К о н ф е р а н с ь е (грозно). Не мешать!.. Вера, сейчас ты увидишь сцену у фонтана... Это называется скетч... Запомни!

В е р а. Пойду я, ей-богу, от вас...

К о н ф е р а н с ь е. Куда? У нас урок! (Сунул ей блокнот и карандаш.) Пиши. Будешь моим секретарем... (Выглянул за дверь, невидимому Соседу.) Гражданин, зайдите на минуточку!... (Зинаиде.) Сантиметр есть?

З и н а и д а. Какой?

К о н ф е р а н с ь е. Любой... (Схватил сантиметр.)

В е р а (испуганно). Чего я делать-то должна?

К о н ф е р а н с ь е. Еще не знаю, девочка... Главное, не мешай!.. (Начинает сантиметром измерять стену.)

Входит Сосед, останавливается в дверях и внимательно смотрит на Конферансье, который глубокомысленно делает какие-то замеры.

Так... Двадцать пять... на сорок два... Двести двенадцать... (Вере.) Записываешь?.. Так?.. Что у нас с розой ветров? Юг у вас где?

Л ю т и к о в (указывая). Там.

К о н ф е р а н с ь е. А север?

Л ю т и к о в (показывая в противоположную сторону.)

Там.

К о н ф е р а н с ь е. Странно! (Заглянул в блокнот, Вере.) Что у нас получилось?.. Двадцать шесть по периметру?.. Многовато... Ордер на занимаемую площадь, пожалуйста!

З и н а и д а. Сейчас. (Начинает искать ордер.)

К о н ф е р а н с ь е (подошел к Соседу, протянул руку.)

Буркин. Райжилотдел.

С о с е д. Сысоев Тихон Григорьевич.

К о н ф е р а н с ь е. Вы ихний сосед?

С о с е д. Так точно.

К о н ф е р а н с ь е. Кем работаете?

С о с е д. В настоящее время — пенсионер.

К о н ф е р а н с ь е. Что значит «в настоящее время»? В дальнейшем хотите летчиком стать?

Сосед. Нет. Почему? Я на отдыхе... Так и пойду по этой линии.

Конферансье. Значит, вы — на вечном покое? Так и говорите...

Зинаида (*подходит*). Вот наш ордер, пожалуйста.

Конферансье (*изучая*). Так... (*Вере.*) Номер запиши! (*Лютикову.*) Ну что ж, граждане... И по ордеру, и по периметру у вас тут получают излишки. Будем уплотнять!

Лютиков. Но, позвольте, товарищ Буркин. Мне эти комнаты дал райжилотдел...

Конферансье. А я — кто?! Частная лавочка?.. Сами дали, сами взяли, сами новым отдадим... (*Соседу.*) Кстати, мне сказали: вы претендуете?

Сосед. Претендую. Я уж заявление написал...

Конферансье. Какие основания?

Сосед. Во-первых, нас с женой — двое...

Конферансье. Ну, их с женой — тоже не меньше...

Сосед (*гордо*). У меня жена пост занимает.

Конферансье. Пост надо «соблюдать», а не «занимать»... Где работает?

Сосед. В метро. Дежурная по станции.

Конферансье. Какая станция?

Сосед. «Динамо».

Конферансье. Это — другое дело. Это — аргумент. Команда хорошая, у нас начальник за нее болеет... Вы этот факт в заявлении указали?

Сосед. Нет.

Конферансье. Укажите! «В связи с работой жены на станции «Динамо», которая выиграла у «Спартака», прошу предоставить дополнительную площадь и так далее...» (*Вере.*) Пиши, Верочка... (*Соседу.*) Еще какие основания?

Сосед. Так вот, в связи со статьей в газете... (*Достает газету.*) «Кривая усмешка»...

Конферансье. Знаю. Читал. Ну и что?

Сосед. Видите ли, гражданин Лютиков в той комнатке практически не проживает, а хранит разные папки с бумагами... Ну, а в свете указаний печати, я считаю, площадь можно использовать в полезных целях...

Конферансье. То есть передать вам? Логично!.. Мы с этими «кривыми усмешками» будем кончать решительно и бесповоротно. У вас-то, кстати, с этим делом как?

Сосед. С чем?

Конферансье. С усмешкой. У вас она, надеюсь, прямая?

Сосед. Да я как-то не думал. Обычная:

Конферансье. Ну-ка, продемонстрируйте.

Сосед. Вы что? Серьезно?

Конферансье. А то как же!.. Давайте, гражданин, не стесняйтесь. Все равно комиссии показывать придется...
Прошу!

Сосед. Ну... Ну, вот... *(Оскалится.)*

Конферансье. У! Милый... У вас она тоже... не очень... У вас же губа западает.

Сосед. Какая еще губа?

Конферансье. Верхняя... За нижнюю... *(Вере.)*
Вот, скажи!

Вера *(угрюмо)*. Западает!

Конферансье. Ну, вот и комсомол подтвердил... Так что, гражданин, это дело пока не выйдет. Вы уж отработайте усмешку, потом претендуйте!

Сосед. Я не понимаю. Это что?.. Шутки?

Конферансье *(строго)*. Товарищ! У нас в жилотделе очередь. Сотни трудящихся района... С правильными усмешками, как говорится, губа — к губе, ждут комнат, а мы тут будем менять шило на мыло?.. В общем, так, гражданин Сысоев: объективно — факты за вас. И жена — на посту, и роза ветров дует в вашу сторону... Но усмешка у вас тоже, извините, какая-то не совсем наша. Давайте не торопиться. Советую каждый день по два часа перед зеркалом вместо зарядки... Думаю, можно поправить. И тогда уж прошу в жилотдел. Будем разбираться. Вопросы есть?

Сосед. Нет.

Конферансье. Тогда — выполняйте.

Сосед. Слушаюсь! *(Повернулся на каблучках, вышел.)*

Наступила пауза. Зинаида, наконец не выдержав, рассмеялась.

Зинаида *(смеясь)*. Думала, умру со страха...

Конферансье *(печально)*. Это я умру... Целый день бегаешь с концерта на концерт, придешь к другу — снова представление. *(Лютикову)*. Записал бы эту сценку-то... Вдвоем бы исполняли. Смешная ведь история? *(Повернулся к Вере.)* Ты как считаешь?

Вера молча кивнула.

Ну, вот и Вера подтверждает.

Лютиков. Только я подумал: начало в сцене надо поменять. Комнату надо мерить шагами,.. Так забавней. *(Показывает.)*

К о н ф е р а н с ь е. Тогда уж лучше так... (*Передвигается по комнате, ставя носок к пятке, пятку к носку.*)

Неожиданно в дверях снова появляется С о с е д, секунду изумленно смотрит на дурачащихся мужчин.

С о с е д (*откашливаясь*). Извиняюсь! Это что ж? Розыгрыш? А я-то, дурак, поверил... (*Улыбнулся.*)

К о н ф е р а н с ь е. Вот. Уже лучше, гражданин Сысоев. В лице что-то человеческое появляется...

С о с е д (*мрачно*). Я жаловаться буду!!! Я вам покажу... шуточки!

К о н ф е р а н с ь е (*печально*). А теперь снова губа западает. Скажи, Вера... (*Повернулся к Вере и вдруг с удивлением увидел, что она плачет.*) Ты чего, девочка?

В е р а (*всхлипывая, смотрит в зеркальце*). У меня тоже западает?! Тоже... (*Пытается улыбнуться, не может. Плачет.*)

Левая часть сцены погружается в темноту. Конферансье устало встает, проходит на эстраду, снимает фрак, туфли. Затем, ступая на цыпочках, спускается на правую часть сцены. Сейчас здесь его квартира. Он идет тихо, стараясь не шуметь. Это ему не удастся. Натыкается на стул, стул падает.

Появляется его жена — М а р и я П е т р о в н а. Зажигает свет.

К о н ф е р а н с ь е (*извиняющимся тоном*). Черт! Мебель у нас в доме какая-то неустойчивая... Разбудил?

М а р и я П е т р о в н а. Я не спала.

К о н ф е р а н с ь е. Засунули на концерт в Мытищи. Сказали, дадут обратно автобус. Автобуса конечно же не было...

М а р и я П е т р о в н а. Потише, пожалуйста. Коляшу разбудишь.

К о н ф е р а н с ь е (*обрадованно*). Он здесь? А где Ленка?

М а р и я П е т р о в н а. Уехала на дачу на субботу и воскресенье.

К о н ф е р а н с ь е. Что ж мальчишку не взяла?

М а р и я П е т р о в н а. У нее там какая-то встреча с сокурсниками.

К о н ф е р а н с ь е. Ну и чем же мальчик помешает?.. И потом, мы же с тобой тоже собирались на дачу...

М а р и я П е т р о в н а. Побудем в городе. Она просила...

К о н ф е р а н с ь е (*ворчит*). Что за сокурсники такие, которым ни ребенка, ни отца с матерью нельзя показывать. Наверно, не «сокурсники», а «сокурсник»... Хамство!!!

М а р и я П е т р о в н а (*ставя перед ним сковородку*). Ешь!

К о н ф е р а н с ь е (*накидывается на еду*). Обожаю твои котлеты. Как-то ты их закручиваешь по-особенному, ей-богу!.. А Кольку свожу завтра в зоопарк... Давно обещал... (*Испуганно посмотрел на жену.*) Чего ты на меня так смотришь?

М а р и я П е т р о в н а (*грустно*). Ничего. Ешь!

К о н ф е р а н с ь е (*продолжая тараторить*). Володька Лютиков новый анекдот сочинил. Отец приводит ребенка из детского сада, мать глянула — и в ужасе: «Кого ты привел? Это же не наш мальчик?» Отец посмотрел устало и говорит: «Наш, не наш... Какая разница? Все равно завтра утром обратно сдавать!» (*Хохотнул.*) Смешно?

Мария Петровна равнодушно пожала плечами.

Смешно! Я сегодня вслух рассказал — зал грохнул... Гениальный мужик этот Володька... Хотя дурак... Переживает, что романов не пишет. Роман сочинить не хитрость, а вот — анекдот... Нужны особые мозги. Гоголь, помнишь, что говорил? «Дайте анекдот, — мигом будет комедия! Дайте анекдот!» Никто не дал. Только Пушкин. Поэтому он — гений! (*Неожиданно отбросил вилку.*) Нет, почему ты на меня так смотришь?

М а р и я П е т р о в н а. Как я на тебя смотрю?

К о н ф е р а н с ь е. Подозрительно!

М а р и я П е т р о в н а. Мне интересно, как ты вырлишь на главную тему. Ты же профессионал... Ну все, подводу сделал? Объявляй номер!

К о н ф е р а н с ь е. Какой номер? Ты про что?

М а р и я П е т р о в н а. Администраторша твоя звонила... Просила напомнить, что у тебя завтра поезд в пять с Белорусского...

К о н ф е р а н с ь е (*огорченно*). Ну что за люди? Кто просил? Ты расстроилась?

М а р и я П е т р о в н а. Я привыкла не расстраиваться.

К о н ф е р а н с ь е (*пытается обнять жену*). Машенька, не злись! На юг поедем в июле. Я уже звонил в ВТО, они обещали поменять путевку...

М а р и я П е т р о в н а (*отстраняясь*). Самое обидное, меня даже не считаешь нужным спросить. Просто ставишь перед фактом: поедешь в июне, поедешь в июле...

К о н ф е р а н с ь е. Машенька, но ведь ты знаешь обстоятельства. Володьку надо выручать!! Его поломать — не склеишь.

М а р и я П е т р о в н а (*не слушая*). Мне даже не за себя обидно — за тебя. Звонил кинорежиссер. Тебя утвердили

на роль в фильме... Съемки будут в июне, в Крыму... Они подстраивались под тебя...

К о н ф е р а н с ь е. Маша! Маша! Какой я киноартист? Там другие законы...

М а р и я П е т р о в н а (зло). А кто ты, Коля? Я вот смотрю и думаю: кто ты? Человек между солистами? Веселительная единица! Тебе пятьдесят с лишним лет... Жизнь прожита. Что останется? Две-три шутки, которые стареют быстрее, чем ты их придумываешь... Что за профессия — заполнять паузы?! Неужели ты не мечтаешь о чем-то другом?! Как тебя не стошнит от этого изнурительного остроумия?.. В Библии сказано: «Бойся дома, где царит смех».

К о н ф е р а н с ь е. В Библии сказано: «Радуйся жизни и радуй других»... Библия потому и великая книга, что там одна гениальная мысль противоречит другой...

М а р и я П е т р о в н а (вставая). Ешь котлеты, Коля. Остынут. (Уходит.)

Конферансье некоторое время мрачно жует. Открывается дверь, появляется мальчик лет семи. Это Коляша.

К о л я ш а. Здорово, дед!

К о н ф е р а н с ь е. Здорово. Чего не спишь?

К о л я ш а. Я днем выспался.

К о н ф е р а н с ь е. Надо ночью...

К о л я ш а. Ночью и так темно. Чего зря глаза закрывать?!

К о н ф е р а н с ь е. Жуткий мальчик. Богемное дитя...

К о л я ш а. У нас сегодня в парке концерт был для детей.

К о н ф е р а н с ь е. Кто вел?

К о л я ш а. Дяденька такой... лысый...

К о н ф е р а н с ь е. Севостьянов?

К о л я ш а. Ага. (Зевает.) Он у тебя шутку спер.

К о н ф е р а н с ь е. Какую шутку?

К о л я ш а. Про скрипача.

К о н ф е р а н с ь е. Напомни.

К о л я ш а: Выходит и говорит: «Дети, вы любите скрипачей?» Мы кричим: «Нет!» Он говорит: «А фокусников?» Мы кричим: «Любим!» Он говорит: «Тогда сейчас выступит фокусник. Он сыграет вам на скрипке...» Я встал и сказал: «Это мой дедушка придумал!» И меня выгнали...

К о н ф е р а н с ь е. Ну и правильно! Мало ли кто что придумал? У нас в стране все общее, тем более шутки... Не жадничать надо, а новые сочинять.

К о л я ш а. Про что?

К о н ф е р а н с ь е. Про что жизнь подсказывает. Вот я завтра в Белоруссию еду, а что говорить, пока не придумал... Помог бы деду!

К о л я ш а. А чего там, в Белоруссии?

К о н ф е р а н с ь е. Люди хорошо поработали, Коляша. Все болота осушили...

К о л я ш а. Зачем?

К о н ф е р а н с ь е. Чтоб хлеб посеять. Чтоб всех комаров извести. Не любишь комаров-то, а?

К о л я ш а. Когда кусают — не люблю, а когда жужжат — ничего... Всех не надо! Попроси — не всех...

К о н ф е р а н с ь е. Ладно. Несколько штук оставим... Специально для жужжания... Ну, вот теперь с чистой совестью можешь идти спать. Дал тему для разговора...

К о л я ш а (*засыпая*). Ты за меня держись, дед... Не пропадешь...

К о н ф е р а н с ь е. А ты — за меня. (*Поднял засыпающего мальчика на руки, ушел в соседнюю комнату.*)

Где-то вдали начинают раздаваться оружейные раскаты.

К о н ф е р а н с ь е возвращается на эстраду. Теперь он, как обычно, во фраке и галстучке-бабочке.

(*Обращаясь к зрителям.*) ...И вот, дорогие товарищи мелиораторы, я выполняю наказ своего внука и говорю: всех комаров не изводите... Польза от них небольшая, но и немалая... Зверя гоняют, человека к гимнастике приучают... (*Хлопает себя по лбу, по шее.*) А главное, они создают гармонию в природе, которую не мы создали, не нам и разрушать... Что за рыбалка без комара? А лес? А степь?.. Вот представьте... Жаркий-жаркий день, такой, как сегодня... Солнце палит... Тишина. Только вдруг одинокий комар запел над ухом свою немудреную песенку... З-з-з!!! А услышав комара, запоет жаворонок... А услышав жаворонка, запоет скрипка... Потому что таковы законы гармонии...

Слышна скрипка.

А услышав скрипку, я объявляю следующий номер: «Венгерский танец» в исполнении Ивана Лещинского... И когда он затанцует, наступит полная гармония... В нашем концерте. Прошу, Ваня!

Свет на эстраде гаснет. Конферансье опускается в левую часть сцены. Здесь комната для артистов. К своему выступлению готовятся П е в и ц а, А к к о м п а н и а т о р, Л ю т и к о в, Ф о к у с н и к.

Конферансье. Что там за грохот?

Певица. Кошмар! Я всю ночь глаз не сомкнула...

Аккомпаниатор. Говорят, учения какие-то...

Конферансье. Чего ж они учатся по воскресеньям?
Да еще так громко?

Аккомпаниатор. Ну, это не нам с вами решать...

Конферансье. Логично. *(Певице.)* Оля, следующий номер ваш. *(Лютикову.)* Володя, потом наш скетч.

Лютиков. Давай текст пробежим.

Конферансье. Давай. *(Грохот.)* От черт! Отличник какой-то учится. Ну, давай... *(Отводит Лютикова в сторону.)* Значит, так: выхожу, говорю... Товарищи! Я вас хочу познакомить с моим другом. Он очень застенчивый человек... *(Имитируя жест за кулисы.)* Ну, Владимир Борисович! Ну! *(В зал.)* Он стесняется! *(Партнеру.)* Ну, чего вы боитесь-то?! Здесь все свои... Входите...

Лютиков заклеивает пластырем голову: стесняясь имитирует выход.

О господи, что с вами?

Лютиков. Упал в поезде.

Конферансье. Откуда?

Лютиков. С третьей полки.

Конферансье. Зачем вы туда полезли-то?

Лютиков. Мне билет туда взяли...

Конферансье. Ну как же так?.. Такой болезненный человек и залезаете на третью полку?.. Поменялись бы с кем-нибудь местами.

Лютиков. С кем? Яж один в купе ехал...

Хлопнула дверь. В актерской комнате появляется Вера.

Вера. Здравствуйте!

Конферансье. Это еще что за явление? Ты откуда здесь?

Вера. На концерт пришла.

Конферансье. Пешком из Москвы?

Вера. Ну, вы скажете... Я с вами в одном поезде ехала. Только вы в купейном, а я... в мягком. В тамбуре. *(Лютикову.)* Здравствуйте, Владимир Борисович.

Лютиков *(несколько растерянно)*. Здравствуйте, Верочка.

Вера. Вы что, правда с полки упали или это так... для смеха?

Лютиков. Конечно, для смеха.

В е р а. Я поняла. (*Мрачно.*) Я теперь учусь понимать шутки. Все — как вы велели, Николай Сергеевич. Я теперь знаете кто? «Буркинистка»... Сама придумала.

Л ю т и к о в (*с иронией*). Поздравляю, Коля! От всей души поздравляю. (*Вере.*) А как же Лемешев? Не обидится?

В е р а. Не должен. У него вона сколько поклонниц, а у Николая Сергеевича никого. (*Конферансье.*) Вы мое письмо ему еще не передали?

К о н ф е р а н с ь е. Слава богу, нет... (*Достает письмо.*) Забери.

В е р а. А вы можете прочесть.

К о н ф е р а н с ь е. Я чужих писем не читаю, девочка...

В е р а (*взяла письмо, перечеркнула адрес карандашом, написала новый*). Теперь оно вам.

К о н ф е р а н с ь е (*взял письмо, читает*). «Народному артисту Буркини...» М-да. Высоко забрала...

Л ю т и к о в. С присвоением звания, Коля! Поздравляю! С тебя, как говорится, причитается...

К о н ф е р а н с ь е (*незаметно показав ему кулак*). Причитается — получишь! Не сомневайся! (*Вере.*) Ну, спасибо, девочка, обязательно прочту и отвечу. А теперь иди в зал. После концерта поговорим.

В е р а. Вы не думайте. Я вам — не обуза. Я в любой момент могу исчезнуть...

К о н ф е р а н с ь е. Хочется в это верить. Иди!

В е р а. Вы про поезд скетч исполнять будете или нечто другое?

К о н ф е р а н с ь е. Увидишь! Ступай, тебе говорят! Нам репетировать надо.

В е р а. Ну, ну... Посмеемся. Я не прощаюсь! (*Уходит.*)

Пауза.

Л ю т и к о в. Вот, Коля, — лишнее доказательство, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

К о н ф е р а н с ь е (*мрачно*). Иди ты к черту! Лучше подскажи, что мне теперь делать с этой дурочкой?

Л ю т и к о в. Во избежание криво толков, думаю, лучше всего ее официально «увнучерить»...

К о н ф е р а н с ь е. И совсем не смешно!.. Куплю ей обратный билет и отправлю домой с милицией! Сегодня же...

Л ю т и к о в (*улыбаясь*). Обидно, Коля... В кои-то веки обзавелся персональной поклонницей...

К о н ф е р а н с ь е (*строго*). Помолчи! (*Вскрывает конверт.*) Интересно, что нам, народным, люди пишут? (*Читает вслух.*) «Здравствуйте, дорогой товарищ артист! С приветом к вам Вера Захарова из города Горького. Мне исполнилось 16 лет, и теперь я получу паспорт. Поэтому пишу вам как гражданин гражданину. Вы — мой идеал!..»

Л ю т и к о в (*смеясь*). Это ты — идеал?

К о н ф е р а н с ь е. Ну не ты же... (*Читает.*) «Вы — мой идеал! Так я решила, когда меня выпустили из детской колонии. Наша начальница сказала, что мы должны задуматься о жизни и выбрать себе в пример кого-нибудь из замечательных людей из нашей страны».

Л ю т и к о в. Однако это не смешно.

К о н ф е р а н с ь е (*читает*). «Я выбрала вас, дорогой товарищ артист, потому что вы своим искусством делаете людей прекрасными, а мне сейчас это очень нужно»...

Грохот. Распахнулась дверь, в комнату вошло несколько военных во главе с Офицером.

О ф и ц е р. Товарищи! Приказываю срочно остановить концерт!

К о н ф е р а н с ь е. Что случилось?

О ф и ц е р (*тихо*). Война.

Кто-то из артистов вскрикнул.

Пауза.

Л ю т и к о в. Кто сказал?

О ф и ц е р. Я сказал. Немцы ночью бомбили Брест, Витебск, Гродно... (*Прислушивается к грохоту.*) А это уже нас... В двенадцать часов будет сообщение по радио. Необходимо, чтобы зрители немедленно покинули зал. Как пройти на сцену?

А к к о м п а н и а т о р (*показывая*). Туда.

Офицер направляется к эстраде.

К о н ф е р а н с ь е (*Офицеру*). Подождите! Там полторы тысячи человек... А проходы узкие... Начнется паника...

О ф и ц е р (*остановившись*). Хорошо. Тогда объявите сами... Пусть все выйдут из зала.

К о н ф е р а н с ь е. Сейчас... Закончится номер. Секунда уже не имеет значения... (*Пошатнулся.*)

Л ю т и к о в. Коля! Возьми себя в руки... Выпей таблетку! Выпей... (*Дает ему таблетку и стакан воды.*)

К о н ф е р а н с ь е. Да подожди ты с таблетками! Шутки!! Какие у нас есть шутки на антракт?!

Л ю т и к о в. Не знаю... Не помню сейчас... Иди!

Со сцены доносятся аплодисменты. Вбегает запыхавшийся, улыбающийся Т а н ц о р.

Т а н ц о р (*Буркини*). Николай Сергеевич, «бисовку» делать?

К о н ф е р а н с ь е. Не надо «бисовки», Ваня! Спасибо!

Конферансье проходит на сцену, несколько секунд смотрит в зал, затем замечает, что машинально вынес с собой таблетку и стакан. Растерянно улыбается.

...Волнуюсь чего-то! Дело ответственное поручили... Антракт объявить... Вот от страха руки дрожат!.. (*Делает глоток из стакана, в зале смех.*) Вы зря смеетесь, братцы! Антракт объявить правильно — это тоже искусство!.. Не у всех получается... Тут есть несколько приемов... Старые конферансье говорили так: «Дамы и господа, сейчас в фойе состоится показ модных туалетов... Походите минут пятнадцать и посмотрите друг на друга...»

В зале смех.

К чему это я?.. А, черт! Склероз начинается... (*Глокает из стакана.*) Курить надо бросать, да и это дело (*показал на стакан*)... тоже... врачи не рекомендуют! Впрочем, не все... У меня знакомый врач, я ему сунул полсотни, он мне теперь по блату все разрешает...

Смех.

Господи, о чем же я? Жуткая профессия, братцы... Все время откуда-то старые шутки выскакивают... Как бумеранг... Помните анекдот про австралийца, который купил новый бумеранг, а старый никак не мог выбросить. Так замучился, бедняга...

Смех.

О, до Верочки дошло... Молодец! Видите, девочка в первом ряду?.. Это моя практикантка. Практику по юмору проходит. Специально из Москвы посмеяться приехала... Нашла время... (*Роняет стакан, смех.*) У, черт!.. Ну ничего, это к счастью... Впрочем, на счастье лучше свою посуду бить, а не государственную...

Смех.

О! Раз уж я дополз до темы государства, то теперь слушайте меня внимательно... Сейчас, братцы, действительно будет антракт! Вы все встанете со своих мест и спокойно выйдете на улицу... Там по радио передадут важное сообщение... Вы его послушаете в антракте... *(Печально.)* Это будет большой антракт, ребята! Может быть, самый большой в нашей с вами жизни... Но все равно, товарищи, это — только антракт! Он обязательно кончится, и начнется вторая часть... нашего концерта! Веселая и красивая! Я в это очень верю и вас прошу... Очень!.. А теперь идите! *(Опускается на стул.)* А я тут посижу, сцену посторожу...

Смех.

...Ну вот! Молодцы! Главное — не унывать... Ступайте. *(Молча смотрит в зал.)*

Занавес

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Оформление сцены такое же, как и в первом отделении, только изменилась эстрадная площадка.

Сейчас она напоминает грубый, наспех сколоченный из досок помост.

В глубине площадки виден крытый военный грузовик.

Звучит аккордеон. Полог грузовика распахивается, и под бодрую, мажорную музыку к зрителям направляются участники концерта: Певица, Аккомпаниатор, Фокусник, Танцор, Лютиков, Поливанов и Конферансье.

Конферансье. Здравия желаю, товарищи бойцы! Вас приветствует фронтовая концертная бригада Московской областной филармонии!

Все (поют).

Концертная бригада
Приветствовать всех рада,
В гостях у вас артисты-москвичи.
И в трудную годину
Концерт необходим нам, —
Вступительная песенка звучит!

Слышен свист летящего снаряда. На сцену вскакивает молоденький
Лейтенант.

Лейтенант (орет). Ложись!!

Где-то недалеко взрыв. Все участники бригады падают на сцену. Визг и грохот повторяются.

Лютиков (испуганно). Миномет?

Лейтенант (приподняв голову). Точно. Шестидесятый калибр.

Аккомпаниатор. Двадцать пятый, не больше.

Лейтенант. А я говорю — шестидесятый...

Певица. Не спорьте с Сережей, лейтенант. У него абсолютный слух. У шестидесятого — бас, а это — дискант...

Лютиков. Братцы, какая разница? Мне лично и двадцать пятого за глаза хватит...

Лейтенант (*подползая к Конферансье*). Ну что, Николай Сергеевич? Отменяем концерт.

Конферансье. Погоди, Толик. Может, обойдется?

Лейтенант. А если не обойдется?

Конферансье. А не обойдется — само отменится... Все сразу.

Лейтенант. Да вы что? Я за вас головой отвечаю.

Конферансье. Тогда пригни ее, Толик... Береги. Не будем суетиться... Актеры лежат, зрители лежат — нормальная обстановка... (*Пауза.*) Ну вот... Вроде стихло... (*Встает.*)

За ним поднимаются остальные артисты, отряхиваются. Конферансье делает шаг вперед, обращается к залу.

Занимайте места, товарищи! Продолжим!.. Вернее — начнем сначала. Назло врагу пойдем по полной программе... (*Акомпаниатору.*) Давай, Сережа...

Вновь звучит аккордеон.

Все (*поют*).

Концертная бригада
Приветствовать вас рада,
В гостях у вас артисты-москвичи.
И в трудную годину
Концерт необходим нам, —
Вступительная песенка звучит!

Слышен гул самолетов.

Лейтенант (*орет*). Воздух! Ложись!

Все участники бригады, кроме Певицы, со вздохом вновь опускаются на эстраду.

Артистка Бутасова, выполняйте приказ!

Певица (*прислушиваясь*). Да это наши... Я же по звуку узнаю... Слышите? Рэ-э!.. А у немцев — фа-а...

Лейтенант. Отставить пение! Ложись!!

К о н ф е р а н с ь е (*поднимаясь*). Не ляжет она, лейтенант. Я Олю знаю. Она всю ночь платье гладила...

П е в и ц а (*глядя вверх*). Но ведь действительно наши... Глядите — звезды...

Л е й т е н а н т (*сердито*). Все равно, артистка Бутасова, делаю вам замечание.

К о н ф е р а н с ь е (*вновь выходит вперед*). Итак, товарищи, расслаживайтесь. Продолжаем... Сережа, давай.

Л ю т и к о в (*тихо*). Черт с ней, со вступительной песенкой. Пропустим. Она какая-то невезучая.

К о н ф е р а н с ь е. Нет. Теперь уже из принципа... По полной программе...

В с е (*поют уже без прежнего энтузиазма*).

Концертная бригада
Приветствовать вас рада,
В гостях у вас артисты-москвичи.
И в трудную годину
Концерт необходим нам, —
Вступительная песенка звучит...

Пауза. Все смотрят наверх и прислушиваются. Тишина.

К о н ф е р а н с ь е. Обошлось! Видите, товарищи, маленькая, но победа! А из маленьких складывается большая... Итак, продолжаем концерт! Как вы уже поняли, я — конференсье! Это у нас по актерскому ранжиру вроде как старшина. Поэтому позвольте представить вам весь личный состав вверенного мне отделения. Начнем с женщин. Даже на войне, товарищи, надо быть галантным и пропускать женщин вперед... Конечно, если там, впереди, не минное поле... Итак, наша солистка, исполнительница лирических песен — Оля Бутасова. (*Поклон.*) Как видели, женщина мужественная и с характером... Вообще судьба довольно щедро наградила Олечку, дав ей великолепный голос, голубые глаза и... замечательного мужа Сергея Бутасова, который в настоящий момент аккомпанирует ей на аккордеоне... По секрету сообщу — поженились они всего месяца назад... Так что можно сказать: это их свадебное путешествие...

П е в и ц а (*исполняет первый куплет песни*)

В лесу прифронтовом звучит аккордеон,

К забытой мирной жизни приглашая.

Пускай грохочут пушки, но наш тихий вальс-бостон

Сегодня канонаду заглушает...

К о н ф е р а н с ъ е (продолжая представлять актеров).
Справа — артист драмтеатра, заслуженный артист республики Денис Поливанов! (Поклон.) За долгие годы работы в театрах Денис Андреевич сыграл много ролей, пройдя трудный воинский путь от рядового матроса Шванди до фельдмаршала Кутузова... Впрочем, он вам сам об этом расскажет...

Поливанов сделал шаг вперед, громким, поставленным голосом прочел несколько строк из поэмы Маяковского, затем, строго кивнув, снова встал в строй.

Рядом — артист оригинального жанра, известный маг и чародей Виктор Гринеvский.

Фокусник под музыку начинает демонстрировать нехитрые фокусы, доставая «из воздуха» папиросы, игральные карты и прочее.

Честно скажу, в Москве долго сомневались, нужно ли включать во фронтовую бригаду фокусника? Вроде не военное искусство... Но Виктор так настаивал, так рвался сюда, к вам, приводил такие убедительные доводы...

При этих словах фокусник извлек неизвестно откуда ручную гранату, сорвал кольцо... Замахнулся... Конференсье изображает испуг.

Витя... Витя... Не горячись... Пошутил... Брось!

Фокусник имитирует бросок гранаты, где-то вдали слышен взрыв...

Вот такие дела!.. Одним словом, члены комиссии посоветовались, и те, кто остались в живых, решили удовлетворить просьбу артиста Гринеvского... Следующим идет наш танцор — Иван Лещинский... Я вижу, в вашем полку большие поклонники его таланта. Специально для танцев вы сколотили помост... И доски клали со знанием дела... Ни одна не скрипнет... Ну что ж, Ваня, выходи, принимай работу!..

Танцор танцует.

И наконец, мой коллега, автор и исполнитель сатирических фельетонов Владимир Лютиков. Человек — героической профессии. Знаете почему? В нашей программе он исполняет роль фрицев...

Лютиков надевает фашистскую фуражку, начинает смешно маршировать, вскидывает руку в приветствии.

...Делает это с отвращением, но — талантливо! Поэтому убедительно прошу: даже если вас очень заволнует его искусство, стрелять во Владимира Борисовича совершенно не обязательно.

Л ю т и к о в (*маршируя, исполняет отрывок из фельетона*).

Я — Генрих Шульц! Я — бравый малый!
Своей земли мне нынче мало.
Хочу я Волгу и Сибирь!
Люблю российские просторы.
Себе найду в них место скоро...
Полметра — вглубь, полметра — вширь...

(*Гневно срывает фашистскую фуражку, швыряет на землю, встает в строй.*)

К о н ф е р а н с ь е. Ну, вот, товарищи, и весь состав. Немного, но, как говорится, не числом врага бьют, а умением... Вот уж полтора месяца колесим по всему фронту... Сотни полторы концертов дали... Хотя обстановка, сами понимаете, не очень располагает... Временные неудачи, отступление... Но я так скажу: на неудачах — учимся, отступая — заманиваем... Это ведь как в горку — без разбега не вскочишь! Но теперь — все! Стоп! Позади Москва. Пора вперед!!! Так что будем считать наш концерт — привалом перед подъемом... Посидим! Помолчим перед дорогой... Впрочем, молчать не обязательно. На том свете намолчимся... Пока живы, надо разговаривать или петь.

В с е (*поют*).

Пусть зал у нас — полянка,
Гримерная — землянка,
А занавес — натянутый брезент.
Концертная бригада
Споет вам, если надо,
Под пулеметный аккомпанемент...

Слышен свист летящего снаряда. Взрыв. Эстрада погружается в темноту. Слева высвечивается часть леса. Здесь на пеньке сидит В е р а, на ней армейская шинель, через плечо — санитарная сумка.

Появляется К о н ф е р а н с ь е с чемоданами. Не замечая Веры, направляется к грузовику.

х 1:

В е р а (*вскочив*). Здравия желаю, Николай Сергеевич!
К о н ф е р а н с ь е (*обернувшись*). Не может быть! Ты мне снишься.

В е р а (*с улыбкой*). «Буркинистка» Вера Захарова при-
была в ваше распоряжение!

К о н ф е р а н с ь е. Врешь! Докажи.

В е р а. Документы, что ль, предъявить? Ну, вот... *(Полезла в сумку, достала оттуда мячик, кинула Конферансье.)* Держите!

К о н ф е р а н с ь е *(поймав мяч)*. Действительно ты. Ну, тогда здоров! Здорово, «буркинистка»! *(Подошел, обнял.)* Как ты здесь? Я ж тебя лично в поезд посадил и в тыл отправил...

В е р а. А я поезд повернула... Он меня до военкомата и довез. А оттуда — на курсы санинструкторов...

К о н ф е р а н с ь е. Кто ж тебя принял в шестнадцать лет?

В е р а. У женщин возраст не спрашивают...

К о н ф е р а н с ь е. Соврала, стало быть...

В е р а. Зачем? Вы мне сами говорили — на войне день за год идет. Так что, если все дни здесь посчитать, мне за сто перевалило... Старушечка я... *(Смеется.)* Ну, чего вы мрачный? Я же шутю...

К о н ф е р а н с ь е. Да уж вижу... *(Удивленно рассматривает Веру.)* И давно это с тобой, девочка? Шутишь давно?

В е р а *(грустно)*. Как на фронт попала. Тут, Николай Сергеевич, такое творится, что либо шутить, либо реветь... А реветь нам по уставу не положено... Вот и веселимся. Я раненым часто про вас рассказываю... Про деревню Бурки. Про то, как соседа дурачили. Помните? Смешной был дядька...

К о н ф е р а н с ь е *(печально)*. Отличный был дядька... Так я не понял, ты в этом полку, что ли?

В е р а. Нет. Сейчас я в госпитале служу. Здесь, недалеко... В семи километрах. Нам сказали, вы к нам с концертом должны приехать. Ну, меня и послали сопровождающим...

К о н ф е р а н с ь е. Ну, тогда пошли к машине, сопровождающий.

В е р а. Нельзя. Политрук заругает.

К о н ф е р а н с ь е. Какой еще политрук?

В е р а. Ваш. Он мне сказал: концерт отменяется. Я говорю: как же так, мы объявление повесили, с утра люди ждут? А он — нет, и точка!

К о н ф е р а н с ь е. Погоди, это кто? Толик наш? Да он славный малый. Сейчас договоримся... *(Кричит за сцену.)* Товарищ лейтенант!

Вбегает Лейтенант.

Лейтенант. Я здесь, Николай Сергеевич! *(Замечает Веру.)* Ты чего сюда? Зачем? Тебе все разъяснили... А ну, кругом! Шагом марш!

К о н ф е р а н с ь е. Погоди командовать, Толя! Погоди. У нас же был сегодня по плану концерт в госпитале?

Л е й т е н а н т. Отменили! Приказано отменить!

К о н ф е р а н с ь е. Кем?

Л е й т е н а н т. Мню! *(Переходя на доверительный тон.)* Устали люди, Николай Сергеевич... С пяти утра выступаем... У Ольги Кузьминичны совсем голос пропал... *(Отводит Конферансье в сторону.)* И потом, есть чрезвычайные обстоятельства...

К о н ф е р а н с ь е *(перебивая)*. Толик, здесь тоже обстоятельства особые... Я над этой девочкой вроде как шефство взял... Понимаешь? Ей я отказать не могу!

Л е й т е н а н т. Николай Сергеевич, здесь я командую...

К о н ф е р а н с ь е. Командуй, но с умом! Давай с людьми посоветуемся. Как решат, так и будет.

Л е й т е н а н т. Знаю я ваши «советы»! Вы кого хочешь уговорите.

К о н ф е р а н с ь е. Вот те крест, уговаривать не стану! Даже наоборот! Постараюсь отговорить... *(Кричит за кулисы.)* Товарищи!

Появляются все участники бригады.

Братцы, небольшой совет в Филях. Тут у нас по плану еще в госпитале должен быть концерт. Но мы, честно говоря, измотались... Сил никаких. Поэтому лейтенант решительно против... Девочка вот из госпиталя за нами пришла... тоже просит не ходить.

Ф о к у с н и к. А вы?

К о н ф е р а н с ь е. Я тоже... Категорически! Обойдется госпиталь без нас...

П о л и в а н о в. Ну, и зачем же вы нас позвали?

К о н ф е р а н с ь е. Посоветоваться... Что я здесь, самый умный, что ль?

Л е й т е н а н т *(недовольно)*. Николай Сергеевич, вы обещали...

К о н ф е р а н с ь е. А что? Я кого уговариваю?! Наоборот, говорю: не пойдем, раз нам совесть позволяет...

Пауза.

Т а н ц о р. Там что, люди собрались?

В е р а. Конечно...

Л е й т е н а н т. Ты молчи...

В е р а. Мы даже лежачих из палаток вынесли...

Л е й т е н а н т. Это — не аргумент. Как вынесли, так

и унесете! *(Ко всем.)* Товарищи! Есть предложение вернуться на базу... Поужинаем, выспимся...

Л ю т и к о в *(пригладевшись к Вере)*. Погодите! Это ж Вера. *(Конферансье.)* Коля, ну что ты дурака-то валяешь? Это — Вера. *(Всем.)* Товарищи! Это — замечательная девочка... Она за нами в Минск ездила. Помните? Первые бомбежки с нами была... Нет, ей отказывать нельзя. Вы — как хотите, я пойду...

Л е й т е н а н т. Товарищи артисты! Прошу без анархии! Рассредоточиваться запрещено. *(Жалобно.)* Давайте вернемся, товарищи! Отдохнем, наберемся сил... *(Певице.)* Ольга Кузьминична, ну скажите вы...

П е в и ц а *(сипло)*. Не могу...

Л е й т е н а н т. Ну вот, видите. И Иван Иванович ногу стер.

Т а н ц о р. Так, может, заодно там и подлечимся?! Госпиталь все-таки...

П е в и ц а *(сипло, Вере)*. У вас там стрептоцид есть?

В е р а. Конечно.

П е в и ц а. Тогда я согласна.

Л е й т е н а н т. Да как вы петь-то будете?

П е в и ц а. У меня пластинка есть... Заведу!

Л е й т е н а н т *(кричит)*. Отставить! *(Снова жалобно.)* Товарищи!.. Обстановка изменилась... Я не должен был говорить, сами заставили... В общем, есть сведения — немцы прорвали фронт. Я вами рисковать не могу. Приказано вернуться в тыл...

Л ю т и к о в. Что ж вы госпиталь не эвакуируете?

Л е й т е н а н т. Это нас не касается.

Л ю т и к о в. Хорошенькое дело! Раненые лежат, а мы побегим.

Л е й т е н а н т. Отставить разговоры!

П о л и в а н о в. Ну, так тоже нельзя, голуба моя! Что вы орете? Я генералов не зря играл... Я знаю, как вести себя в предлагаемых обстоятельствах. Прорыв — это не наступление! Прорыв всегда заткнуть можно! Давай без паники! Надо трезво взвесить обстановку... *(Вере.)* Кстати, голуба моя, у вас в госпитале раны по-прежнему спиртом обрабатывают?

В е р а. Да.

П о л и в а н о в. Тогда я считаю, надо ехать!!

Л е й т е н а н т *(в отчаянье)*. Все! К черту! Рапорт подам! Не могу я артистами командовать... Лучше — на передовую!

К о н ф е р а н с ь е (с улыбкой). Ну, а мы тебя куда зовем, Толик? На передовую и зовем...

Свет в левой части сцены гаснет.

Конферансье проходит на авансцену. У него в руках листок бумаги. (Как бы репетируя.) Итак, наш концерт продолжается. Сейчас мы вам исполним куплеты, которые сочинили буквально час назад, в пути. Дело в том, что по дороге к вам в госпиталь сломался наш грузовик. Застряли мы в лесу... Ну, как говорится, нет худа без добра... В минуты отчаяния нашего автора Владимира Борисовича Лютикова посетило вдохновение... И он стал сочинять песенку, которую так и назвал: «Песенка о временных неудачах»...

Зазвучал аккордеон, Конферансье начал тихо напевать, заглядывая в бумажку.

Ох, временные неудачи
Бывают так или иначе...
От них порой мы чуть не плачем,
Да что поделаешь — война...
Но временное невезенье
Нам не испортит настроенье!
Не зря бытует выраженье:
«Придут иные времена!»

Слышен рев машин. Свет на сцене усиливается. Теперь стало видно, что это — лесная поляна, в глубине которой стоит сломавшийся грузовик. Рядом расположилась вся концертная бригада. На пеньке сидит Л ю т и к о в с блокнотом в руках.

Володя, второй куплет готов?

Л ю т и к о в. Ну, кое-какие наметки есть...

К о н ф е р а н с ь е. Давай.

Л ю т и к о в (встает рядом с Конферансье, начинает петь).

Давно из дома писем нету,
Наш почтальон блуждает где-то.
И ни ответа, ни привета...
Ну, что поделаешь — война...
Но знаю я: письмо найдется
И в нем, как эхо, отзовется:
«Родимый мой, все обойдется,
Придут иные времена!»

К о н ф е р а н с ь е. Молодец! Хороший рефрен... И мысль оптимистическая... Вер, как считаешь?

В е р а (уныло). Ага.

К о н ф е р а н с ь е. Не слышу бодрости в голосе!

В е р а (*уныло*). Влипли вы из-за меня, Николай Сергеевич.

П о л и в а н о в. Действительно, развели тоску... Где они, ваши «иные времена»? Может, здесь до ночи проторчим...

В е р а. Зря вы меня послушали... Эх!.. Дошутились...

Вдали слышится грохот. Появляется Л е й т е н а н т. Он возбужден, активен, старается говорить нарочито бодрым тоном.

Л е й т е н а н т (*Вере*). Отставить нытье! Никто никого не слушал! Я приказал, я за все отвечаю. (*Всем, бодро.*) Ну, в общем, так, товарищи, докладываю обстановку... Все в порядке! Довел нашего шофера до шоссе, посадил на попутку... Обещал мигом слетать в штаб и пригнать другую машину. А мы давайте решать: ждать его или пойдем пешком?

Т а н ц о р. Далеко идти-то?

Л е й т е н а н т. Еще километров пять...

Ф о к у с н и к. Ого! Куда с чемоданами?

П е в и ц а (*сипло*). Здесь и заночуем...

Л е й т е н а н т (*несколько растерян*). Так сами же говорили — люди ждут...

П о л и в а н о в. Теперь уж, наверное, не ждут!! Темнеет!

Л е й т е н а н т. Ну, как знаете, товарищи... Но вообще как-то неловко перед зрителями. (*Берет Конференсье под руку, отводит в сторону, говорит взволнованно, быстро.*) Идти надо, Николай Сергеевич! Срочно!! Я до шоссе дошел, а там — танки...

К о н ф е р а н с ь е. Чья?

Л е й т е н а н т. Были бы наши — привел бы!..

К о н ф е р а н с ь е. А шофер где?

Л е й т е н а н т. Нету шофера... Все! Уходить надо, Николай Сергеевич! Через лес мы уйдем, я чувствую... Только без паники...

К о н ф е р а н с ь е. Ты сам только не паникуй. (*Всем, нарочито бодро.*) Товарищи, а я считаю — надо идти... Здесь через лес — прямая дорога, и, пока не совсем стемнело, мы дойдем...

П е в и ц а. Я медведей боюсь.

К о н ф е р а н с ь е. Откуда здесь медведи, Олечка? Здесь зайцы да белки... Это ж мои родные места. Тут деревня Бурки — рукой подать!..

В е р а. А говорили, что из Тамбовской губернии?

К о н ф е р а н с ь е. Так это со сцены... Для смеха. Там-

бовской — смешнее... А вообще я — местный... *(Лютикову.)*
Ну чего ты сидишь, Володя? Пошли!

Л ю т и к о в. Дай куплет дописать...

К о н ф е р а н с ь е. Потом допишешь... Пошли, товарищи!
Берем самое необходимое!

А к к о м п а н и а т о р. У нас все самое необходимое.
Инструменты, реквизит...

К о н ф е р а н с ь е. Реквизит можно оставить... Шофер
доставит.

Ф о к у с н и к. Ну уж это дудки! У меня не реквизит, у
меня партнеры... *(Снимает с грузовика чемодан и большую
клетку с голубями.)* Что я, птиц брошу? Их же сожрут при
нынешней голодухе...

Л е й т е н а н т *(сердито оглядывает чемоданы и рюкзаки)*. Ну, куда через лес с тюками?! *(Конферансье, тихо.)* Ни-
колай Сергеевич, пропадем...

К о н ф е р а н с ь е *(решительно)*. Так! Братцы! Слушай
мою команду! Все барахло оставить!!! Концертные костюмы
надеть на себя!

П е в и ц а. Да вы что?! Они испачкаются...

К о н ф е р а н с ь е. Ничего! Отчистим... Зато, как придем,
сразу — на сцену... *(Достает фрак.)* Ну! Быстрее, быстрее!!
(Одевается.) Давненько я во фраках по лесу не бродил...
(Певице.) Оля, ну что ты делаешь? Зачем ты третье платье на
себя надеваешь?

П е в и ц а. Я — женщина, Николай Сергеевич... Я должна
выглядеть. Это необходимо...

К о н ф е р а н с ь е. Ну «шпильки»-то хотьними!.. С ума
сошла! Неси в руках...

П е в и ц а. В руках — другие... Николай Сергеевич, я и
так беру минимум... Обувь, платья, косметику...

К о н ф е р а н с ь е *(в отчаянье)*. Какую косметику?!
Оля!! Мы в окружение попали, неужели не ясно?!

Певица испуганно вскрикнула.

Пауза.

П о л и в а н о в. Не надо кричать, голуба моя. Берегите
голос... Не пропадем. Из окружения прорваться можно. Тут
главное — темп. Отдельные броски. Перебежки... Как вас там
учили, лейтенант?

Л е й т е н а н т *(мрачно)*. Не учили нас «из окружения»...
Нас все больше наступать учили... Обороняться... Окружение
не предусматривалось... *(Решительно.)* Ладно! Сами на-
учимся... *(Ко всем.)* Товарищи артисты! Ввиду необычайно-

сти обстановки объявляю вас воинским подразделением. Построиться!!

Артисты выстраиваются в шеренгу.

Уходить будем цепочкой! Я — впереди, санинструктор — замыкающая... Идти будем через чащу. Дороги, открытые места обходим... Товарищ Лютиков, что вы там шепчете?

Лютиков (*радостно*). Я куплет дописал.

Лейтенант. Отставить куплеты!

Конферансье. Ну ладно, Толик... Не шуми! Хорошие куплеты еще никому никогда не мешали... Тем более — в окружении. С песней и дойдем!

Лейтенант. Чтобы немец услышал?

Конферансье. А мы тихо... Для себя... Зато веселей... Запевай, Володя...

Они пошли в костюмах, с вещами через лес. Лютиков зашел шепотом, потом подхватили все. Песня изменила ритм, превратилась в марш.

Все (*поют*).

Когда-нибудь мы это время
Прославим в песне и в поэме!
И выйдем праздновать со всеми,
Когда закончится война...
Но и тогда припомним, верно,
Как на душе бывало скверно...
Как мы шептали в сорок первом:
«Придут иные времена!..»

Оглушительный взрыв. Все упали на землю. Песня оборвалась. Первым поднялся Лейтенант, отряхивается.

Лейтенант. Какой дурак по лесу-то палит... Явный же недолет.

Где-то вдали новый раскат.

Это уж точно, шестидесятый калибр... Басит на всю округу... Верно, Ольга Кузьминична?.. Ольга Кузьминична? Слышите?

Аккомпаниатор (*подошел к Певице, склонился*). Почему она не встает? Оля... Ребята, что с ней?.. Почему?! Оля...

Все молча склонились над Певицей.

Конферансье выходит на авансцену, печально смотрит в зал.

Конферансье (*в зал*). Итак, наш концерт продолжается... Здесь ко мне товарищи обратились с просьбой, чтобы выступила наша певица Ольга Бутасова. К сожалению,

Оля выступить не сможет... У нее пропал голос... Сами понимаете, на фронте для вокалистов условия не очень... Сквозняки... Но мы вот что придумали. У Бутасовой перед войной вышла первая пластинка... Сейчас мы ее поставим на патефон, а Олю попросим посидеть рядом... Так что вы певицу и увидите, и услышите. Конечно, это не то, что живой голос, но все-таки...

Конферансье заводит патефон. Певица поднимается на эстраду, молча садится рядом. Звучит песня.

Конферансье возвращается к остальным участникам бригады, и, пока звучит песня, они молча идут через лес. Наконец пластинка кончилась, свет на сцене усиливается.

Лейтенант. Стоп! Там, впереди, поле... Все остаётся здесь, а я пойду посмотрю, куда притопали.

Вера. Давайте я сбегаю... Я местность знаю.

Лейтенант (*стараясь быть грозным*). Всем оставаться здесь и не рассредоточиваться!.. Я мигом! (*Уходит.*)

Все устало садятся. Танцор снимает сапог, отрывает подметку.

Танцор. Все! Отплясался сапожок... Надо будет новый просить...

Конферансье. Айседора Дункан босиком танцевала...

Танцор. Так не цыганочку же... В цыганочке перестук важная вещь... Видно, придется менять репертуар.

Фокусник. Давно пора...

Вера (*снимает сапог*). Возьмите мой, Иван Иванович.

Танцор. Да брось ты...

Вера. Ну пожалуйста. Он мне все равно велик... Возьмите!

Конферансье. Перестань, Вера! Перестань виниться... Здесь виноватых нет.

Акомпаниатор вдруг встал, открыл футляр, достал аккордеон, подошел к оврагу, с силой швырнул инструмент вниз. Все вскочили.

Сергея! Что ты делаешь?!

Акомпаниатор (*спокойно*). Все нормально.

Конферансье. Держи себя в руках! Нам надо еще работать. Много работать...

Акомпаниатор. На этом все равно играть уже не смогу...

Конферансье. Почему?

Акомпаниатор. Он — немецкий...

Пауза.

К о н ф е р а н с ь е. Ну, как знаешь... Добудем тебе новый... Я в штабе видел баян. Ты ведь и на баяне можешь?

А к к о м п а н и а т о р. Попробую...

Т а н ц о р (*бросился к обрыву*). Расколошматить уж тогда его к чертям собачьим! Пройтись по клавишам... Эх!

А к к о м п а н и а т о р (*резко*). Перестань!.. Это хороший аккордеон. Фирма «Блюмфельд»... Отличная фирма...

Ф о к у с н и к (*поставил клетку с голубями перед собой, печально смотрит на птиц*). Ну что, партнеры, будем прощаться! Нам уходить, вам улетать... Каждому свое. (*Обращается к артистам*.) Вот что значит уэльская порода... Чистокровные англичане... И характер такой: спокойствие, невозмутимость... (*Целует голубя*.) Ну что? Гуд бай, ребятки... Гуд бай.

Л ю т и к о в. Подожди, Витя... Если ты их выпустишь, они домой вернуться?

Ф о к у с н и к. Если немцы не собьют, то конечно... Хотя где у них дом? У артиста дом на колесах...

Л ю т и к о в. Нет, филармонию найдут... Я уверен... Я к тому, что тогда я записку Зиночке бы написал... Она там с ума сходит...

П о л и в а н о в. И я бы своим черкнул...

Т а н ц о р. И я.

Ф о к у с н и к. Да вы что? Это ж не почтовый самолет. Маленькую записку... Два-три слова...

П о л и в а н о в (*Лютикову*). Пишите, Владимир Борисович! Пишите ото всех... От всей бригады. Чтоб красиво... И со значением!

Л ю т и к о в (*доставая блокнот, карандаш*). Что писать-то?

П о л и в а н о в. Ну, не мне вас учить, голуба. Вы — писатель.

Л ю т и к о в (*начинает сочинять*). «Концертная бригада Московской областной филармонии... В составе...» (*Нервно зачеркивает*.) Нет, к черту эту казенщину... Напишем просто: «Дорогие друзья, вам передают привет...» (*Зачеркнул*.) Какой привет? Что за чушь?! Надо теплее... человечнее... «Братья и сестры... Родные... Зиночка моя дорогая...» (*Ломает карандаш, в отчаянье швыряет его на землю*.) Не могу!!! Оставьте меня в покое... Не писатель я. Я — автор...

К о н ф е р а н с ь е. Ну, не мучайся, Володя... В таких условиях и Толстой бы не сочинил... (*Фокуснику*.) И голубей я бы пока оставил, Витя... Пригодятся еще. Будут еще концерты... Я верю...

Возвращается Л е й т е н а н т. Он деловит и сосредоточен.

Лейтенант. Значит, так, товарищи... Полная ясность. Вперед нам идти не надо. Мы немножко сбились... Сейчас рассредоточимся... Вы будете уходить влево, я останусь здесь...

Поливанов. Подождите, голуба... Давайте уточним обстановку...

Лейтенант *(переходя на крик)*. Отставить вопросы!.. Хватит мне вашей самостоятельности! Довыступались!! Теперь бой! Теперь слушай мою команду!.. Там, на дороге, мотоцикл... Понимаете? Похоже, лес они прочесывать собираются... Поэтому базар отменяем!.. Вы уходите влево, через овраг... Вы — штатские. Вас вообще трогать не имеют права. Женевская конвенция есть... Нам объясняли... А я — военный. У меня приказ — головой за вас отвечать... Вот так!!!

Аккомпаниатор *(вышел вперед)*. Я с тобой, Толик, останусь.

Лейтенант. Уйди! *(Конферансье.)* Уведите его, Николай Сергеевич... *(Аккомпаниатору.)* Ну глупо тебе здесь оставаться, музыкант!.. На кой ты мне сдался? У меня и пистолет-то один.

Аккомпаниатор *(спокойно)*. Ничего. Мы по очереди...

Вера *(вдруг уставилась взглядом куда-то в глубину леса и вскрикнула, указывая пальцем)*. Немцы!!

Все обернулись в указанном направлении. Вера инстинктивно бросилась к Конферансье, прижалась к нему.

(Шепотом.) Немцы!

Конферансье *(обнял ее за плечи, успокаивает)*. Ну что ты, девочка? Ну, немцы... Не медведи же!.. Тоже, в общем, люди...

И, как бы в подтверждение этих слов, вдруг звучит веселая, озорная музыка. Концертная бригада исчезает во тьме... Зато на эстраду вскакивает смешной господин в клоунском наряде, огромных башмаках и рыжем парике. Это — клоун Отто. Его эксцентрический номер сопровождают несколько танцующих девиц.

Отто. Добрый вечер, господа! Вас приветствует выездная команда мюнхенского кабаре «Симплициссимус» и конферансье — клоун Отто Шутке! Прошу не рифмовать «Шутке» с «жутким», а «Отто» — с «идиотто»! Хотя это просится... Впрочем, рифмуйте, ребятки, я не обидчив... Вы меня узнали, да! Ну, привет... Что вы сказали? Что? А! А я полный кретин?! Верно, голубчик! Это я еще похудел... *(Танцует, поет.)*

Привет из кабаре,
Где шутки не смолкают.
Привет из кабаре,
Где трезвых не бывает!
Привет из кабаре,
Где песенки поются,
Куда приходишь ты,
А деньги остаются...

Вас, наверное, удивляет, чего это я намазал лицо и приклеил нос?.. Ребята, если я все это сниму, будет еще страшнее... Меня поэтому даже в армию не взяли... На призывном пункте обнаружили близорукость, дальноногость, частичное плоско-стопие и полное плоскопопие... И главное не смогли установить пол... Вызывали профессора с микроскопом! Не знаю, что он там увидел, но дал мне отличную характеристику. «Господа, — сказал он, — не знаю, кто это, но вижу, что, слава богу, не еврей»... *(Танцует, поет.)*

Привет из кабаре,
Где девушки танцуют.
Привет из кабаре,
Где жены не ночуют.
Привет из кабарё,
Где песенки поются,
Куда приходишь ты,
А деньги остаются...

Кстати о женах. Вы, наверное, скучаете по своим, я по своей милашке тоже... У меня с собой ее снимок... Вот! Не удивляйтесь, что рентгеновский, на фото она хуже получается! Вообще она красивая женщина... Вот такие глаза... *(Жест возле груди.)* И вот такая душа... *(Жест у бедер.)* Но главное ее достоинство — рост! Два с лишним метра... Поэтому для поцелуя я встаю на табуретку. А поцелую такие жаркие, что она вышибает у меня из-под ног табуретку, и тогда я парю в засосе, как ангел, пока она меня не выплюнет!.. *(Плачет.)* Она меня настроила на лирическую ноту. Сейчас, господа, наступит самый страшный момент. Я буду играть на скрипке... нервных прошу сразу удалиться!.. Контуженых нет? Ну ничего. Сейчас могут быть! Я закрою глаза, чтобы не видеть, как вы мучаетесь...

Начинает играть печальную мелодию.

Это старая баварская песенка... Над ней плакала еще моя прабабушка, очевидно предполагая, что я когда-то буду ее

исполнять... Она мне говорила: радуйся жизни, Отто! Пока ты ей недоволен, она и проходит... И еще она мне говорила: не торопись на тот свет! Там вряд ли лучше, чем здесь, иначе здесь никого бы не осталось... Вот так, солдаты! (Поет.)

Привет из кабаре,
Где шутки не смолкают.
Привет из кабаре,
Где мертвых не бывает.
Привет из кабаре,
Где песенки поются,
Куда тебе и мне
Дай бог еще вернуться...

Отто проходит в комнату для артистов, садится перед зеркалом, устало снимает парик, отклеивает нос. Стук в дверь. Немецкий солдат вводит Ко н ф е р а н с ь е. Вскидывает руку в фашистском приветствии. Отто кивает в ответ, тихо что-то говорит по-немецки. Солдат выходит.

О т т о. Садитесь, пожалуйста.

Конферансье садится.

Люди из контрразведки сказали, что вы артист. Это правда?

К о н ф е р а н с ь е. Да.

О т т о. Ваша фамилия — Буркини. Вы итальянец?

К о н ф е р а н с ь е. Нет. Русский.

О т т о. В двадцатых годах я часто бывал в Петербурге и видел в кабаре «Кривое зеркало» одного замечательного артиста... Тоже Буркини...

К о н ф е р а н с ь е. Этой мой отец.

О т т о. Он жив?

К о н ф е р а н с ь е. Умер.

О т т о. Жаль... Профессионал высокого класса. Помню, он работал замечательный номер с шариками... Начиная говорить, а изо рта вылезал шарик... Потом другой... третий... (Смеется.) Кстати, как он это делал?

К о н ф е р а н с ь е. Имитация... Шарик был один и тот же... (Замечает на столе шарик.) Разрешите?

О т т о. Да. Конечно...

К о н ф е р а н с ь е. Примерно так... (Достает изо рта шарик, кидает его в сторону. Слышен стук упавшего шарика. Открывает рот — шарик на месте.)

О т т о. Bravo! Хороший трюк... Еще он смешно бил чечетку... Как-то так... (Показывает.)

К о н ф е р а н с ь е (чуть улыбнулся). Похоже. Только

левую ногу надо больше тянуть... Раз-два-три... Раз-два-три...
(Показывает.)

Отто наблюдает, потом пристраняется. Секунду они бьют чечетку вместе.
Потом останавливаются, внимательно смотрят друг на друга.

Отто (сухо). Прошу сесть!

Конферансье отходит в угол, садится на стул.

Ну, что будем делать, коллега?

Конферансье нерешительно пожимает плечами.

Сколько с вами артистов?

Конферансье. Пятеро.

Отто. Что за люди?

Конферансье. Хорошие люди.

Отто (резко). Конкретнее! (Чуть смутившись.) Извините, что допрашиваю, это необходимо.

Конферансье. Да, да. Я понимаю... Мой партнер — комик Лютиков. Фокусник. Чтец. Танцор. И девочка...

Отто. Жанр?

Конферансье. Она не артистка... Она случайно с нами... В общем, это моя поклонница.

Отто (усмехнулся). Вы ездите на фронт с поклонницами?

Конферансье. Случается... У нас народ любит эстраду...

Отто. У нас тоже... Я работаю в мюнхенском «Симплициссимусе»... Слышали про такое кабаре? Когда-то мы гастролировали в России. С большим успехом. У вас легко работать. Зритель наивен и доброжелателен. (Пауза.) Так что ж нам делать, коллега?... Забавная ситуация, не правда ли?

Конферансье. Для нас не очень...

Отто. Для меня, честно говоря, тоже... Я бы не хотел, чтоб с вами обошлись как с военнопленными... Вы понимаете, о чем речь? Мы — артисты и должны поступать как люди, служащие искусству... Это — мой принцип!.. Я пользуюсь здесь кое-каким влиянием. Командир дивизии — мой поклонник... (Усмехнулся.) Вроде вашей девочки... Это он приказал передать вас в мое распоряжение. Поэтому вас не погонят в лагерь, не заставят рыть окопы и будут кормить... Вас еще не кормили?

Конферансье. Нет.

Отто. Будут! Конечно, без икры и водки... Вы там привыкли, я знаю... Говорят, у вас артисты на особом довольствии? Но сейчас — война... Уж извините, потерпите... Так

вот, коллега, у меня есть давняя идея. Думаю, она вам понравится... Я хочу открыть в Мюнхене международное кабаре! Лучшие номера европейской эстрады... Французской, польской... русской... Интершоу!.. А?! Шикарная идея?

К о н ф е р а н с ь е. Вы для этого решили захватить Европу?

О т т о. Что?.. *(Засмеялся.)* Это надо записать. Дарите репризу?

К о н ф е р а н с ь е. Берите, мне она вряд ли пригодится...

О т т о *(азартно)*. Я хочу сделать каскад комиков... Парад шутов. Уленшпигель, Пьеро, русский Петрушка... Живое народное веселье. Людям надо как-то сохранить импульс жизни! Когда-нибудь эта ужасная война кончится, и тогда они вспомнят нас добрым словом! Ну что? Идете в дело?

К о н ф е р а н с ь е. После войны — с удовольствием...

О т т о. А сейчас — нет? Почему?

К о н ф е р а н с ь е. Мне трудно будет вам объяснить. У нас немножко разный подход...

О т т о. Только не надо демагогии и лозунгов! Пусть воснные колошматят друг друга... У них своя профессия, у нас — своя... Надо честно заниматься своим делом, и тогда кровь и дерьмо к тебе не липнут! Скрипач играет Моцарта... Чей скрипач? Неважно! Лишь бы Моцарт звучал как Моцарт, тогда он не ваш, не наш, а принадлежит господу богу! Вы со мной не согласны?

К о н ф е р а н с ь е. Про Моцарта судить не берусь, а наше ремесло конкретное...

О т т о. Поясните.

К о н ф е р а н с ь е. Я своими шутками улучшаю настроение! Мне бы очень не хотелось, чтобы ваши солдаты в хорошем настроении стреляли в наших...

О т т о. Я же просил: без демагогии! Надеюсь, вы беспартийный?

К о н ф е р а н с ь е. Да.

О т т о. Я тоже. Это должно нас объединять.

К о н ф е р а н с ь е. Конечно. Но все-таки мы с вами в разные партии не вступили...

О т т о *(хмыкнул)*. Эту репризу я записывать не стану. За нее могут и повесить... *(Неожиданно нервно.)* Здесь вообще вешают довольно часто, коллега! Если б в Мюнхене мне кто-то сказал про это, я бы никогда не поверил. Но теперь я все видел сам. Оказалось, мы, немцы, вешаем людей так же аккуратно, как белье на просушку... *(Вскочил, начал расхаживать*

по комнате.) Что вы хотите от меня, Буркини? Я не по своей воле взял над вами шефство. Это — приказ. Теперь я за вас отвечаю. Вас надо куда-то деть... Я вам предлагаю работу, еду... Чего еще?!

К о н ф е р а н с ь е *(доверительно)*. Слушай, коллега! У нас есть такая опера «Князь Игорь»... Там князю хан говорит: «Хочешь, возьми коня любого, возьми любой шатер...» А наш знаешь что в ответ: «Отпусти ты меня, хан, за-ради бога!»

О т т о. Отпустить? Куда? Вы думаете, так просто перейти линию фронта?

К о н ф е р а н с ь е. Это уж не твоя печаль. Отпусти! И нам проще, и тебе не мучиться... Давай дальше веселить ты — своих, я — своих и посмотрим, кто посмеется последним...

О т т о. Это невозможно. Лучше хорошо обдумайте мое предложение.

К о н ф е р а н с ь е. Я — не тугодум. Что решил, то решил...

О т т о. Вам нравится рыть траншеи в мерзлой земле?

К о н ф е р а н с ь е. А что? Я из мужиков... Люблю копать...

О т т о *(неожиданно зло)*. Стыдно, коллега! Вы уже не молодой человек. Что вы корчите из себя героя?.. Вы что, не понимаете, чем вам это грозит?.. Вы работали в действующей армии... Для нас вы — политработник... *(Достал пистолет.)* А ну, встать! К стене! Руки на голову! *(Заорал.)* Считаю до трех... До двух... Вообще не считаю! *(Нажимает курок пистолета. Раздается щелчок, из дула пистолета, медленно надуваясь, вылезает воздушный шарик и пищит. Пауза.)* Скажите честно, вы сразу поняли, что пистолет не настоящий? Вы это сразу поняли?

К о н ф е р а н с ь е *(устало)*. Конечно...

О т т о. Однако побледнели достаточно натурально...

К о н ф е р а н с ь е. Я думал, он водой брызнет, а этого не люблю. *(С трудом опускается на стул.)*

Возникает пауза, в течение которой Отто с любопытством разглядывает Конферансье.

О т т о. У вас есть дети?

К о н ф е р а н с ь е. Даже внук.

О т т о. Вы его очень любите?

К о н ф е р а н с ь е. Идиотский вопрос.

О т т о. Тогда поклянитесь его жизнью, что наш разговор останется между нами.

К о н ф е р а н с ь е. Я не склонен к мистике. Ни к какой мистике.

О т т о. А я — склонен. Я верю в клятвы, и, если вы дорожите жизнью мальчика, вы ее не нарушите... У меня тоже есть мальчик, и я не хочу, чтоб он осиротел... Клянётесь или нет?

К о н ф е р а н с ь е. Хорошо... Клянусь.

О т т о (*подошел к двери, выглянул, не подслушивает ли кто, вернулся, начал переодеваться, говоря при этом быстро и деловито*). Я попытаюсь вам помочь. Но для этого вам все-таки придется выступить. Один раз... Через неделю у нас большой национальный праздник. Ожидается приезд гостей из Берлина. Здесь, в городе, состоится концерт. Я включу вас в программу. Подготовите со своими артистами несколько номеров. Фокусы, пантомима... Ну, в общем, что хотите... Главное — повеселее... Я хочу показать вас своему генералу. Вы должны ему понравиться. Впрочем, это не трудно. Он смешлив, как ребенок. Далее я уговорю его выписать вам пропуск к линии фронта... Для выступлений. Вам дадут грузовик с одним шофером... Понимаете? Если вы убежите во время обстрела или бомбежки, мне уже будет безразлично. Я к тому времени буду далеко. Все! Вопросы есть?

К о н ф е р а н с ь е. Девочку можете отпустить?

О т т о. Для вас это важно?

К о н ф е р а н с ь е. Очень.

О т т о. Хорошо. Девочку отпустят сегодня же.

К о н ф е р а н с ь е. Можно и завтра. Я бы хотел попрощаться...

О т т о (*с усмешкой*). О, да вы сентиментальны... Ладно. Девочку отпустят. Незачем ей присутствовать на репетициях. Пусть уж остается вашей поклонницей до конца. Видите, я даже забочусь о вашей репутации...

К о н ф е р а н с ь е. Спасибо. Вы очень добры...

О т т о. Останутся актеры!.. Ну, кроме вашего танцора... Он — цыган. А цыгане у нас, как вам известно, подлежат... изоляции.

К о н ф е р а н с ь е (*вскочив*). Ваня? Да вы что!.. Он — русский. Это он так... покрасился для номера.

О т т о. Поздно, коллега... Уже поздно! Его увели. Я же вам объяснял: на фронте некоторые номера не проходят!.. (*Застегнул мундир, надел фуражку и теперь выглядит как обыкновенный офицер германской армии.*) За работу, коллега! Не тратьте время на эмоции. За работу!

Конферансье тяжело поднимается на эстраду. Звучит музыка. Где-то вдалеке, словно в его сознании, с танцем проходит Т а н ц о р.
Конферансье молча провожает его взглядом, потом, повернувшись к залу, начинает говорить по-немецки, мучительно произнося слова.

К о н ф е р а н с ь е. ...Гутен абенд, майне либен хери. Их бин конферансье... Майне наме ист Буркини... Николай Буркини...

Свет на эстраде гаснет.

Высвечивается правая сторона сцены. Сейчас это — гримуборные клуба, в котором проходит концерт. Ф о к у с н и к перед зеркалом надевает костюм индийского факира, готовясь к своему номеру. Рядом с ним клетка с голубями. Здесь же О т т о в клоуновском наряде, нервно расхаживает по комнате, прислушиваясь к звукам, доносящимся со сцены. Оттуда слышны обрывки куплетов, исполняемых по-немецки. Пение сопровождается шумом зала, выкриками, свистом.

О т т о. Плохо, господа! Очень плохо!.. Так куплеты не поют. Так поют реквием... О боже, и слова путают... Это нарочно? (Фокуснику.) Я вас спрашиваю! Нарочно?!

Ф о к у с н и к. Трудно им, господин клоун. Аудитория чужая...

О т т о (зло). Профессионализм, коллега, в том и состоит, чтобы любую аудиторию делать своей...

Из зала неожиданно доносятся громкий смех и аплодисменты.

Ф о к у с н и к. Ну вот... Аплодируют...

О т т о (удовлетворенно). Значит, когда хотят, могут.

Вновь слышен взрыв смеха.

Браво! Молодцы! Я же говорил: наша публика настроена на веселье, надо лишь нащупать контакт.

Оглушительный свист. В гримуборную вбегают К о н ф е р а н с ь е, Л ю т и к о в и П о л и в а н о в. На них несуразные костюмы — полосатые сюртуки, короткие панталоны, канотье. Лютиков размазывает по лицу красноватую жидкость.

Что случилось? (Лютикову.) Вы ранены?

Л ю т и к о в (утираясь). Помидоры, господин Отто... Кидаются помидорами...

О т т о (с усмешкой). А я-то гадал, откуда такой успех? (Снял с плеча Лютикова расквашенный помидор.) Скажите спасибо, что вас не пристрелили на первом же куплете... В чем дело, господин Буркини? Мне были обещаны веселые номера!

К о н ф е р а н с ь е. Стараемся как можем...

Отто. Плохо стараетесь!.. Запомните, господа, если представление и дальше пойдет в таком же духе, я прерву концерт. И объявлю со сцены, что русские артисты занимаются саботажем. Вы понимаете, чем это грозит?!

Конферансье (*устало*). Шли б вы на сцену, господин клоун... Не надо тянуть паузу.

Отто. Так и объявлю — саботаж!!! (*Неожиданно улыбнулся.*) Соберитесь, господа, соберитесь... Халтура — не самое сильное оружие в борьбе с германской армией... (*Фокуснику.*) Ваш выход, господин фокусник.

Фокусник поднял клетку с голубями, нерешительно направился к выходу.

Конферансье. С богом, Витя... (*Дружески похлопал Фокусника по плечу.*)

Из рукава Фокусника выпала карта.

Отто (*зло*). Не роняйте реквизит И не дрожите так! Вы — индийский факир! Вы — ариец, черт бы вас побрал!! О мой бог, зачем я с вами связался?! (*Поднимает высоко в руке помидор, меняется в лице и визгливо кричит, как бы входя в образ клоуна.*) О-ля-ля! Майн либен томатен! Майн либен томатен!

Уходит в сопровождении Фокусника.

Пауза.

Конферансье (*отряхивая одежду*). Сволочи! Людям жрать нечего, а они помидоры портят...

Лютиков (*сорвал с головы шляпу, швырнул ее в угол*). Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу их, ненавижу себя, ненавижу эстраду!!! Это — худшая из пыток... (*Поднял глаза к небу.*) Господи, ну почему ты не послал меня в лагерь? Я ведь так немного просил: лагерь... Обыкновенный лагерь...

Конферансье (*тихо*). Кончай истерику, Володя. Может, и будет еще лагерь, не торопись... Самое обидное, что немец по-своему прав. Пели мы действительно скверно. Танцевали и того хуже... (*Поливанову.*) Денис Андреевич, это я и вам говорю... Как медведь, ей-богу... Топ-топ! За вами все-таки академический театр, голуба моя! Надо держать марку!

Поливанов (*мрачно*). В академическом театре кордебалет не предусмотрен. И вообще. Все! Баста! Я на сцену больше не выйду. Стар я уже ножками-то дрыгать... О душе подумать пора.

Конферансье. Ну, успокойтесь, Денис Андрее-

вич... Ну хорошо... Танцев больше не будет. Стихи прочтете, и все...

Поливанов. Никаких стихов. *(Отшвырнул книгу)*. Недостойны! Я ихнего Гёте читать отказываюсь...

Конферансье. Ну почему «ихнего»?.. Он не только «ихний»... *(Открыл книгу, читает.)*

Ночные страхи мчались с нами,
Но был я весел, бодр мой конь.
В моей душе какое пламя!
В моей душе какой огонь!

Это и по-русски звучит... Нет, Денис Андреевич, вам проще... За вами — классика. А нам с Володей в интермедии кривляться...

Лютиков *(жалобно)*. Коля... Милый... Извини... Я интермедию играть не смогу...

Конферансье *(устало)*. Ты-то хоть меня не мучай! Есть приказ исполнить сценку про поезд...

Лютиков. Какой поезд? Какой, к черту, поезд в таких условиях?

Конферансье. Скорый поезд. В котором ты с полки упал... Это всем понятно. Будет смешно.

Лютиков. Не будет смешно. Будет пошло и унизительно!

Конферансье. Что ты предлагаешь?

Лютиков. Не знаю... Умереть хочу. Понимаешь? Молча умереть. Мол-ча!!

Конферансье. Не дадут они молча, Володя. У нас — разговорный жанр...

Лютиков. Прекрати острить, черт бы тебя побрал!!

Конферансье. Не ори! Почему я должен не острить? Это — моя профессия... И твоя, между прочим, тоже... *(Тихо.)* Послушайте, братцы, ну скажу честно: была у меня надежда. Думал, разбомбят наши этот концерт к чертовой матери. Не каждый раз в одном театре столько генералов собирается... Но, видно, не получилось... А теперь что поделаешь?.. Концерт все равно будет продолжаться. На сцену они нас вытолкнут... Насильно, но вытолкнут... А уж что это будет за зрелище, зависит только от нас с вами. Может быть — жалкое, а может быть — высший класс! Они должны почувствовать — выступают столичные актеры. И не шкуру свою спасают, а достоинство... Чтоб им, гадам, не по себе стало. Понимаете?! Хотите, господа, Гёте? Пожалуйста! Прозвучит Гёте! Но так прозвучит...

чит, что станет ясно: не ваш это поэт, а наш... С нами он сегодня! Великий наш русский поэт Иоганн Вольфганг Гёте!.. И не веселить вас нам хочется, а самим повеселиться... Душа у нас, у русских, веселая... И туда вам не пролезть. Полстраны захватили, а в душу не пустим! Шиш! Душа — территория неоккупируемая... Вот так, господа офицеры, ядри вашу мать!!!

Л ю т и к о в. Тогда уж «муттер»...

К о н ф е р а н с њ е (*сбившись*). Что?

Л ю т и к о в. «Муттер», говорю, «ядрить» надо... Так смешней.

К о н ф е р а н с њ е. Да... Конечно... «Муттер»... Ты все-таки настоящим автор, Володя, всегда точное слово найдешь...

П о л и в а н о в. Неужели скажете? Не побоитесь?

К о н ф е р а н с њ е (*нерешительно*). Не знаю, Денис Андреевич... Не знаю... Это уж как пойдет... По вдохновению. Как говорится, зритель подскажет... А сейчас давайте репетировать, братцы. Где он, текст-то... (*Достаёт шпиргалку, пытается репетировать, заглядывая в бумажку.*) Майне либен хери!.. Гештатен зи мир, зи бекант цу махен... Мит майне фрунд... Владимир Лютиков... Дас ист зер интеллигентшише унд менш... Ком цу мир, Владимир Борисович... (*Лютикову.*) Ну, иди... Я же говорю: «Ком цу мир...»

Лютиков идет ему навстречу, опустив голову.

Ну что с тобой, Володя?

Л ю т и к о в. ...Упал... дас штюрц махен...

К о н ф е р а н с њ е. Ну, а слезы-то зачем?

Л ю т и к о в (*плача*). Это я так... В образе... Упал с полки. Мне больно... Я плачу...

К о н ф е р а н с њ е (*обнял его*). Ну, перестань, Володя... А то я тоже зареву. Это уж МХАТ получится... Ну...

П о л и в а н о в (*шмыгая носом*). Комики называется... Не травите душу! А я тоже хорош. Сотни раз в «Любови Яровой» от конвоиров уходил, а здесь сижу как пень... (*Решительно.*) Ну ничего, сукины дети!.. Они у меня получают Гёте... Они у меня хлебнут искусства! (*С яростью начал декламировать.*)

Ночные страхи мчались с нами,
Но был я весел, бодр мой конь!!!

Открылась дверь. В комнате появилась В е р а. На ней красивое платье. Вера сопровождает подвыпивший немецкий О ф и ц е р. Вера, кокетничая, отбивается от его ухаживаний.

В е р а (*офицеру*). Ну хорошо... Ну ладно... Ну, без рук... Привел, и спасибо... Ну, подожди меня в зале!.. Я скоро приду... Ну... (*Смеется.*) Ну, потерпи, дурачок!..

Офицер целует Веру, подмигивает актерам.
Пауза.

Добрый вечер! (*Молчание.*) Добрый вечер, Николай Сергеевич.

К о н ф е р а н с ь е. Добрый вечер, фрау.

В е р а. Вы что, не узнали? Это я — Вера.

К о н ф е р а н с ь е. Извините, не узнал. И зачем пришли, сударыня, ежели не секрет?

В е р а. На концерт...

К о н ф е р а н с ь е. Полюбили, стало быть, эстраду? Спасибо. (*Подошел к ней, смотрит прямо в глаза.*) Я думал — вы добрая девочка, а вы, оказывается, существо злобное! Пришли посмотреть, как артисты мучаются? Ну, смотрите, веселитесь...

Немец, смеясь, уходит.

В е р а. Зачем вы так, Николай Сергеевич? Я ведь знаю, почему вы согласились.

К о н ф е р а н с ь е. Дурак, потому и согласился! Я тебя для чего посылал — предупредить! Я думал, ты там давно... за линией фронта. У наших... А ты — здесь... разгуливаешь.

В е р а. Я и здесь у наших... (*Тихо.*) Честное слово, Николай Сергеевич... Здесь, в городе, тоже наши люди есть. Они меня к вам и прислали...

К о н ф е р а н с ь е. Зачем?

В е р а. Предупредить... Они сказали: пусть наши артисты в семь часов со сцены уйдут... (*Шепотом.*) Там они штуку одну в зал подложили... Понимаете? С часами... Ровно в семь — рванет!

Пауза.

К о н ф е р а н с ь е. А сейчас сколько?

П о л и в а н о в (*глянул на часы*). Еще полчаса.

К о н ф е р а н с ь е (*решительно*). Так!.. Ну что ж... Надо дотянуть... (*Поливанову.*) Денис Андреевич, стихи читать будете медленно...

П о л и в а н о в. Уж будьте покойны... Такие паузы закачу — Качалов позавидует...

К о н ф е р а н с ь е. Не переборщите, не переборщите... А потом уж мы с Володей наиграемся... *(Радостно.)* Ну что, братцы! Это другое дело... Я же говорил — зритель подскажет... Ну Верка! Ну «буркинистка»... Ты у нас актрисой будешь. *(Лютикову.)* Как с немцем-то эту сыграла? А?! А улыбка? «Мона Лиза», честное слово...

Со стороны зала неожиданно доносится выстрел. Смех. Аплодисменты.
Быстро входят Отто и Фокусник.

Отто. Очень хорошо... Браво!

Фокусник *(в отчаянии)*. Да что ж это... товарищи?.. Как же можно... Стрелять в голубя... Это же — партнеры!

Отто. Не отчаивайтесь, коллега... Зато эффектно... Голубь взлетел, потом упал... Обоюдная ловкость рук... Я видел, генералу понравилось... *(Обращаясь ко всем.)* Итак, господа, заканчиваем... Сейчас спюют мои девочки, потом — финал...

П о л и в а н о в. А Гёте?.. Господин хороший, я же учил...

Отто *(сухо)*. Не надо Гёте. Фокусник оставил хорошее впечатление, не будем портить. Достаточно!

К о н ф е р а н с ь е. А наша интермедия? Про поезд... Господин клоун, вам она нравилась...

Отто. Идиотская интермедия! Плоско и неостроумно...

Л ю т и к о в. Ну уж позвольте... Вы меня как автора обижаете... Мы ее столько раз играли, в любой аудитории — на «ура»!..

Отто *(резко)*. Не надо «ура»... Здесь не место для «ура»! *(Оглядывая всех.)* Что случилось, господа? Откуда такое рвение? То вас не вытолкнешь на сцену, то не удержишь... *(Заметил Веру.)* Кто эта девушка?

К о н ф е р а н с ь е. Наша поклонница, господин клоун... Я вам рассказывал... Вот, пришла посмотреть...

Отто. Поздно смотреть... Концерт заканчивается...

Со сцены слышны аплодисменты.

К о н ф е р а н с ь е *(решительно)*. Тогда уж разрешите мне...

Отто. Не понял?

К о н ф е р а н с ь е. Я говорю: позвольте уж мне закончить концерт, коллега. У меня как раз есть финальный монолог...

Отто. В другой раз! *(Направляется к сцене.)*

Поливанов преграждает ему дорогу.

Поливанов. Нехорошо, голуба. Некорректно... Артист готовился, надо дать выступить...

Отто. Прочь с дороги!

Поливанов (*кладет ему руку на плечо*). Не надо кричать, голуба! Сядьте! А то у меня рука тяжелая, не удержишь...

Отто (*растерянно*). Что вы делаете, господа? Я вызову охрану...

Конферансье. Не стоит шуметь, коллега. За кулисами должно быть тихо... Концерт продолжается...

Направляется к выходу.

Лютиков. Я с тобой, Коля.

Конферансье. Нет, Володя. Лучше монолог. Финальный монолог...

Лютиков. О чем ты говорить будешь?

Конферансье. Еще не знаю... Сколько просил, между прочим: напиши... Напиши монолог! Напиши! А ты — все тянул. Ну ничего... Сымпровизируем... (*Оглядывается.*) Предмет какой-нибудь бы для начала...

Вера. Держите, Николай Сергеевич! (*Кидает ему мячик.*)

Конферансье. Ну вот... Молодец, Вера... Об этом и поговорим. Помнишь? Для чего зритель приходит на эстраду? Участвовать...

Ударяя мячиком об пол, поднимается на эстраду. Теперь он один в луче света. Зал встретил его шумом и улюлюканьем. Конферансье, улыбаясь, продолжает игру с мячом, прислушиваясь к тиканью часов, которое будет теперь сопровождать весь его монолог.

Минуточку, господа, минуточку!! Концерт не кончился... Я говорю: концерт ни х т цу енде... Не надо вставать с мест. Господин переводчик, переведите господину генералу... Пожалуйста! Я сейчас монолог буду читать... Очень смешной! Зерлустиге монолог... Обхохочетесь!.. (*В зал.*) Сядьте, господин офицер... И вы там, в дверях который... Немен зи платце... Битте! (*Кто-то запустил в него помидором — Конферансье вздрогнул, вытирает с лица красную жидкость.*) Ну вот, опять... Опять вы дер томатом мне в дер рожу. Ну зачем, господа? Не ваш помидор, не вы сеяли... А кинуть каждый дурак может... Нет, нет... это я так... к слову... (*Испуганно.*) Я вам говорю, господин офицер... Я не голубь. Не улечу. Успеете

пальнуть... Я вам как раз сам предложить хотел игру... У нас традиция — играть со зрителем... Вам понравится. Правило, стало быть, такое... Я обязуюсь вас сейчас рассмешить... Всех! А если нет, вы меня пристрелите... Тут же. На сцене... Поняли? Либо я вас — «ха-ха», либо вы меня — «пuff-пuff»! Ну, слава богу, заулыбались... Поняли, да? Понравилось? Ну конечно... Я ж ваш вкус знаю... Молодцы! Люблю, когда зритель активный... Так что усаживайтесь... Успокаивайтесь... И вы, герр фельдфебель, садитесь поближе... И товарищей позовите... Им тоже будет полезно!.. Сейчас... Сейчас начну... (*Играет мячиком.*) Кстати, сколько сейчас времени, никто не скажет?.. Без десяти семь? Хорошо... А вы, извинюсь, кто будете?.. По-русски так хорошо изъясняетесь... Ах, вы местный бургомистр? Ну что ж... Очень приятно, что и вы здесь... Очень кстати. Вы тогда, господин, помогайте своим гостям... Нюансы поясняйте... А то ведь русский юмор, он особый... Без пол-литра, как говорится, не разберешь, где смех, где слезы... Итак, господа, я — конферансье. Их бин конферансье. Майне наме — Буркини. Майне хаймат... Родина моя... Деревня Бурки Смоленской губернии... Веселая такая деревня... Чего-там генерал засмеялся? Чего?.. Переведите, бургомистр. Говорит: сожгли ее?.. Да... Ну что ж... Это смешно. Остроумная реплика... Только тут неувязочка у них. Нельзя ее сжечь. Не получается... Потому что я ее выдумал. А выдуманные деревни не горят!! Так что стоит моя деревня и людей веселит... Время, правда, сейчас не очень... Тяжелое время! Но ведь кому-то надо быть веселым и в тяжелые времена, иначе время становится невыносимым...

Тиканье часов усиливается.

Вот оно как тянется, проклятое. Тик-так... Тик-так... Жизнь прожил, а и не замечал, какие они длинные... минуты эти... Все спешил... шутил... Как говорится, минутки не прожить без шутки!.. (*Пританцовывает.*) Вот и пропрыгал... Но не жалею! Врачи говорят: смех полезен. Минуты смеха жизнь продлевают... Или наоборот... Это уж как бог распорядится... (*Танцует.*) Ну, сколько там натикало, бургомистр?.. Уже семь?! Пора бы посмеяться-то... Чего затихли, господа? Я не люблю тишины в зале... Мы еще не на кладбище... Смейтесь же! Ну? Черт вас подери!!! Ну, кто-нибудь!!! (*В отчаянье кричит.*) ГОСПОДИ, БОЖЕ МОЙ! ВЕСЕЛЫЙ МОЙ БОЖЕ!! ЕСЛИ ТЫ И ВПРАВДУ ТАМ, НА НЕБЕ,— САМ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ХОТЬ ТЫ-ТО УЛЫБНИСЬ... ВЕДЬ ТАК СТАРАЛСЯ... ЛОВИ!!!

Кидает мячик вверх. Оглушительный взрыв.
Темнота.

Потом начинает звучать музыка. Свет разгорается. Сцена пуста. Только мячик одиноко прыгает на эстраде.
Из глубины эстрады появляется мальчик во фраке и в галстук-бабочке.
Это — К о л я ш а.

К о л я ш а (*поймав мяч*). Итак, наш концерт продолжается... Вас приветствует Николай Буркини, потомственный конферансье... Мне поручено представить вам всех участников сегодняшнего концерта... Называется это — парад-алле. Или — алле-парад... Потому что этим можно заканчивать, а можно начинать все снова... Итак, приготовились. (*Взмахнул рукой.*) Свет! Музыка! Встречайте артистов!!

Грянул веселый марш. Эстраду залил мигающий свет. Из глубины сцены прямо на зрителей пошли а к т е р ы. Они были в ярких театральных костюмах. Они приветствовали зрителей, пели, жонглировали, танцевали, представляя различные жанры эстрады. Их становилось все больше и больше... Вся сцена должна заполниться поющими и танцующими актерами, и тогда в этом красочном параде артистов возникают афиши, плакаты, голоса и лица тех, других, которые не вернулись и которым посвящается эта пьеса...

КОМИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФАНТАЗИЯМ ГОРИНА

Подумай, прежде чем подумать!

Ежи Лец

С драматургом Григорием Гориним связаны у меня ощущения, по своей наивности и первозданности восходящие разве что к самым первым юношеским потрясениям. Когда я увидел на заборе афишу его первой пьесы «Забыть Герострата!», я был сражен и подумал только: «Надо же, пьеса! Настоящая! И кто сочинил? Григорий!..»

Возникший «поток сознания» по своей культуре чувств, глубине и литературной ценности был именно таким. Никак не глубже. Мой сверстник (ну, честно говоря, он меня моложе на несколько лет, но, в принципе, мы — одно поколение), юморист обернулся писателем!..

Наверное, мои первозданные, если не сказать — примитивные, эмоции пока что никак не могут послужить основой для солидного послесловия, но коль скоро издательство «Советский писатель» посчитало возможным воспользоваться моими услугами, я постараюсь по мере сил углубить свои нехитрые мысли, чтобы не разочаровывать хотя бы издательство, потому что Горина я разочаровал только наполовину, поставив из шести его пьес три, — одну в театре, две — в кино.

Теперь, когда я, как и всякий уважающий себя режиссер, рассказал много интересного о себе самом на страницах чужой книги, позволю высказать несколько слов об ее авторе.

Хочется нам того или нет, но Горин — явление. Притом не случайное, не какой-нибудь там метеорит, промелькнувший однажды и вдруг на небосклоне современной драматургии. Горина надо осмыслить как нашу закономерность. Она (наша закономерность), кажется мне, впи-

тала в себя веселость целого, не очень складного и не слишком удачливого поколения. «Мы — дети поддорог, нам имя — полдорожье», — скажет потом наш сверстник поэт Андрей Вознесенский. В комическом послесловии должна быть своя печальная нота.

В конце пятидесятых в мировую цивилизацию, в том числе во многие московские вузы, ворвалась масса плохо одетых молодых людей с горящими и голодными глазами, чтобы дерзать, где можно и где нельзя, зубоскалить и «хохмить» (не лучшее слово, не слишком его почитаю, но ведь памятник эпохи!). Самые веселые и зубастые не ограничились узким кругом, а начали безумствовать на виду у целой страны, в первых потешных КВНах, живьем транслируемых в околоземное пространство. Вот откуда-то оттуда, из этого бурлящего водоворота доморощенных шуток и эстрадно-сатирических радиореприз взял и вынырнул однажды врач-терапевт Григорий Горин, поработавший несколько лет на московской «скорой помощи».

Хочется написать еще, что истинный русский классик должен до литературной деятельности обязательно поработать в медицине, но этого уже могут не напечатать.

Гр. Горин подарил современному театру плеяду прекрасных комедий, органично и своеобразно продолжив в своем субъективном представлении традиции М. Булгакова и Евг. Шварца. Может быть, стоит еще помянуть в качестве горинского предтечи Ник. Эрзмана. И далее двинуться смело в глубь веков, выискивая других забавных и мудрых единомышленников. Уйти, мне думается, можно очень далеко и остановиться лишь в нерешительности перед Уильямом Шекспиром: тоже был настолько уверенным в себе драматургом, что сюжетам и фамилиям героев серьезного значения не придавал — пользовался готовыми мифами, пускал в строительство своего театра отдельные сюжетные блоки, сооруженные его предшественниками. Наш знаменитый французский современник Жан Ануй, не в обиду ему будет сказано, вслед за Шекспиром широко использовал подобную технологию в создании собственного театра. Может быть, и Горин имеет полное право работать так, как ему хочется?..

Драматурги имеют свои амплуа. Есть жанристы многих разновидностей и сортов, но есть и философы. Последние оперируют реальными историческими и литературными объектами, причудливо сопоставляя и исследуя уже знакомые нам вселенские категории. Они намереваются высечь из привычных объектов мироздания новую истину. Не будем им мешать. Философ всегда рассматривает себя в общем потоке исторических взаимосвязей. Он — звено в бесконечной цепи Познания, и все, что было создано до него, по праву принадлежит ему, как сыну Земли. В этом смысле он не создает новые звезды и планетарные системы —

ему хватает уже созданных. Для него Дон Кихот, Гайавата или Петр Степанович Верховенский такие же реальности, как составные величины формулы Эйнштейна, где скорость света может причудливо гармонизировать с печалью Странствующего Рыцаря.

В «Том самом Мюнхгаузене» Горин вплотную приблизился к поразительному единению космогонических величин с игрой загадочного и безмерного человеческого подсознания. Здесь выдумка соседствует с прозрением. Здесь фантазия комедиографа обнаруживает тонкое понимание современной комедии — жанра редкостного и неизвестно существующего ли вообще.

Однако вне зависимости от существования комедии как жанра Горин обладает весьма своеобразным комедийным мышлением, оно умело проецируется им на глубинные пласты человеческой психики, одновременно задавая широкий социальный фон. Как искусный иглоукальыватель, драматург обращает внимание не только на общеизвестные болевые точки, но и находит собственные, запрятанные глубоко от посторонних глаз, имеющие разветвленную систему коммуникаций с иными и подчас далекими пространствами вечных мировых проблем. От его шуток всегда идут круги во все стороны нашей жизни. Выдуманные им характеры задают нас сначала слегка, чуть-чуть, а потом все глубже и серьезнее. И все-таки не это для меня главное... Его словесная вязь имеет склонность к звуковой вибрации.

Комические фантазии Горина изначально расписаны по пяти линейкам нотной тетради, где одна четвертушка смешнее другой. Драматург абсолютно музыкален, а это и есть для меня главное свойство драматургического Таланта. Все горинские реплики и ремарки, распаваясь на семь музыкальных нот, образуют бравурную ироническую симфонию.

Ирония — наш дефицит. Ее недостает нам в познании наших удач и просчетов. Когда приходит время надежд и обновлений, мы инстинктивно тянемся к юмористическому осмыслению событий в мире и собственном сознании, ибо чувство юмора есть признак ума с конструктивным профилем. Комический строй мышления наполняет мир светом радости и оптимизма. В его живительных лучах страшные явления в мире становятся жалкими, отвратительные качества в человеке — просто смешными. Юмор — великое защитное свойство каждого организма в отдельности и всего общества в целом. Когда человек смеется — он уже создает. Человеческий смех — дорога к самым серьезным и святым человеческим порывам.

Горин сумел доказать недоказуемое: веселые придумки враля Мюнхгаузена оказались серьезными сочинениями, а сам хвастливый барон обернулся на наших глазах вдохновенным художником. Автор остроумно доказал и другое: Мюнхгаузен, этот великий генератор сумасшедших

идей, есть творческая личность, работающая в экстремальных условиях. С этого момента начались не только его новые веселые приключения, но и естественные его новые злключения. Оказалось, что Мюнхгаузен — тонкий и даже ранимый художник. Он вдохновенно создавал свои уморительные фантазмагории, развлекая людей, но люди не всегда платили ему благодарностью. Увы, чем выше художник поднимается над своей аудиторией, тем больше проблем возникает у него с людьми, расположившимися в этой самой аудитории и за ее пределами.

Все это я написал только для того, чтобы добиться, наконец, некоторой солидности в изложении материала. На самом деле я, конечно, думаю по-другому, потому что мне, театральному профессионалу, милее не философия, а аншлаг. И сладостный вопль «Нет ли лишнего билетика?» мне дороже всех философий мира.

В начале семидесятых Горин, развив «вторую космическую скорость», вывел один многострадальный московский театр на высокую театральную орбиту. Истинный драматург печатается в последствии. Сначала он строит свой театр. Вот почему я советую молодым драматургам не впадать в ажиотацию по случаю опубликования их пьесы на страницах какого-либо печатного издания. Много полезнее увидеть незавершенное и даже незалитованное творение в неврастенических репетиционных муках. Пospорить до хрипоты с актерами. Умилиться и вознегодовать, слазить на колосники, пригрозить отставкой и посоветовать моптировщикам, как правильно забивать гвозди в только что выкрашенные декорации.

Всё это проделывал Горин, когда в Московском театре им. Ленинского комсомола начались репетиции пьесы «Тиль». Впрочем, и пьесы как таковой еще не было. Была идея, и был непрерывный живой творческий процесс. Отдельные сцены, едва возникнув на бумаге, тут же перекочевывали на сцену, персонажи мгновенно обретали живую актерскую плоть.

Горин — Человек Театра. Он знает его во всем его загадочном многообразии и, что сегодня крайне важно, его драматургическое мышление неотделимо от режиссерского (!). Он мыслит не только как драматург, но и изначально как режиссер. Современный театр имеет тенденцию к размыванию границ между этими двумя профессиями. На этом тезисе я настаиваю, как свидетель.

Горин выстраивает свою работу в театре не на сюжетных сочленениях и забавных репликах — он созидает на прочном идейном основании в сочетании с крайне зыбкими, эфемерными, чисто эстетическими ощущениями, но последние подчас имеют на театре большую ценность, нежели смелые и пространные монологи центральных персонажей. Если

мои суждения о музыкальности горинской драматургии покажутся кому-либо досужим или крайне субъективным домыслом — сосредоточу свой крайний субъективизм на иных ощущениях.

Сегодня важно, чтобы кроме словесных построений драматургическая вязь обладала бы эстетической и стилиевой особенностями, чтобы слова и ремарки имели бы цвет, запах, влажность, пульсацию и непреходящую принадлежность к художественному направлению. Горин с одними только философскими выкладками, но без стилистических ощущений и режиссерской интуиции пьесы написать не может. Но если уж он что-то вдруг напишет, то написанное им не может быть не поставлено на сцене. Конечно, сложности с постановкой могут быть у любого драматурга, но Горин, как бы он ни старался, не сумеет сделать пьесы, не нужной живому театру. Меньше всего я хочу его сейчас посорить с коллегами, которые пишут «непоставленные» пьесы в щедром изобилии и сетуют на отсутствие «длинной руки» или козни зазнавшихся и оторвавшихся от жизни главных режиссеров.

Кроме «Тилья» на нашей сцене я так ничего и не поставил... Но зато был «Тиль»!.. «Тиль» — это новый театр, родившийся в 1974 году в Москве на улице Чехова!

Сын угольщика Клааса, выбросившийся со страниц Шарля де Костера на сценические подмостки Ленкома, сразу же повел себя вызывающе, и не просто как потешный шут, но, прежде всего, как воин. «Гиль-74» спрессовал Иронию с Дерзанием, в нем материализовалась мечта об истинном герое целого поколения, человеке острого интеллекта и редкостной социальной отваги. Тиль Уленшпигель пробил брешь в зрительском скепсисе, царившем на улице Чехова, и, восстановив связь времен, открыл дорогу новым сценическим героям... Театральные пути неисповедимы. Герой фламандского средневековья подставил свою исполосованную спину, чтобы по ней вскарабкались ввысь герои нашей современности!..

Я не раз наблюдал Горина в тесном производственном единении. Великий английский сатирик Джонатан Свифт организовал нам кульминацию в наших совместных муках по созданию очередного телевизионного творения, и я воочию наблюдал, как любимый драматург «работает с мастерком», как он ловко подбрасывает свои «кирпичики», вытягивает ввысь ажурно-замысловатую кладку и тут же, как Аттила, разрушает ее до самого пулевого цикла, чтобы снова начать, по моему ощущению, довольно нудный и бесконечный до ужаса акт созидания.

«Дом, который построил Горин» создавался... Нет, лучше — с к о

лачи в а л с я на моих глазах. Дом рос на моих глазах. Сначала, как пьеса, потом (по моей просьбе) как сценарий телевизионного фильма, но после каждого выстроенного телевизионного эпизода автор, втайне от меня, вновь перестраивал его в театральное действо. Мне хотелось иметь веселый сценарий, драматургу Горину — серьезную пьесу. Конечно, правда на моей стороне, но и драматурга можно понять. Киносценарий у нас прекращает свое существование сразу после его записи, пьеса, напротив, только с этого мгновения и начинает свою жизнь. Сценарий «Дом, который построил Свифт» канул в небытие, пьеса «Дом, который построил Свифт» родилась в подлунном мире, дразня наше режиссерское воображение.

Я пишу эти строчки с единственной целью — помочь взыскательному читателю оценить идейные и художественные достоинства драматурга Горина и заодно зарекомендовать себя серьезным человеком в глазах читателя. Достоинства нашего читателя неоспоримы, с Гориним сложнее. Хотя о положительных сторонах его творчества я догадываюсь давно, и вместе с тем я до сих пор не могу решить для себя — что же главное в его комических фантазиях? Впрочем, именно в этом я и усматриваю ныне сильную сторону его дарования.

Каждый день я по-разному формулирую то, что вышло из-под его горинского пера. В зависимости от самочувствия, настроения, от того, как прошел день, и какие мысли посетили меня, и какие снова не посетили. Оказывается, это и есть самое радостное в нашем искусстве: творение художника дышит.

Серьезный драматургический акт, как правило, перерастает одномерность своего сюжетного построения, обретая полифоническую сложность и даже противоречивость. Серьезное явление в искусстве задевает сразу несколько болевых точек, воздействует на нас по многим параметрам и, кроме того, порождает еще нечто неуловимое, эфемерное, зыбкое, о чем я уже пытался высказаться косноязычно, но с редкой убежденностью. (Это, кстати, основное режиссерское качество.) Все время хочется перебраться в таинственный микрокосмос нашего театрального сочинительства, где, на мой взгляд, все настойчивее выявляются ныне механизмы «иных уровней» и «энергополя», связанные более с формой, нежели с содержанием. Но нынешние формы и содержания так странно переплетаются, так неожиданно взаимодействуют друг с другом, что эти самые «энергополя» и оказываются в конечном счете определяющим достоинством.

Комические фантазии Горина на темы Герострата, Тиля, Мюнхгаузена, Свифта, опечаленных, сомневающихся экстрасенсов и старых клоунов, бредущих по дорогам войны, есть многообразная, на редкость правдивая и причудливо-элегантная фантазия печального философа,

умеющего обернуться коверным и шутить уморительным образом по поводу квантовой теории, закона падения тел и взлета души, а также других премудростей мироздания.

И здесь уже сам собой напрашивается единственный выстраданный мной серьезный вывод: да здравствует наш современник — советский драматург Горин вместе со всеми его комическими фантазиями!

*Марк Захаров,
Главный режиссер Московского театра
имени Ленинского комсомола*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«...ЗАБЫТЬ ГЕРОСТРАТА!»	5
ТИЛЬ	63
ТОТ САМЫЙ МЮНХГАУЗЕН...	139
ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ СВИФТ	197
ФЕНОМЕНЫ	263
ПРОЩАЙ, КОНФЕРАНСЬЕ!	313
<i>Марк Захаров. Комическое послесловие к фантазиям Горина</i>	<i>375</i>

Григорий Израильевич Горин

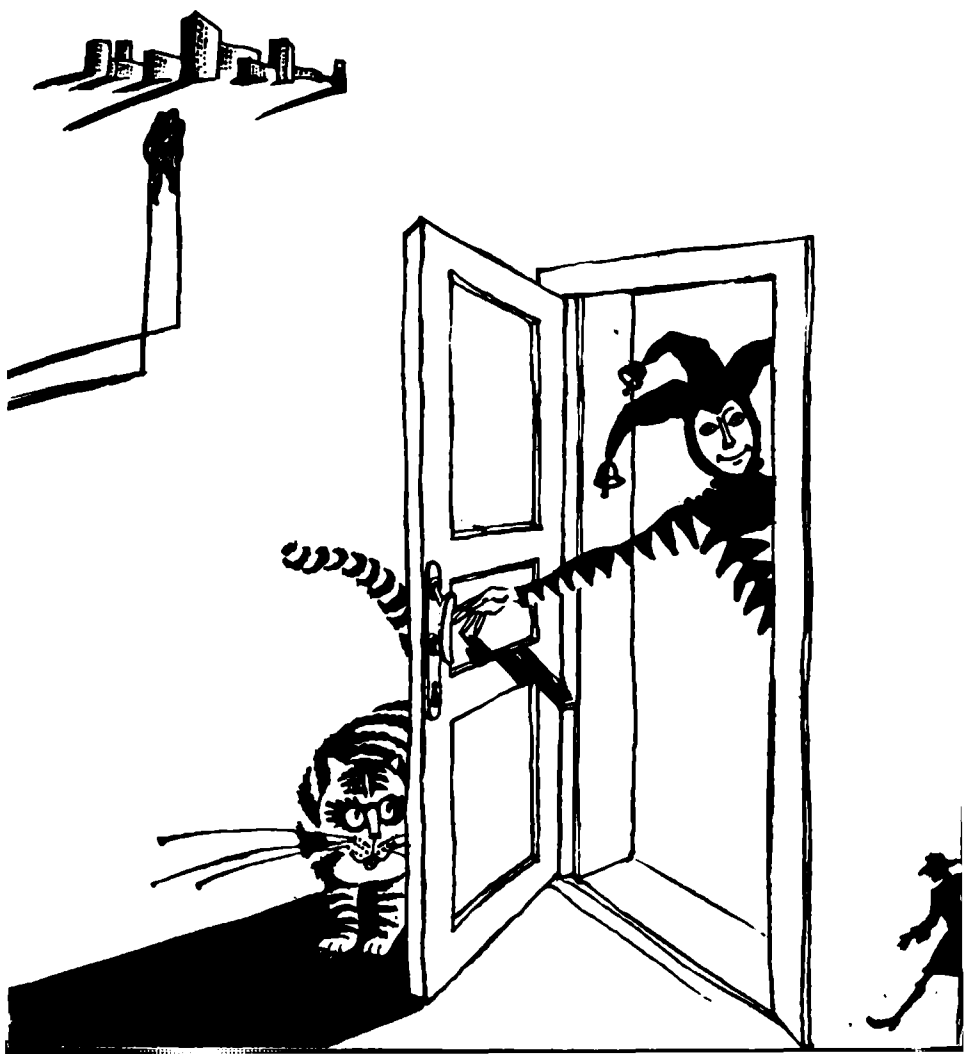
КОМИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

М., «Советский писатель», 1986, 384 стр.
План выпуска 1986 г. № 253

Редактор *В. Г. Клименко*
Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*
Техн. редактор *И. М. Микская*
Корректоры *Л. Н. Морозова* и *М. Б. Шварц*

ИБ № 5417

Сдано в набор 01.07.85. Подписано к печати 15.05.86.
А 03423. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1.
Обыкновенная гарнитура. Офсетная печать. Усл.
печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 21,66. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 489. Цена 1 р. 90 к. Ордена Дружбы наро-
дов издательство «Советский писатель», 121069,
Москва, ул. Воронского, 11. Тульская типография
Союзполиграфпрома при Государственном комите-
те СССР по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект
Ленина, 109

ГРЯДУЩИЙ
7 ФЕВ
356 г.

